

## Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви : Беседы инока- старца с мирским иереем, вызванные «Сборником о молитве Иисусовой»

От издателя

Предисловие

Вступление

Не можете Богу работать и мамоне

(ср.: Мф. 6, 24).

От сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека

(ср.: Мф. 15, 19–20).

Если внутри сердца не сотворит человек волю Божию и не сохранит заповедей Его, то он и вовне не сможет этого сделать.

Преп. Исихий Иерусалимский

Нужно иметь глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе.

Еп. Феофан

Две силы, совершенно противоположные между собою, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитве моей, всегда прогоняет силу злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрерывных стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя. Против невидимого (диавола) – Невидимый Бог, против крепкого – Крепчайший.

Прот. Иоанн (Сергиев)

Передать дело словом простым всякому по силам и удобно. Так, скажем для примера, всякому легко сказать, что хлеб приготовлен из пшеницы; но, чтобы подробно описать его приготовление, не у всякого достанет знания, и могут сделать

сие только люди опытные. Подобно сему сказать просто о бесстрастии и совершенстве не трудно и удобно, но дознать дело опытом значит то же, что самым делом и на самой истине постигнуть, как приобретается совершенство.

Преп. Макарий Великий

От издателя

Валаамская обитель издала в 1936 году «Сборник о молитве Иисусовой», желая этим «уяснить способ производства Иисусовой молитвы, показать всю ее нужду и необходимость в деле нашего служения Богу, словом – напомнить как современному монашеству, так и всем ревнующим о своем душевном спасении, древлеотеческое учение о умном делании и о борьбе со страстями».

По выходе в свет, эта книга привлекла к себе внимание и печати, и читателей. Приводим часть полученных нами отзывов, из которых можно видеть, чем именно наша книга привлекла к себе внимание и сочувствие общества.

«Достоуважаемый отец Игумен. Книгу Вами мне присланную, «Сборник о молитве Иисусовой», я получил и благодарю Вас за нее, за Вашу ревность и за молитвы, в которых всегда нуждаюсь. Изданная Вами книга отвечает насущной потребности времени и потому встречена общим сочувствием, Валаамская обитель с давних пор была ярким светочем для всего русского иночества и Ваше издание доказывает, что она, не взирая на пережитые ею потрясения, продолжает нести свою прежнюю миссию доселе». Митрополит Анастасий.

«Книга эта – прекрасная, душеспасительная и многим послужит вразумлением и утешением, – на пользу душевную. Наше современное общество мало знает и понимает в этом деле». Митрополит Евлогий.

«Выражаю Вам искреннюю благодарность за присланную мне Вашу весьма назидательную книгу – «Сборник о молитве Иисусовой». Митрополит Александр (Эстония).

«Многосторонностью своего содержания Сборник будет прекрасным руководством для ищущих духовных подвигов, весьма облегчая им изучение вопроса о молитве Иисусовой.

Благодарную службу сослужит книга и проповеднику, так как он найдет в ней много сведений, и найдет их очень легко, благодаря систематизации материала. Да вознаградится труд Ваш духовными подвигами тех, которые будут к тому подвигнуты Вашей книгой или которым Ваша книга даст новый толчек к развитию своей внутренней жизни». Архиепископ Герман (Сердоболь).

«Приношу Вам большую благодарность за Вашу хорошую книгу о молитве Иисусовой. Ваше почтенное имя будет с благодарностью воспоминаться среди художников духа». Епископ Александр (Выборг).

«Давно в печати не выходило книги, подобной Вашей, с таким чисто святоотеческим содержанием и стилем. Для меня было большим духовным удовольствием читать Вашу книгу и вдыхать благоухание горнего мира, доступное лишь при тихом и сосредоточенном, бесконечно сладостном для сердца и души, повторении в умном делании молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Да вознаградит Вас Господь сторицею за Ваше доброе дело: дать многим возможность «вниманием стоя в сердце, стать умом в сердце пред лицом Господа и взывать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и ошутить силу в Господе...». Епископ Андрей (Болгария).

«Ваша книга – очень полезный вклад в аскетическую литературу и может служить настольной книгой для лиц, посвятивших себя этому духовному деланию». Архимандрит Мелетий (Иерусалим).

«От души благодарю Вас за присланную книгу о молитве Иисусовой. Она очень хороша и полезна не только для инока, а и для всякого умного делателя о Дусе Святе». Архимандрит Варсонофий (Марокко).

Выдержки из отзывов духовных журналов:

«Валаамский монастырь недавно (в 1936 году) выпустил первым изданием новую книгу: «Сборник о молитве Иисусовой». В наше мятущееся время, в дни почти всеобщего ожидания и предощущения великой грозы, надвигающейся на весь мир, весьма многие, особенно же русские люди, ищут

путей ко входу в какую-нибудь тихую и спасительную пристань. Большинство таких благочестивых искателей находят искомое пристанище в святой Православной Церкви. Созидая свое душевное устройство, основанное на глубоко религиозных началах, эти богоискатели чрезвычайно интересуются вопросами об Иисусовой молитве, о которой все более или менее слышали, что с помощью именно этой молитвы, многие духовные старцы, подвижники духа и св. угодники Божии творили и совершали великие дела и чудеса. Поэтому, теперь нередко можно услышать и от духовных лиц, от монахов и монахинь, а также и от мирян, вопросы, как ею молиться, как к ней приступить, нужны ли при этом земные поклоны, и другие разные подобные вопросы, связанные с интересом к этой молитве. Вышеуказанная книга, как нельзя более, отвечает пробудившемуся в верующем обществе интересу и вниманию к Иисусовой молитве. Поэтому этот Сборник вышел весьма своевременно... Сборник можно порекомендовать, как лучшее пособие всем интересующимся вопросами, связанными с Иисусовой молитвой и с практическим ее применением в нашей жизни. Редакция «Святой Земли» настойчиво рекомендует этот «Сборник о молитве Иисусовой». («Святая Земля», № 1 – 1937 г. Иерусалим).

«Прекрасно внешне изданная книга, ценная и по содержанию о пользе молитвы Иисусовой. Материал собирался годами и заимствован из личного опыта подвижников, из творений св. отцов Церкви и т. п. В настоящее время эту книгу можно считать наиболее полной и наиболее содержательной в отношении тайны «умного делания» – молитвы Иисусовой». («Хлеб Небесный», № 1 – 1937 г. Харбин).

«Валаамский монастырь (В Финляндии) издал недавно книгу под двойным заглавием: «Умное делание. О молитве Иисусовой», – сборник поучений Святых Отцов и известных подвижников Православной Церкви о молитве Иисусовой и ее значении для христианина... Сборник, составленный Игуменом Харитоном, будет полезен в наше время духовного оскудения и молитвенного небрежения. Можно, поэтому, рекомендовать его не только современному монашеству и пастырям, но и всем

вообще возгревающим в своем сердце молитвенный дар, ревнующим о своем душевном спасении». («Ведомости Братства теологов». Варшава. № 3 – 1936 г).

«О молитве Иисусовой»... Прекрасно изданный Валаамским монастырем сборник поучений святых отцов и опытных делателей Иисусовой молитвы... Новый сборник обращает на себя внимание исключительным богатством святоотеческих изречений и целым рядом поучений о Иисусовой молитве. Справедливо новый сборник назван кем-то «Малое Добротолубие». Умное делание – непрестанное повторение Иисусовой молитвы – «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» – это тот тип православной мистики, в которой особенно подчеркивается важность имени Божьего, призываемого на молитве... Подвижники свидетельствуют, что сладчайшее имя Иисуса заключает в себе силу присутствия Божия. Имя Иисуса, пребывающее в сердце человека, сообщает ему силу обожения (θεώσις), которое даровано нам Икупителем. («Вера и жизнь», Рига. № 6 – 1937 г.).

«Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений святых отцов и опытных ее делателей»... Это малое «Русское Добротолубие» должно явиться настольной книгой не только каждого инока, но и каждого члена Церкви, любящего Бога, ревнующего о своем спасении и сознающего свою ответственность, прежде всего молитвенную, за судьбы Церкви и мира. Невысокая цена (40 амер. центов без пересылки) облегчает ознакомление с этой ценной книгой, вкладом обители Валаамской в русскую аскетическую письменность». («Сергиевские листки». № 102 – 1937 г. Проф. Б. И. Сове).

«Сборник». Книга имеет 298 стр., в него входит около 400 изречений св. отцов и подвижников и, кроме того, целые поучения опытных в молитвенном подвиге лиц, как то: Святителя Димитрия Ростовского, архимандрита Паисия Величковского, старца Василия и других... Приведенные в «Сборнике» поучения и изречения почитаемых Церковью св. отцов и подвижников с совершенною полнотою разъясняют и освещают древлеотеческое учение об «умном делании», и о борьбе со страстями. Каждое приведенное в «Сборнике»

изречение снабжено указанием сочинения, откуда оно заимствовано. В этом отношении «Сборник» является чрезвычайно ценным справочником к обширной русской аскетической литературе. Но, будучи таковым, «Сборник» в то же время является для всякого, ревнующего о своем душевном спасении, глубоко назидательною книгою, заключающею в себе мудрые руководственные указания и советы людей высокого христианского духа и великого опыта в молитвенном подвиге». («Утренняя Заря». № 12 – 1936 г. Сердоболь).

«Сборник о молитве Иисусовой». На первый взгляд эта книга предназначается для монахов, подвижников, лиц духовного звания. Но дело молитвы есть первое дело каждого христианина, говорит Еп. Феофан, мысли и слова которого неоднократно приводит составитель сборника. Молитва – дыхание духа. Есть дыхание в теле – живет тело; прекратится дыхание – прекратится жизнь. Так и в духе. Есть молитва – живет дух; нет молитвы – нет жизни в духе. А когда нет духовной жизни, человек живет только телесно-душевной жизнью. Гармония, полнота жизни нарушается, томится человек, и не понимает, что лишь в общении со своим Первообразом может он найти нарушенную гармонию, найти удовлетворение своим томлениям. Коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит он вне своей цели, вне своего высокого назначения. Но дело молитвы – есть целая наука, есть искусство из искусств, как говорят об этом святые отцы... Что есть молитва, в чем сущность молитвы, каковы степени ее, как приобрести навык к молитве, какие условия необходимы для стяжания истинного духа молитвенного, каковы плоды молитвы – на все эти вопросы и дает ответы «Сборник о молитве Иисусовой» словами и изречениями мудрых отцов, художников духа. Для современного читателя это особенно ценно, так как сейчас лишь в монастырских библиотеках сохранились такие книги, как Добротолюбие, сочинения Еп. Феофана Затворника, Еп. Игнатия Брянчанинова и других учителей и делателей молитвы Иисусовой. Поэтому Сборник Игумена Харитона должен стать настольной книгой, тем руководством, которое должен иметь

каждый, стремящийся жить соответственно тому высокому назначению, к которому призван человек». («Журнал Содружества». № 2 – 1937 г. Выборг).

Из вышеприведенных отзывов видно, что «Сборник о молитве Иисусовой» «как нельзя более отвечает пробудившемуся в верующем обществе интересу и вниманию к Иисусовой молитве, и что Сборник вышел весьма своевременно», что «в настоящее время эту книгу можно считать наиболее полной и наиболее содержательной в отношении тайны «умного делания молитвы Иисусовой» и что «это малое Русское Добротолубие должно явиться настольной книгой не только каждого инока, но и каждого члена Церкви».

Но дело молитвы – есть целая наука, есть искусство из искусств, художество из художеств, как говорят об этом святые отцы.

Еп. Игнатий говорит: «В настоящее время – существенная нужда в правильной молитве, а ее то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, ищут наслаждения и восторгов, льстят себе, и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет!» Тоже подтверждает и Еп. Феофан: «Молитва есть все: вера, благочестие, спасение. Следовательно, об ней столь можно говорить, что и конца не будет. Желательно, чтоб книгу кто составил в руководство к молитве из святых отцов. Это было бы тоже, что руководство ко спасению».

Валаамская обитель, имея не малое богатство святоотеческих творений в своей библиотеке, которой могут пользоваться не все, и видя недостаток в современном христианском обществе святоотеческой литературы, нашла возможным снова, хотя бы отчасти, послужить удовлетворению этой нужды изданием второй книги об умном делании, или о Иисусовой молитве, – придав ей форму беседы между иноком и мирским иереем. Эта книга служит пополнением и пояснением первой. В нее входят – многочисленные наставления о молитве древних св. отцов Церкви, полный русский перевод писаний о

молитве Иисусовой старца Поляномерульского скита схимонаха Василия и старца Нямецкого монастыря схиархимандрита Паисия, наставления преп. Серафима Саровского, Епископа Феофана, Епископа Игнатия, Оптинских и Валаамских старцев, о. Иоанна Кронштадтского, и даются ответы на возникающие недоуменные вопросы светских людей о молитвенном делании.

Валаам. 24 апреля 1938 г.

### Предисловие

Едва ли кто решится утверждать, что в нашем светском обществе нет расположения к религиозной жизни. Храмы по праздникам полны, да и по будням почти всегда бывают молящиеся. Умеют молиться горячо. Исповедуются искренно, горячо, со слезами. Некоторые часто причащаются. Интересуются религиозными вопросами. Большинство горячо стоит за строгое Православие и осуждает всякие «ереси» и «новшества». Интересуются духовной литературой, жалуются на недостаток духовного чтения и со вниманием следят за вновь выходящими книгами; посещают духовные лекции и беседы, ходят на «акафисты»; очень любят посещать святые обители и вспоминают о них; многие считают своим долгом посещать больных в госпиталях и помогать им; посещают бедных, собирают для них пожертвования деньгами и вещами; в каждом номере газеты можно найти фамилии или инициалы жертвователей на больных и нуждающихся; ни один призыв не остается без ответа, всякая заявленная нужда сейчас же находит усердный отклик. Многие работают для детей, в колониях, в лагерях.

Однако наряду с этим мы видим в том же обществе явления другого порядка: домашние неурядицы, сплетни, злословие, осуждение, вражду, злобу, ненависть, гордость, тщеславие; утром горячо молятся в церкви – по выходе из храма злословят, осуждают, раздражаются, ссорятся, обманывают, вечером отправляются в кино или еще куда; сегодня каются и плачут на исповеди, завтра снова злобствуют, ненавидят, лгут, клеветают. Не говорим уже о разных более темных сторонах личной, семейной и общественной жизни. Налицо какая-то чересполосица, какая-то неупорядоченность



нашей духовной и внешней жизни: религиозное, христианское начало не является руководящим двигателем жизни, а составляет лишь одно из явлений этой жизни, наряду с другими, даже темными и предосудительными, явлениями. Есть быт, в котором, несомненно, известное место занимает религиозность, но нет христианской жизни как планомерно осуществляемой христианской задачи, как христианского ответственного служения Богу. От такого двойственного характера жизни предостерегает Господь Иисус Христос, когда говорит: «Не можете Богу работать и мамоне» (Мф. 6, 24), – а у нас эта работа Богу и мамоне является обычным и привычным явлением жизни. Как относиться к этому? Нужно ли признать это явление неизбежной принадлежностью человеческой жизни и примириться с ним, или же надо видеть в нем зло нашей жизни, с которым надо бороться? Но если бороться, то как? Проповедей у нас говорят много, имеются и книги духовного содержания, детей учат с ранних лет и молитвам, и Закону Божию, но как-то все это мало влияет на жизнь. Может быть, и влияет, но перемены не видно. Церковь, несомненно, обладает благодатными средствами благотворного влияния на человеческую душу, и они оказывают свое действие: домашняя молитва, чтение слова Божия, посещение церковных служб и святых мест и особенно принятие святых таинств, исповеди и причащения святых Христовых Таин, оставляют глубокий и благотворный след в душах верующих. Но у Церкви имеется и еще благодатное средство влияния на человеческую душу, на которое мало кто из светских людей обращает внимание, но которое имеет ту драгоценную особенность, что всегда находится в распоряжении человека, желающего им пользоваться: и дома, и в храме, и на пути, и за работой. Это средство заключается во внутреннем молитвенном и покаянном призывании имени Господа Иисуса Христа. Призываемое с верою, это имя имеет великую спасительную силу. О нем сказано, что Бог «дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп. 2, 9–10). «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Деян. 2, 21). «Нет другого имени под

небом, данного человека, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12).

Сущность призывания имени Иисуса Христа заключается не только в произнесении слов, а в постоянном молитвенном воспоминании Иисуса Христа, в молитвенном к Нему обращении, для которого самые слова молитвы Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (грешную)» – служат лишь внешним выражением заключающихся в них мысли и чувства. Молитва Иисусова, постоянно творимая, сближает, сродняет и соединяет произносящего ее с Господом Иисусом Христом, и эта постоянная молитвенная память о Христе Спасителе становится как бы стражем внутренней жизни, мыслей и чувств, не позволяющим водвориться в душе ничему нечистому и недостойному. Внимание, приучаемое всегда быть с Господом Иисусом Христом, помогает преодолевать блуждание и рассеяние мыслей, очищает мысль от назойливых праздных помыслов, охраняет сердце от нечистых движений, водворяет внутри чистоту и благочиние мыслей и чувствований, укрепляет веру и молитву. Это внутреннее упорядочение души отражается на всех внешних действиях человека, на его речах и на его поступках. Св. Исихию Иерусалимскому, ученику св. Григория Богослова, принадлежат замечательные слова: «Если внутри сердца не сотворит человек волю Божию и не сохранит заповеди Его, то он и вовне не сможет этого сделать». Эти слова ясно показывают, в чем заключается зло нашей религиозной жизни и как нужно с ним бороться. Оно заключается в нашей внутренней беспорядочности и недисциплинированности. Если мы не овладеем своим сердцем и своими мыслями, не создадим единства и благочиния внутри себя, то не создадим их и в наших внешних действиях. В этом важнейшем деле нашей религиозной жизни незаменимую помощь может нам оказать священная Иисусова молитва или, лучше сказать, Господь наш Иисус Христос, в этой молитве нами призываемый и чрез нее становящийся постоянным Обитателем нашего сердца.

Но как же научиться Иисусовой молитве? Ответом на этот вопрос и служит предлагаемая книга. В ней содержатся

наставления о молитве Иисусовой и вообще о внутреннем делании святых отцов и подвижников Православной Церкви.

Сейчас скажем об этом молитвенном делании лишь несколько предварительных слов. К молитве Иисусовой надо приступать с благоговением и покаянным духом и совершать ее надо со вниманием, неспешно и с великой простотой, не усиливаясь выжимать из сердца никаких особенных чувств. Молитва называется устной, когда она произносится словами, гласно или безгласно. Так она может произноситься и устами, и внутри персей, и внутри сердца. Молитва называется умной, когда с ней неразрывно соединяется внимание ума, и сердечной, или умно-сердечной, когда начинает твориться в сердце. При совершении Иисусовой молитвы не так важно количество, как качество молитвы. Но все же следует назначить себе как постоянное правило определенное число молитв на каждый день, чтобы не было места произволу и случайности. Проходящий Иисусову молитву должен помнить, что он тем самым становится в особенную близость ко Господу, и с этим особым положением согласовывать свою жизнь: воздерживаться от всего, что недостойно его положения, и делать все возможное, что ему соответствует. Необходимо терпеливо нести молитвенные труды, предоставив себя всецело Господу и не мечтая ни о каких высоких достижениях, но всегда считая себя рабом непотребным. Вот, вкратце, вся сущность Иисусовой молитвы.

Начинать надо с устной молитвы, которая при благоговейном, в сокрушении сердца, и неспешном ее произнесении сама собою переходит в умную, а умная в сердечную. Постепенно молитва овладевает душой и вносит в нее состояние мира, спокойствия, тишины, чистоты, порядка, радости и постоянного внутреннего предстояния Господу.

Несколько лет тому назад в печати появилась увлекательно написанная книга «Откровенные рассказы странника», в которой странник рассказывает, как он научился Иисусовой молитве. Многие светские люди с увлечением набросились на эту книгу, и всюду шли разговоры о молитве Иисусовой. Прошло немного времени – и разговоры стихли. Об Иисусовой молитве как будто

забыли. Может быть, и не забыли, но увидели, что делание Иисусовой молитвы не так легко дается, как это сначала показалось. А главное, оно требует терпения, смирения и времени. А на это не у всех хватает постоянства и возможности. Правда, и путь, которым шел странник, нельзя назвать общим. Это – его личный, индивидуальный путь, осуществимый при его особом странническом положении. Не каждый, по условиям своей жизни, может совершать в день по три, по шесть, по двенадцать тысяч Иисусовых молитв. Не каждый может применить к себе и те способы сведения ума в сердце, какие рекомендовались отцами-подвижниками афонским отшельникам в XIV или XV веке. Но все это и не обязательно, как учат более близкие к нам делатели и наставники Иисусовой молитвы: свтт. Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, прп. Серафим Саровский и др. Иисусовой молитве можно обучаться гораздо проще и удобнее, как видно из наставлений этих подвижников.

Мы придали настоящей книге форму беседы между иноком-старцем и мирским иереем, имея в виду, что эта форма, во-первых, оживляет рассказ, а во-вторых, дает возможность удобнее осветить тот или иной вопрос с разных точек зрения.

Книга оказалась значительно больше по размерам, чем предполагалось. Это произошло оттого, что составителям было трудно удержаться от желания исчерпать с возможной полнотой ценные наставления о молитве святых отцов и подвижников Православной Церкви как древнего, так и нового времени.

Дай Бог, чтобы книга, при всех недостатках своего изложения, принесла пользу читателям, ищущим спасения и внутреннего упорядочения своей духовной жизни!

Валаам, 25 марта 1938 г.

Вступление

Инок. Я очень рад Вашему приезду, дорогой батюшка, в нашу святую обитель. Надеюсь, что Вы поживете у нас подольше и мы будем иметь возможность часто видеться с Вами и беседовать.

Иерей. Да, я тоже очень счастлив, что Господь привел меня к вам. Для нас, мирских священников, чрезвычайно важно

посещать от времени до времени святые обители и здесь, в тишине, уединении и молитве, приводить в порядок свою утомленную душу. Вы не можете представить себе, до какой степени душа опустошается и выветривается в повседневной мирской суете.

Инок. Мне странно слышать от Вас эти слова! Вы – иерей Божий, и вдруг говорите об опустошении вашей души! Вы так часто стоите у Престола Божия, молитесь, причащаетесь св. Тайн Христовых! Ведь это же неиссякаемый источник благодатной жизни и духовного укрепления и утешения!

Иерей. Совершенно верно, батюшка! Частое богослужение, молитва и причащение св. Христовых Тайн являются источником благодатной жизни и духовной крепости. И тем не менее печальный факт на лицо. Отчасти по нашей собственной небрежности и невниманию, отчасти по озабоченности разными неизбежными внешними делами, наша молитва нередко бывает рассеянной и слабой, мысли разбегаются и блуждают, сердце становится холодным. Мало-помалу опускаешься, привыкаешь к формальному исполнению своих обязанностей и теряешь то сосредоточенное и благоговейное внутреннее чувство, тот страх Божий, который должен быть главным настроением души не только пастыря, но и каждого верующего христианина.

Казалось бы, весь окружающий нас мир Божий должен был бы всегда нами восприниматься как один великий необъятный храм Божий, в котором всегда присутствует Сам Господь, его Творец и Промыслитель. И созерцая в мире Его славу и величие и от этого созерцания проникаясь чувством глубокого благоговения, мы должны были бы и нашу земную жизнь и все наши земные дела рассматривать и устраивать в свете этого благоговейного чувства, подчиняя временное вечному и земное небесному.

В действительности происходит не то. Мы совершенно забываем, что над нами есть Бог, и всецело поглощаемся своими преходящими делами, общественными, государственными, а иногда и просто своими мелкими житейскими дрызгами, сплетнями, своими страстями, до такой степени, что слова о вечности, о будущей жизни не находят

отклика в нашей душе, как будто совершенно не относящиеся к нашей земной жизни и к нашим земным делам.

Совершенно противоположное отношение к жизни мы видим в монастырях. Конечно, и там живут не одни святые, а такие же грешные и слабые люди, и там людей волнуют страсти и житейские заботы, но все это идет по-другому. Там всегда чувствуют себя живущими пред лицом Божиим, в ожидании неизбежного перехода от временного к вечному бытию и предстоящего неизбежного и праведного Суда Божия и воздаяния за каждое действие, за каждое слово и за каждую мысль и это чувство, которым пропитана монастырская жизнь, придает ей особый возвышенный и светлый характер всегдашнего предстояния пред лицом Божиим, каковое чувство мир почти утратил. Эта особенность монастырской жизни чувствуется мирянами, чувствуется ими как то именно, чего им самим не хватает, без чего они духовно задыхаются. Вот почему так и тянется мир к монастырю, чтобы хотя некоторое время пожить в этом чистом и освежающем воздухе живого предстояния пред лицом Божиим и вернуться потом в свою обычную, житейскую суету духовно обновленным, ожившим, окрепшим и как бы помолодевшим. И что особенно дорого и знаменательно, это освежающее и спасительное значение монастырей чувствуют не только взрослые, но и молодежь, которая тоже тянется сюда и, приехав сюда даже на короткое время, уезжает отсюда обновленною и духовно окрепшею и просветленною. Великое за это спасибо святым обителям! Поэтому, батюшка, не удивляйтесь тому, что и я, иерей Божий и пастырь, много лет прослуживший Господу, приехал к вам в обитель искать отдыха своей усталой душе и оживления ослабевших чувств страха Божия, веры, молитвы и покаяния, с угасанием которых душа тоскует, задыхается и умирает.

Впрочем, есть у меня еще и особая, специальная причина, заставившая меня приехать к вам. Вам, конечно, известна недавно изданная Валаамской обителью книга «Умное делание. О молитве Иисусовой». Эта книга привлекла к себе внимание и печати, и читателей. Все отзываются о ней с большой похвалой

и от всего сердца благодарят потрудившихся в ее составлении и издании.

Такое широкое сочувствие и внимание к этой книге вызвано, как мне кажется, тем обстоятельством, о котором я только что говорил. Она прозвучала среди мирян как сладостный церковный благовест, как голос из другого, далекого и вместе с тем близкого и родного мира. Она явилась некоторым проникновением в нашу суетную мирскую жизнь монастырского или, лучше сказать, подлинно-православного понимания жизни как молитвенного и покаянного предстояния пред лицом Божиим. В простой и безыскусственной форме выписок из прочитанных духовных книг поставлен перед мирянами вопрос огромного значения и важности – о молитве, как основании и сущности христианской жизни. Молитва поставляется центром христианской жизни. Где нет молитвы, там нет и христианской жизни. Истина по-видимому ясная и бесспорная, но столь многими совершенно забываемая и исключаемая из повседневного обихода. А между тем для иных (многих) этот вопрос о молитве является болезненным и мучительным. Есть жажда молитвы, но нет привычки и умения молиться. Читаемые по молитвеннику молитвы не находят отклика в опустевшем сердце и, произносимые устами, не прививаются к сердцу, которое остается холодным и безмолвным. Появившаяся книга, разъясняя сущность и важность молитвы, помогает выйти из этого нездорового и мучительного состояния. В этом, заключается ее ценность и значение. Но, привлекая к молитве, эта книга вместе с тем вызывает в душе целый ряд вопросов, относящихся к молитве Иисусовой, к ее сущности, значению, необходимости и к ее прохождению на практике. Хотя я и священник, но должен сознаться, что не принадлежу к числу делателей Иисусовой молитвы. Я являюсь в этом отношении совершеннейшим, можно сказать, невеждою. Вот я и приехал сюда, чтобы, сознавшись в своем невежестве, искать здесь разъяснения вопроса о молитве Иисусовой во всей его возможной полноте. Я буду Вам глубоко благодарен, если Вы окажете мне помощь в этом деле.

Инок. То, что Вы говорили о различном отношении к жизни, существующем в мире и в монастыре, я выслушал с большим вниманием, и если это действительно так, то над этим нельзя не задуматься. Вопрос этот большой и серьезный и отмечает основную болезнь нашего времени. Что же касается вопроса о молитве, и об Иисусовой молитве в частности, то нужно сказать, что он, как и вопрос о христианской жизни вообще, не может быть разрешен одними только теоретическими беседами. В глубочайшей своей основе и в своей сущности христианство познается главным образом постепенно приобретаемым опытом христианской жизни, опытом и духовно возрастающих ума и сердца. Познавание христианской жизни, а не одних только ее внешних форм и проявлений, – настоящее познание, а не теоретическое, формальное знание христианских истин, дается путем жизненного, опытного, трудового духовного подвига, медленного восхождения с одной ступени христианской жизни на другую. Возьмем тот же поставленный Вами вопрос о молитве. Можно иметь о молитве самые полные, исчерпывающие, теоретические познания, дать самое точное определение молитвы, указать у какого церковного писателя какое имеется учение о молитве и какие даются наставления к преуспеянию в молитве, и при всех этих обширных теоретических познаниях самому не уметь молиться. Так теоретическое, рассудочное знание религиозной истины может совершенно не совпадать с его опытным, жизненным познанием. То же самое можно сказать и о всех других истинах христианства, не исключая даже и самой основной истины бытия Божия. Сказанное относится и к молитве Иисусовой. Она познается не одним только внешним изучением, но опытным деланием. Для людей с простым и верующим сердцем пользование ею почти не представляет трудностей, почему церковный Устав для людей некнижных даже рекомендует заменять ею все установленные молитвенные чиноположения. Для людей же, не имеющих простой, непосредственной веры и живущих более рассудочной и отвлеченной жизнью, действительно, нелегко войти в опыт сердечного молитвенного делания. Но не следует этим смущаться. Ибо все же оно ни для



кого не закрыто. На вопрос о том, всем ли дается умная молитва, Оптинский старец Леонид, в схиме Лев, отвечал: «Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть, но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению св. отцов, или мгновенно Божиим сверлом» (Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Леонида. Изд. Оптиной пустыни 1890. С. 178). Иисусова молитва, правильно проходимая практически, по руководству св. отцов и опытных наставников молитвенного делания, является тем именно «постепенным углублением человека в себя», о котором говорит старец Леонид. Она помогает открыться в сердце источнику живой, приснодвижущейся молитвы, которая, будучи единением с Господом Иисусом Христом, становится на страже человеческого сердца, противодействуя всякому его нечистому движению, сообщая ему глубокий мир и духовную крепость и через то регулируя всю внутреннюю и внешнюю жизнь человека. В этом и заключается значение молитвы Иисусовой в духовной жизни христианина.

Я не могу выдавать себя за опытного делателя и наставника молитвы Иисусовой. Но я охотно делюсь с Вами всем, что мне известно о ней из писаний св. отцов и опытных наставников этой молитвы. И потому прошу Вас предлагать мне Ваши вопросы, и мы начнем нашу беседу об Иисусовой молитве.

## **Беседа 1. О том, что такое молитва Иисусова по своей форме и содержанию, о ее первом делательном, или трудовом, периоде, о необходимых условиях ее правильного прохождения и о ее плодах**

Иерей. Ваши последние слова как будто приоткрывают тайну Иисусовой молитвы. Если эта молитва, как Вы говорите, впечатлевает в сердце постоянную молитвенную память о Господе нашем Иисусе Христе, и соединяет с Ним наше сердце, и становится как бы стражем сердца от всяких нечистых и греховных движений, а через это регулирует и всю жизнь христианина, то ведь это и есть самое важное и необходимое в деле христианской жизни. Самые обширные богословские познания, начитанность в святоотеческой литературе и в богослужебных книгах, если все это остается достоянием только ума и памяти и не доходит до глубины сердца, не управляет жизнью человека и всеми его поступками, остаются мертвым и неиспользованным сокровищем. И конечно, в этом случае Иисусова молитва становится важнее и необходимее всех этих теоретических знаний. Это соображение вызывает во мне особенный интерес к этой молитве. И я прошу Вас простить меня, если, предлагая Вам свои вопросы, я буду говорить о вещах по-видимому совершенно ясных и удобопонятных, не требующих никакого разъяснения и всем известных; я буду это делать единственно для того, чтобы в столь важном и чрезвычайно интересном вопросе не упустить из внимания ни одной мелочи, тем более, что я уже предупредил Вас о своем крайнем невежестве в этом вопросе.

Итак, первый мой вопрос заключается в следующем: какая надобность в Иисусовой молитве, когда Православная Церковь обладает неисчислимым множеством молитв домашних и церковных, составленных по внушению Св. Духа святыми по жизни и высокими по дарованиям песнописцами: Иоанном Дамаскиным, Косьмою Майумским, Романом Сладкопевцем,

Андреем Критским, Иосифом Песнописцем и другими, а также великими св. отцами: Василием Великим, Иоанном Златоустым, Ефремом Сирийским и другими, и, кроме того, данных нам Самим Господом Иисусом Христом и Его Пречистою Материю? Во всех этих молитвах, тропарях, канонах, стихирах заключается так много глубокого, трогательного и разнообразного содержания, что в них может найти свое выражение всякое человеческое религиозное чувство, настроение, потребность, нужда, всякое горе и всякая радость, всякая мольба и всякая благодарность; они могут всякую душу научить, вразумить, напитать, согреть, утешить, просветить, одушевить, исправить и направить... Зачем же, вместо того, чтобы пользоваться всем этим разнообразным духовным церковным богатством, ограничивать себя одною покаянною молитвою мытаря, как будто вся религиозная жизнь человека сводится к одному только покаянию? Простите меня за мой, может быть, наивный вопрос, но не откажите дать Ваше разъяснение.

Инок. Что касается Ваших слов об ограничении всех молитв одною покаянною молитвою мытаря, то если бы это и было так, в этом не было бы ничего соблазнительного и противного Евангелию. Ибо покаяние лежит в основании всей христианской жизни. Кто научится покаянию, тот научится христианской жизни. Иисус Христос начал проповедь Свою проповедью покаяния: «Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покаятесь, приближися бо Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Заповеди блаженства, которыми Иисус Христос начал Свою Нагорную проповедь, ублажают прежде всего смиренных и плачущих. Но сейчас речь не об этом. Ваш вопрос происходит от очевидного недоразумения. По-видимому, Вы полагаете, что Иисусовой молитвой предлагается заменить все существующие домашние и церковные молитвословия и песнопения.

Совсем нет. На это никто не дерзает. Все, существующее в Церкви, имеет Божественное происхождение, установлено для нашего спасения и никакой отмене не может подлежать! Иисусова молитва ничего не отменяет и имеет своею целью только вспомоществовать тому же делу спасения, которому служит все в Церкви Христовой. «Не думай, – пишет один из

делателей и наставников Иисусовой молитвы, – что, заставляя обучаться умному деланию, св. отцы наносят ущерб псалмам и канонам. Да не будет этого! Ибо все это дано Церкви Духом Святым. И все ее священнодействия заключают в себе все таинство домостроительства Бога-Слова до самого Второго Его Пришествия, а также и нашего воскресения. И нет в церковных установлениях ничего человеческого, но все является действием Божественной благодати, не возрастающим от наших достоинств, не умаляющимся от наших грехов» (Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847. С. 107).

«Церковь Христова, – пишет другой делатель Иисусовой молитвы, – назданная на основании апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу (Ефес. 2, 20), имеет стоять непоколебимо до скончания века на своем вечном основании, которое есть Иисус Христос. Все в ней, учрежденное Духом Святым, должно быть исполняемо нами беспрекословно, как дело Божие, установленное нашего ради спасения». Итак, речь идет не об отмене или замене каких-либо церковных установлений, а об особом вспомогательном молитвенном делании, которое, содействуя установлению и укреплению внутреннего, сердечного, молитвенного, единения с Господом Иисусом Христом, не только не мешает домашней или церковной нашей молитве, но еще и помогает ей быть более сосредоточенной, углубленной и действенной. То правда, что не знающим грамоты Церковный Устав предлагает заменять недоступные им молитвословия Иисусовой молитвою, но это вызывается очевидной необходимостью, невозможностью для них пользоваться богослужебными книгами.

Пустынники и отшельники заменяют молитвой Иисусовой церковное богослужение отчасти по этой же причине, отчасти по характеру своего особенного духовного подвига.

Иерей. Благодарю Вас за это разъяснение. Не откажите еще дать точное определение, что Вы называете Иисусовой молитвой? Ведь каждая молитва, обращенная ко Господу Иисусу Христу, может быть названа Иисусовой молитвой, и

таких молитв очень много. Мне хотелось бы знать, как нужно правильно произносить Иисусову молитву?

Инок. Молитвой Иисусовой мы называем не что иное, как благоговейное призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа – во всякое время, при всяком занятии и на всяком месте. Выражается эта молитва обычно следующими словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (или грешную)». Короче можно сказать так: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя (грешного или грешную)». В этой своей форме она как раз соответствует словам св. ап. Павла: «Хочу пять словес умом моим глаголати... нежели тьму языком» (1Кор. 14, 19). Можно сказать и еще короче: «Господи, помилуй»

Иерей. Чем объясняется то, что с молитвою о помиловании мы обращаемся не к Пресвятой Троице, не к Богу Отцу и не к Святому Духу, а к Сыну Божию?

Инок. Вам, конечно, известно, что мы обращаемся с молитвами к Пресвятой Троице («Пресвятая Троице, помилуй нас»), и к Богу Отцу («Отче наш»), и к Св. Духу («Царю Небесный»). Но в данном случае мы обращаемся к Сыну Божию. Причина этому понятна. Мы обращаемся к Сыну Божию не потому, конечно, чтобы Сын Божий преимуществовал в Тройческом Единстве Божества, но потому, что Он стяжал нас Богу и Отцу Честною Своею Кровию и есть наш Спаситель и Примиритель с Божественною правдою.

Он принял в Свою Божественную Личность наше естество, искупил нас от грехов наших Своею жизнью, смертью и воскресением, понес за нас наказание, которое неотложно лежало на нас за наши грехи – прародительские и свои личные. И потому, по всей справедливости, мы и должны молиться Ему, как нашему Спасителю. Он есть наш Посредник, Ходатай и Примиритель; только Им и через Него наши молитвы получают свою силу, и мы имеем доступ к Отцу Небесному: «Аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю» (Ин. 14, 13).

Нет сомнения, конечно, что и всякая другая молитва, обращенная ко Господу Иисусу Христу, составленная св. отцами, богодуховенна, божественна и причастна благодатной

силы, по мере нашего должного к ней отношения, но при своей, большей или меньшей, многосложности, не имеет той легкой удобности, чтобы можно было читать ее постоянно, во всякое время, при всяком занятии, на всяком месте. Однако, при всей своей краткости и простоте, молитва Иисусова заключает в себе все, что принадлежит Сыну Божию, как по домостроительству нашего спасения, так и по Его Божественному Ипостасному состоянию. Исповедуя Его Господом и Сыном Божиим, мы признаем Его истинным Богом, единосущным Отцу и Св. Духу, а называя Его Иисусом Христом и прося «помилуй нас», исповедуем таинство домостроительства, которое было благоугодно Ему совершить нас ради человек и нашего ради спасения; мы признаем Его своим Спасителем, Который только один и может спасти нас. А в этом, как известно, и состоит вся сущность нашей христианской веры, Евангелия и всего Христова учения. Св. Иоанн Богослов, оканчивая свое Евангелие, говорит: «Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его» (Ин. 20, 31). Словом, молитва Иисусова соединяет нас с Сыном Божиим ближайшим образом, в Нем делает нас причастными вечной жизни. По слову того же апостола: «В Том живот бе» (Ин. 1, 4).

Иерей. Ваши слова дали мне вполне достаточные предварительные разъяснения о молитве Иисусовой, и теперь мы можем перейти к главному вопросу: о значении молитвы Иисусовой в духовной жизни христианина и о том, как надо проходить эту молитву.

Инок. Мы уже отчасти коснулись этого вопроса. Теперь с Божией помощью приступим к более глубокому и подробному его рассмотрению. Наша молитва может быть троякого рода. Постигает нас какая-нибудь беда, болезнь, тяжкое горе или трудные житейские обстоятельства, из которых мы не видим благополучного выхода, и тогда наша душа, даже у людей равнодушных к религии, сама собою раскрывается для горячей молитвы к Богу о помощи. Или придет к нам неожиданная радость, произойдет благоприятный поворот в болезни дорогого существа, откроется выход из безвыходного, казалось,

положения, и сердце наше снова само собою загорается благодарной молитвой ко Господу. И в том и в другом случае молитва вспыхивает в душе нашей непроизвольно и бывает искренней и горячей. Это один вид нашей молитвы. Но проходит момент, вызвавший горячий молитвенный порыв нашего сердца, и мы можем снова погрузиться в обычное наше безразличие и равнодушие к молитве.

Есть другая молитва, совершаемая в определенном порядке и постоянная. Утром и вечером мы совершаем установленное молитвенное правило, читаем молитву перед принятием и после принятия пищи, в праздничные дни посещаем церковное богослужение. Мы делаем это или потому, что находим в этом религиозное удовлетворение, или по чувству долга, или по обычаю и привычке. Выполняя свою молитву, мы иногда переживаем те религиозные чувства и настроения, о которых говорится в читаемой или слушаемой молитве, а иногда остаемся совершенно безучастными и невнимательными, погруженными в свои собственные мысли. Вам, конечно, известно, как мало бывает иногда связана эта наша домашняя и церковная молитва с нашим образом жизни, с нашими вкусами, привычками, даже с нашим образом мыслей.

Прочитав, не всегда внимательно, наши утренние или вечерние молитвы, отстояв всенощную или литургию, мы считаем, что выполнили свой долг перед Богом, «воздали Божие Богови», и теперь можем со спокойным сердцем, уже не вспоминая о Боге, всецело отдаваться своим житейским делам и заботам, пустым разговорам, пересудам, сплетням и развлечениям, не думая о соответствии нашей жизни воле Божией. Таким образом, между молитвою и жизнью не получается взаимной связи. Между ними существует какое-то разъединение. Молитва не только не влияет на нашу жизнь, не только не руководит ею, но мы даже склонны думать, что такого влияния и такого руководства и не должно быть, иначе жизнь станет очень скучной, если мы все время будем думать о Боге. Однако такой разрыв между молитвою и жизнью совсем не соответствует духу христианства. Христианство требует единства и цельности веры и жизни. У нас же выходит, что то,

что мы получаем (если только получаем) в нашей домашней и церковной молитве, мы растрачиваем нашим образом жизни и нашими привычками. И от этого мы не видим в себе никакого духовного плода, никакого духовного роста, никакого успеха и улучшения в нашей духовной жизни, да и самая молитва превращается в формальное, скучное занятие.

Иерей. То, что Вы говорите, совершенно верно и является большим злом в нашей мирской жизни, и я, как мирской священник, могу подтвердить справедливость ваших слов. Я даже скажу больше: мы сами, пастыри, нередко погрешаем этим разделением жизни на две половины – духовную и светскую, другими словами, служим одновременно и Богу и мамоне. Но какой же выход из этого положения?

Инок. Выход есть. Он заключается в следующем: нужно, чтобы в нашем сердце образовался некоторый постоянный духовный молитвенный союз с Богом, установилось наше неразрывное молитвенное единение с Господом Иисусом Христом, и оттуда, из сердца исходила бы двигающая сила, направляющая всю нашу внутреннюю и внешнюю жизнь согласно духу и заповедям св. Евангелия.

Иерей. Но как же создать в нашем сердце такой, как Вы говорите, союз с Господом, или постоянное молитвенное сопребывание с Ним?

Инок. На этот вопрос Церковь отвечает своим учением об Иисусовой молитве, умом в сердце совершаемой. Наша общая печальная ошибка заключается в том, что мы не пользуемся молитвой как постоянной духовной силой, направляющей нашу духовную жизнь. Это я говорю не только об Иисусовой, но и о всякой другой нашей молитве. Мы смотрим на молитву лишь как на известную дань Богу. Уплатил эту дань, прочитал или выслушал положенные молитвы – значит, выполнил все, что от меня требуется. Я могу теперь жить и делать что угодно. Придет пост, покаюсь – и опять за прежнее. Мы не смотрим на молитву как на нашу постоянную спутницу и сотрудницу в правильном ходе нашей внутренней и внешней христианской жизни, не смотрим, конечно, потому что у нас нет и заботы об устройении нашей жизни по-христиански. Для того же, чтобы наша жизнь



была устроена по-христиански, необходимо, чтобы прежде всего наше сердце было устроено по-христиански, ибо в нем истоки нашей духовной жизни. Достигнуть этого правильного устройства сердца и помогает нам Иисусова молитва, которая, укореняясь в сердце, начинает управлять оттуда всей нашей жизнью. Здесь-то и открывается третий вид молитвы как постоянного внутреннего молитвенного делания, имеющего целью, при помощи Божией, привести к напечатлению в сердце постоянной молитвенной памяти о Господе Иисусе Христе, при помощи которой преодолеваются нечистые движения сердца и утверждается правильная духовная христианская жизнь. Это значение Иисусовой молитвы не есть что-либо новое – оно во все времена сознавалось в Православной Церкви.

И хотя все наши молитвы могут иметь такое же значение, как Иисусова молитва, но не с таким удобством. Иисусова же молитва, ввиду ее краткости и возможности пользоваться ей при всяком занятии, во всяком месте и во всякое время, а также и ввиду самого ее содержания, имеет в этом отношении особенное преимущество. Употребление ее освящено самим Евангелием: вспомните жену-хананеянку, слепцов иерихонских и др. случаи. И потому она во все времена и повсюду употреблялась в Православной Церкви для этой цели и рекомендовалась св. отцами и подвижниками. Употреблялись, правда, в прежние времена, и другие краткие молитовки, выражающие то или иное состояние христианской души и направленные к той же цели. Посредством их частого, громкого или безмолвного в сердце, произношения верующие поддерживали в себе постоянную память о Боге и молитвенное и благоговейное с Ним общение. Св. Кассиан говорит, что в Египте в его время обычною краткою молитвою был 2-й ст. 69-го псалма: «Боже, в помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися!» О св. Иоаннии Великом пишется в житии, что он всегда повторял такую молитву и перемежал ею чтение псалмов: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой». Другой некто постоянно своею молитвою имел такие слова: «Аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр, помилуй мя!» Иные и другие возлюбляли для себя молитовки.

Но, как было сказано, уже в самые древние времена очень многими избираема была молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», которая постепенно и вошла во всеобщее употребление и даже в Устав Церковный. Видим указание на нее у св. Ефрема, св. Златоуста, св. Исаака Сирианина, св. Исихия, свв. Варсонофия и Иоанна, св. Иоанна Лествичника. Св. Иоанн Златоуст говорит о ней так: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей. Монах должен – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает – непрестанно взывать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – да имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа и Господь сердце, и будут два сии воедино». И в другом месте: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа Нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца и оно ни о чем другом помышлять не станет, – да возвеличится Христос в вас».

Подобное же пишет и св. Иоанн Лествичник: «Память Иисусова да срастворится с дыханием твоим».

В правиле Пахомия Великого, преподанном ему ангелом, вместе с другими молитвами указано и сто молитв Иисусовых. Св. Игнатий Богоносец, муж апостольский, которого в его младенчестве Господь Иисус Христос поставил в пример смирения своим ученикам, получил, прозвание «Богоносца» потому, что он, по его собственным словам, всегда носил в сердце имя Господа Иисуса Христа.

И Вы сами хорошо знаете, как много святым именем Иисуса Христа чудес совершили и как много за это имя пострадали св. апостолы и мученики Христовы!

Иерей. Вот Вы сказали, батюшка, приводя слова св. Иоанна Златоуста, что он обращался со своим наставлением о молитве Иисусовой к монахам. Может быть, это духовное делание Иисусовой молитвы настолько высоко и трудно и требует такой

отчужденности от всего житейского, что им заниматься следует одним только монахам, а не мирянам?

Инок. Совсем нет. Делание Иисусовой молитвы для всех спасительно. Вот послушайте, что говорит об этом православный русский еп. Иустин: «Всякому истинному христианину нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединяться с Господом Спасителем всем существом своим: надобно дать Ему, Господу, вселиться в уме и сердце нашем, необходимо начать жить Его пресвятою жизнью, – Он принял плоть нашу, а мы должны принять и Плоть и Всесвятой Дух Его, – принять и хранить навсегда. Только такое соединение с нашим Господом доставит нам тот мир и то благоволение, тот свет и ту жизнь, кои потеряны нами в Адаме первом и возвращаются теперь от лица Адама второго – Господа Иисуса Христа. А к такому соединению с Господом, после причащения Тела и Крови Его, лучшее и надежнейшее средство есть умная молитва Иисусова, которая читается так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!». Обязательна ли эта молитва Иисусова и для мирян, а не для одних только монашествующих? Непременно обязательна, потому что всякому христианину необходимо соединиться с Господом в сердце, а к сему соединению лучшим способом служит молитва Иисусова» (Умное делание. О молитве Иисусовой, § 183).

Свт. Симеон, архиепископ Солунский, заповедует и советует архиереям, священникам, всем монахам и мирским на всякое время и час произносить эту священную молитву, имея ее как бы дыханием жизни.

У свт. Григория Паламы читаем: «Пусть никто не думает, братия мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не миряне. Нет, нет: все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве... И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух... Имейте во внимании и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, – именно молиться умом. А это всегда можем делать, если захотим. Ибо

и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться... Телом будем работать, а душою молиться...» (Умное делание, § 52).

Свт. Игнатий во 2-м томе своих сочинений говорит: «Постановлением св. Церкви законополагается всем неграмотным и не знающим Свящ. Писания наизусть заменять молитвословие и псалмопение молитвою Иисусовой» (С. 257). И в другом месте: «Всем христианам можно и должно заниматься молитвою Иисусовой с целью покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верою, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа» (Там же).

То же самое говорит и свт. Феофан Затворник и все другие наставники Иисусовой молитвы.

Конечно, у монахов есть свои преимущества в прохождении Иисусовой молитвы: их уединенная жизнь, отстраненность от мирских забот, молитвенная обстановка, опытное руководство. Но и среди мирян, несмотря на всю их житейскую суету, наблюдаются, хотя и не часто, случаи высокого преуспевания в молитве Иисусовой, о чем Вы можете прочесть, например, в письмах Оптинского старца прп. Амвросия (Собрание писем. Вып. 2. Письмо 399. С. 119). О примерах прохождения мирянами Иисусовой молитвы в его время рассказывает и свт. Игнатий Брянчанинов (Сочинения. Т. 1. С. 207). Да и мы сами могли бы указать подобные случаи. Мы не можем, однако, не упомянуть, что наставники Иисусовой молитвы делают различие в прохождении Иисусовой молитвы между новоначальными и мирянами с одной стороны и более преуспевшими с другой и строго предостерегают от самовольного и гордостного преждевременного устремления к высшим степеням молитвы. Я немного забегаю вперед, но раз уже начал, то скажу. Тот же свт. Игнатий пишет: «Упражнение молитвою Иисусовой имеет два главнейших подразделения, или периода... В первом периоде предоставляется молиться при одном собственном усилии; благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся, но она не обнаруживает своего присутствия... Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и

действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлечения, с сердечным плачем и теплотою... Душою и целью молитвы и в том и в другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует, в свое время, покаяние благодатное» (Умное делание, §§ 191–194).

Молитва первого периода именуется делательной, или трудовой и покаянной, молитва второго периода – благодатной и самодвижной, оставаясь вместе с тем и покаянной, каковой она должна быть всегда. К упражнению в молитве первого рода и к преуспеянию в ней св. отцы приглашают всех христиан. Но они строго воспрещают начинающим и новоначальным преждевременное усилие взойти умом во святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом. Когда придет время, Господь Сам возведет на нее делателя молитвы. «Благодать Божия, – пишет свт. Игнатий, – сама собою, в известное ей время, по ее благоволению, переводит подвижника молитвы от первого образа молитвы ко второму. Если благоугодно Богу оставить подвижника при первоначальной молитве покаяния, то да остается он при ней, да не ищет высшего состояния, да не ищет его в твердом убеждении, что оно не приобретается человеческим усилием, – но даруется Богом. Пребывание в покаянии есть залог спасения. Будем довольны этим состоянием; не будем искать состояния высшего. Такое искание есть верный признак гордости и самомнения, такое состояние приводит не к преуспеянию, а к преткновениям и гибели. Для стяжания глубокой сердечной молитвы необходимо значительное приуготовление». (Сочинения. Т. 2. С. 257).

Боюсь, что я преждевременно коснулся вопроса о степенях Иисусовой молитвы и этим нарушаю порядок нашей беседы. Прошу простить мне это. Но, с другой стороны, это предупреждение облегчит Вам понимание дальнейшего хода Иисусовой молитвы. В связи со сказанным должен прибавить еще несколько слов. Не думайте, что степени Иисусовой молитвы есть что-либо искусственно установленное. Нет, это необходимая принадлежность всякого естественного

органического возрастания. Молитва есть жизненное дело: усваивается она не отвлеченным рассуждением, а жизненным опытом и трудом. Узнав на опыте одно состояние молитвы, молящийся переходит к следующему, более высокому, если на то будет воля Божия, а не по своему усилию. В этом делании невозможно ни пропустить промежуточную ступень, ни проходить ступени в обратном порядке. Это так же, как в физическом возрастании человек переходит незаметно от детства к отрочеству, от отрочества к юношеству и т. д. Перейдя на следующую ступень, он чувствует себя уже иначе, нежели на предыдущей. Юноша – уже не отрок и никогда не вернется ни к отрочеству, ни к младенчеству. Но для отрока нет ничего обидного в том, что он не юноша: не пришло еще время. Так и в духовной жизни существуют свои духовные ступени, по которым надо терпеливо восходить, в свое время, и нет ничего обидного в том, чтобы стоять на разных ступенях. И никто не должен жаловаться, почему ему не доступно то, что доступно другому. Каждому следует принять свой возраст со смирением, без преждевременного и горделивого притязания на старший возраст, который ему все равно не по силам.

Иерей. Ваши слова о возрастах в Иисусовой молитве меня, действительно, очень заинтересовали. Не можете ли Вы сказать об этом подробнее? Какие это возрасты? Чем они различаются? Можно ли определить их число? Какая их последовательность? Как нужно восходить по ним?

Инок. Потерпите немного, батюшка! Вы обо всем услышите в свое время. Помните только, что о возрастах в деле молитвы надо знать не для удовлетворения одной только любознательности ума, от этого пользы не будет, но нужно их познавать самым опытом и трудом молитвы, кому как Бог подаст. Однако возвратимся к теме нашей беседы. Рассмотрим ближе порядок Иисусовой молитвы, условия ее благотворного действия в нас и те духовные плоды, которые она может приносить нам даже на первых порах своего правильного делания. По словам свт. Феофана, молитва Иисусова есть прежде всего такая же молитва, как и все прочие молитвы. Она так же не может твориться вне связи с нашим телом. Она так же

сопровождается крестным знаменiem, поклонами поясными и земными. Наши уста и язык произносят слова молитвы; наш ум, имеющий средоточие в голове, внимает словам молитвы; наше сердце чувствует эти слова и отзывается на них. При правильном сочетании всех этих элементов получается правильная молитва.

Свт. Феофан указывает сначала условия правильности всякой нашей молитвы, не только Иисусовой. Он говорит: «Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в твоей молитве чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва. По нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает невесть где, или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. Полная и настоящая молитва есть та, когда со словом молитвенным и молитвенною мыслью сочетается и молитвенное чувство. Как же научиться такой молитве? Перед самым началом молитвословия поставь себя в присутствие Божие до сознания и чувства Его с благоговейным страхом, и восставь в сердце живую веру, что Бог видит и слышит тебя, что Он не отвращается от молящихся, но благоволиительно взирает на них и на тебя в час молитвы сей, и окрылись упованием, что Он готов исполнить, и действительно исполнит, прошение твое, если оно душеполезно для тебя. Настроясь так, произноси молитвы твои, всеусильно углубляясь в них и всячески заботясь о том, чтобы они исходили из сердца, как твои собственные. Не позволяй вниманию твоему отклоняться и мыслям твоим улетать на сторону. Как только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои внутрь и начинай опять молитвы с того пункта, с которого внимание твое отклонилось... Не позволяй себе спешить в молитвословии, а все его благоговейно, как священное дело, с терпением доводи до конца» (Невидимая брань. М., 1912. С. 144).

Это правило общей молитвы применимо и к Иисусовой молитве, которая так же, как и другие молитвы, может быть совершаема правильно или неправильно. Уста могут произносить Иисусову молитву, а внимания к молитве может и не быть: ум может блуждать невесть где или засоряться посторонними помыслами. Может и ум быть на месте и внимать словам молитвы, а сердце оставаться безучастным. Для правильности Иисусовой молитвы требуется, чтобы при произношении ее и ум внимал словам молитвы, и сердце чувствовало бы эту молитву. Таковы общие условия ее правильного совершения.

Теперь перейдем к отдельным, частным, условиям ее благотворного действия в нас. Что требуется от нас, чтобы Иисусова молитва приносила добрый плод в сердцах наших? Мы уже упоминали, что Иисусова молитва, на какой бы степени она ни стояла, непременно должна сопровождаться покаянным чувством. Этого требует и самое ее содержание. Ведь мы просим в ней «помилования». О необходимости покаянного чувства учат все наставники Иисусовой молитвы. «Пребывать в мире с Богом нельзя без непрерывного покаяния, – пишет свт. Феофан. – Условие к миру с Богом ап. Иоанн поставляет такое: «Аще сердце наше не зазрит нам» (1Ин. 3, 21). Если нет ничего на совести, можно иметь дерзновение и доступ к Богу в чувстве мира, а если есть, то мир нарушается. Бывает что́ на совести – от сознания греха. Но, по тому же апостолу, мы никогда не бываем без греха, и это так решительно, что тот уже лжец, кто иначе думает и чувствует (1Ин. 1, 8). Следовательно, нет минуты, когда бы кто не имел чего на совести, вольного или невольного, а потому нет минуты, когда бы не возмущался его мир с Богом. Отсюда следует, что все необходимо очищать свою совесть, чтоб быть в мире с Богом. Очищается же совесть покаянием; следовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяние смывает всякую скверну с души и делает ее чистою (1Ин. 1, 9). Покаяние сие состоит не в словах только: «Прости, Господи, помилуй, Господи», – но при нем неизбежны все действия, условливающие отпущение грехов, то есть: сознание определенной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна



или другого чего-нибудь, сознание своей в том виновности и безответственности без самооправдания, молитва об оставлении ради Господа до умирения духа. Что касается до великих грехов, то те тотчас должно исповедать духовному отцу и принять разрешение, ибо в тех не успокоишь духа одним повседневным покаянием. Таким образом, обязанность непрерывного покаяния есть то же, что обязанность содержать совесть в чистоте и безукоризненности» (Умное делание, § 156).

«Приступая к молитве, – пишет другой наставник Иисусовой молитвы, – нужно молить Господа о том, чтобы дал нам увидеть свое бедственное, греховное состояние, в котором находимся все мы; всю свою нищету духовную, убожество и свое совершенное бессилие в деле добра; чтобы дал нам иметь сердце сокрушенное и болезненное и чувство нужды в Его Божественной, всесильной помощи, которую и просить непрестанною молитвою». «Молитва Иисусова, – продолжает он же, – обязательно должна быть погружена в покаянные чувства; каковое настроение должно быть непрекращаемым во всю нашу жизнь, согласно учению о сем предмете всех св. отец. При упражнении молитвою нужно иметь целью, чтобы сокрушением, слезами и умилением очистить сердце от грехов и земных пристрастий и сим уготовить себя для принятия Господа Иисуса в чистой небесной неразвлекаемой молитве, в которой и составляется наше с Ним примирение и духовное общение. И только здесь, именно в чистом сердце и глубоком искреннем смирении, с любовью к ближним, и могут состояться и действовать высшие меры истинной сердечной молитвы, соединяющей нас с Богом и дающей нам вкусить в Нем вечный живот».

То же самое пишет о необходимости покаянного духа при молитве Иисусовой и свт. Игнатий Брянчанинов: «Начинать делание молитвы Иисусовой надо с начала, а не с середины и не с конца. Начинают с середины те, которые, без всякого приготовления, усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать с начала, то

есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве» (Сочинения. Т. 1. С. 223).

В другом месте Свт. Игнатий пишет, что «от всякого неверного шага, от всякой ошибки или обмана и прелести, от всякого ложного, нездорового чувства в начале делания молитвы Иисусовой спасает одно – покаяние или плач. При упражнении молитвою Иисусовой и вообще молитвою вполне и со всею верностью предохраняет тот вид смирения, который называется плачем. Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека. Плач есть дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит, то есть не предаст во власть и поругание демонам, как предается им сердце гордое, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия. Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем – и прелесть никогда не воздействует на нас» (Сочинения. Т. 1. С. 226).

Еще с большою настойчивостью требует от своих учеников покаянного чувства и болезнования сердца при молитвенном делании великий Молдавский старец прп. Паисий Величковский. Он настаивает, чтобы они проходили молитвенный труд «сокрушенным сердцем». Он напоминает им слова св. Иоанна Лествичника, который говорил: «Если мы и высокую жизнь проходим, а сердца болезненного не приобретаем, то все это притворно и суетно». И св. Григорий Синаит говорит: «Болезнь сердечная, и смирение, и труд послушания по силе каждого с правотою сердца совершают дело истины». И он же снова: «Всякое делание, телесное и духовное, не имеющее сердечного труда, никогда не приносит плода совершающему его, ибо Царство Божие усилием берется и употребляющие усилие достигают его, как сказал Господь. Хотя бы кто-нибудь безболезненно и многие годы трудился или трудится, но не

заботится с горячим усердием сердца совершать труды покаяния, бывает чужд чистоты и не причастен Духу Святому». И еще: «Кто трудится с небрежностью и леностью, то, хотя бы он, казалось, и много работает; никакого плода не получает, ибо идущие неболезненным путем впадают от уныния в бесполезные попечения и помрачаются». То же самое говорит и св. Симеон Новый Богослов: «Кто не подражает Христовым страстям покаянием, слезами, смирением, послушанием и терпением, особенно же нищетою и скорбями, поношением и поруганием и не бывает причастником Его позорной смерти, тот не может быть и сопричастником Его духовного здесь воскресения и не может получить благодати Св. Духа, ибо Божественный Павел говорит: «Если с Ним страдаем, то с Ним и прославимся...». Ибо без покаяния и слез, как мы сказали, ничто из сказанного не может быть когда-нибудь и не будет ни в нас самих, ни в других». Он же и в другом месте говорит: «Никто не может доказать от Божественного Писания, чтобы без слез и всегдашнего умиления мог очиститься от страстей и чтобы кто-нибудь из людей мог достигнуть святости, или получить Духа Святого, или увидеть Бога, или почувствовать Его внутри себя в своем сердце без предварительного покаяния и умиления, ибо только по мере слез, печали и покаяния все это производит Божественный огонь умиления». И снова говорит: «Берегитесь, чтобы вам не лишиться иметь в себе Христа и чтобы вы не отошли с пустыми руками из этой жизни, и тогда восплачете и возрыдаете».

Приводя эти слова св. отцов, прп. Пайсий со слезами убеждает братию исполнять заповеди Христовы и приобретать себе сердце сокрушенное и смиренное.

Имея покаянное сердце, приступающий к деланию молитвы Иисусовой должен позаботиться также и о том, чтобы вся жизнь его была в соответствии с этим священным деланием и не противоречила ему. Это второе необходимое условие правильно совершаемой Иисусовой молитвы. Св. Макарий Великий пишет: «Сколько велики и неисповедимы обетованные Богом блага, столько же многих требуют трудов и подвигов, с надеждою и верою совершаемых. И сие явно из следующего:

«Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет» (Мф. 16, 24). И еще: «Аще кто... не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» (Лк. 14, 26). Большая же часть людей столько неразумны, что желают получить Царствие, наследовать вечную жизнь, вечно царствовать со Христом (что весьма высоко и выше всякого понятия), а живут по собственным своим хотениям, и им последуют, вернее же сказать, последуют тому, кто посеваает в них такие суетные и явно вредные мысли» (Слово 4. Гл. 22). «Кто принуждает себя исключительно и всеусильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, – пишет тот же св. Макарий, – тот может достигнуть только до того, что иногда, по прошению его, касается его Божественная благодать, потому что Бог по естественной благодати Своей человеколюбиво дарует просящим то, чего они хотят. Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутым нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей степени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет. Престолом и покоем, так сказать, для Св. Духа служат смирение, любовь, кротость и, последовательно, все святые заповеди Христовы».

Тот же св. Макарий пишет: «Если смиренномудрием, простодушием и благодатию украшены не будем, то вид молитвы никакой пользы нам не принесет». И не о внешних только добрых делах должен заботиться делатель Иисусовой молитвы, но и о достижении внутренней чистоты сердца. «Как кто может сказать о себе: так как я пощусь, живу в пустыне, раздаю свое имущество, то я свят! Но свят ли тот, кто не очистил своего внутреннего человека? И не просто воздержанием от зла достигается чистота, но истреблением зла в совести своей достигается истинная чистота. Войди ты, кто бы ты ни был, к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений твоих исследуй, и ты

увидишь в недрах души твоей ползающего и гнездящегося змия, убившего тебя отравой частей души твоей. Ибо сердце неизмеримая есть бездна: если ты убьешь этого змия, то похвались перед Богом чистотою твоею. Если же нет, смири себя, как немощный и грешный, моляся Богу о тайных твоих» (Слово 1. Гл. 1).

«Прежде других добродетелей простота, как в сердце, так и в речах, взаимная друг к другу любовь, и радость, и смирение да будут непременно как некоторое основание положены в братстве, да не сотворим бесполезным наш труд, возносясь друг пред другом и друг на друга ропща» (Там же).

«Желающий приступить ко Господу, и сподобиться вечной жизни, и быть домом Божиим, и удостоиться Духа Святого, чтобы непорочно и чисто творить по заповедям Господним плоды его, должен так начать. Во-первых, веровать твердо Господу, и всего себя предать словам заповедей Его, и во всем отречься мира, дабы ум не вращался ни в чем из видимых вещей, и всегда непоколебимо пребывать в молитвах, и не отчаиваться в ожидании, что Господь призрит и поможет во всякое время. Затем постоянно понуждать себя ко всякому доброму делу и ко всем заповедям Господним, хотя бы для пребывающего в сердце греха и желания к тому не было. То есть принуждать себя к смирению пред всеми людьми, считать себя меньшим и худшим всех, не ища ни от кого чести себе или похвалы, или славы, как того требует Евангелие, но только всегда иметь пред глазами своими Господа и Его заповеди и Ему одному стараться угодить. Так же принуждать себя к кротости, хотя бы и противилось тому сердце. Подобным же образом быть милостивым, приветливым, сострадательным, добрым, сколько возможно к тому себя принуждая. И иметь всегда пред своими глазами и смирение Господне, и жизнь, и обращение, содержа их всегда в своей памяти незабвенно как образ и пример для себя. И сколько есть сил понуждать себя к непрестанному пребыванию в молитвах, всегда прося и веруя, чтобы пришел Господь, и обитель сотворил в нем, и наставил и утвердил бы его во всех заповедях Своих, и чтобы душа его стала домом Иисусу Христу. И, таким образом делая теперь с

насилием над собою и против воли сердца, он привыкнет потом ко всякому доброму делу, ко всегдашней памяти о Господе, ко всегдашнему ожиданию Его великой благодати и любви. И тогда Бог, видя такой его труд и принуждение себя к добру, даст ему истинную молитву Христову, даст глубину милосердия, истинное человеколюбие и, просто сказать, подаст ему все плоды духовные» (Прп. Макарий Великий. Слово 1. Гл. 13).

Мы указали те качества, какие должен укреплять в себе делатель Иисусовой молитвы, но должны указать еще и то, с чем ему приходится бороться в себе: рассеяние внимания, трудность сосредоточить его на словах молитвы, блуждание мыслей, а также все время лезущие в голову посторонние помыслы. Все это преодолевается у новоначальных не своими силами, а смиренным прибеганием под защиту Божию, деланием молитвы Иисусовой. По мере того, как молитва все более и более укрепляется в сердце и все живее и глубже делается чувство своего предстояния перед Господом, молитва делается чище и свободнее от рассеянности и помыслов становится.

У свт. Игнатия Брянчанинова мы находим следующее разъяснение о разделении помыслов по их происхождению: «Вступивший умом в подвиг молитвы должен отречься и постоянно отрекаться как от всех помыслов и ощущений падшего естества, так и от всех помыслов и ощущений, приносимых падшими духами, сколько бы ни были благовидными те и другие помыслы и ощущения – он должен идти постоянно тесным путем внимательнейшей молитвы, не уклоняясь ни налево, ни направо. Уклонением налево называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами суетными и греховными; уклонением направо называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами по-видимому благими. Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящегося: одни прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина св. крещением, другие предлагаются ангелом-хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильнее, воспоминания и ощущения

содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление, плач сердца, слезы, обнажают перед взорами молящегося обширность греховности его и глубину падения человеческого, возвещают о неминуемой никем смерти, о безызвестности часа ее, о нелюбезном и Страшном Суде Божиим, о вечной муке, по лютости своей превышающей постижение человеческое. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских зло часто прикрывается добром, действуя впрочем иногда и открытым злом. Последние двух родов помыслы и ощущения действуют совокупно по причине связи и общения падших духов с падшим человеческим естеством, и первым плодом действия их являются высокоумие, в молитве рассеянность. Демоны, принося мнимо духовные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения... Вслед за демонскими богословием и философией вторгаются в душу помыслы и мечтания суетные и страшные, расхищают, уничтожают молитву, разрушают благое устройство души. По плодам различаются помыслы и ощущения истинно-благие от помыслов и ощущений мнимо-благих» (Сочинения. Т. 1. С. 211).

Вы спросите меня, замечаются ли в этом начальном периоде Иисусовой молитвы какие-либо плоды этого делания? Несомненно замечаются, если кто старательно выполняет вышеуказанные условия, т. е. молится со вниманием, с благоговением и с покаянным чувством.

Главным плодом молитвенного делания свт. Феофан считает не теплоту и сладость, а страх Божий и сокрушение (Умное делание, § 226).

Свт. Игнатий так говорит о плодах молитвы: «Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которою превышает псалмопение и прочего молитвословия. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они

усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление суть дары Божии» (Там же, § 74).

То же говорит и свт. Феофан: «Плод молитвы – сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. И молитву сию творить всякому можно, не монаху только, но и мирянину» (Там же, § 77).

У свт. Игнатия далее читаем следующие слова о плодах молитвы при условии постоянства в ней: «Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог, в свое время, даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своею нечистою молитвою, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему. Образец успеха настойчивой молитвы Иисусовой видим в Евангелии. Когда Господь выходил из Иерихона в сопровождении учеников и народного множества, тогда слепец Вартимей, сидевший при пути и просивший милостыни, узнав, что Господь проходит мимо, начал кричать: «Сыне Давидов, Иисусе, помилуй мя». Ему воспрещали кричать, но он тем более кричал. Последствием неумолкаемого крика было исцеление слепца Господом. Так и мы будем вопить, несмотря на восстающие из падшего естества и приносимые диаволом помыслы, мечтания и ощущения греховные, для воспрепятствования нашему молитвенному воплю, – и несомненно получим милость».

«От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога. Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его,



нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший Его присутствие, не может не уверовать в Него живую верою, являемую делами. Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждою на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение. Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней. Наконец, он может прийти в состояние младенчества, заповеданное Евангелием, соделаться буим ради Христа, то есть утратить лжеименный разум мира и получить от Бога разум духовный. Непрестанною молитвою уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми, а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь. Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотою в Божественную любовь. Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа» (Умное делание, § 38).

«Плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач. Плачем называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу. Потом являются ощущения присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем и, в свое время, осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия... Страх Божий – ощущение совершенно новое. Страх Бржий – действие Св. Духа. От внушения этого чудного действия начинают истаивать страсти, ум и сердце начинают привлекаться к непрерывному

упражнению молитвою. По некотором преуспевании приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпение скорбей как попущений и врачеваний Божиих, в которых необходимо нуждается наша греховность. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии его, не может быть сравнена ни с какою любовью, движущеюся в падшем естестве, как бы ни была эта естественная любовь правильно и священной. Одобрятся закон естественный, действующий во времени, но закон вечный, закон духовный настолько выше его, насколько Св. Дух выше духа человеческого. О дальнейших плодах и последствиях моления святейшим именем Господа Иисуса останавливаюсь говорить, – заканчивает свт. Игнатий свои слова, – пусть блаженный опыт научит им и меня и других» (Сочинения. Т. 1. С. 290–291).

Таковы, по свидетельству опытных наставников, даруемые Богом плоды Иисусовой молитвы, постепенно приобретаемые ее усердными делателями.

На этом мы закончим нашу первую беседу о молитве Иисусовой и в следующий раз поведем речь о делательной, трудовой и о самодвижной Иисусовой молитве, а также о тех трудностях и неправильностях, которые бывают при этом умном делании.

## **Беседа 2. О способах обучения деятельной Иисусовой молитве, о трудностях, недоумениях и неправильностях, возникающих при этой молитве, и о молитве благодатной, самодвижной**

Инок. Благословясь, продолжим нашу беседу.

Иерей. Простите, батюшка, я хочу напомнить Вам Ваше обещание подробно разъяснить различие степеней Иисусовой молитвы в соответствии с духовным возрастом и преуспеянием проходящих эту молитву.

Инок. Вы интересуетесь этим вопросом из теоретической любознательности или потому, что опытом узнали начальные шаги этого молитвенного делания и ищете дальнейших указаний? Если этот вопрос интересует Вас теоретически, то ответ на него, будучи достоянием только Вашего ума и памяти, не принесет Вам существенной пользы.

Я припоминаю случай, когда один послушник жаловался своему старцу, что при чтении книги св. Иоанна Лествичника у него ничего не осталось в памяти. Старец ответил: «Эта книга запоминается деланием». Вспоминается также и другой случай с прп. Павлом Препростым, который просил Великого Антония научить его псалтири. И когда Антоний произнес первые слова: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», то прп. Павел остановил его и сказал: «Подожди. Дальнейшее ты мне скажешь, когда я научусь исполнять сказанное тобою». Из этих примеров Вы видите, что наука духовной жизни изучается не теоретическим усвоением памятью, а практическим опытом жизни.

Иерей. Благодарю Вас, батюшка, за это разъяснение, но все же я хотел бы, прежде чем приступить к опытному деланию Иисусовой молитвы, иметь о ней возможно более полное понятие, чтобы яснее представлять себе свой духовный

возраст, и то место, на котором я стою духовно, и весь предлежащий путь молитвы, и через это сознательнее, спокойнее и увереннее идти по этому пути.

Инок. Ну хорошо, пусть будет по-Вашему. Вы помните, в прошлый раз мы говорили о том, что называется Иисусовой молитвой, какое значение имеет в нашей духовной жизни упражнение этой молитвой, какие условия необходимы для ее благотворного действия и какие плоды она приносит в нашей душе. Настоящая наша беседа будет и восполнением не досказанного тогда, продолжением предыдущей беседы: мы будем говорить о том, как нужно навекать Иисусовой молитве и какие бывают при этом трудности, недоумения и неправильности, а после того скажем и о молитве благодатной.

Как было уже сказано в прошлый раз, в делании Иисусовой молитвы очень важно строгое соблюдение порядка и последовательности. Всякая поспешность, нетерпеливость, забегание вперед, желание поскорее достигнуть последних результатов молитвы не проходя предварительного медленного и болезненного пути не только не совместимы с чувством благоговейного отношения к молитве, но и обрекают делателя на полную безуспешность и бесплодие его труда и даже, более того, являются источником самообольщения, и прелести, доводящей и до повреждения в уме. Да сохранит Господь делателей Иисусовой молитвы от сего ложного и пагубного пути! Поэтому наставники этого делания и требуют от своих учеников не порываться самочинно вперед, но с возможным вниманием, благоговением, покаянным чувством и неустанным трудом выполнять начальное делание молитвы, терпеливо ожидая, пока Сам Господь, когда найдет это нужным, возведет их на следующую ступень. Таков единственный правильный порядок молитвенного преуспеяния. Подходить к этому деланию нужно возможно проще, искреннее, не напрягаясь и не усиливаясь выжимать из себя те или иные чувства, предоставляя все это воле Божией. Не нужно думать и о том, что начинаешь какое-то особенное, великое дело, которым выделяешься из ряда других людей. Одно только необходимо – сознать себя пред лицом Божиим грешником, ищущим спасения и упорядочения души и

жизни своей деланием священной Иисусовой молитвы. Нужно иметь в сердце своем искреннюю, хотя бы и малую, наподобие горчичного зерна, веру, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и истинный Бог есть, действительно, наш Спаситель, обетованный Богом Избавитель мира, Который один только может воскресить и мою душу и возжечь в ней подлинную жизнь, чистую и святую. Без такой веры самая молитва становится невозможной. Она делается праздным и бесплодным пустословием. Но по мере прохождения Иисусовой молитвы наша слабая вера будет крепнуть и разгораться и, наконец, займет в сердце первое и главенствующее место. Далее – нужно усиливаться исполнять все то, что Господь Иисус Христос заповедал нам творить во Святом Евангелии, делами свидетельствовать свою веру, иметь нелицемерную любовь к ближнему, считать себя худшим всей твари и болезненным и сокрушенным сердцем чувствовать грехи свои. От делания Иисусовой молитвы все эти чувствования и расположения духа будут укрепляться, внимание будет сосредоточиваться, мысли не будут разбегаться, пустые и нечистые помыслы потеряют свою назойливость.

Следуя порядку постепенности, мы начнем настоящую беседу с изложения тех практических советов, какие дает свт. Феофан всем желающим навыйкнуть правильной молитве. Сначала он говорит о молитве вообще, а потом о молитве Иисусовой в частности. Советы его заключаются в следующем. Для молитвы вообще:

«1. Избери правило молитвословия: вечернего, утреннего и дневного.

2. Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить не привыкшего духа к сему деланию и труду.

3. Совершать его должно всегда со страхом (с благоговением), тщанием (старанием) и вниманием.

4. Здесь требуется: стояние, поклоны, коленопреклонение, крестное знамение, чтение, иногда пение.

5. Чем чаще становиться на такую молитву, тем лучше... не много, но чаще.

6. Какие читать молитвы, это положено в молитвенниках. Но хорошо привыкнуть к одной какой-либо, чтобы, начав ее, тотчас загорался дух.

7. Правило молитвословия просто: став на молитву, со страхом и трепетом говори ее как в уши Божии, сопровождая крестом, поклонами и падением ниц, соответственно движению духа.

8. Правило принятое непременно всегда исполнять должно, но это не препятствует, по требованию сердца, и прибавлять.

9. Чтение и пение вслух, или шепотом, или молча – все одно, ибо Господь близ. Но иногда лучше тем, иногда – другим способом совершать все молитвословие.

10. Твердо должно содержать в мысли предел молитвы (ее последнюю цель). Та молитва хороша, которая оканчивается припадением к Богу с чувством: «Имиже веши судьбами, спаси мя».

11. Есть степени молитвы. Первая степень – молитва телесная, более в чтании, стоянии, поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет; тут – терпение, труд. Несмотря, однако ж, на то, положи пределы и делай молитву. Это – делательная молитва. Вторая степень – молитва внимательная: ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговорить с сознанием, без расхищения. Внимание срастворяется со словом писанным и говорит как свое. Третья степень – молитва чувства: от внимания согревается сердце и, что там в мысли, то здесь становится чувством. Там – слово сокрушительное, а здесь – сокрушение; там – прошение, а здесь – чувство нужды и потребность. Кто перешел к чувству, тот без слова молится, ибо Бог есть Бог сердца. Потому это и есть предел молитвенного воспитания – став на молитву, переходить от чувства к чувству...

12. Как бы, впрочем, ни полагал себя кто усовершенствовавшимся в молитве, правила молитвенного оставлять никогда не должно, а творить его как указано и всегда начинать с молитвы делательной. С нею должна быть умная, а за ними придет и сердечная. Без этого растеряются сии

последние, и человек будет думать, что молится, а на деле этого не будет.

13. Когда молитвенное чувство взойдет до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть дар Духа Божия, молящегося за нас, – последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорят, еще и не постигаемая умом молитва, или заходящая за пределы сознания (так у свт. Исаака Сирианова)» (Еп. Феофан. Путь ко спасению. М., 1899. С. 240–242).

Таков порядок общего молитвенного делания. Многие из указанных свт. Феофаном правил для общей молитвы, утренней или вечерней, применимы и для молитвы Иисусовой, как это легко может видеть каждый. Но сказанное здесь свт. Феофан дополняет еще советами, относящимися непосредственно к молитве Иисусовой.

«Навыкновение молитве Иисусовой, – пишет он, – внешне сосостоит в достижении того, чтобы она сама собою непрестанно вращалась на устах, внутренне же – в сосредоточении ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом, с сопровождающею сие сердечною теплотою в разных степенях, и отречением всяких других помышлений, и наипаче с сокрушенным и смиренным припаданием ко Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частым, сколько можно, повторением сей молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, установляясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установлению такого строя внутри сопутствует согревание сердца и отогнание помыслов даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления ко Господу, тогда вместе с ним водворится внутри мирное устройство сердца с сокрушенным и смиренным мысленным припаданием ко Господу. До сего доходит собственный наш труд с помощью благодати Божией. Что еще, высшее сего, может совершаться в деле молитвы, то будет даром единой благодати. У св. отцов поминается о сем для того только, чтобы кто, достигши показанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать и не возмечтал, что стоит на самом верху совершенства

молитвенного или духовного. Итак, первое тебе дело – частое, сколько можно частое, повторение молитвы Иисусовой, пока навыйкнешь непрестанно ее повторять. Делай сие так:

1. Определи в молитвенном твоём правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз сию молитву в начале своего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в твоё молитвословие, делай то же.

2. Число, сколько раз повторять в каком случае сию молитву, сам себе определи или с совета духовного отца твоего. Только сначала много не назначай, а потом, по мере усвоения этой молитвы, прибавляй понемногу. Если когда придет желание повторить положенное число, не отказывай себе в этом, не поставляя себе это в постоянное правило, а только в этом случае. И сколько бы ни потребовало сердце таких повторений, не отказывай.

3. Не торопись в произношении молитв одной за другою, а с мерной длительностью произноси их, однако же не об одних словах заботься, а паче о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, яко присущему, с полным сознанием Его величия, и благодати, и правды.

4. Если имеешь свободу, то во время между одним и другим молитвословием положи себе остановиться, как обычно становишься на молитву, и возносить к Господу несколько раз молитву сию. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй сию молитву всюду между делами твоими и даже речами.

5. Творя сию молитву на правиле или кроме него, становись для нее в молитвенное положение, при каждом разе ее произношения делай поклон: десять раз поясной, а потом земной, – так, пока кончишь. Ты, конечно, слышал или читал, что св. отцы в своих правилах о молитве полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, когда кто не преутрудит в ней тела своего поклонами. Если ты положишь, по силе своей, подражать сему, то скорее увидишь плод от труда своего над навыйковением молитве Иисусовой.

6. О дальнейших наставлениях, указаниях и предостережениях касательно молитвы Иисусовой, читай в



Добротолюбии: Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Никифора монаха, Игнатия и Каллиста; и всех других отцов уроки о внутренней молитве могут быть прилагаемы и к молитве Иисусовой. Заметь: в уроках сказанных отцов ты найдешь указания как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приемы, как сказали Каллист и Игнатий, не существенно необходимы, а суть только внешние приспособления, не для всех пригодные. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицом Господа и возносить к Нему сию краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

7. Заметь еще: быть вниманием надо в сердце, или внутри персей, как говорят иные отцы, именно – немного выше левого сосца, – и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор: стань со вниманием и молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими собою, под гортанью, наверху груди. После опять сойдешь над левый сосец. Не побрезгуй сим замечанием, как оно ни покажется тебе слишком простым и мало духовным.

8. У св. отцов встретишь много предостережений. Ко всем им поводы даны опытами неправильного действия. Чтобы избежать сих неправильностей, имей советника – отца духовного – или собеседника – брата единомышленного – и поверяй им все случающееся при таком труде твоём. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Ведай, что настоящий успех происходит внутри, незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Посему, когда возгласится у тебя внутри: а, вот оно! – знай, что это возглас вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай сей глас сразу; иначе он, как труба, будет гудеть у тебя, питая самомнение.

9. Не определяй времени потребного для успеха в молитве сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских

отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце, у другого некоего это пришло через 8 месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к сему делу» (Невидимая брань. С. 207–212).

Таковы внешние приемы навывновения молитве Иисусовой. Одновременно с этим свт. Феофан указывает и внутренний порядок молитвы. Он говорит: «Молитва – дело внутреннее. Главное, в чем надо упражняться, есть память Божия, или хождение в присутствии Божиим. Старайтесь приобрести навык всегда быть в сознании и чувстве, что находитесь под оком Божиим, проникающим всю глубину вашего сердца и все внутренние движения ваши видящим». «Корень доброго внутреннего строя есть страх Божий. Его надо сделать неотходным. Он будет все держать в напряжении и не даст распускаться ни членам, ни мыслям, созидавая бодренное сердце и трезвенную мысль. Но всегда помнить надо и чувствовать, что успех в духовной жизни и во всех ее проявлениях есть плод благодати Божией. Духовная жизнь – вся от Пресвятого Духа Божия». «Ищите и обрящете», – обещал Господь. Чего искать должно? Живого, осязательного общения с Господом. Дает сие благодать Божия, но нам необходимо и самим трудиться о том. Куда же обращать труд? На то, чтобы всегда памятовать о Господе, яко близ и даже в сердце сущем. Стань вниманием в сердце пред лицом Господа и говори: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Все дело в этом и есть, и, по существу дела, больше ничего не требуется» (Из писем к иноку).

При прохождении Иисусовой молитвы имеет особенное значение вопрос о том, где должны быть сосредоточены во время молитвы ум и внимание молящегося. По словам всех наставников молитвы Иисусовой, внимание ума должно быть сосредоточено не в голове, а в сердце. Свт. Феофан пишет: «Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает как следует» (Умное делание, § 140).

«Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у Вас помышление о Боге в голове, а сам Бог как бы вне – и выходит, что это – работа внешняя. Пока Вы в голове, мысли не улягутся

покойно, все будут мястись, как снег или толкашки комарей летние» (Там же, § 168).

«Вы писали, что от внимания голова даже болит. Да, если головою только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только низойти в сердце – и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти. В сердце – жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа» (Там же, §169).

«Как понимать выражение сосредоточить ум в сердце? Ум там, где внимание. Сосредоточить его в сердце – значит установить внимание в сердце и умно зреть пред собою присущего невидимого Бога, обращаясь к Нему со славословием, благодарением и прошением, назирая при этом, чтобы ничто стороннее не входило в сердце. Тут вся тайна духовной жизни» (Там же, § 170).

И свт. Феофан, и свт. Игнатий считают сердце средоточием высшей, духовной жизни человека. Свт. Феофан так говорит о сердце: «Сердце – внутреннейший человек, или дух, где самосознание, совесть, идея о Боге с чувством зависимости от Него всесторонней, вся духовная жизнь вечноценная» (Там же, § 149).

Подобное же пишет, и еще с большей определенностью, и свт. Игнатий: «Читая у отцов о сердечном месте, которое ум обретает молитвою, надо понимать словесную силу сердца, помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которою сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли, или желания, и силу ревности, или ярости, наравне с человеками. Сила словесства выражается в совести, или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа, или глубокой печали о грехах, и в других духовных ощущениях, чуждых животным.

Сила души, ум, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания головной мозг; сила же словесства, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания верхнюю часть сердца, находящуюся над левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца» (Там же, § 148).

По учению свт. Игнатия, в первозданном человеке находились в полном единении и гармонии ум, сердце и тело. По грехопадении они оказались рассеченными, разделенными, противоборствующими друг другу. Воссоединяются они снова благодатию Божиею. «От прикосновения руки Его ко всему существу моему, ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, – пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука...» (Там же, § 201).

«При молитве нужно, чтобы дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одною мыслию или с участием голоса, а дух действует чувством умиления, или плача. Соединение даруется в свое время Божественною благодатию, а для новонаначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом, дух непременно ощутит умиление. Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова ум употребляется слово голова» (Там же, § 220).

По словам свт. Игнатия, «не только всякое греховное чувство и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою» (Там же, § 205). Поэтому «если ты ощутил, что соединился ум твой с душою и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто

единое и целое, что святой мир Христов возвеял в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий» (Там же, § 199).

Взаимное сочетание ума и сердца в делании Иисусовой молитвы представляет для неопытных значительную трудность. При неумелом образе действий может возникнуть ряд неправильностей, о которых подробно говорят наставники умного делания. Поэтому-то здесь и требуется постоянное наблюдение и совет опытного руководителя. Но обратимся к дальнейшему рассмотрению внутреннего порядка делания Иисусовой молитвы, по наставлениям свт. Феофана. «Что ум после нескольких молитв убегает из сердца и от памяти Божией отстает, это от слабости внимания и от равнодушия к молитве. Не дорожит душа молитвою и спешит отделаться от нее поскорее, бормоча ее кое-как. Взыщи страх Божий и с ним приступай к молитве и молись, держа внимание на смысле слов молитвенных. Коротенькие молитовки и молитва Иисусова затем и употребляются, чтобы привить сердцу чувство к Богу и тем приковать внимание. Но если будем небрежно относиться к молитве, то никогда не преуспеем в ней. Помни также, что молитва одна не бывает в совершенстве, а вместе со всеми добродетелями. По мере усовершенствования добродетелей совершенствуется и молитва. Главнейшие добродетели суть: страх Божий, целомудрие, смирение, сокрушение, плоти умерщвление, терпение, любовь. Когда они будут, явятся и другие все, а с ними и молитва». Делание молитвы Иисусовой требует с самого начала большого внимания, терпения, постоянства. Им нельзя заниматься кое-как, спустя рукава. Внимание разбегается – необходимо его собрать; помыслы назойливо втискиваются в сознание, раздражают воображение – необходимо их отстранить; поднимаются страсти, волнуют сердце – надо их усмирить; кажущаяся бесплодность самого делания наводит уныние, вызывает скуку – надо терпеть и молиться. По ошибке, по неведению, по самочинию, по самообольщению делаются ложные шаги – надо каяться и исправлять их. И при всех этих обстоятельствах надо смиряться, не роптать, не прекращать молитвенного делания и всю свою надежду возлагать на помощь Божию. Такое

состояние может продолжаться не месяцы, а годы, пока, наконец, не затеплится в сердце постоянный огонек благодатной, самодвижной молитвы.

В прошлой беседе уже указывалось на неизбежность постоянной борьбы с многоразличными трудностями при делании Иисусовой молитвы. Но я считаю нужным еще и еще раз напоминать об этом, предупреждать об этих трудностях и призывать к тому, чтобы, испытывая эту борьбу, мы не падали духом, не обманывали бы себя, не думали, что молитвенное делание совершается так же легко и просто, как по рецепту доктора получается лекарство в аптеке.

Выше говорилось, что самое сочетание ума с сердцем может ставить в затруднение и вызывать недоумение. Недавно мною было получено письмо от одного инока, благоговейного делателя Иисусовой молитвы, который был смущен строгими словами свт. Игнатия, запрещающего новоначальным, под угрозой впадения в прелесть, входить молитвенно в область сердца, и усмотрел в этом запрещении противоречие со словами старца Василия Молдавского и свт. Феофана, указывающих необходимость при молитве Иисусовой стоять вниманием в сердце. При ближайшем рассмотрении слов свт. Игнатия выяснилось, однако, что нет никакого противоречия между линиями свт. Игнатия и других наставников Иисусовой молитвы. Причиной недоумения послужила разница выражений, употребляемых подвижниками для обозначения одной и той же мысли, и различие моментов, о которых они говорят. И свт. Игнатий не отрицает необходимости участия сердца в молитве новоначальных и страстных, но выражает эту мысль словами «при сочувствии сердца», а другие пользуются иными словами. Так, старец схимонах Василий пишет о молитве новоначальных: «Св. апостол сказал: «Хочу пять слов сказать моим умом, нежели тысячу языком». Поэтому следует прежде всего этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, непрестанно говоря во глубине сердечной: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», – и этим восходить к разумному пению. Ибо всякий новоначальный и страстный может разумно, при блюдении сердца, совершать эту молитву, пения же не может

совершать разумно, пока не предпочистится сею молитвою» (Житие и писания Паисия Величковского. С. 107).

В другом месте старец Василий говорит еще определеннее о возможности молитвы сердцем для новоначальных и страстных. Опровергая мнение тех, кто считает делание Иисусовой молитвы приличным только святым и бесстрастным, старец пишет: «Первая степень преуспевания новоначальных монахов состоит в умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, т. е. умною молитвою, подобающе деятельным» (Еп. Игнатий. Сочинения. Т. 1. С. 219).

Таким образом, то, что старец Василий называет «разумно, при блюдении сердца» (или в глубине сердечной), совершаемой молитвой новоначальных и страстных – соответствует, в творениях свт. Игнатия, молитве, «умом при сочувствии сердца» совершаемой и всем доступной, не только преуспевшим, но и новоначальным. У свт. Феофана этим же выражением соответствует: «Стать над сердцем, стать умом в сердце, из головы сойти в сердце – все сие одно и то же. Существо дела в сосредоточении внимания и стоянии пред невидимым Господом, но не в голове, а внутри груди – к сердцу и в сердце» (Умное делание, § 184).

Слова «стать умом в сердце» сам свт. Феофан объясняет так: «Знаете, где сердце? Так станьте там вниманием и стойте неисходно – и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания: где оно, там и он» (Там же, § 176).

В другом месте свт. Феофан еще яснее указывает место сердца: «Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и проч., там сердце. Там и вниманием стойте».

Итак, пишет инок, разрешая свое собственное недоумение, если при молитве необходимо «сочувствие сердца» – а где сочувствие, там и внимание, а где внимание, там и ум, – то и выходит, что у всех трех наставников разница только в словах, а по существу они говорят одно и то же, а именно: что и новоначальным, и страстным, и не очистившимся от страстей, возможно и должно молиться в сердце Иисусовой молитвою с целью очищения сердца от страстей.

Это заключение подтверждается и словами свт. Феофана: «Плод молитвы – сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. И молитву сию творить можно всякому, не монаху только, но и мирянину. Это не есть какое-либо высокое дело, а простое. И молитва Иисусова, одна сама по себе, не чудотворная какая, а, как всякая другая краткая молитва, словесная и, следовательно, внешняя. Но она может перейти в умную и сердечную... все естественным путем. Что от благодати, того надо ждать, а взять того никаким иным способом нельзя. Что Вам писали, что надо прежде страсти очистить, то относится к высокой, созерцательной молитве; а это простая молитва... могущая, однако ж, привести к высокой молитве» (Там же, § 77).

Мы подошли к пределу, где молитва первоначальная, делательная, или трудовая, соприкасается с молитвою благодатною, зависящею уже не от наших усилий, а от Божией благодати. Наши же усилия здесь сводятся лишь к тому, чтобы не помешать благодати Божией действовать в нас. Все наставники молитвы согласно предостерегают против самочинных и преждевременных исканий высшей молитвы. Свт. Игнатий пишет: «Иное молиться со вниманием при участии сердца, иное нисходить умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественных. Второе происходит от первого. Внимание ума при молитве привлекает сердце к сочувствию; при усилении внимания сочувствие сердца уму обращается в соединение сердца с умом; наконец, при внимании, усвоившемся молитве, ум нисходит в сердце, для глубочайшего молитвенного священнослужения. Все сие совершается под водительством благодати Божией, по ее благоволению и усмотрению. Стремление ко второму прежде стяжания первого не только бесполезно, но может быть причиной величайшего вреда» (Сочинения. Т. 2. С. 263).

То же самое говорит и схимонах Василий. Признавая возможной для новоначальных деятельную сердечную молитву, он предостерегает от преждевременного и самочинного искания зрительной, или созерцательной, молитвы, говоря: «Дерзостный



и самонадеянный, ища того, что выше его достоинства и устройства, горделиво добивается того, чтобы прежде времени достигнуть зрительной молитвы... Если кто в самомнении мечтает достигнуть высокого, охваченный сатанинским, а не истинным желанием, такого диавол легко улавливает своими сетями, как своего слугу» (Житие и писания Паисия Величковского. С. 112).

Запрещая искание безвременно и преждевременно открытия в себе явственного действия благодати, свт. Игнатий подкрепляет свои слова грозным прещением св. Григория Синаита, приводимым также и прп. Нилом Сорским: «Память Божия, то есть умная молитва, выше всех деланий, добродетелей глава, как любовь Божия. Кто бесстыдно и дерзко захочет войти к Богу и беседовать с Ним чисто, кто нудится стяжать Его в себе, тот удобно умерщвляется бесами, если будет попущено, как взыскавший достигнуть того дерзостно и гордостно, превыше своего достоинства и устройства».

Возникает вопрос, не распространяет ли св. Григорий Синаит эту свою угрозу и на тех новоначальных и страстных, которые, по словам старца Василия, совершением Иисусовой молитвы «в глубине своего сердца» стремятся очистить сердце от страстей?

Ответ на этот вопрос мы находим у св. Григория в его учении о борьбе с помыслами. Здесь мы входим в такую область делания Иисусовой молитвы, которая близка и понятна более монашествующим, нежели мирянам, но и мирянам не мешает иметь о ней некоторое понятие – оно может и им оказаться полезным.

Св. Григорий Синаит указывает разные способы борьбы с помыслами: одни – для сильных и совершенных, другие – для слабых и новоначальных. Он говорит: «Сильным и совершенным принадлежит бороться всегда одним и непрестанно обращать на них меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17); немощные же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти...». «Сего

ради новонаначальному надлежит внимать сердечному действию, как незаблудному (т. е. стоя вниманием в сердце, творить молитву Иисусову), все прочее не принимать до времени умирения от страстей...». «Из новоначальных никто никогда не может отогнать помысла, если Бог не отгонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их. Но и они не сами собою отгоняют их, а с Богом воздвигаются на брань с ними, как облеченные во всеоружие Его. Ты же, когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегнут: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, как огнем палимые, отбегнут. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй супостатов, ибо Бог наш есть огонь, поядая злобу... Не имеющий же действия молитвы иным побеждает их, подражая Моисею. Ибо когда он восстанет и на небо прострет руки и очи свои (Исх. 17, 11), Бог прогоняет их. Потом он опять садится и начинает молитву с терпением. Вот какой способ употребляют еще не стяжавшие действия молитвы. Но и имеющий действие молитвы, при движении телесных страстей – разления или блуда, страстей лютых и тяжких, часто вставая, простирает руки в помощь против них. Однако ж прелести ради не долго сие творит и опять садится, чтоб враг не обольстил ума его, показав какой-либо призрак. Ибо иметь ум, даже безопасный от падения, и горе, и долу, и в сердце, и всюду безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным».

Из этих слов св. Григория Синаита видно, что угроза его, которую мы привели выше, не относится к тем, кто, стоя вниманием в сердце, творит Иисусову молитву на помыслы; она относится к тем, кто самовольно и преждевременно стремится к созерцательной молитве или же, будучи страстным, вступает в единоборство или противоборство бесовским помыслам, тогда как ему нужно, стоя вниманием в сердце, вопиять именем Божиим о помощи против врагов. То же самое говорит и св. Варсонофий Великий на вопрос ученика: «Если страстный помысл войдет в сердце, чем отражать его? Тем ли, чтобы противоречить ему или произнести запрещение и как бы прогневаться на него, или тем, чтобы прибегнуть к Богу и

повергнуть пред Ним свою немощь?» Старец ответил: «Страсти те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал: «Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя» (Ис. 49, 15). И потому в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать имя Божие. Противоречить же прилично не всем, но только сильным о Боге, которым повинуются бесы. Если же кто из несильных будет противоречить, бесы ругаются над ним, что, находясь в их власти, он же им противоречит. Так же и запрещать им – дело мужей великих, имеющих над ними власть. Многие ли из святых запрещали диаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сделал сие, потому что имел власть. Нам же, немощным, остается только прибегать к имени Иисусову; ибо страсти, как сказано, суть демоны – и уходят (от призывания сего имени)» (Вопрос 301).

Тоже самое читаем мы и у св. Исихия: «Если, начав жителествовать во внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как со светильником света, с поклоняемым и святым именем Иисуса Христа, как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадеемся, то, скоро подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, или совершенному заклятию удобно подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча – имени Иисус-Христового. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекасть, опалять и поядать, как огонь солому».

Итак, сильные Богом с этим священным мечом, выступают на борьбу с врагом, немощные же, спасаясь бегством в собственное сердце, оттуда вопиют ко Господу Иисусу о помощи и таким образом избавляются от врага.

Нет, однако, ничего опаснее, как, поддаваясь помыслам и впадая в тяжкие грехи, совмещать это с Иисусовой молитвой. Свт. Игнатий пишет об этом так: «Мне известно, что некоторые

благонамеренные люди, но впадающие в блуд на самом деле, не могущие по несчастной привычке воздержаться от падений, покушаются на упражнение в сердечной молитве. Может ли быть что-либо безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания!» И свт. Феофан говорит: «Сумашествие от молитвы Иисусовой может произойти тогда, когда, творя сию молитву, не отстают от каких-либо грехов и привычек грешных, кои осуждает совесть. При сем внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякую мирность сердца. Отсюда помутиться может голова, и понятия прийти в смятение и запутанность» (Умное делание, § 372).

Конечно, в приведенных примерах виновата не Иисусова молитва, а виновато допущенное противоречие между порочным образом жизни и молитвенным деланием. Душа не может мириться с таким внутренним противоречием и такою двойственностью, и нарушенное равновесие духа и постоянные укоры совести приводят к душевному расстройству.

Из всего сказанного совершенно ясно, что вышеупомянутая угроза и прещения св. Григория Синаита и прп. Нила Сорского не относятся к тем, кто, хотя и обуреваемы страстями и помыслами, с покаянным чувством, с благоговением и вниманием, в глубоком смирении ищут в молитве Иисусовой спасения и очищения от страстей. Угроза относится только к тем, кто самочинно и дерзостно стремится преждевременно, не очистившись от страстей, к высшей, созерцательной молитве, или к тем, кто предаваясь своим страстям и не заботясь об очищении сердца, пытается совместить с этим и делание Иисусовой молитвы. Такой может даже повредиться и умом.

Существуют и другие неправильные подходы к Иисусовой молитве, о которых необходимо знать молящемуся. И хотя они также более имеют отношение к монашествующим, но не мешает их знать и каждому делателю Иисусовой молитвы. Таковы, например, те неправильности в молитве, о которых говорит св. Симеон Новый Богослов в своем Слове о трех образах внимания и молитвы. Это свое Слово он предваряет следующими поучительными наставлениями: «Есть три образа внимания и молитвы, коими душа возвышается и преуспевает

или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет в свое время и как следует, тот преуспевает; а кто употребляет их неразумно и не во время, тот низвергается. Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми пред сим вело брань внимание, ибо одно оно не может их побивать. На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем, а если не внимаем, чтобы хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными».

После этих слов прп. Симеон переходит к первому образу внимания и молитвы, в котором неправильное преобладающее положение занимает воображение.

Передавая слова прп. Симеона, свт. Феофан предваряет их следующими своими замечаниями: «В естественном порядке, или строе, наших сил, на переходе отвне внутрь (т. е. к сердцу) стоит воображение. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее место внутри. По неосторожности можно застрять на нем и, оставаясь там, быть уверенным, что вошли внутрь, тогда как это только внешнее преддверие... Да это бы еще ничего, но этому состоянию всегда почти сопутствует самопрельщение, а из него развивается визионерство, с его пагубными последствиями... Известно, – продолжает свт. Феофан, – что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя в должное отношение к Богу. Совершается это и обнаруживается в молитве. Она есть путь восхождения к Богу, и ее степени суть степени приближения нашего духа к Богу. Самый простой закон для молитвы – ничего не воображать и, собравшись умом в сердце, стать в убеждении, что Бог близ, видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам... Помышлять о Нем

надобно как о Духе чистейшем, не имеющем никакого вида и образа... Иметь такое помышление дает только благодать, когда образуется в сердце чувство к Богу. До тех же пор помышление наше о Боге не совершенно, смешано с какою-либо формою. Например, пророк говорит: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть» (Пс. 15, 8). Это образ. Всячески надо стараться о том, чтобы молиться без образов Божиих. Стой в сердце с верою, что и Бог тут же есть, а как есть, не соображай... Между тем иные вот что делают во время молитвы...» Далее следуют слова св. Симеона: «Предстоя на молитве, возводят на небо очи и ум, и воображают в уме своем Божественные помышления, небесные блага, чины св. ангелов и обители святых, словом – все, что говорится в Писании об этих предметах, вызывают их из памяти и перебирают воображением во время молитвы, стараясь потрясти этим свое чувство, в чем иногда и успевают, разгорячают свое сердце к желанию Божественного, умиляются и плачут...».

Иерей. Батюшка, да ведь молящиеся такую молитвою есть и среди моих прихожан. В ней они видят проявление подлинного религиозного настроения, очень высоко ее ценят, ищут ее и, когда достигают, думают, что достигли истинной молитвы и боятся потерять ее. Иные при этом видят даже свет от икон или улыбку на иконных ликах и другие подобные явления, которые они считают благодатными.

Инок. Слушайте дальше, и Вы увидите, в чем они правы и в чем ошибаются. «Представлять предметы Божественные под теми образами, – продолжает уже свою собственную речь свт. Феофан, – как они представляются в Писании, ничего нет худого и опасного, мы и рассуждать о них иначе не можем как облекая понятия в образы, – но не должна никогда думать, что и на деле так есть, как эти образы являются, и тем более останавливаться на этих образах во время молитвы. Во время благочестивых размышлений, или при богомыслии, это уместно, но во время молитвы нет. Образы держат внимание вовне, как бы они священны ни были, а во время молитвы вниманию надо быть внутри, в сердце; сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поскольку молитва есть

путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути. Значит, употребляющие означенный воображательный образ держания себя во время молитвы на первых же порах сами себе устраивают препоны к делу, за которое взялись с такою ревностью. Но в этой неправости начала есть только начало беды, которое наводит на нечто худшее и опаснейшее. Так как это парение или летание ума в небесных областях легко и, по связи сердца с воображением, тотчас оставляет след влияния своего в разблужении чувств, то занимающийся так тотчас начинает мечтать об успешности своего дела и о своем совершенстве». «У такого, – говорит св. Симеон, – мало-помалу кичится сердце, ибо он воображает, что совершаемое им и происходящее в нем бывает от Божественной благодати к утешению его. Почему он и молит Бога, чтобы дал ему и всегда быть в таком состоянии, а оно не есть доброе состояние, а прелесть». Таким образом, у него путь к преуспеянию пресекается в самом начале, ибо искомое считается достигнутым, тогда как достижение его еще не начато. Посему-то такой человек «никогда не может прийти в разум и достигнуть добродетели или бесстрастия». Далее – самомнение еще более разгорячает воображение, и оно быстро рисует новые картины, вставляя в свои мечтания личность мечтающего и представляя ее всегда в привлекательном виде, в близости к Богу, ангелам и святым. Чем более он так мечтает, тем более укореняется в нем убеждение, что он точно уже друг неба и небожителей, достойный осязательного с ними сближения и особых откровений. На этой степени начинается визионерство, и как естественная болезнь душевная, и, более того, как дело врага, который не дремлет.

«Таким образом многие прельстились, видя свет и сияние очами телесными, обоняя благоухание обонянием своим, слыша гласы ушами своими и т. п. Иные из них повреждались в уме и переходили с места на место, как помешанные. Иные, приняв беса, являвшегося им в образе светлого ангела, до того утверждались в прелести, что до конца оставались неисправимыми и не принимали совета ни от одного брата; иные, по внушению бесовскому, сами себя убивали,

низвергались в стремнины, удавливались. И кто может исчислить все прельщения, в какие ввергал таковых враг! Если не всякий из держащихся такого образа молитвы терпит вред, то спасаются главным образом те, которые живут в обителях с другими братьями. Но все же они проводят жизнь без всякого успеха...». Бывают видения и истинные, – продолжает свт. Феофан, – опытные умеют их различать от порождений своего воображения и привидений бесовских; но как на деле людей неопытных более, чем опытных, и к тому же враг слишком хитер, то поставлено вообще законом (духовной жизни) не принимать никаких видений и не доверяться им. «Внимай себе тщательно, рачитель Божьего дела, – пишет св. Григорий Синаит, – и разумно совершай дело свое. Если увидишь свет или огонь, вне себя или внутри, или образ какой, Христа например, или ангела, или иного кого, не принимай того, чтобы не потерпеть вреда. И уму своему не попускай строить в тебе такие образы: это внешнее дело и ведет к прелести. И если заметишь, что будто тянет кто ум твой к таким внешним воображениям, не поддавайся, держись внутри и совершай дело внимания к Богу, без всяких образов».

Переходим теперь ко второму неправильному образу молитвы. Как мы сказали выше, первый неправильный образ молитвы, каковую можно назвать мечтательной молитвой, происходит от того, что иные действуют в нем преимущественно воображением и фантазией.

Эти силы составляют первую инстанцию в движении отвне внутрь, которую следовало бы миновать, а вместо того останавливаются на ней. Вторую инстанцию на пути внутрь представляет рассудок, разум, ум, вообще рассуждающая и мыслящая сила. Следует и ее миновать и вместе с нею сойти в сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходит второй неправый образ молитвы, отличительная черта которого та, что ум, оставаясь в голове, сам собою все в душе хочет уладить и всем управить, но из трудов его ничего не выходит. Он за всем гоняется, но ничего одолеть не может и только терпит поражения» (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. М., 1882. С. 184).



Это состояние бедного ума очень полно изображено у Симеона Нового Богослова. Он пишет: «Второй образ есть такой, когда кто сводит ум свой к себе, отвлекая его от всего чувственного, и хранит чувства свои, и собирает все помыслы свои, чтобы они не скитались по суетным вещам мира сего, и то исследует помыслы свои, то внимает словам произносимой молитвы, то возвращает к себе свои помыслы, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему-нибудь суетному и худому, то снова с большим трудом и принуждением приходит в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстию. А между тем, как происходит это брожение в голове, сердце идет своим чередом: его никто не блюдет, и на него набегают заботы и страстные движения. Тогда и ум себя забывает, и убегает к предметам забот и страстей, и уж разве когда-то когда опомнится» (Там же. С. 172). Имея такой подвиг и такую брань внутри самого себя, он никогда не может быть мирен или найти время творить добродетель и получить венец правды. Ибо он подобен ведущему брань со своими врагами ночью во тьме, слышит голоса врагов и раны от них получает, но не может ясно видеть, кто они, и откуда пришли, и как, и ради чего борются с ним. Так как тьма, которая находится в уме его, и буря, которую он имеет в помыслах, приносят ему этот ущерб, и он никак не может освободиться от своих мысленных врагов, чтобы они не сокрушали его; и несет большой труд, награды же лишается, ибо окрадывается тщеславием, не замечая сего, и думает о себе, что он внимателен; и много раз от гордости презирает других и осуждает их, и считает себя, в своем воображении, достойным быть пастырем овец и путеводительствовать их, уподобляясь слепцу, пытающемуся водить других слепцов. Таков второй образ внимания, и каждый, желающий себе спасения, должен быть очень внимателен и замечать вред, какой он причиняет душе. Впрочем, этот второй образ (молитвы) лучше первого, как лунная ночь лучше безлунной». Свт. Феофан называет этот образ молитвы умно-головным, в противоположность третьему – умно-сердечному, или сердечно-умному.

«Третий образ внимания и молитвы, – приводит свт. Феофан слова св. Симеона, – есть вещь воистину преславная и неудобоизъяснимая, даже невероятная, пока кто не испытает ее делом. И в наши времена не у весьма многих найдешь ты его. Тут нет того, чтобы ум свой занимать воображениями небесных вещей или, держа ум в голове только, гоняться безуспешно за помыслами, оставляя сердце быть пораженным, когда и как придется. Что же это такое? Приготовлением к этому образу молитвы служит совершенное послушание духовному отцу своему, сопровождаемое беспопечением, и хранение совести своей чистою пред Богом, пред своим духовным отцом, пред всеми людьми и в отношении ко всем вещам. Пред Богом хранить совесть свою чистою – значит не делать ничего, о чем знаешь, что оно неприятно и негодно Богу; хранить совесть свою чистою пред духовным отцом – значит ничего – ни больше, ни меньше – не делать против заповеданного им; к иным людям хранить совесть свою чистою – значит не делать им ничего, чего не хочешь, чтобы они делали тебе; к вещам хранить чистою совесть – значит беречься злоупотребления, но все употреблять надлежащим образом: пищу, питье, одежду и проч. Коротко: все должен ты делать, как пред лицом Бога, чтобы совесть отнюдь ни в чем не обличала тебя, что ты нехорошо сделал то или это. Устроясь так, приступи к прохождению третьего образа внимания и молитвы, который состоит в следующем: ум во время молитвы да пребывает неисходно внутрь сердца и оттуда, то есть из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу (в этом существе дела! – Еп. Феофан). Когда вкусит он потом из среды сердца, яко благ Господь, и усладится тем, тогда не станет уже более исходить из места сердечного, говоря, как некогда ап. Петр: «Добро есть нам zde быти», – но будет всегда зреть внутрь сердца и там пребывать, вымышляя образ некий прогонять все помыслы, всеваемые туда врагом. Тем, которые не изведали еще этого спасительного делания, кажется оно весьма трудным и стеснительным; те же, которые вкусили сладость его во глубине сердца своего, взывают с ап. Павлом: «Кто ны разлучит от любви Божия» (Рим. 8, 35).

Св. отцы наши, слыша слово Господа, что от сердца исходят помышления злые: убийство, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы – и сквернят человека, слыша также заповедь Его очищать внутреннее стклянницы, да будет и внешнее чисто, оставили всякое иное дело и всю ревность свою, весь подвиг свой обратили на хранение сердца, наверно зная, что этим деланием удобно стяжать и всякую другую добродетель; а без него не успеют ни в одной. Это делание некоторые из отцов называли безмолвным, сердечным, иные – вниманием, иные – трезвением, иные – хранением ума. Они все упражнялись в нем и сподобились небесных дарований. Кто хочет знать о том, пусть читает Марка Подвижника, Иоанна Лествичника, прп. Исихия, Филофея Синайского, авву Исаию, Варсонофия и др.

Вот как надобно проходить эти делания. Три вещи необходимо тебе хранить прежде всего другого: первое – беспопечение о всякой вещи, благословной и неблагословной; второе – совесть чистую во всем, так, чтобы она ни в чем тебя не обличала; и третье – беспристрастие совершенное, чтобы помысл твой не уклонялся в пристрастие ни к чему мирскому. Утвердив все это в сердце твоём, сядь в каком-нибудь безмолвном месте, наедине, в углу, затвори дверь, собери ум твой, отвлекая его от всякой привременной и суетной вещи, прижми к груди бороду, сдерживай немного дыхание твоё, низведи ум твой в сердце твоё, обратив туда и чувственные очи, и, внимая ему, держи там ум свой и пробуй умом найти место, где находится сердце твоё, чтобы там был совершенно и ум твой. Сначала ты встретишь там тьму и жесткость, но потом, если будешь продолжать это дело внимания день и ночь, найдешь там непрестанное веселие. Ум, подвизаясь в этом, найдет место сердечное и тогда скоро увидит там то, чего никогда не видал и не ведал, – увидит себя светлым, исполненным благоразумия и рассуждения. И оттоле впредь, откуда бы ни возник и ни явился какой помысл, прежде чем войдет он в сердце и изобразится в нем, будет он отгонять его оттуда и потреблять именем Иисусовым, говоря: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» И с этих пор ум человеческий

начинает уже иметь памятозлобие и ненависть к бесам и непрестанную борьбу, и воздвигает на них естественный гнев, и гонит их, бичует и истребляет. Остальное же, что обычно бывает при этом, узнаешь после, с помощью Божиею, сам, своим опытом, посредством внимания ума твоего, держа в сердце Иисуса, т. е. означенную молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!»

При этом не забывай следующее мудрое наставление св. Иоанна Лествичника. Он уподобляет дело спасения лестнице о четырех ступенях и говорит: одни укрощают и ослабляют страсти; другие поют, т. е. молятся устами своими; иные упражняются в умной молитве; а иные восходят к видению. Хотящие восходить по этим четырем ступеням не должны начинать сверху, но должны восходить снизу и, ступив на первую ступень, восходить с нее на вторую, потом на третью и наконец уже на четвертую. Этим путем всякий может подняться от земли и взойти на небо. И сначала нужно подвизаться в укрощении и умалении страстей; потом упражняться в псалмопении, т. е. навывкнуть молиться устно, и, когда страсти умалятся, тогда молитва по самой природе своей уже доставляет веселье и сладость языку и становится благоугодной Богу. Далее нужно молиться умно и наконец восходить к видению.

И первое есть дело новоначальных, второе – возрастающих в преуспейании, третье – достигших до конца преуспейания и четвертое – совершенных (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. С. 195).

Иерей. Учение прп. Симеона Нового Богослова о трех образах внимания и молитвы исполнено глубины, тонкости и ясности в описании внутреннего состояния человека и видов молитвенного делания. Оно дало мне об этом предмете новые понятия, каких я до сих пор не имел. Но мне кажутся странными и ненужными те внешние механические приемы собирания внимания ума в сердце, какие он рекомендует своим ученикам. Да и не меня одного смущают эти советы в делании Иисусовой молитвы. Я знаю людей, которые не только с недоумением, но даже с некоторой насмешкой относятся к этим внешним

приемам; из-за этих внешних приемов они не видят самого существа Иисусовой молитвы, которое Вы так обстоятельно мне разъясняете, и относятся к этой молитве отрицательно. Это почувствовал, по-видимому, и свт. Феофан, который в своем переводе Добротолюбия счел даже возможным опустить описание этих внешних приемов сосредоточения внимания ума в сердце.

Инок. Вы не правы, смущаясь словами и советами прп. Симеона Нового Богослова, а также и некоторых других древних отцов Церкви о внешних приемах Иисусовой молитвы. Свт. Феофан, действительно, в Добротолюбии опустил описание этих приемов, но в книге «Письма о духовной жизни» дает их подробное описание. Смущаться здесь нечем. Прежде всего нужно помнить, что эти внешние приемы, по заявлению самих подвижников, не составляют существенной стороны в делании Иисусовой молитвы и являются только вспомогательным средством к нахождению того места, где должно быть сосредоточено внимание ума при Иисусовой молитве. Известно, что наша духовная жизнь тесно связана с нашею телесною жизнью. И как дух наш влияет на наше тело, так и, наоборот, наше тело влияет на наш дух. Архиеп. Феофан Полтавский в одном из своих писем говорит, между прочим, что благочиние тела при молитве содействует благочинию духа.

Внешняя обстановка молитвы может содействовать или препятствовать расположению. Например, окружающая тишина, полумрак и самое положение тела могут располагать к сосредоточению внимания. Отцы Церкви знают, что с изменением физического места внимания меняется самоощущение тела, а в зависимости от этого меняется и характер молитвы, и она может приобретать нежелательные и опасные оттенки. И они тем более должны были заботиться о точном указании места сосредоточения внимания при молитве, что иные простые монахи не имели даже понятия о границах сердца и готовы были относить к сердцу всю область живота, смешивая, вероятно, область сердца с областью чрева, на основании Евангелия от Иоанна (7, 38) и других подобных мест

Свящ. Писания, и, собирая там свое внимание, возбуждали в себе самые нежелательные физические ощущения.

Не забывайте и того, что весь этот труд молитвенного делания как в духовном, так и в физическом отношении, должен совершаться, по учению отцов, под неослабным наблюдением и руководством опытных старцев, чем обеспечивается правильность его прохождения. Самочинное же его прохождение, без опытного руководства, может привести к печальным результатам, как в духовном, так и в физическом отношении. Если Вы примете все это во внимание, то для Вашего предубеждения не останется места.

Разрешите перейти к дальнейшему рассмотрению делания Иисусовой молитвы. Следуя порядку свт. Феофана, которого он держится в своей книге «Письма о духовной жизни», остановлю Ваше внимание на учении о молитве прп. Григория Синаита. «Следовало бы нам, – пишет св. Григорий, – принявшим духа жизни о Христе Иисусе, чистою в сердце молитвою херувимски беседовать с Господом; но мы, не разумея величия, чести и славы благодати возрождения и не заботясь о том, чтобы возрасти духовно через исполнение заповедей, востечь до состояния умного созерцания, предаемся нерадению, через что впадаем в страстные навыки и, таким образом, низвергаемся в бездну нечувствия и мрака. Бывает и то, что мы даже мало помним, есть ли Бог, а каковы мы должны быть, как чада Божии по благодати, о том нередко и совсем не знаем. Веруем, но верою недейственною, и, по обновлении духом в крещении, не перестаем жить плотски. Если иногда, покаявшись, и начинаем исполнять заповеди, то исполняем их только внешне, а не духовно, и до того отвыкаем от духовной жизни, что проявления ее в других кажутся нам неправостями и заблуждениями. Так до самой смерти пребываем мы мертвыми духом, живя и действуя не о Христе и не соответствуя тому определению, что рожденное от Духа должно быть духовно. Между тем принятое нами о Христе Иисусе во св. крещении не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище в землю. И благоразумие, и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и привести в ясность. К этому ведут

следующие способы: во-первых, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей, так что поколику исполняем заповеди, потоплику дар сей обнаруживает свою светлость и свой блеск; во-вторых, приходит он в явление и раскрывается непрестанным призыванием Господа Иисуса или, что то же, непрестанною памятию о Боге. И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое от него получает полную свою силу. Посему если искренно хотим раскрыть сокровище в нас семя благодатное, то поспешим скорее навикнуть сему последнему сердечному упражнению и иметь всегда в сердце это одно дело молитвы, безвидно и невоображенно, пока оно согреть сердце наше и распалит его до неизреченной любви ко Господу. Действие этой молитвы в сердце бывает двояким образом: иногда ум предваряет, прилепляясь ко Господу в сердце непрестанною памятию; иногда действие молитвы, само подвигшись предварительно огнем веселия, привлекает ум в сердце и привязывает его к призыванию Господа Иисуса и благоговейному Ему предстоянию. (К этим словам св. Григория свт. Феофан делает пояснение: «Первая молитва есть трудовая, вторая самодвижная».) В первом случае действие молитвы начинает открываться, по умалении страстей, исполнением заповедей, теплотою сердечною, вследствие усиленного призывания Господа Иисуса; во втором Дух привлекает ум к сердцу и водружает его там в глубине, удерживая от обычного скитания. И тогда он не бывает уже, как пленник, отводимый из Иерусалима к ассириянам, а напротив, совершает переселение из Вавилона в Сион, взывая с пророком: «Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе, и Тебе воздастся молитва во Иерусалиме». От этих двух видов молитвы и ум бывает то деятельным, то созерцательным: деянием он, с помощью Божиею, побеждает страсти и созерцанием зрит Бога, сколько это доступно человеку.

Делательная умно-сердечная молитва совершается так: сядь на седалище в одну пядь, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его в нем, потом болезненно, преклонившись и боля персями, плечами и шеею (от

напряжения мышц), взывай умно-сердечно: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» Удерживай при этом и дыхание, не дерзостно дыши, потому что это может развеивать мысли. Если увидишь, что возникают помыслы, не внимай им, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые. Держа дыхание, сколько тебе возможно, заключая ум в сердце и призывая Господа Иисуса часто и терпеливо, ты скоро сокрушишь и истребишь их, поражая невидимо Божественным именем. Св. Лествичник говорит: «Иисусовым именем бей ратников; крепче этого орудия нет другого ни на небе, ни на земле».

«Когда в таком труде изнеможет ум, возболзнуют тело и сердце от напряженного водружения частого призывания Господа Иисуса, так что это делание перестанет согревать и возвеселять, чем поддерживается усердие и терпение подвижников в этом труде, тогда встань и пой, один или с учеником твоим, или упражняйся в размышлении о каком-либо месте Писания, или в памяти о смерти, или займись чтением, или рукоделием, или другим чем, чтобы потрудить тело свое». (Пояснение свт. Феофана: «Это писано для безмолвника. Другим следует сказать применительно к сему так: тогда встань и берись за обычные дела свои со страхом Божиим и вниманием к себе, не пропуская, однако ж, обычных при этом духовных упражнений – чтением и размышлением»).

«Когда возьмешься за это дело, тогда тебе прилично читать только такие книги, в которых излагается учение о внутренней жизни, о трезвении и молитве, именно: Лествицу, Слова Исаака Сирианянина, аскетические писания Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Исихия, Филофея Синайского и другие подобные писания. Писания иного рода все оставь до времени, не ради того, чтобы они были нехороши, а ради того, что тебе не благовременно ими заниматься при настоящем твоём настроении и стремлении: они могут отводить ум твой от молитвы. Читай не много, но с углублением и усвоением. Этим ум, укрепляясь, исполняется силою трезвенно и бодренно молиться. Многочтение (и тем паче чтение посторонних книг) расслабляет и омрачает ум и делает его бессильным и



рассеянным в молитве. Что касается до дел твоих, то внемли себе и поминутно назирай за намерениями и целями твоими, точно определяя, куда они клонятся: Бога ли ради, и самого добра, и душевного спасения делаешь ты все, что делаешь, чтобы не быть тебе окрадену без ведома и не оказаться по виду только богоугодником, в душе же человекоугодником. Враг покушается окрасть всякое дело, чтобы оно было не по Богу совершаемо. Но пусть он неослабно ратует и бесстыдно наступает – ты держи искреннее намерение богоугождения твердым и неизменным и не будешь окраден. Хоть иногда мысль невольно и попарит к иным целям, при ослаблении внимания, – это извиняется и прощается ради того единого главного намерения и стремления сердца, которое зрит Всемогуший.

Надобно знать, что верный признак доброты подвига и вместе условие преуспевания чрез него есть приболезненность (о чем мы уже говорили в нашей первой беседе). Неболезненно шествующий не получит плода. Болезнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святого, подаемый всякому верующему во св. крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в покаянии. Не отступай же от трудов из-за болезненности их, чтобы не быть тебе осуждену за бесплодие и не услышать: «Возьмите от него талант». Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: «Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е». (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились и трудятся, но ради безболезненности этой были и суть чужды чистоты и не причастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода, по причине безболезненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения и не возболезнуем, как рождающая, то не возможем родить дух спасения на земле сердца нашего. Ума никто удержать не

может, если не Дух. Поползнувшись в падении, ум удалился от Бога и водится всюду, как пленник. Не может он опять установиться, если не покорится Богу и если, соединившись с Ним опять, не будет Им удерживаем в молитве. Когда придет действие молитвы, тогда оно удержит его у себя с веселием и не попустит ему быть пленяему в расхищение. Когда нападают помыслы и отвлекают от молитвы, сам своим оружием не борись с ними, но, вместо всякого оружия, призывай Господа Иисуса, часто и терпеливо, – и отбегнут. Не терпя теплоты сердечной, от молитвы исходящей, они, как огнем палимые, разбегутся. Бог наш есть огонь, поядая злобу. Скорый на помощь, Он тотчас сотворит отмщение усердно вопиющим к Нему день и ночь. Если недостаточно будет одного этого внутреннего взыскания, встань и, подражая Моисею, воздвигни руки и очи твои на небо – и Бог поразит врагов твоих.

Это действие призывания Бога на помыслы изображены одним из отцов в следующем сравнении: «Я, – говорит он, – подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Если он не может стоять против них, влезает на дерево – и спасается. Так и я: сижу в своей келлии и вижу злые помыслы, восстающие на меня; когда у меня не хватает сил против них, прибегаю к Богу посредством молитвы и спасаюсь от врага».

Не оставляй и молитвословия. В отношении к нему не все одинаково действуют: иные держат большое молитвенное правило, иные совсем оставляют молитвенник, молясь Господу одною умною молитвою. Ты же избери средину: не набирай много молитв, ибо отсюда – смущение, но и вовсе не оставляй их, на случай немощи и расслабления. Если видишь, что молитва действует в тебе и не перестает сама двигаться в сердце твоём, не оставляй ее и не берись за молитвенник. Это значило бы, оставив Бога внутрь, выйти оттуда и извне простирать к Нему беседу. Тем, которые еще не имеют действия молитвы, надо много молитвословить, и даже без меры, чтобы непрестанно быть в этом многомолитвии и разномолитвии, пока от такого приболезненного труда молитвенного разогреется сердце и начнется в нем действие молитвы. Кто же вкусит,

наконец, этой благодати, тому надобно молитвословить в меру, а больше пребывать в умной молитве, как заповедали отцы. В случае расслабления надо молитвословить или прочитывать отеческие писания. Употребление весел излишне, когда ветер надул паруса; они нужны тогда, когда падет ветер и ладья остановится.

Великое орудие на врагов имеет тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтобы не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвою. Хранящий эту радостно-печаль избегнет всякого вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, в которой теплота, с молитвою Иисусовою, влагает огонь в землю сердца нашего и пополает страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу и приходит не от десныя или шуия страны, ни даже свыше, но прозябает в сердце, как источник воды от животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал: «Дерзайте: Аз есмь, не бойтесь», – Сам с нами. Кто, настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и навел на него бесчисленные искушения».

Таково учение о молитве Иисусовой св. Григория Синаита. Как видите, оно вносит некоторые новые подробности, разъясняющие дело молитвы.

Представляю Вашему вниманию еще одно последнее начертание занимающего нас делания, по учению Каллиста, патриарха Цареградского, и Игнатия, сотаинника его, руководствуясь книгой свт. Феофана «Письма о духовной жизни» (С. 216).

Начало жизни по Богу есть ревность и всеусердное тщание жить по спасительным заповедям Христовым; конец же – явление в совершенстве того, что вообразено в нас Божественною благодатию в крещении, или, что то же, отложивши ветхого человека с деяниями и похотьми его, облещися в нового, духовного, то есть, в Господа Иисуса Христа, как говорит Божественный Павел: «Чадца моя, имиже

паки болезную, Дóндеже вообразится в вас Христос» (Гал. 4, 19).

«Когда мы крещаемся, – говорит св. Златоуст, – тогда душа наша паче солнца сияет, очищаемая Св. Духом. Как серебро чистое, лежащее против солнечных лучей, и само лучи испускает, не по естеству своему, но по причине осияния его солнцем, так и душа, очищаемая в крещении, принимает лучи от славы Духа и сама внутренне является славною. Но, увы! Слава сия, неизреченная и страшная, один или два дня пребывает в нас, а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских попечений и страстных дел».

«В Божественных ложеснах, т. е. в священной купели, туне принимаем мы совершенную Божественную благодать. Если после того мы скрываем ее под тьмою житейских попечений и страстей, то можем опять восстановить и очистить ее покаянием и исполнением Божиих заповедей и узреть ее преестественную светлость. Это бывает по мере веры каждого и теплоты усердия жить по вере, наипаче же по благоволению Господа Иисуса Христа. Св. Марк говорит: «Христос, совершен Бог сый, совершенную даровал крестившимся благодать Св. Духа, которая никакого приложения от нас не требует; открывается же она в нас и явною творится по мере исполнения заповедей, пока достигнем в меру возраста исполнения Христова».

«Итак, поскольку начало и корень спасительного действия есть то, чтобы жить по заповедям Господа, а конец и плод, чтобы восстановить дарованную нам исперва крещением совершенную благодать Духа, которая в нас есть, ибо нераскаянны дарования Божии, но погребена страстями и снова открывается исполнением Божиих заповедей, то подобает нам возревновать об исполнении сих заповедей, чтобы сущее в нас дарование Духа возочистить и узреть яснее. Наперсник Господа, Иоанн, говорит, что соблюдающий заповеди Господни с Господом пребывает и Господь с ним. Сам же Господь еще полнее это излагает: «Имеяй заповеди Моя, – говорит Он, – и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. ...аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой

возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21, 23).

Это точное исполнение спасительных заповедей невозможно для нас без Господа Иисуса Христа, как Сам Он говорит: «Без Мене не можете творити ничесоже», – и как исповедал апостол, что ни о едином же ином спасение: Он для нас путь, истина и живот (Ин. 14, 6). Посему-то славные наставники наши и учителя, с живущим в них Всесвятым Духом, премудро поучают нас прежде всякого другого дела Господу помолиться, и от Него без сомнения просить себе милости, и всесвятое и сладчайшее имя Его непрестанно иметь и носить всегда и в сердце, и в уме, и в устах, с ним непрестанно жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить. Ибо как в то время, когда нет в нас такого призывания, стекается на нас все худое и пагубное, так и в то время, когда оно в нас есть, все сопротивное отгоняется, ничто благое не оскудевает и ничего не бывает, чего не могли бы мы исполнить, как Сам Господь сказал: «Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног» (Ин. 15, 5).

Итак, сознавши немощь свою и все упование свое возложив на Господа, заповеди же возлюбив до готовности скорее положить живот, чем нарушить какую-либо из них, все тщание свое обрати на то, чтобы навикнуть и утвердиться в этом непрестанном призывании спасительного имени Господня, разрушительного для всякого зла и созидательного для всякого добра. Чтобы успособить этот труд, св. отцы указали особое некое делание, назвав его художеством, и даже художеством художеств.

Предложу здесь предивного Никифора естественное художество о входе внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собиранию мыслей.

Правило это следующее: сядь в уединенном месте, и, собрав ум, введи его путем дыхания в сердце, и, остановившись там вниманием, взывай непрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Тако делай до тех пор, пока к сердцу привьется это призывание и станет непрерывным.

И все св. отцы так учили. Св. Златоуст учит: «Молю вас, братие, никогда не переставать исполнять правил молитвы сей». В другом месте: «Должно всякому, ест ли он, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли, или другое что делает, непрестанно вопить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – да имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердечную, смирит змия пагубного, душу же спасет и оживотворит. Пребудь же непрестанно в призывании имени Господа Иисуса, чтобы сердце поглотило Господа и Господь сердце и стали сии два воедино». И еще: «Не отлучайте сердца вашего от Бога, но храните в нем всегда память Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа водрузится внутрь сердца, и ни о чем другом не помышляйте, как только о том, чтобы возвеличился в вас Христос».

Св. Лествичник также учит: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим». И св. Исихий пишет: «Если хочешь покрыть стыдом помыслы и беспрепятственно трезвиться сердцем, молитва ко Господу Иисусу да прилепится к дыханию твоему, и в немного дней увидишь желание свое исполненным».

«Ведомо да будет, что если мы научим ум свой вместе с дыханием сходить в сердце, то заметим также, что, сходя туда, он единичен и наг бывает, держась одной памяти и призывания Господа нашего Иисуса Христа; напротив, исходя оттуда и простираясь на внешние предметы, не хотя, разделяется на многие представления и воспоминания. Для сохранения этой-то простоты и единичности ума и заповедано опытными в сем деле отцами, чтобы тот, кто возревновал приобрести навык трезвиться умом в сердце, сидел в безмолвном и неслетлом месте, а особенно в начале этого доброго подвига. Ибо видение внешних предметов естественно бывает причиною рассеяния мыслей; когда же безмолвная и темная хранина скрывает от нас внешнее, мысль перестает развлекаться и удобнее собирается в себя, как говорит Василий Великий: «Ум, не простираемый чувствами на мир, к себе возвращается». «Заметь тщательно, что существо этого подвига состоит в единомысленном сердечном, чистом и непарительном

призывании с верою Господа нашего Иисуса Христа, а не в этом одном схождении до сердца путем дыхания и сидения в безмолвном и темном месте. Все это и подобное изобретено отцами не для другого чего, как ради того, что в этом они видели некое пособие к собиранию мыслей и возвращению их к себе от обычного парения. От навыка же быть собранным и внимать себе рождается уже и навык чисто и непарительно молиться умом в сердце».

«Ведай и то, что все эти приспособительные положения тела предписываются, определяются подробными правилами и считаются нужными, пока мы не стяжали еще чистой и непарительной в сердце молитвы. Когда же, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, достигнешь сего, тогда, оставив многие и различные делания, с единым Господом пребудешь соединенным паче слова в чистой и непарительной молитве сердечной... Редкие, однако ж, и едва один из тысячи, сподобляются достигнуть в это устроение благодатию Христовою, а чтобы еще дальше пройти и сподобиться духовной молитвы и предвкусить тайны будущего века, едва в родех и родех обретается кто, достойный того. Итак, хочешь ли самым делом сподобиться жизни о Христе Иисусе, потщись достигнуть того, чтобы во всякое время и всякий час и при всяком деле чисто и непарительно молиться Господу в сердце, чтобы таким образом с возраста младенца возмог ты dospеть в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Не забудь при этом, что, когда по временам будет приходить тебе самоохотная, чистая молитва, ты ни под каким видом не должен разорять ее своими правилами молитвенными. Так учит Филимон: «Ночью ли, днем ли, сподобит тебя Господь чистую и непарительную ощутить в себе молитву, оставь тогда правила свои и, сколько есть сил, простирайся прилепляться ко Господу Богу, и Он просветит сердце твое в делании духовном. Когда же сподобишься неотходного пребывания молитвы в сердце, как говорит Исаак Сирианин, тогда достиг ты конца всех добродетелей и стал жилищем Св. Духа; тогда не престанет молитва, сидишь ли, или ходишь, ешь, или пьешь, или другое что делаешь; даже в глубоком сне молитвенные благовония

восходить будут из сердца без труда; если и умолкнет она во сне, но внутрь, тайно, всегда священнодействоваться будет, не переставая» (Письма о духовной жизни, С. 226).

Приведя все эти выписки из св. отцов-подвижников о художественной молитве Иисусовой, свт. Феофан сопровождает их следующими, заслуживающими нашего внимания, замечаниями: «Во всех почти статьях Добротолюбия говорится об умном предстоянии Господу. Я взял только тех учителей, которые поминают и о телесных при этом приемах, или некотором искусственном приспособлении себя к тому. Все они считают полезным и до времени нужным это телесное приспособление, но существо дела полагают не в нем. Все их внимание обращено на то, чтобы дать руководство к успешнейшему навыку в делании умной молитвы или на самое это умное Господу в сердце предстояние, в котором существо дела. Не чуждо будет смысла их предписаний сказать: как хочешь держи себя, только успевай приобрести это последнее. Мы же предлагаем тебе такие положения тела, какие сами держали и от которых получили пользу. Есть, однако ж, между этими телесными деланиями и такие, которые как бы срастаются с умною молитвою и никогда от нее не отходят. Необходимо вниманием стоять в сердце, необходимо все тело держать в бодренном напряжении мышц и вниманию своему не позволять поддаваться и увлекаться внешними впечатлениями чувств. Эти условия, в какой форме хочешь и можешь, в такой и исполняй. Темное и уединенное место считается нужным для устранения внешних впечатлений; но если ты можешь отвлекать себя от этих впечатлений и среди множества их, оставайся где хочешь. Сидеть на малом стульце, стеснить дыхание, болеть плечами, шеей, грудью советуется ради того, чтобы поставить в бодренное направление тело; но если ты можешь какнибудь иначе это исполнить или делать это одним внутренним напряжением мышц, делай, как находишь удобнее, только не распускай членов тела. Сведением ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием или где сердце; а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай как знаешь, только установись в сердце.



Указывается призывать Господа сими словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Но ты можешь и эти слова сокращать и изменять или заменять другими, даже без слов умно предстоять Господу, ибо не в словах сила, а в настроении ума и сердца. Зная, однако ж, все это, не должен ты пренебрегать сказанным положением тела. Всячески телу надобно же дать какое-либо положение, но если опыт показал, что такие и такие положения тела очень пригодны к деланию умной молитвы и успеху в ней, то какая нужда отступать от них или изобретать новые? Тем более, что по приобретении успеха в молитве они сами собою отстранятся в некоторых чертах, как отнимаются подмости, когда отстроен бывает дом».

Я считаю полезным познакомить Вас с этими оговорками и пояснениями свт. Феофана, чтобы еще раз подчеркнуть ту мысль, что все внешние приемы в делании молитвы Иисусовой имеют не существенное, а лишь вспомогательное значение, и это всегда должен помнить каждый делатель умной молитвы, чтобы не принять второстепенное за главное.

Все, о чем мы говорили до сих пор, относится к деятельной, или трудовой, Иисусовой молитве, т. е. той молитве, в которой преобладают усилия самого молящегося, когда он принуждает себя к молитве, борется с рассеянностью внимания, с блужданием мысли, с натиском помыслов и страстей, пытается установиться вниманием в сердце. Эта молитва еще не имеет совершенной чистоты, не свободна от рассеяния мысли и от нападения помыслов и страстей, еще не совершенно сосредоточена в Боге. И такова молитва огромного большинства молящихся Иисусовою молитвою. Большинство с нею доходят и до конца своего земного существования. Как уже было сказано, чистой молитвы достигает один из тысячи. С этим обстоятельством должен считаться и должен его помнить каждый молящийся, и он не должен смущаться этим. Ибо при всех своих трудностях, делательная молитва не теряет своего значения, но укрепляет сердце молящегося и prepares его к иной, высшей молитве, о чем свт. Феофан говорит так: «Трудись, напрягайся, ищи – и обрящешь, толцы – и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни,

что труды сии составляют только опыт усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого мы еще ищем. Недостает главного – благодатного возбуждения. Очень заметно, что рассуждаем ли, молимся ли, или другое что делаем, втесняем как бы нечто чуждое в свое сердце, совне. Бывает, что, соответственно силе напряжения, некое воздействие от сих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокоривого и непривычного к тому сердца, подобно тому, как извергается из воды палка, вертикально погруженная в воду. Тотчас же после сего опять начинается холодность и дебелисть на душе – явный признак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие. Потому не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они то и были то, что тебе следует сыскать. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздаятеля. Итак, при рачительном употреблении всех предуказанных средств, ищущему следует еще ожидать посещения Божия, которое, впрочем, не приходит с усмотрением, и никто не знает, откуда оно приходит. Когда придет сия возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дело перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать нельзя – будут одни попытки неудачные. Свидетель тому блж. Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. Придет – и все устроит» (Умное делание, § 195).

Переходим теперь к более подробному описанию благодатных состояний при молитве Иисусовой. Начнем с предостережения. Истинное благодатное состояние надо отличать от состояния мнимо-благодатного, воображаемого. У свт. Феофана читаем: «Необходимо строго разграничивать подлинную внутреннюю жизнь во Христе от ложного мистицизма и квиетизма, который есть болезненное порождение ложно

направленной религиозности. В ложном мистицизме увлекающиеся им люди ищут доброго дела – живого общения с Богом, – но ищут не тем путем. А главное, надеются своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, чего надлежит ожидать от милости Божией и что надлежит принять как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самодеятельности разгорается воображение и порождаются мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро кажутся и считаются исполнившимися и цель трудов достигнутою. Все это раскрашивается самыми привлекательными красками и представляется в образах прелестных, в мечтательных заоблачных созерцаниях... Истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная. Ап. Павел называет ее животом, сокровенным со Христом в Боге (Кол. 3, 3); ап. Петр – потаенным сердца человеком (1Пет. 3, 4); Сам Спаситель – Царствием Божиим внутри нас (Лк. 17, 21). Но в явлении своем она очень проста». Возникновение ее свт. Феофан изображает так: «Неведомо как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик удостоивается и яснейшего постижения истин Божиих и сладостнейшего ощущения – того и другого в таких чертах, какие точно определены в Евангелии и писаниях апостольских. Это последнее является уже в конце долгих трудов и многих испытаний, как венец наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства, прямо или преимущественно, и хватаются и ее-то и живописуют, как она рисуется в мечтах их воображения, всегда в ложных красках. Истину можно сказать только по опыту, только по вкушении духовных благ самым делом, а мистики самыми мечтами своими заграждают для себя настоящую туда дорогу. Напротив, в писаниях отеческих менее всего говорится об этих высших состояниях, а все о трудах покаяния, борьбы со страстями и разных при этом случаях» (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. С. 13–15).

«Бывают состояния, – продолжает свт. Феофан, – когда крепко захочется помолиться, или когда потянет на молитву. Это испытывают все в большей или меньшей степени и на переходе от самотрудного искания к живому богообщению, и по достижении его. Состояние это похоже на то, в каком бывает человек, когда о чем-либо задумывается. Задумавшийся уходит внутрь себя и сосредоточивается в своей душе, не обращая внимания на свою внешнюю обстановку, на лица, вещи и события. То же и здесь; только там – дело ума, а здесь – дело сердца. Находит влечение к Богу, душа собирается в себя и становится перед лицо Бога и или изливает пред Ним свои надежды и болезни сердечные, как Анна, мать Самуилова, или славословит Его, как Пресвятая Дева Мария, или стоит перед Ним в изумлении, как часто стоял св. ап. Павел. Тут все своеличные действования мысли, намерения прекращаются и все внешнее отходит от внимания. Душе самой не хочется заниматься ничем посторонним. Бывает это и в церкви, и даже на молитвенном правиле или при чтении и размышлении, может быть даже во время каких-либо внешних занятий и среди общества. Однажды испытавший это влечение может помнить о нем, желать повторения его, напрягаться к нему, но сам своим усилием не привлечешь его: оно находит. Произволу остается одно: когда найдет, не позволяй себе расстраивать его, а попекись, сколько сил есть, дать ему простор побольше побыть в тебе. Можно назвать это проявлением настоящего молитвенного духа или ощущениями приближения Божия, которые в руках благодати... В них предуказывается, чего надобно искать и домогаться, и вместе свидетельствуется, что труды искания, доселе подъятые, не пропадают даром, и тем возгревается ревность к неутолиейшему исканию... Конец же искания тот, чтобы это временное состояние сделалось постоянным, не в том, конечно, виде, но в том же существе дела. Когда это придет, тогда в душе совершится раскрытие Царствия Божия» (Там же. С. 35).

«Что это за Царствие Божие? Царствие Божие в нас есть, когда Бог царствует в нас, когда душа в глубине своей исповедует Бога своим Владыкою и покорствуется Ему всеми

силами и Бог властно действует в ней... Начало сему Царствию полагается в момент решимости работать Богу в Господе Иисусе Христе, благодатию Св. Духа. Тогда человек-христианин свое сознание и свободу, в которых состоит собственно существо человеческой жизни, предает Богу, а Бог принимает эту жертву, и, таким образом, происходит союз человека с Богом и Бога с человеком, восстанавливается завет с Богом, прерванный падением и прерываемый произвольными грехами. Этот внутренний союз запечатлевается, утверждается и делается сильным к стоянию и самосохранению благодатною силою, в Божественных таинствах крещения, а для падавших по крещении – в таинстве покаяния, и потом постоянно подкрепляется в св. причащении... Говоря о Царствии Божием в нас, всегда надобно прибавлять: «В Господе Иисусе Христе, благодатию Св. Духа». В этом печать христианского в нас Царствия Божия. Бог над всеми Царь, как Творец и Промыслитель, но истинно в душах царствует Он, и в душах истинно исповедуется Царем только по восстановлении прерванного падением союза с Ним душ, а это совершается Духом Святым в Господе Иисусе Христе, Спасителе нашем» (Там же. С. 38).

Царствие Божие не сразу и навсегда утверждается в нашем сердце.

«Царствие Божие в нас сначала сокровенно содержится, потом обнаруживается, наконец раскрывается, или является в силе. Обнаруживается оно показанными невольными влечениями внутрь пред Бога. Тут душа не самовластна, а подлежит стороннему воздействию. Кто-то берет ее и вводит внутрь. Это Бог, благодать Духа Святого, Господь и Спаситель... Пока эти влечения не покажутся, а они показываются не вдруг, человек по-видимому действует более сам, при скрытой помощи благодатной. Он напрягается вниманием и благонамерениями быть в себе, Бога помнить, отгонять пустословие и худомыслие и всякое дело богоугодно совершать, напрягается и трудится до утомления, но успеть в этом ему никак не удастся: и мысли его расхищаются, и страстные движения одолевают его, и в делах оказываются

нестроения и ошибки, – все это оттого, что Бог еще не являет своего властвования над душою. А как только покажется это, а показывается оно при сказанных влечениях, тотчас все внутри приходит в строй... Тут, разумеется, не необыкновенное какое состояние, а такое, какое обще всем и какое бывает у всех, не нерадящих о спасении. Только бывает оно в разных степенях силы и длительности, а в существе одно и то же, начиная с легких движений, скоро преходящих, до невозмутимых внутренних предстояний Богу, продолжающихся иногда целые часы... Кто поймет звание и взыщет, то влечения те станут учащаться и более длиться, пока достигнут постоянного и неизменного водворения в сердце... Когда это состояние отойдет, тогда опять начнется блуждание мыслей и приражение страстных движений. Душа с неба спускается опять на землю, из света – в сумрак, из легкого покоя – в многотрудное делание. Терпи и жди, пока опять придет это обнаружение Царствия Божия в сердце. Так будет до тех пор, пока Богу угодно будет закрепить это углубленное внутри пребывание навсегда и сделать его неотходным и неизменным. Искание этого последнего и есть собственно искание Царствия Божия; появление же его – раскрытие Царствия» (Там же. С. 42).

Свт. Игнатий дополняет сказанное свт. Феофаном следующими словами: «Божественное действие – невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, не вообразимо, не объяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть гибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца; потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве. Приготовив таким образом сосуд, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается рассеченным частям – и они соединяются воедино. Кто прикоснулся? – Не могу объяснить: я ничего не видел, ничего не слышал, но вижу себя измененным, внезапно ощутил себя таким от действия

самовластного. Создатель подействовал при воссоздании, как действовал Он при создании... От прикосновения руки Его ко всему существу моему, ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, – пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука» (Умное делание, § 201).

Указанный выше порядок возникновения в нас благодатной духовной жизни, или раскрытия Царствия Божия в нас, сопутствуется возникновением в нас горения духа, или духовной теплоты. По словам свт. Феофана, «при этом не только ум срастворяется с памятию о Боге и проникается ею, но и все наше существо духовное вступает в живое богообщение: «Бог огонь есть» (Евр. 12, 29). И вот теплота и горение духа водворяются в нас с момента раскрытия в нас Царствия Божия. Эта черта осязательнее всех, доступнее для понятия, и больше дает удобства к объяснению проявлений духовной жизни. Известно, что когда человек в чувстве, тогда он весь сковывается этим чувством и готов и силен бывает беспрекословно сделать все, к чему побуждает его то чувство. Чувство походит на рычаг или на руль в управлении своим, внутренним. Его-то и добиваются, оно-то и дается. Что более всего озабочивает ищущего, так это внутреннее нестроение в мыслях и желаниях, вся его ревность обращена на то, как бы устранить это нестроение. К этому другого способа нет, как добыть это духовное чувство, или эту теплоту сердечную при памяти о Боге. Как только зародится эта теплота, мысли улягутся, внутренняя атмосфера станет ясна, станут видимы все зарождения добрых и недобрых движений души, и получится власть на отгнание последних. И на внешнее расходуется этот внутренний свет, и там дает он возможность отличать должное от недолжного, сообщая и крепость установиться в первом, несмотря ни на какие препятствия, – словом, тогда начинается истинная, действенная, духовная жизнь, которая доселе была только в искании, а если и проявлялась, то урывками... Теперь же, зародившись в сердце, теплота остается неотходною и неотходным держит при себе внимание ума. Когда ум в сердце – это и есть сочетание ума с

сердцем, представляющее целостность нашего духовного организма» (Письма о духовной жизни. С. 65).

Поясняя возникновение теплоты в сердце, свт. Феофан употребляет сравнение: «Как в физическом мире трут дерево об дерево и получают теплоту и даже огонь или держат вещь на солнце, и она согревается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается; так бывает и в духовном мире: трение – труды подвижничества, держание на солнце – Иисусова молитва. Когда все это будешь проходить с усердием, неленостно и неопустительно, – милостив Господь, – затеплится огонек в сердце, который будет свидетельствовать о зарождении в средоточии естества нашего внутренней духовной жизни, или о воцарении Господа в нас» (Там же. С. 66).

При этом, по словам свт. Феофана, «сознание все сосредоточивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприущею готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему единому...

Вместе с образованием такого строя прекращается все нестроение, которое характеризовало внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления... Неудержимое брожение мыслей прекращается, атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда светлость во всем внутреннем. Все там ясно, всякое движение замечается и достойно оценивается при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего всякий недобрый помысл и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление и прогоняются. Тут исполняется то, что советует Филофей Синайский: «От утра стань у входа сердца и именем Иисусовым поражай подступающих врагов». Это прогнание недоброго может быть мгновенно, но может длиться часы, дни, месяцы и годы; между тем, существо дела всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается в сердце, а встречает решительный отпор с минуты сознания недоброты его, и гнание его не прекращается, пока совершенно не упразднится от него



сердце. Вслед за сим, что ни думается, что ни чувствуется, что ни пожелается, что ни говорится и ни делается, думается, чувствуется, желается, говорится и делается по точному сознанию, что все такое не оскорбляет неотступно созерцаемого Господа, благоугодно Ему и сообразно с Его волей. Если же против воли и проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистою пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что с прекращением сего тепления, прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная» (Письма о духовной жизни. С. 88).

Продолжая описывать действия благодати Божией, свт. Феофан пишет: «Она именно есть присутствие Господа нашего внутри нас. «Без Мене ничего не можете» – это и есть принцип благодати. В этом-то смысле также апостолы и первые христиане называли Иисуса Христа просто Господом. Самое блистательное доказательство математической истины может ли сравниться в очевидности с действиями благодати, когда сердце раскрыто для нее покаянием? До зарождения внутренней жизни, или проявления ощутительного действия благодати и богообщения, человек часто еще что-нибудь сам делает и напрягает к тому свои силы. Но, измаявшись безуспешно в своих усилиях, он бросает наконец, свою самодеятельность и вседушно предает себя вседействию благодати. Тогда посещает его Господь милостию Своею и возжигает в нем огонь внутренней духовной жизни. Что в этом великом перевороте его усилия ничего не значили, это знает он по опыту. После, более или менее частыми отступлениями, благодать Божия впечатлевает в него также опытное удостоверение, что и поддержание этого огня жизни не есть дело его собственных усилий. Затем частое нахождение благих мыслей и начинаний, частые осенения духа молитвенного, неведомо как и откуда находящего, тоже опытно дают ему

убедиться, что и все доброе не иначе для него возможно, как от действия Божией благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающего всех спасаемых. Он предает себя Господу, и Господь вседействует в нем. Опыт показывает, что тогда только и идет у него все успешно, когда он исполнен этим самопреданием... Он предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри» (Там же. С. 140).

«Этимими немногими словами сказано все, что приносит с собою водворение внутрь Царствия, или, другими словами, блаженный огонь, возгорающийся наконец в сердце, этим же определяется и существо истинной духовной жизни или ее существенные отправления. Не вдруг, конечно, все это является в свойственной силе – бывают и отклонения, и ошибки, и ослабления, – но в виду имеется именно это, с тех пор, как ум сочетается с сердцем и, утвердись внутри, становится на службу пред лицом Господа» (Там же. С. 90).

С этого момента у молящегося должна быть одна забота – «быть всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, и она или отступает, или сокращает свое действие. Верность свою благодати, или Господу, человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в чувствах, ни в делах, ни в словах, ничего не допускает такого, что сознает противным Господу и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия... Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений, но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо после всякой такой жертвы он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве. Этими актами верности благодати и возгревается дар благодати в связи с молитвою, уже неотходною в это время.

Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается и

горение ее становится непрерывным вместе с тем, как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрерывно движущейся...» (Там же. С. 141).

Относительно теплоты, бывающей в сердце при молитве Иисусовой, свт. Феофан предупреждает, что надо различать разные виды теплоты: теплоту естественную и теплоту благодатную. «Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное. Если мысли утомляют, не дают установиться вниманием пред Богом, то бывающая при этом теплота не Божия, а своя» (Там же. С. 142).

«Эту натуральную теплоту не надо вменять во что-нибудь, а только почитать приготовлением к Божией теплоте, болезновать о скудости Божьего действия в сердце и в болезни молить Господа непрерывно».

«Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда в одну точку все силы души и тела. Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением; сие ощущение и есть начало будущей теплоты. Ощущение сие, сначала легкое, все усиливается, крепнет, углубляется и из холодного, каково оно в начале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание. И происходит, таким образом, что сначала внимание держится в сердце напряжением воли; силою своею внимание порождает теплоту в сердце. Теплота же сия затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно, ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание. Отсюда закон духовной жизни: держи сердце в чувстве к Богу – всегда будешь в памяти Божией. Духовная ли это теплота? – Нет, не духовная, а обыкновенная, естественная, кровяная. Но как она держит внимание ума в сердце и через то способствует развитию там духовных, указанных выше, движений, то она называется духовною, в том, однако же, случае, если она не сопровождается похотными ощущениями, хотя бы и легкими, но держит душу и тело в трезвенном настроении. Отсюда следует, как скоро теплота, сопровождающая молитву Иисусову, не

сопровождается духовными чувствами, то ее не следует называть духовною, а просто кровяною теплотою, и она, будучи таковою, не худа, если только не связывается, как было сказано, с похотными движениями. Если же связывается, то худа и подлежит изгнанию. Поэтому неправильно удовлетворяться или ограничиваться одним ощущением теплоты, не заботясь о чувствах духовных, даже о памяти Божией, а лишь о том, чтобы была теплота; нужно заметить это и исправить, ибо в таком случае останется одна кровяная теплота, животная... Не должно сию теплоту почитать духовною, или благодатною. Духовною ее можно назвать только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движениями. Кто без них называет ее духовною, тот допускает неправильность. Кто называет ее благодатною, еще более неправ. Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная. Она отрешена от плоти, и в теле не производит заметных изменений и свидетельствуется тонким сладостным чувством. По сим чувствам всякий легко может определить и различить теплоту. Это каждому следует сделать самому. Стороннему тут нет дела и места». (Умное делание, § 11).

Подобно свт. Феофану, предостерегает против принятия естественной теплоты и свт. Игнатий: «Теплота, являющаяся от усиленного, вещественного подвига, так же вещественна. Это – теплота плотская, кровяная, в области падшего естества. Неопытный подвижник, ощутив эту теплоту, непременно возмнит о ней нечто, найдет в ней приятность, услаждение, в чем начало самообольщения. Не только не должно думать чего-либо особенного об этой теплоте, но, напротив того, должно принять особенные меры предосторожности при появлении ее. Предосторожность необходима по той причине, что эта теплота, как кровяная, не только переходит по разным местам груди, но очень легко может спуститься и ниже и вызвать нежелательные движения в теле».

«Иисусовой молитвою надо искать не того, конечно, чтобы ощутить в сердце физическую теплоту. А того нужно искать, чтобы канул в сердце благодатный огонь и началась непрестанная молитва, чем и определяется благодатное

состояние. Ведать подобает, что Иисусова молитва, когда искра Божия падет в сердце, раздувает ее в пламень, а сама не дает сей искры, но только способствует к принятию ее. Чем способствует? Тем, что собирает мысли воедино и дает душе возможность стоять перед Господом и ходить в присутствии Его. Главное – стояние и хождение пред Богом с вопианием к Нему из сердца. Так делал св. Максим Капсокаливит».

«Духовное горение сердца ко Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Он весь есть любовь, то и прикосновение Его к сердцу тотчас возжигает любовь к Нему. А от любви – горение сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания. Творение Иисусовой молитвы есть только орудие к тому или, лучше сказать, только труд, показывающий сильное желание души обрести Господа».

Еще о теплоте свт. Феофан пишет: «Когда сердце ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дело – достать огонька... Но сие ведайте, что огонек не покажется, пока страсти в силе, хотя им и не поблажают. Страсти то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обымет пламенем и все дрова положенные. Дрова наши суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек себе, пропитаны сыростью – страстями – и, пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному... Они проходят и в душу, и в тело, забирают и самый дух – сознание и свободу – и таким образом господствуют над всем человеком. Как они в стачке с бесами, то чрез них и бесы господствуют над человеком, мечтающим, однако ж, что он сам себе господин» (Умное делание, § 94).

Не нужно еще забывать, что, кроме естественной теплоты и благодатной, может быть при молитве еще и третья теплота – бесовская. О ней подробно будет сказано в другом месте, в писаниях старца схимонаха Василия, который говорит о ней в предисловиях на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского и Исихия Иерусалимского.

Как наглядный пример благодатной теплоты, возникающей в сердце, я хочу сообщить Вам рассказ св. Григория Синаита о Максиме Капсокаливите, на которого так часто указывает свт. Феофан.

Я передам рассказ св. Григория Синаита о Максиме Капсокаливите полностью, как он изложен в Добротолюбии. И из него Вы узнаете не только о том, как возгорелся в душе Максима благодатный огонь и появилась постоянная, самодвижная молитва Иисусова, но пред Вами откроются до некоторой степени и тайны высших молитвенных состояний, которых касаться в нашей беседе мы не можем просто потому, что эта тема выше нашего духовного возраста и понимания. Но знать, что эти высшие молитвенные состояния существуют, нам полезно, чтобы мы не думали, будто все содержание молитвенной жизни исчерпывается теми молитвенными состояниями, какие мы сами переживаем. Итак, перехожу к рассказу св. Григория Синаита, помещенному в 5-м т. Добротолюбия под названием «Из жития преподобного отца нашего Максима Капсокаливита. Об умной благодатной молитве».

«Божественный Григорий Синаит, встретив св. Максима и беседуя с ним, между прочим, спросил его: «Прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне, держишь ли ты умную молитву?» Тот, поникши немного главою, ответил ему: Не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерною теплотою сердца, и когда потом с любовью целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту

и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало, и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало изнутри себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о них, и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, – прости мне».

Говорит ему св. Григорий: «Скажи мне, святой отче, бывало ли с тобою в то время, как ты говорил молитву: «Господи, Иисусе Христе...» – Божественное какое изменение, или исступление, или другой какой плод Духа Святого?» Божественный Максим ответил ему: «Да, и сего ради, отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, да наслажусь в большей мере плодом молитвы, т. е. преизобильною любовью к Богу и восхищением ума ко Господу».

Св. Григорий спросил его: «Прошу тебя, отче, скажи мне, имеешь ли ты то, о чем сказал?». Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: «Не пытай о моих прельщениях».

Тогда св. Григорий сказал ему: «О, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святой! Впрочем, прошу тебя, скажи мне, в тот час, когда ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву?» Св. Максим ответил ему: «Нет, не может. Ибо когда благодать Св. Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум тогда весь овладевается благодатию Св. Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуетя только Духу Святому, и, куда хочет Дух Святой, туда и ведет его: или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в Божественную беседу, – и, кратко сказать, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий ясно видеть в пророках и апостолах,

которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмехались над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на престоле высоком превознесенного и окруженного серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца и проч. Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями, и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и недоумеваю, что это за люди и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: «Излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут» (Иоил. 2, 28), – каковую благодать Господь ниспослал на учеников Своих, и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по Божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда (1Кор. 2, 9). И, чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать, но, как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается, и разливается в Божеских помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет».



После сего св. Григорий напомянул ему: «Бывает, Капсокаливите мой, и другое нечто, подобное сему, что, однако ж, есть действо прелести». На это великий оный Максим ответил ему: «Бывает, но у каждой из сих свои особые признаки: иные признаки прелести и иные – благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым и уста заставляет говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, большею частию серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия поддается движениям страстей, наконец выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный. Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез и, чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием и ум исполняет возвышенными созерцаниями: а) недомыслимой силы Божией, как Он единым словом все из несущего привел в бытие, б) безмерной силы, коею все содержит, всем управляет и о всем промышляет, в) непостижимой Святой Троицы и неисследимой бездны Божеского существа и проч. Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плоды Духа Святого: радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение и проч. (Гал. 5, 22), – и душа его восприимлет неизреченное веселие.

Слыша сие, св. Григорий Синаит пришел в исступление, изумляясь тому, что говорил прп. Максим, и более не называл уже его человеком, но земным ангелом».

В словах прп. Максима указуются молитвенные состояния, стоящие за пределами обычной и доступной людям молитвы, как делательной, так и самодвижной. В эти высшие молитвенные состояния человек не может войти собственными усилиями и не должен даже посягать на это. Туда вводит человека Дух Святой. И тогда открываются человеку, насколько он в силах вместить, небесные тайны и созерцания, которых он не может даже и передать человеческими словами.

Об этих молитвенных состояниях свт. Феофан пишет: «Что касается до созерцания, то ни у одного из отцов не находим, чтобы в него можно было вступить самим и, следовательно, делать что-либо и со своей стороны для вступления в него. Созерцание, по словам их, давалось именно тем, которые уже успели очистить сердце свое совершенно и глубоко соединились с Господом. Из тысячи один успевает стяжать чистую молитву; а молитву духовную или, что то же, созерцательную, в родех и родех едва один оказывается имеющим» (Письма о духовной жизни. С. 233).

На этом нам следует закончить нашу общую беседу о молитве Иисусовой и перейти к той части беседы, где будут изложены наставления об Иисусовой молитве древнейших св. отцов и подвижников Православной Церкви.

### **Беседа 3. Наставления о внутреннем делании и о молитве Иисусовой древних св. отцов Православной Церкви: Василия Великого, Макария Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского, Варсонофия и Иоанна, Исаака Сирина, а также прп. Серафима Саровского**

Инок. Наши предыдущие беседы имели характер более или менее последовательного и систематического изложения учения Православной Церкви о том, что такое Иисусова молитва, каково ее значение в духовной жизни христианина, как нужно проходить ее, каковы условия ее благотворного действия в нас, какие трудности и неправильности могут быть при занятии этой молитвой и т. д.

В дополнение к сказанному ранее изложим в настоящей беседе учение об Иисусовой молитве и о молитве вообще некоторых отдельных св. отцов и подвижников Православной Церкви, писавших или учивших об умном делании.

Из совокупности их наставлений сложится всестороннее изображение умного делания. Мы начнем с древнейших отцов Церкви и постепенно перейдем к ближайшим к нам по времени наставникам Иисусовой молитвы. Что Вы на это скажете, дорогой батюшка?

Иерей. Что же я могу сказать? Я только с величайшей благодарностью и интересом буду слушать все то, что Вы мне предложите, так как ожидаю от этого нового для себя назидания и утешения.

Инок. Итак, благословясь, продолжим нашу беседу.

Начнем мы с предисловия свт. Феофана к его переводу святоотеческого Добротолюбия. Свт. Феофан пишет о важности

знакомства со святоотеческой письменностью не только для монашествующих, но и для мирян, дорожащих единством, цельностью и полнотой своего христианского мировоззрения и христианской жизни. По словам святителя, «сокровенная в Господе нашем Иисусе Христе истинно христианская жизнь зачинается, раскрывается и к совершенству восходит в своей для каждого мере, по благоволению Бога Отца, действием присущей в христианах благодати Пресвятого Духа, под водительством Самого Христа Господа, обетовавшего быть с нами во все дни неотлучно.

Благодать Божия призывает всех к такой жизни и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней сущность христианства. Причастниками же ее являются не все призванные, и действительные ее причастники не все причащаются ее в одинаковой мере. Избранники глубоко в нее входят и по степеням ее высоко восходят.

Проявления ее, равно как и богатства области, в которой она раскрывается, не менее обильны и разнообразны, как и явления обычной жизни. И если б могло быть ясно понято и понятно изображено все, бывающее там: вражеские нападения и искушения, борьбы и одоления, падения и восстания, зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспевания и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия, чувство промыслительного вседержительства и положения себя – окончательного и безвозвратного – в десницу Господню, с отложением всех своих способов действия, при непрестанном, напряженном действовании, – если бы все сие и многое другое, не разлучное с истинною в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено, то представило бы картину, сколько привлекательную, столько же и поучительную, – картину, похожую на всемирное путешествие.

Путешественники пишут путевые заметки о всем, что встречают достойным внимания на пути своем. Писали свои заметки и избранники Божии, в разных направлениях проследившие все тропы духовной жизни, о всем, что встречали

и испытывали в сем многотрудном шествовании своем. Но участь и назначение тех и других заметок не одинаковы.

Не имеющие способов путешествовать могут и не двигаясь с места составить себе довольно приблизительные понятия и представления о чужих странах, посредством чтения путевых заметок других путешественников, потому что формы жизни всех тварей больше или меньше походят одни на другие, в каких бы странах они ни проявлялись. Не то бывает в отношении к опытам духовной жизни. Понимать их могут только шествующие путем сей жизни. Для не вступавших на него это совершенно неведомая наука, но и вступившие на него не все вдруг понимать могут. Их понятия и представления уясняются по мере шествия и углубления в страну духа. По мере умножения собственных опытов духовной жизни становятся ясными и понятными указания опытов, замеченных святыми отцами в писаниях.

При всем том, однако ж, изображение разных проявлений духовной жизни, заключающееся в святоотеческих писаниях, не есть дар напрасный и для всех вообще христиан. Оно дает всякому понять, что если он не испытал еще того, о чем говорится в сем описании, то значит, что установившийся для него образ жизни, несмотря на то, что с ним мирится его христианская совесть, не есть законченное совершенство, лучше которого нечего желать и выше которого некуда идти. Давая же это понять, оно не может не возбудить ревности к преуспеянию, не может не манить вперед, указывая там нечто лучшее, нежели чем обладает он.

Для тех, которые вступили на путь к лучшему и совершеннейшему, оно дает нужные указания в сомнительных и недоуменных случаях, когда нет наличного опытного руководства и когда и это самое встречает неразрешимости, не позволяющие давать окончательные решения, которые устраняли бы всякое колебание в шествующем. Очень важно бывает знать, как и куда ступить ногою в известном случае, чтоб не сделать ошибки. И вот, здесь какое-нибудь изречение отеческое разгоняет тьму, воссияв подобно лучу молнии среди ночи.

Вообще же это – теплица духовная, в которую верующий, прочитывая указания о явлениях духовной жизни, входит сознанием и сердцем и, подлежа там ощутительным влияниям возбужденных созерцаний, чувствует, что он витает в сии минуты в иной некоей атмосфере, светоносной и живоносной. Это отрадные моменты, и в продолжение их-то обычно зарождаются и зреют разные отпрыски на древе духовной жизни. И потому нет ничего дивного, что испытавший это, как только улучшает свободную минуту, спешит к опытным описаниям духовной жизни, как любящий прибыль спешит к местам, прибыль обещающим, и любящий удовольствия – к местам утех. Он часто при этом желает подышать оживляющим и ободряющим воздухом духовным. И, однако ж, это не есть праздное любопытство. Нет, это есть дело существенной необходимости для преуспевания и благосостояния нашего духа.

Вот почему между истинными христианами всегда была и есть потребность иметь под руками святоотеческие писания о духовной жизни. Но сколько похвально чувство такой потребности, столько же обязательно удовлетворение ее от лица тех, кои имеют долг к тому и силы на то. Она и была всегда удовлетворяема, как изданиями сих писаний в полном их составе, например свв. Макария, Исаака и Ефрема Сириан, Лествичника и других многих, так не менее того и сборниками из них. К числу таких сборников принадлежит и известное всем Добротолюбие, как наилучший из них». (Еп. Феофан. Добротолюбие. Т. 1. Вступление. С. III-V).

Последуя призыву свт. Феофана, мы и вступаем в страну духовной жизни, описанию которой посвящены страницы книг, оставленных нам св. отцами и подвижниками Православной Церкви. Мы будем излагать их учение их же собственными словами в том порядке, в каком оно приводится в книге свт. Феофана «Святоотеческие наставления о молитве и трезвении...» (2-е изд. М., 1884), и дополняя в необходимых случаях выписками из их творений.

Начинаем со св. Василия Великого. «Огненный столп, огненные уста Св. Духа, око церковное», по выражению старца Паисия Величковского, св. Василий Великий, толкуя слова

Божественного Писания: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих», – прекрасно поучает: «Думается, – пишет он, – невозможно то, что говорит пророк, ибо как может хвала Божия всегда быть во устах человека? Когда человек ведет свои обычные человеческие разговоры, в его устах нет хвалы Богу; когда спит, молчит, конечно; когда ест и пьет, могут ли его уста произносить хвалу? Отвечаем на это: есть духовные уста внутреннейшего человека, которыми он воспринимает животворное. Слово Божие как хлеб, сшедый с небеси. Об этих устах говорит пророк: «Уста моя отверзох и привлекох Дух»; эти уста и Господь призывает нас иметь открытыми к приятию истинной пищи: «Расшири, – говорит, – уста твоя и исполню я» (Пс. 8, 11). Ибо может однажды возникшая и напечатленная в разуме души мысль о Боге именоваться хвалою, всегда от Бога бываемою в душе; может и, по апостолу, заботливый все творить во славу Божию. Так как всякое дело, и всякое слово, и всякое движение умное имеет силу хвалы. И потому ест ли праведник, или пьет, или что-нибудь другое делает – все это он делает во славу Божию, у него и во сне сердце бдит». (Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. С. 214).

Свт. Феофан в своем сборнике «О трезвении» приводит следующие слова св. Василия: «Как достигнуть нерассеянности в молитве? – Несомненно убедившись, что Бог перед очами... молящийся с показанным убеждением будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: «Воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления» (1Тим. 2, 8) (Святоотеческие наставления, § 26).

«Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, и как сего достигнуть? Что сие возможно, показал тот, кто сказал: «Очи мои выну ко Господу» (Пс. 24, 15) и «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15, 8). А как сие возможно, о том сказано выше, а именно: для сего не должно давать душе времени быть праздною от помышления о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все». (Там же, §7).

«По какой причине человек теряет всегдашнее памятование о Боге? – Если он не памятует благодеяний Божиих» (10).

«Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие, но ты различай дело. Господь одобрил усердие обеих женщин, но Марию предпочел Марфе. Марфа – образ деятельного служения другим; Мария – образ созерцательного предстояния Богу в молитве. Подражай чему хочешь: тем и другим приобретешь плод спасения; впрочем, последнее выше первого. «Мария благу часть избра» (Лук. 10, 42). Если и ты хочешь быть таинником Христовым, сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его» (11).

«Если будешь осуждаем совестью своею как презритель заповедей Божиих и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно, то не дерзай стоять перед Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развращения, то принуждай себя сколько станет сил и продолжай стоять перед Богом, к Нему обращая ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе, потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять перед Богом как должно» (16).

«Надобно всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою» (25).

«Откуда рассеянность и помыслы? И как их приводить в порядок? – Рассеянность происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо, если кто поверит сему, то, без сомнения, сделает сказанное: «Предзрех Господа предо мною, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15, 8). А кто достиг



сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо, не клонящееся к созиданию веры, хотя бы и казалось это хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неугодное Богу» (27).

От Василия Великого переходим к Великому Макарию Египетскому, которого Молдавский старец Паисий Величковский именует «египетским, лучше же сказать, вселенским солнцем, светлее солнца просиявшим в неизреченных дарованиях Святого Духа».

Вот что пишет Великий Макарий об отношении человеческой души к Богу. Я привожу слова св. Макария по Добротолочию (3-е изд. М., 1985. Т. 1).

«Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою. Бог сотворил разные твари; сотворил небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносные, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти Его; однако же не утвердил Он в них престола, не установил с ними общения; благоволил же о едином человеке с ним вступив в общение. Видишь ли в этом сродство Бога с человеком и человека с Богом?

Посему душа смысленная и благоразумная, обошедши все создания, нигде не находит себе упокоения, как только в едином Господе. И Господь ни к кому не благоволит, как только к единому человеку» (1).

Но Господь не насилует свободу человека, которою Он одарил его:

«Удобоизменяема человеческая природа, склонна то к худому, то наоборот к прекрасному и вследствие того и другого имеет способность соизволять, на какие захочет дела. Поэтому природа наша удобоприемлема и для добра, и для зла; и для Божией благодати, и для сопротивной силы. Но она не может быть приневоливаема» (16).

Глубоко укоренился грех в душе человеческой: «Вошедший в душу человека грех овладел пажитями души до глубочайших ее тайников, обратился в привычку и предубеждение, с младенчества в каждом возрастает, воспитывается и учит его худому» (30).

«Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины... Прившедший грех, как разумная некая сила и сущность сатаны, посеял всякое зло: он тайно действует на внутреннего человека и на ум и борется с ним помыслами; люди же не знают, что делают сие побуждаемые чуждою некоею силою, напротив того, думают, что это естественно и что делают сие по собственному своему рассуждению. Но в самом уме имеющие мир Христов и озарение Христово знают, откуда воздвигается все это» (36).

Но все же грех не всецело поработил человека: «Осталась в человеке свобода, какую Бог дал ему в начале. Как совершенный не привязан к добру какою-либо необходимостью, так не привязан и ко злу погрязший в грех и делающий себя сосудом диавола» (43).

«Ты свободен, и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизменяема. Кто хочет, тот и покорствуется Богу, и идет путем правды, и владеет пожеланиями, потому что ум сей есть противоборник, и твердым помыслом может препобедить порочные стремления и гнусные пожелания» (44).

Однако одними своими силами человек не может преодолеть греха вполне. «Напрасно, однако ж, надмеваясь, думают собственною своею свободою устранить от себя поводы ко греху. Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться диаволу, а не на то, чтобы при сей возможности непременно иметь и власть над страстями» (45).

О связи греха с человеческою природою св. Макарий пишет: «В нас действует зло со всею силою и ощутительностью, внушая все нечистые пожелания, однако ж срастворено с нами не так, как иные говорят сие о смешении вина с водою, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе и плевелы сами по себе или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома» (46).

«Источник изливает чистую воду, но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину – весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком. И сатана чем-то одним делается с душою: оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно... В иное же время

самостоятельная душа действует сама по себе и раскаивается в своих поступках, плачет, молится и приводит себе на память Бога» (48).

Исцеление пораженной грехом человеческой души возможно только от Бога. «Душу, вначале уязвленную неисцельною язвою вредоносных страстей, никто не мог исцелить... пока не пришел Спаситель, истинный Врач, туне врачующий и Себя дающий в искупительную цену за род человеческий. Он один совершил великое и спасительное искупление и уврачевание души; Он освободил ее от рабства и извел ее из тьмы» (53).

«Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить и обновить естество и эту душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив ее Божественным Духом. Он пришел верующих в Него соделать новым умом, новою душою, новыми очами, новым слухом, новым языком духовным – одним словом, новыми людьми» (58).

«Господь непрестанно ударяет в двери сердец наших, чтобы отверзли мы Ему и Он вошел, и почил в душах наших, и сотворил обитель у нас. Ибо говорит: «Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему» (Апок. 3, 20). Для того Он благоволил много пострадать, предав тело Свое на смерть и искупив нас от рабства, чтобы, пришедши к душе нашей, сотворить в ней обитель. Ибо и пища, и питье, и одежда, и покров, и упокоение Его – в душах наших. Посему непрестанно ударяет в дверь, желая войти к нам. Приимем же Его и введем внутрь себя; потому что и для нас Он есть и пища, и питье, и жизнь вечная. И всякая душа, которая не прияла Его в себя и не успокоила Его в себе ныне или, лучше сказать, сама не успокоилась в Нем, не имеет наследия со святыми в Царстве Небесном и не может войти в Небесный Град. Ты Сам, Господи Иисусе Христе, введи нас в оный!» (66).

Спасение человека, хотя и совершается Богом, но не без воли и самого человека. «Человек по природе имеет предначинание, и его-то взыскует Бог. И поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял, поняв, – возлюбил и предначал

волею. А чтобы мысль привести в действие, или перенести труд, или совершить дело, – сие благодать Господня дает возжелавшему и уверовавшему. Посему воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, – Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом зависит от воли человека. Опять, если даем мы полную свою волю, то нам все дело приписывает чудный во всем и совершенно недомыслимый Бог» (67).

«Как пчела тайно выделяет сот в улье, так и благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие – в мягкосердие» (188).

«Человек не тотчас, как услышит Божие слово, делается уже достойным благой части. Утверждая противное, отнимаешь у человека волю и отрицаешь бытие сопротивной силы, противоборствующей уму. Мы же говорим, что слушающий слово приходит в сокрушение и потом начинает он упражняться и поучаться в брани, борется и подвизается против сатаны; и после долгого состязания и борения одерживает победу и делается христианином (решается, то есть, быть строгим последователем Христовым, – Е. Ф.)» (76).

«Вникни в умную сущность души и вникни не слегка. Бессмертная душа есть драгоценный некий сосуд. Смотри, как велико небо и земля, и не о них благоволил Бог, а только о тебе. Воззри на свое благородство и достоинства, потому что не ангелов послал, но Сам Господь пришел ходатаем за тебя, чтобы воззвать погибшего, изъязвленного, возвратить тебе первоначальный образ чистого Адама. Сам Бог пришел вступить за тебя и избавить тебя от смерти. Стань же твердо и представь себе, какое о тебе промышление» (77).

Еще здесь на земле должно начинаться возрождение души и ее соединение со Св. Духом. «Как в теле жизнь не от него самого, но от того, что вне его, то есть от земли, и без существующего вне его невозможно ему жить, так если душа еще ныне не возродится в оную землю живых, и не будет там духовно питаться и духовно возрастать, преспеявая пред Господом, и не облечет ее Божество в неизреченные ризы небесной лепоты, то без оной пищи невозможно ей самой собою

жить в услаждении и упокоении. Ибо естество Божие имеет и хлеб жизни – Того, Кто сказал: «Аз есмь Хлеб животный» (Ин. 6, 35), – и воду живу (Ин. 4, 10), и вино, веселящее сердце человека (Пс. 103, 15), и елей радости (Пс. 44, 8), и многообразную пищу небесного Духа, и светносные небесные одежды, даруемые Богом. В этом и состоит небесная жизнь души. Горе телу, когда оно останавливается на своей природе, потому что разрушается и умирает. Горе и душе, если она останавливается на своей только природе, не имея общения с Божественным Духом, потому что умирает, не сподобившись вечной Божественной жизни. Как отчаиваются в больных, когда тело их не может уже принимать пищи, и плачут о них все близкие, друзья, родные и любимые ими, так Бог и святые ангелы достойными слез признают те души, которые не вкушают небесной пищи Духа и не живут в нетлении» (86).

Оберегая душу, человек должен вести мужественную борьбу с сатаной. «Случается, что сатана ведет разговор с тобою в сердце: «Смотри, сколько худого сделал ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обременен ты грехами, что не можешь уже спастись». Сие же делает, чтобы ввергнуть тебя в отчаяние, потому что неприятно ему покаяние твое. Ибо, как скоро чрез преступление вошел грех, ежечасно беседует он с душою как человек с человеком. Отвечай ему и ты: «Имею в Писании Господнем свидетельство: не смерти хочу грешника, но покаяния, чтобы обратился он от пути лукавого и был жив (Иез. 33, 11). Ибо для того снисшел Он, чтобы спасти грешных, воскресить мертвых, оживотворить умерщвленных, просветить находящихся во тьме» (98).

«Представь себе стан персидский и стан римский; и вот вышли из них два окрыленные мужеством и равносильные юноши и ведут борьбу. Так сопротивная сила и ум равносильны между собою и равную имеют силу, как сатана преклонять и лестию вовлекать душу в волю свою, так опять и душа прекословить и ни в чем не повиноваться ему, потому что обе силы могут только побуждать, а не принуждать к злу и добру. Таковому-то произволению дается Божия помощь, и оно может борьбою приобрести оружие с неба и им победить и искоренить

грех, потому что душа может противиться греху, но не может без Бога победить или искоренить зло. А утверждающие, что грех подобен сильному исполину, душа же подобна отроку, говорят худо. Ибо если бы таково было несходство и грех уподоблялся исполину, а душа – отроку, то несправедлив был бы Законоположник, Который дал человеку закон – вести брань с сатаною» (99).

«Очень немного таких, которые с добрым началом соединили добрый конец, непреткновенно дошли до цели, имеют единую любовь к единому Богу и от всего отрешились. Многие приходят в умиление, многие делаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовью, но, не выдержав встретившихся на пути различных борений, подвигов, трудов и искушений от лукавого, поскольку у каждого есть желание любить что-либо в мире сем и не вовсе отрешаться от любви своей, возвратившись к разнообразным и различным мирским пожеланиям, по слабости и недеятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви к чему-либо земному, остались в мире и погрязли в глубине его» (105).

«...Для какой-нибудь земной и плотской любви, которую человек связывает себя по собственной воле, уловляет его грех, делается для человека оковами, узами, тяжким бременем, которое потопляет и подавляет его в веке лукавом, не давая ему собраться с силами и возвратиться к Богу... От этого зависит и равновесие, и склонение, и перевес порока; сим испытывается весь род человеческий, испытываются все христиане, живущие в городах, или в горах, или в обителях, или в полях, или в местах пустынных, потому что человек, уловляемый собственной своею волею, начинает любить что-нибудь; любовь его связывается чем-нибудь и не всецело уже устремлена к Богу. Например, иной возлюбил имения, а иной золото и серебро; иной же – многоученую мирскую мудрость для славы человеческой; иной возлюбил начальство; иной – славу; иной любит безвременные сходбища; иной весь день проводит в рассеянии и удовольствиях; иной обольщается праздными помыслами; иной для человеческой славы любит быть как бы законоучителем; иной услаждается

недеятельностию и нерадением; другой привязан к одеждам; иной предается земным попечениям; иной любит сон, или шутки, или сквернословие. Чем привязан кто к миру, малым ли, или великим, то и удерживает его и не позволяет ему собраться с силами. С какою страстию человек не борется мужественно, ту любит он, и она обладает им, и обременяет его, и делается для него оковами и препятствием уму его обратиться к Богу, благоугодить Ему и, послужив Ему Единому, соделаться благопотребным для Царствия и улучшить вечную жизнь» (107).

«А душа, действительно стремящаяся ко Господу, вся и всецело к Нему простирает любовь свою, и, сколько есть сил, к Нему Единому привязуется своим произволением, и в этом приобретает помощь благодати, отрицается сама себя, и не следует хотениям ума своего, потому что по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла ходит он лукаво. Таким образом, как скоро душа возлюбила Господа, исхищается из сетей собственной своею верою и великою рачительностию, а вместе и помощью свыше, сподобляется вечного Царства и, действительно возлюбив оное, по собственной своей воле и при помощи Господней, не лишится уже вечной жизни» (108).

Христианину необходимо не только желать небесных благ и дарований, но и быть готовым ради них претерпеть труды и скорби.

«Когда мы читаем Писания, или о каком праведнике, как благоугодил он Богу, как стал другом и собеседником Божиим, или о всех отцах, как соделались они друзьями и наследниками Божиими, сколько претерпели скорбей, сколько страдали ради Бога, сколько совершали доблестных дел и подвигов, тогда ублажаем их и хотим сподобиться равных с ними даров и достоинств, охотно желаем получить славные оные дарования, отложив только в сторону их труды, подвиги, скорби и страдания, и стяжать те почести и достоинства, какие прияли они от Бога, желаем усердно, а их изнурений, трудов и подвигов на себя не приемлем. Но сказываю тебе, что всего этого желает и вожделевает всякий человек: и блудники, и мытари, и несправедливые люди хотели бы получить Царствие так легко, без трудов и подвигов. Для того-то и подлежат на пути

искушения, многие испытания, скорби, борения и пролития пота, чтобы явными соделались те, которые действительно от всего произволения и всеми силами даже до смерти любили единого Господа и при такой любви к Нему не имели уже ничего иного для себя возжеленного. Посему-то, по правде, входят они в Небесное Царство, отрекшись от себя самих, по Господнему слову, и паче дыхания своего возлюбив единого Господа, почему за высокую любовь свою и будут вознаграждены высокими небесными дарами» (112).

«Кто приходит к Богу и действительно желает быть последователем Христовым, тот должен приходиться с тою целью, чтобы перемениться, показать себя лучшим и новым человеком, не удержавшим в себе ничего из свойственного ветхому человеку. Ибо сказано: «Аще кто во Христе, нова тварь» (2Кор. 5, 17) (113).

«Приступающему ко Господу надлежит принуждать себя ко всякому добру: принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы милосердным быть и иметь милостивое сердце; принуждать себя к тому, чтобы терпеть пренебрежение и, когда пренебрегают, – быть великодушным, когда унижают или бесчестят, – не приходить в негодование, по сказанному: «не себе отмщающе возлюбленнии» (Рим. 12, 19); надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную духовную молитву, даст истинную любовь, истинную кротость, утробы щедрот, истинную доброту, и, одним словом, исполнит его духовного плода» (132).

«Некоторые говорят, что Господь требует от людей одних явных плодов, а тайное совершает Сам Бог. Но не так бывает на деле, напротив того, сколько огораждает кто себя по внешнему человеку, столько же он должен бороться и вести брань с помыслами, потому что Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен, вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы и не услаждался ими» (141).



«Душа должна сопротивляться, противоборствовать и отражать. Произволение твое, противоборствуя, пребывая в труде и скорби, начинает, наконец, одерживать верх; оно и падает, и восстает; грех снова низлагает его; в десяти и в двадцати борениях побеждает и низлагает душу, но и душа со временем в одном чем-нибудь побеждает грех. И опять если душа стоит твердо и ни в чем не ослабевает, то начинает брать преимущество, решать дело и одерживать над грехом победы. Так-то люди преодолевают и делаются его победителями» (142).

«Открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и тела твоего и, смотря на борьбу твою, влагает в тебя сокровенные, небесные помыслы и втайне начинает упокоевать тебя. Но пока оставляет еще тебя под обучением, и в самых скорбях промышляет о тебе благодать. И когда придешь в упокоение, даст тебе познать себя и покажет тебе, что для твоей же пользы попускала быть тебе в борении. Как сыну богатого человека, у которого есть пестун, пока наставник наказывает его, и учение, и раны, и удары кажутся тяжкими, и это бывает, пока не сделается мужем, и тогда начинает уже благодарить пестуна, так и благодать промыслительно обучает, пока не придешь в совершенного мужа» (146).

«Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаной, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собою» (165).

«Истинное основание молитвы таково: быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все усилие свое обращать на помыслы и что служит пищею лукавым помыслам, то отсекают, а устремляться мыслию к Богу и хотения помыслов не исполнять, но кружащиеся помыслы собирать отовсюду воедино, различая естественные помыслы от лукавых. Душа под грехом уподобляется как бы большому лесу на горе, или тростнику на реке, или какой-нибудь чаще терний и дерев,

посему намеревающиеся проходить сим местом, должны протягивать вперед руки и с усилием и с трудом раздвигать пред собою ветви. Так и душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою, почему потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человеку отличать чуждые помыслы, внушаемые сопротивною силою. Внимательные к помыслам, весь подвиг в молитвах совершают внутренно. Таковые своим разумением и рассудительностию могут преуспевать, отражать восстающие помыслы и ходить в воле Господней» (161).

От возгорания духа оживотворяется сердце. «Марии подражай, – подражай, не имея в виду ничего иного, а взирая только на Того, Кто сказал: «Огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгорется!» (Лк. 12, 49). Ибо возгорение Духа оживотворяет сердца. Невещественный и Божественный огонь освящает души и искушает их, как неподдельное золото в горниле, а порок пополяет, как терния и солому; потому что Бог наш огонь поядаяй есть (Евр. 12, 29). Действенности сего огня взыскав, блаженный Давид сказал: «Искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое» (Пс. 25, 2) (175).

«Сей огонь согревал сердце Клеопы и спутника его, когда говорил с ними Спаситель по воскресении. И ангелы и служебные духи причащаются светлости сего огня, по сказанному: «Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огонь палящ» (Евр. 1, 7). Сей огонь, сожигая сучец во внутреннем оке, делает чистым ум, чтобы, возвратив себе естественную прозорливость, непрестанно видел он чудеса Божии, подобно тому, кто говорит: «Открой очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс. 118, 18). Поэтому огонь сей прогоняет бесов и истребляет грех» (176).

«Господь знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится; поэтому останавливает его и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении. Ибо если когда и малое приемлешь, для всех делаешься несносным и надмеваешься, то колями паче сделаешься нестерпимым, если дадут тебе в один раз насытиться. Но Бог, зная твою немощь, по

смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиренным и ревностнее взыскал Бога» (194).

Достигшие истинного преуспевания не видят своего совершенства и почитают себя ничем.

«Благоискусные пред Богом сами себя признают весьма малыми и крайне неблагоискусными, и для них стало естественным и непременно делом почитать себя низкими, или даже ничем. Ужели таковые не знают, что им придано, чего не имели, и приобрели нечто необычайное для естества своего? Сказывая тебе, что не признают они себя благоискусными и преуспевшими, не знают, что приобрели, чего не имели. Нисходящая же на таковых благодать сама учит их, чтобы и преуспевая не почитали души своей драгоценною, естественно же признавали себя ничего не стоящими. И, будучи драгоценными пред Богом, не таковы они сами для себя: при своем преуспевании и ведении Бога признают себя как бы ничего не знающими и, богатые пред Богом, сами для себя кажутся бедными» (197).

«Посему христиане сами должны употреблять все старание вовсе никого не осуждать: ни явную блудницу, ни грешников, или людей бесчинных, – взирая же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось человеку как бы в нечто естественное и непременно, никого не уничивать, не осуждать, никем не гнушаться и не делать различия между людьми» (207).

«Человек может ли пасть, имея благодатное дарование? Если вознерадит, то падает, потому что враги никогда не остаются в бездействии и ведут брань, не предаваясь лени. Кольми паче не должен ты прекращать искания своего пред Богом. Ибо много бывает тебе вреда, если предаешься нерадению, хотя бы по-видимому испытан ты был в самом таинстве благодати» (208).

«Как плывущие морем купцы, хотя найдут и попутный ветер, и тихое море, но, пока не войдут в пристань, находятся всегда под страхом, что вдруг восстанет противный ветер, взволнуется море, и корабль подвергнется опасности; так и христиане, хотя и ощущают в себе, что дышит благоприятный

ветер Святого Духа, однако же находятся еще под страхом, чтобы не нашел и не подул ветер сопротивной силы и не воздвиг в душах их какого мятежа и волнения. Посему потребна великая рачительность, чтобы войти в пристань упокоения, в совершенный мир, в вечную жизнь и вечное наслаждение, во град святых – в Небесный Иерусалим, в церковь первородных (Евр. 12, 23). А кто не прошел еще оных степеней, для того много причин к страху, чтобы лукавая сила, во время сего прохождения, не устроила ему какого-либо падения» (211).

«Нет человека, на которого враг перестал бы нападать. Сатана немилосерд и человеконенавистен, поэтому не ленится нападать на всякого человека, но, по-видимому, не на всех наступает он с одинаковым усилием. Иные терпят сильную брань в терзания от греха, но укрепляются во бранях, пренебрегая сопротивную силу, и нет им опасности в этом отношении, потому что непоколебимы и уверены в своем спасении, так как часто упражнялись и приобрели опытность во брани с злобою и Сам Бог с ними, Богом путеводятся они и упокоеваются. Иные же, не упражнявшись еще, если в одну только впадут скорбь и воздвигнется на них брань, тотчас подвергаются в беду и гибель» (241).

«Сказано: «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33, 9), – вкушение же сие есть в несомненности действенная сила Духа, совершающая служение в сердце. Ибо те, которые суть сыны света и служения Новому Завету в Духе Святом, ничему не научаются у людей, как научаемые Богом. Сама благодать пишет на сердцах их законы Духа. Посему не в Писаниях только, начертанных чернилами, должны они находить для себя удостоверение, но и на скрижалях сердца благодать Божия пишет законы Духа и небесные тайны; потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладеет пажитями сердца, тогда царствует она над всеми членами и помыслами, ибо там ум, и все помыслы, и чаяние души. Почему благодать и проникает во все члены тела» (255).

«Хотя благодать непрестанно сопребывает, укореняется и действует как закваска в человеке с юного возраста, и сие,

сопребывающее в человеке, делается чем-то как бы естественным и неотделимым, как бы единою с ним сущностью, однако же, как ей угодно, различно видоизменяет она свои действия в человеке к его пользе. Иногда огонь сей возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда как-бы слабее и тише; в иные времена свет сей возжигается и сияет более, иногда же умалется и меркнет, и светильник сей, всегда горя и светя, иногда делается яснее, более возгорается от упоения Божиею любовью, а в другое время издает сияние свое бережливо, и соприсухий в человеке свет бывает слабее» (262).

Св. Иоанн Златоуст, «Христовы уста, светило всемирное, вселенский учитель», об Иисусовой молитве пишет следующее наставление, относящееся ближайшим образом к монахам, но имеющее значение и для мирян:

«Умоляю вас, братие, никогда не оставлять правила молитв или понебречь им, ибо я слышал некогда отцов, которые говорили: какой это монах, если он небрежет о правиле или попирает его? Но он должен, ест ли, или пьет, сидит дома, или путешествует, или другое что делает, непрестанно взывать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – дабы это поминание имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань против врага. Поминанием сим душа, нудящая себя на то, может разыскать в себе все и худое, и доброе: прежде имеет она увидеть внутри, в сердце своем, худое, а потом и доброе. Поминание сие имеет привести в движение змия, и поминание сие имеет смирить его. Поминание сие может обличить живущий в нас грех, и поминание сие может потребить его. Поминание сие может подвигнуть всю силу вражью в сердце, и поминание сие может победить и искоренить ее мало-помалу: имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердца, змия, держащего пажити ее, смирит, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два воедино. Впрочем, дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгого времени, ибо великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос» (Добротолюбие. Т. 5. С. 369–370).

И опять: «Нужно запереться в себе, и править умом, и обуздывать его, и всякий помысл и всякое действие лукавого казнить призыванием Господа нашего Иисуса Христа».

И еще: «Где стоит тело, там да будет и ум, чтобы посреде, между Богом и сердцем, ничего другого не находилось, как средостение, или перегородка, затеняющая сердце и отдаляющая ум от Бога. Если же иной раз что-нибудь похитит ум, не надо замедлять в помыслах, дабы сосложение с помыслами не вменилось в дело греховное в день Суда пред лицом Господа, когда судить имеет Бог тайная человеков. Упраздняйтеся убо всегда и пребывайте с Господом Богом, пока Он ущедрит нас. И ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной себе милости; ища же милости, ищите ее с сердцем смиренным и умиленным и с утра до вечера вопийте, а если можно, то и всю ночь: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», и понуждайте ум свой на это дело до самой смерти. Ибо великого понуждения требует дело сие, потому что узки врата и тесен путь, вводящий в живот, и одни нудящие себя входят в него, ибо таких нудящих себя есть Царствие Небесное (Мф. 7, 14; 11, 12). Умоляю убо вас, не отдаляйте сердец ваших от Бога, но внимайте им и храните их всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутри сердца вашего и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в вас» (Там же. С. 370).

О силе внутренней, сердечной молитвы Златоуст пишет так: «Из глубины возвах к Тебе, Господи» (Пс. 129, 1). Что значит из глубины? не просто устами, не просто языком: ибо слова могут изливаться и без мысли, но из глубины сердца, с великим усердием и ревностью, из самых оснований души. Такие молитвы имеют великую силу и крепость, не рассеиваются и не колеблются, хотя бы диавол нападал с великою дерзостью. Как дерево крепкое, весьма глубоко впустившее корни в землю и охватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, поваливается при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает наземь, так точно и молитвы,

исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее, пребывают крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище диавола, а молитвы, исходящие из уст только и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу, по безучастию в них сердца. Кто так молится, у того уста издают звук, а сердце пусто и ум празден». (Еп. Феофан. О молитве и трезвении, § 89).

О силе сердечной молитвы, без произносимых слов выражаемой, Златоуст пишет еще в одном месте:

«Егда молишися, вниди в клеть твою» (Мф. 6, 6). Но прежде еще затворения двери клетки твоей, Господь хочет, чтоб ты заключил двери ума твоего и сердца. Когда приступаешь к молитве, тогда, все оставя, к Тому единому взирай, Кто власть имеет даровать тебе просимое тобою. Если же, Его оставя, будешь всюду блуждать и кружиться умом, то отойдешь с пустыми руками. Если так у тебя будет, то, хоть в клеть войдешь и дверь заключишь, никакой от этого не будет тебе пользы. Не будем ограничивать молитву свою положением тела, но паче будем воссылать ее из горящего сердца, со всякою тихостию, сокрушением умиленным и слезами. Но ты болишь душою и не можешь не взывать? Но скорбящему-то наипаче и свойственно так молиться, как я сказал. И Моисей скорбел душою, но молился сим образом – и был слышан; почему и сказал ему Господь: «Что вопиеш ко Мне?» И Анна опять, при неслышности голоса, испросила, чего хотела, потому что сердце ее вопияло. Стенай и ты, как они, – не воспрещаю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не одежду (Иоил. 2, 13). Из глубины души призывай Бога, подражая св. Давиду, который говорит: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи!» (Пс. 129, 1). Из глубины сердца возводи глас, держа молитву свою сокровенною. Ты стоишь в хоре ангелов, общник еси архангелов и поешь с серафимами. Но все сии сонмы великое соблюдают благочиние, Богу, Царю всяческих, с трепетом воссылая свои сокровенные гимны. К ним сопричисли себя моляся и их таинственному соревнуй благообразию. Не человекам молишься, но Богу, всюду сущему, прежде взывания твоего

слышащему, и тайны сердца твоего ведущему. поскольку сам Он невидим, то хочет, чтобы такова же была и молитва твоя» (Там же, §100).

Внутреннюю молитву можно совершать на всяком месте, при всяком занятии, во всяком звании.

«Люди слышат только этот звуковой голос, а Бог прежде его слышит то, что вопиется внутри. Почему возможно и без вопияния быть услышану, и, ходя по торжищу умом со всем усердием молиться, и, сидя с друзьями или другое что делая, воплем крепким призывать Бога – внутренним, разумею, – не делая сего явным никому из присущих» (72).

«Не будем прикрываться предлогами, говоря, что нет вблизи молитвенного дома. Нас самих благодать Св. Духа благоволит содевать храмами Божиими, если будем трезвенствовать, так что нам повсюду есть полное удобство молиться... Где бы ты ни был, можешь воздвигнуть алтарь, показав только трезвенствующее расположение; место не мешает, не мешает и время; и, хоть колен не преклонишь, хоть в грудь не будешь ударять, ни рук к небу простирать, а только покажешь теплоту чувства к Богу, – ты совершил как следует дело молитвы. Можно и женщине, сидящей за прялкою или ткацким станком, воззреть на небо умом и тепло призвать Бога. Можно и мужчине, на торжище вступившему или одиноко шествующему, прилежные творить молитвы. И тому, кто сидит в лавке и шьет что кожаное, можно душою своею возноситься к Богу. И слуге, когда покупает что, или взбегает на верх и сбегает вниз по делу услужения господину дома, или стоит пред очагом в кухне, можно усердные творить молитвы в сердце, если некогда сходить в церковь. Бог не стыдится места, одного ищет – теплого сердца и души целомудренной» (75).

«Вот угодный Богу образ молитвы! Приступив к Богу с трезвенным умом, с душою сокрушенною и потоками слез, не проси ничего житейского, будущего ищи, о духовном умоляй, не молись против врагов и ни на кого не держи злопамятства, изгони из души все страсти, сокрушайся о грехах, держи в порядке свое внутреннее, изъявляй готовность на всякую уступчивость и на то, чтоб язык свой обращать лишь на добрые



о других речи, не вплетайся ни в какое дело, ни согласиен, ни содействием не имей ничего общего с общим врагом вселенной, т. е. с дьяволом. Ибо таким образом ты будешь праведным, а будучи праведным, услышан будешь, имея правду своею заступницею» (79).

«Таково свойство духовного огня, — пишет св. Иоанн о сердечной теплоте благодатной молитвы, — что он не допускает иметь пристрастие к чему-либо здешнему, но преисполняет нас любовью к другому миру. Возлюбившему же его, хотя бы надлежало ради его потерять все имение, хотя бы расстаться со всеми утехами и славою, хотя бы даже душу свою отдать, он сделает все сие с охотою и без замедления. Ибо теплота того огня, вошедши в душу, свергает тяготу лености и делает всякого легчайшим пера. Таковой, все, наконец, презревши, пребывает в непрестанном сокрушении и умилении, источая всегда обильные источники слез и в этом находя сладостное утешение. Ничто так не прилепляет к Богу и не соединяет с Ним, как слезы. Таковой и посреде града живя пребывает будто в пустыне, в горах и пещерах, не внимая ничему настоящему и сытости не находя в плаче и слезах, за себя ли их изливает, или за других» (99).

«Не говори: грешен я, не имею дерзновения, не смею молиться. Тот и имеет дерзновение, кто думает, что не имеет дерзновения, как наоборот, кто думает, что имеет дерзновение, отнимает силу у дерзновения, как фарисей. Кто почитает себя отверженным и бездерзновенным, тот паче будет услышан, как мытарь. Смотри, сколько на это имеешь примеров: Сирофиникиссу, мытаря, разбойника на кресте, друга в притче, три хлеба просившего и получившего их не по дружбе, а по неотступности прошения... Вспоминая все сие, будем молиться непрестанно, с трезвением, дерзновением, с благими надеждами, со многим усердием. Будем молиться и за врагов, и за друзей, и, конечно, получим все благопотребное. Человеколюбив бо есть Даятель, и не столько мы желаем получать, сколько Он желает давать» (58).

«Как преклонить на милость Господа? — Вот как: водрузим молитву в сердце своем, и к ней приложим смирение и

кротость. Ибо Господь говорит: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). И Давид воспел: «Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Ничего так не любит Господь, как душу кроткую и смиренную. Смотри, брате, и ты не прибегай к людям, когда что нечаянно отяготит тебя, но, минуя всех, востеки мыслию своею ко Врачу душ. Ибо сердце уврачевать может один Он, создавший наедине сердца наша и разумевая на вся дела наши (Пс. 32, 15). Он может войти в совесть нашу, коснуться ума, утешить душу. Если Он не утешит сердец наших, человеческие утешения излишни и несмысленны, как напротив, когда Он утешает, то, хотя бы люди неисчетные делали нам притеснения, ни на волос не возмогут они повредить нам. Когда Он укрепит сердце, никто не может встревожить его. Зная сие, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, и хотящему, и могущему развеять налегшие на нас тучи прискорбностей» (23).

«Молитвы суть нервы души. Как тело нервами держится в строе и живет, движется и стойким является, когда же кто их пресечет, тогда вся гармония тела расстраивается, так и души святыми молитвами благоустраиваются, стойкость приемлют и легко текут путем благочестия. Если же ты лишишь себя молитвы, то сделаешь то же в душе, что делает в теле пресечение нервов, – она замрет, или, по другому сравнению, это будет то же, что рыбу вынуть из воды, ибо как для рыбы жизнь – вода, так для души твоей – молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога» (44).

Можно было бы еще десятки страниц заполнить столь же ценными наставлениями св. Иоанна Златоуста о молитве и о ее внутреннем и сердечном делании, но необходимо предоставить слово и другим св. отцам Церкви, и потому мы переходим к св. Ефрему Сирианину. У св. Ефрема мы находим наставления, относящиеся как к хранению помыслов, так и к сердечной молитве.

«Стоя на молитве, знай, Кому предстоишь. К Нему да будут обращены и вся твоя душа, и все твое сердце. Разумей, что

говорю» (Еп. Феофан. О молитве и трезвении, § 5).

«Вошедши в дом Божий, не будем парить умом, напротив того, внутренний человек наш да займется созерцанием и молитвою. А молясь, будем говорить: «Отче наш, Иже еси на небесех...», чтоб никакие другие помыслы не смущали ума нашего» (4).

«Со всех сторон обнеси дом души твоей стеною трезвенного внимания и не оставляй скважины в ограде, чтобы враг, вошедши чрез нее, не разграбил дома твоего и ты стал виною своей гибели» (8).

«Малое нерадение рождает грех, и малая трезвенность отвращает великий вред» (10).

«Отчего иногда душа побеждается помыслами? Оттого, что не противится им, но позволяет им входить внутрь, и они, находя там себе пищу, понемногу расстраивают душу» (22).

«Прежде нежели укоренится в тебе страсть, вырви ее из себя и, прежде нежели даст отростки, исторгни корень ее из самых глубин. Ибо еслипустишь ей укорениться в тебе, она возобладает над тобою» (23).

«Пока не пренебрежет кто страхом Божиим, дотоле он не согрешит. Хочешь ли не грешить? – Храни страх Божий» (31).

«Возлюбим благоговение: пусть ругаются над нами, пусть наносят нам удары – мы не оставим его. Ибо это сокровище, исполненное благ. Оно преклоняет Бога воззреть на того, кто приобрел оное, по написанному: «На кого воззрю? Токмо на кроткого, и молчаливаго, и трепещущего словес Моих» (Ис. 66, 2). И блажен, кто все презрит ради благоговения» (42).

«Страх Божий да будет всегда пред очами твоими – и грех не возобладает тобою. Не говори: «Сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Ибо о завтрашнем дне ничего нет у тебя верного. Будем сегодня каяться, а о завтрашнем дне попечется Господь» (35).

«Всем сердцем своим веруй в Господа и во всякое время обретешь благодать Его. Если в Нем пребываешь, то не погубишь мзды своей» (37).

«Не останавливайся на нечистых помыслах, чтоб не довели они тебя до срамного исполнения их на самом деле, но

гнушайся ими и отгоняй их от себя, чтобы ум твой был в покое. Молись Господу, чтобы просветил очи сердца твоего, ибо невозможная у человека, возможна суть у Бога (Лк. 18, 27) (44).

«Если окаменело сердце твое, плачь пред Господом, чтобы источил Он на тебя озарение ведения» (49).

«Не расслабевай от приходящих тебе помыслов. Но, когда придет тебе лукавый помысл, воззови ко Господу со слезами, говоря: «Господи, будь милостив ко мне грешному и прости меня, Человеколюбец! Отгони от нас лукавого, Господи!» Бог – сердцеведец и знает помышления, происходящие от злонравия, но знает также и помышления, бывающие у нас по злобе бесов. Но знай и то, что в какой мере будешь подвизаться и терпеть, работая Господу, в такой будут очищаться и ум твой, и помышления твои» (56).

«Вместо щита, ограждай себя честным крестом, запечатлевая им свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себе крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай оным всякое свое занятие: и вход свой, и исхождение свое во всякое время, и сидение свое, и восстание, и одр свой, и какое ни проходишь служение, прежде всего запечатлей (крестным знамением) во имя Отца и Сына и Святого Духа» (63).

«Много потребно борьбы и тайного, невидимого труда; должно всегда производить испытание помыслов, и изнемогшие чувства души нашей непрестанно упражнять в различении доброго и худого, и ослабевшие душевные члены возгревать стремлением ума к Богу и тщанием, к Нему всегда прилепляясь умом своим, чтобы при помощи Божией благодати, по апостольскому изречению, быть в единый дух с Господом (1Кор. 6, 17). И сию тайную борьбу, помышление о Боге и труд надобно иметь всем нам и днем, и ночью, и при всяком исполнении заповеди, молимся ли, или служим, или едим, или пьем, или другое что делаем» (67).

«Желающий постоянно пребывать в молитве, должен принять обширнейший подвиг, великий труд и непрестанное старание, потому что постоянному пребыванию в молитве есть много греховных препятствий: сон, уныние, отяжеление тела,

кружение помыслов, беспорядочность ума, нерадивость, нетерпение, расслабление и другие тонкие внушения злобы; за сим следуют скорби, восстания самых лукавых духов, которые ведут брань с душою, в действительности непрестанно взыскующе Бога, противоборствуют ей до крови и возбраняют приблизиться к Богу. Посему ему должно мужаться со всею трезвенностию и тщательностию и со всяким усилием душевным и телесным, в терпении всякого рода. Как действительно несущий на себе крест, непрестанно да пребывает он в борении, и в великом труде, и в плаче, и в скорби ради царствия, не расслабевая, не предаваясь кружениям греховных помыслов, или сну, или унынию, или расслаблению, или смущению ума, не предаваясь мыслию чему-либо неподобающему и не удовлетворяясь телесным только коленопреклонением, между тем как ум находится в смущении и кружении» (70).

«Кто боится Бога, тот выше всякого страха: он устранил от себя и далеко оставил за собою все ужасы века сего. «Предзрех Господа предо мною выну, да не убоюсь и да не подвижуся», – говорит исполненный страха Божия Давид (Пс. 15, 8). Ни пред ужасами мира сего, ни пред страхованиями лукавого не приходит в страх и трепет тот, кто боится Бога. Даже сатана боится того, кто боится Бога, и полчища его содрогаются пред тем, кто исполняет заповеди Божии» (73).

«Градом убежища для нас ныне покаяние. И не далеко, но близко оно, каждый стоит при дверях его. Долго надо было еврею бежать до града убежища, и едва только мог он спастись, а иногда и не спасался. Этот же град нашего убежища сам спешит навстречу грешникам. Благословен Благий, Который тебя, покаяние, даровал нам градом нашего убежища» (75).

«Тебя умоляю, Господи, в Твою дверь ударяю, Благий! Отверзи мне по неложному обетованию Твоему: «Толцыте, и отверзется вам» (Мф. 7, 7). Се, умоляю, как научен Тобою; даруй мне, Господи, как обетовал. Не золота прошу. Изглаждение грехов лучше золота, прощение – драгоценнее сокровищ» (77).

«Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). Войди в самого себя, ищи усердней и без труда найдешь. Удались с распутия забав, с пагубного пути похотей, из дебри корыстолюбия и вредных сообществ. Войди в себя, живи в себе самом, в прекрасной клетке духа твоего – и там ищи Царства, как научил Спаситель наш. Если оно еще не в тебе, то взывай: «Отче наш, да приидет Царствие Твое!» – и оно придет, когда призовешь. Царство – в тебе. Войди же в себя, пребывай в сердце своем, ибо там – Бог. Он не оставляет тебя, но ты оставляешь Его» (88).

«Пока сердце пребывает в добре, дотоле и Бог в нем пребывает, дотоле оно служит источником жизни, потому что тогда из него исходит доброе. Но как скоро уклоняется оно от Бога и делает беззакония, то становится источником смерти, потому что тогда из него исходит злое. Сердце – Божия обитель, потому что имеет нужду в охранении, чтобы не вошло в него злое, и Бог не удалялся из него» (89).

«Дивно сие и досточудно, непостижимо для горних и неизреченно для дольних. Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем; Сокровенный от огнезрачных обретается в сердце. Земля не выносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе. Небо – мало для пяди Его, а сердце – обитель Его. Вся тварь не вмещает Его в пределах своих, но если взыщет сердце, то и малое сердце вмещает Его. Малое место избирает Бог в человеке для жилища Своего, и делается человек храмом Божиим, в котором обитает и пребывает Бог. Душа – храм Его, а сердце – святой жертвенник, на котором приносятся жертвы хвалы и славословия, иереем же бывает ум, который стоит и священнодействует там» (90).

«В сердце у тебя хранится сокровище. Приищи же себе стража, который бы непрестанно находился при дверях твоих, чтобы не ограбили тебя разбойники, не расхитили злые люди. поскольку ты не заботишься о душе своей, не ищешь для нее хранителей, то вторгаются в нее нечистые духи и грабители и разоряют ее вконец. Имение, которое не твоя собственность, охраняешь ты со тщанием, а душу, свою собственность, не оберегаешь. У виноградников, у масличных садов, у засеянных

полей ставишь ты стражей, а Божие достояние оставляешь без стражей, которые бы охраняли его. Временное имение всякий бережет с предусмотрительностью, а душу, самое дорогое Божие достояние, расхищают и грабят демоны, и никто о том не поболезнует и не поскорбит. Лукавый входит в нас и приводит в расстройство и сердце и ум, оттого каждый, против воли своей, идет в дебрь и блуждает там» (91).

«Душа много любезнее Богу всех созданных Им тварей. А грех делает ее мертвою – и ты не разумеешь того, грешник. Скорби о себе ради Бога, потому что Он сожалеет о тебе. Грехом умерщвлена душа твоя – возврати ее к жизни слезами. Возрадуй Бога, да возвеселится Он о том, что душа твоя возвращена тобою к жизни» (94).

«Будь и храмом и священником Богу, служи Богу в храме твоём, как Он для тебя стал и иереем, и жертвою, и закланием. Посему и ты будь для Него храмом, и священником, и жертвою. поскольку дух твой есть храм, то не допускай в него никакой нечистоты» (104).

«Не допускай в дом Божий ничего такого, что ненавистно Богу, а напротив, укрась дом Божий всем, что подобает Богу» (105).

От прп. Ефрема Сирианина переходим к великому игумену Горы Синайской, прп. Иоанну Лествичнику.

«Непрестанно борись с парением твоих мыслей и, когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных... Бог не ищет молитвы без парения. Потому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодумствуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию: ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному ангелу» (Слово 4, § 92).

«Ставшим на молитву лукавый дух напоминает о нужных делах и употребляет всякое ухищрение, чтобы только отвлечь нас от беседования с Господом каким-либо благовидным предлогом» (13, 7).

«Бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на земле» (21, 7).

«От злого корня и от злой матери происходит злейшее исчадие, т. е. от скверной гордости рождается несказанная хула.

Это не маловажное что-нибудь, но самый лютей из наших врагов и, супостатов. И, что еще ужаснее, мы не можем без затруднения сказать, открыть, исповедать врачу духовному сии помыслы. Посему они часто многих повергали в отчаяние и безнадежность, истребив всю надежду их, подобно червю в дереве» (23, 39).

«Часто во время Божественной литургии и в самый страшный час совершения Таинств, сии мерзкие помыслы хулят Господа и совершаемую святую Жертву. Отсюда явно открывается, что сии нечестивые, неизъяснимые слова внутри нас не душа наша произносит, но богоненавистник бес, который низвержен с небес за то, что и там хулить Бога покушался» (23, 40).

«Никакой помысл не бывает так трудно исповедать, как сей, посему он во многих пребывал до самой старости, ибо ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим и питаем их в сердце» (23, 41).

«Сей лукавый и бесчеловечный мучитель многих отвлек от молитвы, многих отлучил от Св. Тайн, некоторых тела изнурил печалию, иных истомил постом, не давая им ни малейшей слабости» (23, 46).

«Кого дух хулы беспокоит и кто хочет избавиться от него, тот пусть знает несомненно, что не душа его виновна в таких помыслах, но нечистый бес, сказавший некогда Самому Господу: «Сия вся Тебе дам, аще пад поклониши ми ся» (Мф. 4, 9). Посему и мы, презирая его и вменяя за ничто влагаемые им помыслы, скажем ему: «Иди за мною, сатано; Господу Богу моему поклонюся и Тому единому послужу; болезнь же твоя и слова твои обратятся на главу твою, на верх твой снидет хула твоя в нынешнем веке и в будущем» (Пс. 7, 17)» (23, 48).

«Кто другим образом хотел бы победить беса хулы, тот уподобился бы покушающемуся удержать своими руками молнию. Ибо как настигнуть, состязаться и бороться с тем, который вдруг, как ветер, влетает в сердце, мгновенно произносит слово и тотчас исчезает? Все другие враги стоят, борются, медлят и дают время тем, которые подвизаются



против них. Сей же не так: он только что явился – и уже отступил; проговорил – и исчез» (23, 49).

Перестанем судить и осуждать ближнего, и мы не будем бояться хульных помыслов, ибо причина и корень второго есть первое» (23, 51).

«Кто презирает сего врага, тот от мучительства его освобождается, а кто иным образом ухищряется вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры» (23, 53).

«Один тщательный монах, претерпевая нападения от сего беса, двадцать лет изнурял тело свое постом и бдением, но как никакой не получал от сего пользы, то, описав на бумаге свое искушение, пошел к некоему святому мужу и, вручив ему оную, повергся лицом на землю, не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав писание, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же брат оный сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, сколько лет он ни продолжался и ни будет продолжаться в тебе, только ты вменяй его за ничто». После инок сей уверял, что он еще не успел выйти из келлии старца, как эта страсть исчезла. Сие поведал мне сам бывший в искушении, принося благодарение Богу» (23, 54).

Иерей. Я Вам очень благодарен, батюшка, за то, что Вы так подробно остановились на этом грехе – хульных помыслов. Трудно и представить себе всю отвратительность этих помыслов, врывающихся в душу в самые святые минуты, например, во время исповеди. Даже такой великий праведник и молитвенник, как о. Иоанн Кронштадтский, передает о себе самом, что он бывал несвободен от них даже при совершении Таинства Евхаристии.

И что делает эти помыслы особенно мучительными, так это то, что страдающие ими, приписывая их всецело своей греховной испорченности и думая, что только они одни ими страдают, стыдятся признаться в них даже на исповеди и через это не освобождаются от них, но продолжают носить их в своем сердце. Слова и объяснения прп. Иоанна Лествичника со многих страдающих душ снимут тяжелое бремя.

Инок. Продолжим наши выдержки из книги великого наставника молитвы.

«Кто просит у Бога меньше того, чего он достоин, тот, конечно, получит более, нежели чего стоит. Об истине сего свидетельствует мытарь, просивший отпущения грехов – и получивший оправдание. Разбойник также просил только, чтобы Господь помянул его во Царствии Своем, но он первый получил весь рай в наследие» (25, 56).

«Все, просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают по какой-либо из сих причин: или потому, что прежде времени просят, или потому, что просят не по достоинству, а по тщеславию, или потому, что, получивши просимое, возгордились бы или впали бы в нерадение» (26, 60).

«При сравнении зол должно избирать легчайшее. Например, часто случается, что когда мы предстоим на молитве, приходят к нам братия; мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа и опечалить его. Но любовь больше молитвы, потому что молитва есть добродетель частная, а любовь есть добродетель всеобъемлющая» (26, 69).

«Как имеющие здоровое чувство обоняния могут ощущать ароматы, хотя кто и тайно их при себе имеет, так и душа чистая познает в других и благоухание, которое сама получила от Бога, и злосмрадие, от которого совершенно избавлена, хотя другие сего и не ощущают» (26, 81).

«Память Иисусова да соединится с дыханием твоим» (27, 61).

«Вера воскреляет молитву, и без веры молитва не может возлететь на небо» (28, 26).

«Молитва, по качеству своему, есть пребывание и соединение человека с Богом, по действию же, она есть утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, умилоствление о грехах, мост для переходения искушений, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, дело ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение

ума, секира отчаянию, указание надежды, уничтожение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, укрощение гнева, зеркало духовного возрастания, познание преуспевания, обнаружение душевного устройства, предвозвестница будущего воздаяния, знамение славы! Молитва истинно молящемуся есть суд, судилище и престол Судии прежде Страшного суда» (28, 1).

«Когда идешь предстать пред Господом, да будет вся риза души твоей соткана из нитей, вернее же сказать, из залога непамятозлобия. Если не так, то не получишь от молитвы никакой пользы» (28, 4).

«Вся ткань молитвы твоей да будет немногосложна, ибо мытарь и блудный сын одним словом умилиствовали Бога» (28, 5).

«Прежде всего изобразим на хартии нашего моления искреннее благодарение Богу, потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве, после сего да представляем Царю всяческих наши прошения. Сей образ молитвы есть самый лучший, как одному из братьев от ангела Господня было показано» (28, 7).

«Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений, ибо часто простой и неухищренный лепет детей был угоден Небесному Отцу их» (28, 9).

«Не старайся многословить, беседуя с Богом, чтобы ум твой не расточился на изыскание слов. Одно слово мытаря умилиствовало Бога и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника. Многословие при молитве часто развлекает ум и наполняет его мечтаниями, а единословие обыкновенно собирает его» (28, 10).

«Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость или умиление, то остановись на нем, ибо тогда и ангел-хранитель наш молится с нами» (28, 11).

«Хотя бы ты взошел на всю лестницу добродетелей, однако и тогда молись о прощении грехов, слыша, что св. Павел говорит о грешниках: «От них же первый есмь аз» (1Тим. 1, 15)» (28, 13).

«Старайся всегда возвращать к себе уклоняющуюся твою мысль или, лучше сказать, заключай ее в слова молитвы. Если

она, по младенченственности твоей, утомится и впадет в развлечение, то опять введи ее в слова молитвы, ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тот, Кто силен все утвердить, может и уму нашему дать постоянство. Если ты неослабно в сем делании подвизаешься, то и к тебе придет Полагаяй пределы морю ума твоего и скажет ему в молитве твоей: «Доселе дойдеши и не преjdeши» (Иов. 38, 11). Духа связывать невозможно, а где Создатель духа сего, там все Ему покорно» (28, 17).

«Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее – в том, чтобы ум заключался в слова, которые произносим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (28, 19).

«Великий делатель великой и совершенной молитвы говорит: «Хощу пять словес умом моим глаголати...» (1Кор. 14, 19). Но для младенчествующих такое делание невозможно. Посему мы, как несовершенные, с качеством молитвы должны соединять и количественное множество, потому что второе бывает причиною первого. Ибо сказано: Даяй молитву чистую молящемуся неленостно, хотя бы и не чисто, но с утруждением» (28, 21).

«Иное дело осквернение молитвы, иное – истребление оной, иное – окрадение, а иное – порок молитвы. Осквернение молитвы бывает, когда человек, предстоя Богу, занимается непристойными и нечистыми помышлениями. Истребление молитвы, когда ум бывает пленяем бесполезными попечениями. Окрадение же, когда мысль молящегося неприметно парит; а порок молитвы есть приражение какого бы то ни было помысла, во время оной к нам приближающегося» (28, 22).

«Долго пребывая в молитве и не видя плода, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение, и какое благо выше сего – прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?» (28, 29).

«Устроение твое покажет молитва, ибо богословы утверждают, что молитва есть зеркало иноков» (28, 34).

«Если кто-нибудь просит тебя помолиться о нем, то, хотя ты и не стяжал еще дара молитвы, не отрицайся. Ибо часто вера просящего молитвы спасет и того, кто молится о нем с сокрушением сердца» (28, 36).

«Приобретенное многими молитвами и годами бывает твердо и прочно» (28, 40).

«Во время молитвы не принимай никакого чувственного мечтания, чтобы не впасть в исступление ума» (28, 42).

«Извещение о том, что прошение наше услышано Богом, получаем мы во время молитвы. Извещение есть устранение сомнения; извещение есть достоверное объявление неизвестного» (28, 43).

«Проси плачем, ищи послушанием, толцы долготерпением. Таким образом, просяй приемлет, ищай обретает, и толкущему отвержется (Мф. 7, 8)» (28, 56).

«Исповедуя грехи свои Господу, не входи в подробности плотских деяний, как они происходили, чтобы тебе не сделаться наветником самому себе» (28, 58).

«Во время молитвы не рассматривай даже и нужных и духовных вещей. Если же не так, то потеряешь лучшее» (28, 59).

«Если ты непрестанно молишься Небесному Царю против врагов твоих во всех их нападениях, то будь благонадежен: ты немного будешь трудиться. Ибо они и сами по себе скоро от тебя отступят, потому что нечистые эти не хотят видеть, чтобы ты молитвою получал венцы за брань с ними, и сверх того, опаляемые молитвою как огнем, они принуждены будут бежать. (28, 63).

«Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве. Нельзя словами научиться зрению, ибо это есть природная способность, так и благолепие молитвы нельзя познать от одного учения. Ибо она в самой себе имеет учителя – Бога, учащего человека разуму, дающего молитву молящемуся и благословляющего лета праведных (Пс. 49, 10; 1Цар. 2, 9)» (28, 64).

Переходим к наставлениям о трезвении, борьбе с помыслами и молитве прп. Исихия, пресвитера

Иерусалимского, одного из замечательнейших и глубочайших отцов-подвижников, бывшего в молодости своей учеником св. Григория Богослова и скончавшегося в 1-й четверти V в. (Цит. по: Еп. Феофан. Святоотеческие наставления о молитве и трезвении).

«Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им одним всегда, непрерывно и непрестанно дышит, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов, и Ему, имеющему власть оставлять грехи, исповедует (свои прегрешения). Такая душа, часто в сокровенности, объемлет чрез призвание Христа, Единого испытующего сердца, от людей же всех пытается всячески скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтоб враг лукавый как-нибудь скрытно не поблагопоспешествовал в ней греху и не уничтожил прекрасного ее делания» (5).

«Трезвение есть твердое водружение помысла (ума) и стояние его у двери сердца, так что он видит, как подходят (чуждые) помыслы, эти воры-окрадыватели, слышит, что говорят и что делают сии губители и какой демоны начертывают и вознаграждают образ, пытаюсь, увлекши чрез него в мечтания ум, обольстить его. Если будем люботрудно проходить такое действование, то оно, если хотим, очень разумно покажет нам искусство мысленной брани» (6).

«Сугубый страх, с одной стороны от оставлений Божиих, с другой – от вразумительных искушений случайностями (жизни), обыкновенно рождает частоту надзирательного внимания в уме человека, который старается заградить источник худых помыслов и дел. Для этого бывают оставления и посылаются нечаянные искушения от Бога, к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего, внимания и трезвения, и вознерадел. От частоты сей рождается навык; от этого – естественная некая непрерывность трезвения; а от сего по свойству его мало-помалу порождается видение брани, за которым последует терпеливая (притрудная) молитва ко Иисусу, сладостное без мечтаний умирение ума и (дивное)

состояние, из Иисуса (из сочетания с Ним) составляющееся» (7).

«Мысль, стоящая и призывающая Христа на врагов и к Нему прибегающая, подобна зверю какому-нибудь, который, быв окружен множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали провидя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, она непрестанно против них молится Миротворцу Иисусу и чрез то пребывает неувязленной ими» (8).

«Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение – чтобы, так как брань у него идет с соперниками гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание – чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. Противоречие – дабы, как только острозоркостью ума уразумеешь, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: «и отвечаю поношающим ми злая (Пс. 118, 42), не Богу ли повинется душа моя» (Пс. 61, 1). Молитву – дабы после противоречия тотчас из глубины сердца возопить ко Христу в воздыхании неизглаголанном. И тогда сам подвизающийся увидит, как покланяемым именем Иисуса враг его с своим мечтанием разлится и разогнан будет, как прах ветром, или исчезнет, как дым» (20).

«Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, – молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души и призыванием Господа Иисуса Христа бичевала и опаляла врага, скрытно ратующего» (21).

«Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтоб узнавать входящих. Как только узнаешь, тотчас противоречием сокрушай главу змия и вместе с тем с воздыханием вопий ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления и прясно узришь правость сердца» (22).

«Как держащий в руке зеркало и стоящий между другими многими, смотря в зеркало, видит и свое лицо, каково оно, видит и других, смотрящих в то же самое зеркало, так всецело приникший в сердце свое, видит в оном свое собственное состояние, видит и черные лица мысленных эфиопов» (23).

«Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою, да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры враги наши и, притворясь побежденными, не редко отонуду, чрез тщеславие, подшибают борца. Против же призывания имени Иисусова и минуты постоять и злокозньствовать против тебя не стерпят» (24).

«Смотри, не впади в самомнение, подобно древнему Израилю: иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника – идола слиянного» (25).

«Под идолом же слиянным разумеи слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно отгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается, подобно так называемому быстрокрылому» (26).

«Как невозможно Красному морю явиться на тверди небесной среди звезд и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом, так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помышлений и изгнать из него мысленных врагов без частого призывания имени Иисус-Христового» (28).

«Будем же бегать вольности, как яда смертоносного, а злое стяжание забвения, с тем, что от него происходит, будем врачевать крайне строгим хранением ума и непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа, ибо без Него не можем мы творить ничесоже» (32).

«Как дождь, чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее, так и землю сердца нашего радует и веселит имя Христово, нами возглашаемое, чем чаще оно призывается» (41).



«Не умеющий шествовать духовным путем не заботится о страстных помышлениях, но все занят бывает только телом: или кревоугодничает и распутничает, или печалится, гневается и злопамятствует и чрез то омрачает ум свой, или, начиная чрезмерные подвиги, расстраивает и обесмысливает мысль» (49).

«Как повредивший сердцевину растения, все оное иссушает, так разумей и относительно сердца человеческого. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не зевают» (78).

«Если не сотворит человек воли Божией и закона Его посреде чрева, т. е. посреде сердца, то и вне не может он удобно исполнить их» (86).

«Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от гниения и сберегает в целости надолго, так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивного в сердце делания. Ибо и оно Божественно услаждает и внутреннего, и внешнего человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянно в добре» (87).

«Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу, и опять, насколько небрежно надзираешь за умом, настолько, отделишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее – уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса – обыкновенно совсем омрачает его. Естественно быть сему делу так, как мы сказали, и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда делом испытаешь. Ибо добродетель, и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом» (90).

«Рождается Божественное некое в уме состояние, от непрестанного памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем не радеть о всегдашнем к Нему в душе молении, о непрерывном трезвении и об одном настоятельно необходимом деле. И воистину одно и одинаковым образом совершаемое всегда должны иметь мы дело – призывание Иисуса Христа Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься и вкусить

святого имени Его. Ибо учащение есть мать навыка, как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку, а навык потом властвует уже, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет своих супостатов, как звероловный пес зайца в кустах, но сей ищет для того, чтоб пожрать, а тот, чтоб поразить и разогнать» (97).

«Итак, всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение» (98).

«Когда мы, недостойные, сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и Пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огонь сей Божественный, то есть Тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши и наши – малые и большие – скверны. Ибо, входя в нас, оно тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпускает нам прежде бывшие грехи, и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после сего, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться Св. Таин, Божественное Тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим, подобно звезде» (101).

«Забвение погашает обыкновенно хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с неослабным трезвением вконец испаряет его из сердца. Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадка в свете свечи» (102).

«Брань мысленную надо вести также, как ведут войну обыкновенную. Первое дело – внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье затем дело – помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да рассеется

этот демонский призрак тотчас, чтоб иначе ум не пошел вслед этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-нибудь искусным фокусником» (105).

«Как невозможно жить настоящею жизнью без пищи и питания, так без хранения ума и чистоты сердца, что есть и называется трезвение, невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и нудил себя не грешить» (109).

«Впрочем, и те, которые нуждением неким воздерживают себя от греха делом, блаженны пред Богом, ангелами и человеками, потому что они суть нуждницы восхищающие Царствие Небесное (Мф. 11, 12)» (110).

«Образ внешних, чувственно-телесных подвигов есть Ветхий Завет, а Святое Евангелие, которое есть Новый Завет, есть образ внимания, или чистоты сердечной. И как Ветхий Завет не доводил до совершенства, не удовлетворял и не удостоверял внутреннего человека в деле Богоугождения, «ничто же бо, – говорит Апостол, – совершил есть закон» (Евр. 7, 19), а только грубые преграждал грехи, так разумей и о телесной праведности и телесных подвигах: о посте, говорю, и воздержании, долулежании, стоянии, бдении и прочих, кои подъемлются обыкновенно относительно тела и страстную часть тела успокаивают от греховных движений. Хорошо, конечно, и это все, как сказано и о Ветхом Завете (что добр закон), потому что служит к обучению нашего внешнего человека и к охранению от страстных дел. Но подвиги эти не суть охранители и от грехов мысленных, или возбранители их, т. е. не сильны избавить нас от зависти, гнева и прочего» (112).

«А чистота сердца, т. е. блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и искореняет из него и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание самих себя и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и Божественное некое сердечное услаждение» (113).

«Как ходящему по земле невозможно не рассекал этого воздуха, так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно боримому от демонов или не подлежать скрытым от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги». (114).

«Горечию от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго отводимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда, по любви к Божественному, с крепким усердием, стройно начнем в нашем деятище мысленном (в мастерской мысленной, в сердце) совершать вышереченное, внимание и молитву, оно опять исполняется сладости, в чувстве услаждения блаженным неким радованием. Тогда-то твердые полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном, и не ради чего другого, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности» (120).

«Наука наук и искусство искусств есть умение управляться с злотворными помыслами. Самый лучший против них прием и самое надежное перехитрение их состоит в том, чтобы в Господе смотреть за появлением прилога их и мысль всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самим острозорко осматривая, чтоб не приблизилось к нему что-либо могущее повредить его, и всячески стараясь не допускать до него даже малой порошинки» (121).

«Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн – смокв, так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвения с молитвою Иисусовою, не стяжет смирения и душевного безмолвия и не будет со всем усердием тещи, поспешая в передняя. Душа, себе не внимающая, неизбежно бывает бесплодна на благие и непорочные помышления, подобно бесплодному мулу, потому что и в ней нет разумения духовной мудрости. Воистину призывание имени Иисусова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный» (122).

«Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело и с умом осущенно займется чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетливости. Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, сокрушение, дерзновение к Богу и ведение (сознание порядка Божия) и память о Боге, так что поколику внимаем мы уму, потоплику просвещаемся и, поколику не внимаем уму, потоплику омрачаемся» (127).

«Помыслы, против воли нашей появляющиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением, из глубин помышления сердечного» (137).

«Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины, так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукавого» (142).

«Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание (имени Иисус-Христово) изгоняет их из сердца. Как только образуется в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как то: оскорбившего нас человека, или женской красоты, или серебра и золота, – или когда все это одно за другим побывает в мысли нашей, – тогда само собою явным становится, что сердце наше готово исполнить помыслы или злопамятства, или блуда, или сребролюбия. Итак, если ум наш опытен и обучен, так что умеет блюсти себя от приражений и ясно, как днем, видеть обольстительные мечтания и прелести лукавых, то тотчас отпором чрез прекословие и молитвою Иисус-Христовою легко угашает разженные стрелы диавола, не позволяя себе устремляться вслед за мечтанием, как только оно появится, ни помыслам нашим сочувственно согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним, или сосложиться с ним в шуме многомыслия, за чем с некоторою необходимостью, как ночи за днями, следуют худые дела» (143).

«Слишком строгим и тяжким кажется людям душевно безмолвствовать от всякого помысла. И воистину это притрудно и приболезненно, ибо не одним только не посвященным в тайны

духовной брани до боли тяжело бестелесное заключать и удерживать в телесном доме, но и тем, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержит в персех Иисуса, тот, по пророку, не утрудится последуя Ему и дне человека не пожелает (Иер. 17, 16), ради красоты, приятности и сладости Иисуса, и врагов своих – нечистых демонов, ходящих вокруг его, не постыдится, но возглаголет к ним во вратах сердца (Пс. 126, 5) и вспять прогонит их Иисусом» (148).

«Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов своих, имея за собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним во вратах. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию, – и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному Божественному обетованию, которое изрек Он в притче о неправедном Судии: «Ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре» (Лк. 18, 8), – и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела» (149).

«Если, начав жить в внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как со светильником света, с покланяемым и святым именем Иисуса Христа, как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно трезвение, или внимание, понадеемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями или и совершенному закланию удобно подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча – имени Иисус-Христового. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекасть, опалять и поядать, как огонь солому» (152).

«За простыми и бесстрастными помыслами следуют страстные, как узнали мы из долговременного опыта и наблюдения, и первые служат входом для последних, бесстрастные для страстных» (163).

«Не двинется вперед корабль без воды; не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и всегдашнею молитвою Иисус-Христовою» (168).

«Основание дома – камни, а сей добродетели, хранения ума, и основание, и верх – святое и покланяемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури неразумный кормчий, который корабельщиков распустит, весла и паруса бросит в море, а сам заляжет спать, но еще скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус-Христово» (169).

«Что знаем, то передаем чрез писание, и что видели, проходя путем, о том свидетельствуем желающим, если хотите принять сказываемое вам. Сам Господь сказал: «Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга и изсышет: и собирают ю, и во огонь влагают, и сгарают. А иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног» (Ин. 15, 5–8). Как невозможно солнцу сиять без света, так невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без призывания имени Иисусова. Если это истинно, как вижу, будем употреблять Его как собственное дыхание. Ибо оно (имя Иисус-Христово) – свет, а те (помыслы скверные) – тьма, и Он есть Бог и Владыка, а те – слуги демонские» (170).

«Горе внутреннему от внешнего, ибо внутренний человек много терпит от внешних чувств. Но, потерпев что-либо, он должен употребить бичи против этих внешних чувств. Исполнивший то, что относится к деятельной стороне жизни, начинает уже уразумевать и то, что относится к стороне ее созерцательной» (172).

«Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам отцов, он силен сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи демоны, обоим сообщая, совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только пред умом грех, как хотят, а мы и в помыслах – внутри – воображаем грех, и делом вовне совершаем его. Демоны, не имея дебелых тел и лишь посредством помыслов устрояя козни и обольщения, и себе и нам уготовляют муку. Но если б эти непотребнейшие не

были лишены дебелого тела, то грешили бы непрестанно и делами, всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечестновать» (173).

«Но молитва сердечная ко Господу, единословная разбивает их и рассеивает прелести их. Ибо непрестанно и неленостно призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха – что называют прилогом, – не допускает ни образ какой-либо показать ему в зеркале мысли, ни проговорить какие-либо слова в сердце. Но если никакой образ не втеснится в сердце, то оно и от помыслов, как сказали мы, будет пусто, потому что демоны обыкновенно чрез помыслы скрытно беседуют и научают злу» (174).

«От непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нем Божественному свету Иисусову, если только мы не надымемся тщеславием, самомнением и желанием показности, не понесемся к неосязаемому и не будем за то лишены помощи Иисусовой; потому что Христос ненавидит все таковое, будучи образцом смирения» (175).

«Емлемся убо за молитву и смирение – сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечом огненным, ополчаются воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем радостный иметь праздник в сердце таинственно» (176).

«Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем, да прилипнет к дыханию твоему молитва Иисусова – и в немного дней увидишь это на деле» (182).

«Очищение сердца, ради которого как смирение, так и всякое свыше сходящее благо имеет в нас место, не что иное есть, как то, чтоб отнюдь не попускать входить в сердце помыслам, проникающим к нему» (193).

«Хранение ума, с Божиею помощью и ради единого Бога действующее, установившись в душе, доставляет уму мудрость в ведении подвигов по Богу; немалою также причастника своего



снабжает оно способностью к тому, чтобы по Богу также устроить и внешние дела и слова, с рассуждением безукоризненным» (194).

«Блажен воистину кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим или пламя к свече. Солнце, проходя над землею, производит день, а святое и досточтимое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений» (196).

Переходим к прп. Филофею, игумену Синайскому, время жителства и кончины которого неизвестно, но о сочинении которого сказано в Добротолюбии, что оно «требуется большого внимания: если бы кто назвал его точным истолкованием и верным правилом трезвения, хранения ума и чистоты сердца, не погрешил бы против истины».

«С утра должно мужественно и неотступно стоять у дверей сердца, с крепкою памятью о Боге и непрестанною в душе Иисус-Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всех грешников земли, т. е. верною усиленною и горе восхищающею памятью о Боге посекать, ради Господа, главы сильных и брань воздвигающих помыслов» (Еп. Феофан. О молитве и трезвении. Прп. Филофей, § 2).

«Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва, там место Божие, или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог» (Там же, §4).

«Когда приобретем некоторый навык в воздержании и удалении от видимых зол, производимых пятью чувствами, то после сего возможем и сердце свое блюсти с Иисусом, и просвещаться в нем от Него, и с теплым некоторым расположением вкушать умом благодати Его. Ибо не для другого чего приняли мы закон очищать сердце, как для того, чтобы, когда облака злых помыслов изгнаны будут из атмосферы сердца и разогнаны непрерывным вниманием, мы могли, как в ясный день, чисто видеть Солнце Правды – Иисуса – и сколько-нибудь просветиться в уме словами величества Его, ибо

обыкновенно они открываются не всем, а только тем, кои очищают смысл свой» (8).

«Потребно нам великое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе, во-первых, в отношении к Богу и, во-вторых, в отношении к людям. Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и в дело вводя все, могущее смирать его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей жизни, если она припоминается как следует. Также память о всех грехах от юности, когда кто пересматривает их умом по частям, обыкновенно и смиряет, и слезы рождает, и ко всесердечному благодарению Бога подвигает нас, как и всегдашняя действенная память о смерти, которая при том рождает и плач радостный со сладостию, и трезвение ума. Преимущественно же смиряет мудрование наше и располагает потуплять очи в землю воспоминание о страстях Господа нашего Иисуса Христа, когда кто проходит их в памяти и все подробно воспоминает. Это подает также и слезы. Сверх того истинно смиряют душу великие Божии благодеяния, именно к нам, когда кто подробно перечисляет их и пересматривает, ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами» (13).

«Не чуждайся из самолюбия этих спасительных врачевств душевных, если ты таков, что имеешь в них нужду. Ибо иначе ты уже не ученик Христов и не подражатель Павла, который говорит о себе: «Несмы достоин нарецися апостолом» (1Кор. 15, 9), – а в другом месте сознается, что был прежде хульником, гонителем и досадителем (1Тим. 1, 13). Видишь ли, горделивец, вот и святой, а не забывал прежней своей жизни. Да и все святые, от начала создания до ныне, облачались в это последнее святое одеяние Божие (т. е. в смирение). Сам Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, неведомый и неизглаголаный, в продолжении всей Своей во плоти жизни облечен был в смирение, так что святое смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию, и Владычнею заповедию, и облачением. Также ангелы, и все оные светлые Божественные силы проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордившийся

сатана и как он, в пример того, как надлежит страшиться падения (в сей грех) ангелам и людям, лежит лукавый в бездне, за гордость свою явленный бесчестнейшим пред Богом паче всякой другой твари. Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости. Имея пред очами такие примеры сей высокотворной добродетели, будем всегда смирать себя всячески, сколько сил есть, пользуясь указанными выше врачевствами. Смирим себя душою и телом и в мудровании, и в желании, и в речах, и в помышлениях, и во внешнем виде, – и внешне, и внутренне. О чем особенно надобно заботиться, это чтобы сущий за нас Иисус Христос, Сын Божий и Бог, не стал против нас. Ибо Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Притч. 3, 34). «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем», – говорит Спаситель (Мф. 11, 29)». (14).

«Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака и, по причине этого окружающего ее мрака, не может молиться как следовало бы, ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих, или сама не ведая как) и слепотствует внутренними очами. Но когда она положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве, тогда мало-помалу начинает она разрешаться силою молитвы; иначе же разрешиться ей от тьмы нет никакой возможности. В это время познает она, что есть внутри в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: «Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави» (Еккл. 10, 4). Место же ума есть твердое стояние его в добродетели и трезвение. Есть стояние и в добродетельной и в грешной жизни. Ибо Писание говорит: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста» (Пс. 1, 1). И апостол учит: «Станите препоясани чресла ваша истиною» (Еф. 6, 14)» (19).

«Крепко-накрепко да держим Христа, ибо не мало таких, кои всячески покушаются поять Его из души. И сами не допустим до того, чтобы Иисус уклонился, народу (толпе)

помыслов сущу на месте души (Ин. 5, 13). Но удержать Его невозможно без болезненного труда душевного. Потрудимся осязать следы жития Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно. Восприимем в чувство страсти Его, чтобы, соревнуя Ему, терпеливо переносить все скорбное. Вкусим неизреченного Его смотрительного о нас снисхождения, чтобы от сладкого вкушения сего душою познать нам, сколь благ Господь. Надо всем же сим, или прежде всего сего, да веруем Ему несомненно во всем, что говорит Он, и каждодневно да чаем промышления Его, на нас обращенного, и, что ни случится, что ни встретим, будем принимать то с благодарностью, любовью и радостным довольством, да научимся смотреть на единого Бога, Который всем управляет по Божественным законам премудрости Своей. Когда сделаем все это, тогда недалеко будем от Бога. Благодетельство есть конца не имеющее совершенных в духе мужей» (20).

«Сладостная память о Боге, т. е. о Иисусе, с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обаяния помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения и, кратко сказать, все, чем вооружается и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши. Иисус, будучи призываем, все попускает легко. Ибо ни в ком другом нет нам спасения, кроме Христа Иисуса. Это сказал и Сам Спаситель, говоря: «Без Мене не можете творить ничесоже (Ин. 15, 5)» (22).

«С крайним напряжением внимания блюди свой ум. Как только заметишь помысл, тотчас воспротиворечь ему, но вместе с тем спешి призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты еще будешь говорить, скажет: «Се с тобою Я, чтобы подать тебе заступление». Но ты и после того, как, по молитве твоей, все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множайшие прежних, одни за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа как в пучину и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог запрещает злым ветрам. Ты же, улучив свободу от

вражеских нападений, на час или минуту, прославь Спасшего тебя и углубись в помышление о смерти» (26).

«Не будем отрицаться и от трудов телесного подвижничества, ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре. Не будем ложными умствованиями отклонять требование совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное и всегда изрекает, в чем долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае она, по причине чистоты, своей, обычно износит ясный суд достодожный и решительный, исключаящий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями; ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и, строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему покаяться и указывая ему врачевство со сладостным убеждением» (28).

«Дым, выходящий из дров, тяжел бывает для очей, но потом показывает им свет и услаждает тех, кому прежде причинял неприятность. И внимание, держа непрестанно в напряжении умные очи, утомляет и тяготит голову. Но Иисус, призываемый в молитве, пришедши, просвещает сердце. Память о Нем, вместе с осиянием (внутреннего нашего) доставляет и высочайшее из благ (т. е. Самого Господа)» (29).

«Многие из братии не знают прелести ума, которую претерпевают от демонов. Они прилежат тому, чтобы быть исправными в делах, не заботясь об уме, и проводят жизнь в простоте и бесхитростности. Думаю, что, не вкушивши сердечной чистоты, они совсем не знают тьмы внутренних страстей. Те, которые не знают брани, о коей говорит св. Павел, не окачествовались, быть может, опытно и добром и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счет мысленных победений и побед, которых не видит чувственное око, потому что они сокровенны и ведомы только единому Подвигположнику Богу и совести подвизающегося. К таковым, кажется, сказано следующее слово Писания: «Говорят: мир, мир, и не быше мира» (Иез. 13, 10). О тех братиях, которые от

простоты находятся в таком состоянии, молиться надобно и научать их сколько можно, чтобы удалялись не от видимых только худых дел, но и от того зла, которое действует в сердце. У тех же, кои имеют Божественное желание очистить душевное око (собственно, зрительность души), иное есть делание Христово, и иное таинство» (37).

На этом мы кончаем выписки из прп. Филофея Синайского и переходим к великим старцам Варсонофию и Иоанну, подвизавшимся в Палестине в VI в.

Иерей. Разрешите, батюшка, остановить Вас и предложить Вам некоторые вопросы. Ответьте мне на них так, как бы Вы ответили простому, рядовому мирянину, ничего не понимающему в вопросах внутренней духовной жизни. Последние два отца, прп. Исихий и прп. Филофей, говорят о помыслах, о борьбе с ними, о внимании, о внутреннем трезвении, о блюдении ума и сердца. Первый вопрос, который у меня возникает, есть вопрос о помыслах. Отцы говорят, что нужно стремиться к очищению себя от помыслов, и не только от дурных, но и вообще от помыслов... Как нужно понимать это? Неужели нужно ни о чем не думать и не иметь в голове никаких мыслей? Помыслы и мысли – одно ли это и то же? Или их нужно различать? И как тогда понимать слово «помыслы»? Это первый мой вопрос. А второй вопрос заключается в том, существует ли какая-нибудь связь между очищением от помыслов и Иисусовой молитвой?

Инок. Вы хорошо сделали, что высказали возникшие у Вас недоумения. Это дает нам повод глубже и внимательнее разобраться в вопросе о помыслах. Помыслы и мысли – это не одно и то же, хотя в некоторых случаях они и сближаются. Мысль близко стоит к слову – мышление, размышление, которое есть естественная и необходимая деятельность дарованного нам Богом разума, свободно нами осуществляемая. Мышлением мы углубляемся в познание окружающего нас мира и самих себя и разрешаем всевозможные вопросы по устройению нашей личной и общественной жизни. Эту деятельность нашего ума мы и называем работой мысли, но ее нельзя назвать работой

помысла. Способность мышления составляет такую же необходимую принадлежность нашего духовного существа, как и способность чувствования, и способность действий, или воля. Другое дело помыслы. Помыслы – это не от нашей воли зависящее возникновение в нашем сознании тех или иных представлений, образов, предположений, намерений, желаний, воспоминаний и т. д. Здесь помысл сближается с мыслью. И мы нередко употребляем безразлично то и другое слово: «У меня возникла мысль, у меня возник помысл...» В этом случае мысль, как и помысл, есть нечто невольно возникающее в уме, а не свободная мыслительная деятельность ума. Помыслы бывают разного рода. В одной из предыдущих бесед мы приводили классификацию помыслов свт. Игнатия Брянчанинова. Он различает четыре вида помыслов. Отличительная черта всех их та, что они невольно возникают в нашем сознании. По словам свт. Игнатия, «одни (помыслы) прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина св. крещением, другие предлагаются ангелом-хранителем, иные возникают из падшего естества, а иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильнее, воспоминания и ощущения, содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление, плач сердца, слезы и т. п. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских зло часто прикрывается добром, действуя, впрочем, иногда и открытым злом». Если наставники внутреннего делания советуют бороться не только со злыми помыслами, но и вообще с помыслами, то это означает лишь то, что христианин не должен находиться во власти невольно возникающих в его сознании помыслов. Он должен заботиться о чистоте и ясности своего сознания. Ибо, в действительности, мы нередко бываем рабами помыслов и никак не можем от них освободиться. Они врываются в работу нашего ума, нарушают ясность, чистоту, непрерывность, силу и плодотворность его работы, засоряют сознание различными ненужными, пустыми, даже вредными, развращающими представлениями, картинками, воспоминаниями. В правильный и спокойный ход мышления

врываються не идущие к делу и мешающие работе мысли воспоминания и представления, например о вчерашней встрече, о неприятном разговоре, о недоразумениях и обидах, о неисполненных планах, о полученных на улице впечатлениях, о газетных сообщениях и т. д. и т. п. Все это засоряет сознание, засоряет и сердце, особенно когда человек станет на молитву или придет в храм Божий. В это время, как нарочно, словно из рога изобилия, посыпятся в голову всевозможные посторонние мысли, представления, воспоминания, планы будущего, мелкие заботы, мелкие тревоги о забытом или несделанном; в сердце возникает беспокойство, тревога, иногда раздражение против того или другого лица, потребность сделать то-то и то-то; молитва начинает не ладиться; она мешает, задерживает нас; начинаем молиться торопливо, чтобы как-нибудь поскорее закончить начатое молитвенное правило и заняться делом, которое, может быть, не так уже было и неотложно. От чего все это происходит с нами? Конечно, прежде всего от недисциплинированности нашего сознания, от непривычки держать его в пределах назначенной ему нами работы, но не только от этого. У вас в миру мало придают значения и даже стесняются думать серьезно, а не только говорить о той внешней, посторонней, бесовской силе, которая стремится всевозможными способами засорить, загрязнить и осквернить наше сознание и наши чувства с целью поработить нас своей власти, отнять у нас ясность и чистоту мысли и совести и оторвать нас от Бога. И мы нередко, не сознавая и не желая сознавать это, становимся игрушкой этой внешней и злой силы. Она действует на нас и посредством греховных помыслов, овладевающих нашим сознанием и волей, постоянно врывающихся в душу, нас терзающих и духовно убивающих. Каждый из нас среди этих помыслов, несомненно, найдет особенно ему сродные, от которых он особенно страдает и от которых не может никакими своими усилиями избавиться. Эту картину нашей бессильной борьбы с овладевающими нами помыслами очень хорошо изобразил прп. Симеон Новый Богослов во втором образе внимания и молитвы, о чем мы уже упоминали. Так вот, дорогой батюшка, из этого краткого



объяснения, мне кажется, Вы можете ясно видеть различие между нашею свободною мыслью и невольно возникающими помыслами, а также видеть и необходимость правильной и целесообразной борьбы с помыслами, для очищения от этой сорной травы чистого поля нашего сознания и нашего сердца. Св. отцы и Православная Церковь предлагают нам верный и испытанный веками способ и путь к очищению нашего сердца и нашего сознания от этого засорения помыслами. К сожалению, мирские люди не только не пользуются этим способом, но большей частью даже и не подозревают о его существовании и не догадываются даже о возможности и необходимости бороться с помыслами и просто терпят их как неизбежное зло. Между тем, в самом действовании на нас этих помыслов есть обстоятельство, помогающее нашей борьбе с ними. Это обстоятельство заключается в том, что помыслы, так сказать, не наваливаются на нас сразу всею своею силою, а завладевают нами постепенно, по мере того, как мы им поддаемся. Они как бы нащупывают для себя почву в нашей душе и если видят, что не находят в ней сопротивления, то все более и более захватывают ее в свои сети.

Отцы Церкви различают несколько последовательных моментов в натиске, производимом на нас помыслами. Если мы по своей беспечности, или неосторожности, или по неведению не преодолеем помысла при первом соприкосновении с ним, то с каждым новым его натиском нам будет все труднее и труднее победить его. В приведенных выше извлечениях из наставлений св. отцов мы уже видели указание на первоначальный способ борьбы с помыслами. Прежде всего необходимо разгневаться на помысл, резко восстать против него и сейчас же обратиться с молитвою о помощи ко Господу, от действия которой помысл потеряет свою силу и рассеется. У св. Григория Синаита находится особенно подробное наставление об этом для новоначальных. Им ни в коем случае не советуется вступать в единоборство с помыслами. Это пусть делают сильные, опытные. Новоначальным же следует, давши помыслу первый отпор, тотчас же укрыться в «глубину сердца» и там творить

Иисусову молитву, ожидая помощи от Господа, каковую и подаст им Господь.

Постепенно возрастающую силу захвата нашей души помыслами св. отцы изображают так. Вначале является так называемый прилог. Этим именем называется всякий простой помысл, или представление какого-либо предмета или какая-либо мысль, пришедшая человеку на ум. Как таковой, прилог называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, пока он не вызывает в нас того или другого к себе отношения. Второй момент наступает тогда, когда мы замечаем этот предмет или эту мысль, начинаем присматриваться к ним или, по выражению отцов, начинаем с ними беседовать, страстно или не страстно. В этом случае мы не отталкиваем помысла и позволяем ему остаться в нас, хотя и не принимаем его. Это называется сочетанием. Это св. отцы почитают уже не всегда безгрешным, но оно может быть и похвально, в том случае, если это рассматривание помысла завершается богоугодно, т. е. когда мы отвергаем его, усматривая его греховность. Третий момент бывает тогда, когда к возникшему помыслу мы начинаем относиться сочувственно, склоняемся к нему и готовы последовать ему. Это называется сложением, или соглашением с помыслом. Но и в этом случае могут быть два исхода: после временного склонения в сторону помысла, мы можем опомниться и, раскаиваясь и исповедуя Богу свой мысленный грех, призвать Бога на помощь, и Бог прощает нам грех, и мы преодолеваем помысл; другой же исход, по слову св. Григория Синаита, бывает тогда, «когда кто волею своею принимает от врага наносимые мысли и, согласуясь и сдружаясь с ними, побеждается ими так, что уже не только не противоборствует им, но и решается все сделать по их внушению, и если не исполнит своих решений на деле, то не почему-либо другому, как только по неполучению на то времени или места, или по другой причине, не позволяющей совершить преднамеренное». Четвертый момент – тот, когда помысл невольно и принудительно овладевает нашим сердцем, сливается с ним как бы в одну жизнь, удерживается в нем и разрушает наше доброе устройство. Этот момент называется

пленением. Но и в этом случае плененный помыслом ум, при помощи Божией, может освободиться от него. Бывает, однако, что и ум, как бы уносимый бурей и волнами и увлекаемый от своего доброго устройства к лукавым мыслям, не может уже прийти в тихое и мирное устройство. Это особенно бывает от суеты и от многих и бесполезных бесед. Но и здесь о тяжести греха надо судить различно, смотря по тому, случается ли это пленение во время молитвы или не во время, и бывает ли это с помыслами средними или злыми. Если пленение бывает не во время молитвы и касается необходимых для жизни потребностей, то таковое может быть даже и безгрешно. (См. об этом подробнее: Прп. Нил Сорский: Предание учеником своим о жителстве скитском. СПб., 1912. С. 31–32. Эту книгу свт. Игнатий Брянчанинов рекомендует новоначальным как первую книгу для ознакомления с деланием Иисусовой молитвы и умным деланием вообще.) Наконец, высшая степень овладения нас помыслом именуется страстью. Это бывает тогда, когда долгим временем угнездившийся в душе нашей злой помысл становится как бы нравом ее и ее постоянной привычкой. В такое состояние человек приходит по собственной своей воле, и в нем он постоянно обуревается страстными помыслами, влагаемыми врагом и укоренившимися в нем от постоянного упражнения и от мечтательности. Избавиться от этого состояния можно только путем покаяния, в противном случае человек подлежит будущей муке (Там же. С. 33). Так вот видите, какая последовательность существует в овладении душою нашей помыслами, и эта последовательность облегчает внимательному подвижнику борьбу с ними.

Вы спрашиваете еще, в каком отношении к помыслам стоит молитва Иисусова. Из сказанного Вы сами можете уже видеть, что она стоит к ним в очень близком и понятном отношении. При помощи молитвы Иисусовой, и только при ее помощи, а не своими усилиями, как об этом единогласно свидетельствуют все отцы-подвижники, человек преодолевает первый момент в натиске помыслов, именно – прилог, а преодолев его, он тем самым отсекает от себя и всю последующую цепь натисков до страсти включительно.

Из сказанного видно также, какое огромное значение имеет в умном делании постоянное трезвение, блюдение ума и сердца и острозоркое внимание, при помощи которых человек улавливает момент, когда ему необходимо бывает обратиться к помощи горячей и усиленной Иисусовой молитвы, чтобы предотвратить угрожающую ему опасность засорения нечистыми или пустыми помыслами его ума и сердца. О, если бы миряне обратили на сказанное серьезное внимание! Насколько чище, правильнее и легче стала бы тогда их духовная жизнь! Зорко следя за чистотою самого источника духовной жизни, т. е. за своим сердцем, им уже не трудно было бы сделать чистыми и все внешние проявления этой жизни, т. е. все свои поступки и свои взаимные отношения! Каким свежим, чистым воздухом повеяло бы тогда в нашей жизни! И насколько легче и отраднее дышалось бы тогда в ней! Наша главная беда именно и заключается в неупорядоченности, беспризорности и запущенности жизни нашего сердца!

Иерей. Большое Вам спасибо, батюшка, за сделанное Вами разъяснение. Дай Бог, чтобы оно дошло до слуха и сердец живущих в миру христиан! А теперь прошу Вас продолжать изложение наставлений отцов Церкви об умном делании и Иисусовой молитве, каковое я слушаю с большим услаждением и пользой для себя.

Инок. Наставления святых преподобных отцов Варсонофия и Иоанна заключаются в книге их ответов, которые они давали на предлагаемые им различными лицами вопросы о разных сторонах монашеской и вообще христианской жизни. Книга содержит в себе 850 ответов на вопросы архиереев, иереев, монахов, мирян, старцев, юных, немощных и здоровых и является драгоценным и незаменимым пособием при разрешении тех или иных практических вопросов духовной жизни.

«Утверждай сердце твое, полагая на нем без смущения крестное знамение, во имя Отца и Сына и Святого Духа, и веруя, что сие помогает нам поправить главу врага» (Еп. Феофан. О трезвении и молитве. Свв. Варсонофий и Иоанн, § 13).

«Желая омыть скверны, омой их слезами, ибо они чисто омывают всякую скверну. Пока не умолкнет гортань твоя, взывай ко Иисусу: «Наставниче, спаси ны, погибаем» (Лк. 8, 24). Очисти сердце свое от пепла и воспламени тот огонь, который Господь пришел ввергнуть на землю. Он истребит все сие и сделает золото твое чистым. Много потребно нам трезвения» (23).

«Когда восстает на тебя тело, беги поспешно с молитвою к Иисусу – и успокоишься» (31).

«Хорошо ли упражняться в молитве: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“, или лучше поучаться в Божественном Писании и стихословить псалмы? Надобно делать и то и другое: немного того, и немного другого попеременно, по написанному: Сия подобаше творити и оных не оставляти (Мф. 23, 23)» (45).

«Как сподобиться чистой и духовной молитвы? – поскольку Господь наш Иисус Христос сказал: «Просите и дастся вам; ищите и обрящете; толцыте и отверзется вам» (Лк. 11, 9), – то молись Самому благому Богу, чтобы Он послал Святого Духа Утешителя, и Тот, пришедши, научит тебя всему и откроет тебе все таинства. Его взыщи себе в путеводители; Он не допустит прелести или рассеяния в сердце, не попустит нерадения и уныния, или дремоты мысли, просветит очи, утвердит сердце, возвысит ум. Ему прилепись, Ему веруй, Его возлюби, ибо Он умудряет безумных, услаждает мысль, подает силу, чистоту, радость и правду, учит долготерпению и кротости, любви и миру и дарует оныя» (50).

«Как должно испытывать свои помыслы и как избегать пленения? – Испытание помыслов состоит в следующем: когда придет тебе помысл, рассмотри, что от него происходит. Приведу тебе на сие и пример: представь себе, что кто-нибудь тебе досадил и помысл побуждает тебя сказать ему что-нибудь; а ты скажи своему помыслу: если я выскажу ему, смущу его через это, и он будет на меня скорбеть; так потерплю немного и пройдет. Так и при всяком худом помысле, спроси себя, к чему приводят худые мысли, – и они прекратятся» (63).

«Непрестанно молиться относится к мере бесстрастия, и через это обнаруживается пришествие Духа, Который учит всему. Если всему, то и молитве. Ибо апостол говорит: «О чем бо помолимся, якоже подобает, не вемы; но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголаннми» (Рим. 8, 26)» (64).

«Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Внутреннее делание с болезнию сердечною производит истинное безмолвие сердца; такое безмолвие производит смирение, а смирение делает человека селением Божиим; от вселения же Божия (в человеке) изгоняются лукавые демоны и начальник их диавол с постыдными их страстями, и человек делается храмом Божиим, освящаемым, просвещенным, очищенным и исполненным всякого благодеяния, благодати и радости. Человек сей делается Богоносцем. Трудись же, по силе внутреннего человека, над тем, чтобы смирить свои помыслы, и тогда Бог откроет очи сердца твоего, чтобы видеть истинный свет и быть в состоянии сказать: «Благодатию спасен я о Христе Иисусе Господе нашем» (72).

«Скажу тебе о подвигах духовных, что они без хранения ума ни во что не вменяются человеку» (77).

«Есть раздражительность естественная и есть раздражительность противоестественная. Естественная противится исполнению похотных вожделений, и она не требует врачевания, как здравая. Противоестественная восстает, если не исполняются вожделения. Сия последняя требует врачеваний сильнейших, чем вожделения» (88).

«Для искоренения скверной страсти (блудной) необходим труд сердечный и телесный: сердечный, чтобы сердце непрестанно молилось Богу, телесный, чтобы человек умертвил и посылно поработил тело свое. Всячески надо не допускать согласия с помыслом. Согласие с помыслом вообще в том состоит, что когда что-либо нравится человеку, он услаждается тем в сердце своем и с удовольствием размышляет о том. Если же кто противоречит помыслу и ведет с ним брань, чтобы не

принимать его, это не есть согласие, но брань, и сие приводит человека к опытности и успеху» (90).

«Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Когда же Бог подаст кому сие дарование, тогда он всегда уже будет в состоянии различать помыслы духом Его» (96).

«Утром немного соберешься в себя, но потом дело за делом развлекают тебя, и к вечеру являешься пуст, омрачен и уныл: «Как быть? – Погиб я». Не должно тебе отчаиваться вследствие этого. Кормчий, когда корабль его бьют волны, не отчаивается в своем спасении, но управляет кораблем, пока не приведет его в пристань. Так и ты, видя, что увлекся и рассеялся в деле, воззови себя к началу пути, говоря с пророком: «И рех, ныне начах» (Пс. 76, 11). Рассматривай также встречающиеся дела и обсуждай, как вести их не отставая от своего внутреннего делания. Попечение ради Бога есть духовное делание, исполняемое и совершаемое во спасение души. Старайся, по силе своей, не опутывать себя мелочными делами, ограничиваясь самонужнейшим. Будь разумно внимателен к себе, и Бог поможет тебе» (100).

«Да даст тебе Господь разум духовный, чтобы ты мог во всех делах твоих поступать разумно. Воздерживай язык свой от празднословия, чрево от сластолюбия и не раздражай ближнего. Не будь дерзок, почитай себя за ничто, храни любовь ко всем и имей всегда Бога в уме своем, поминая, когда явлюся лицу Божию (Пс. 41, 3). Сохрани сие, и земля твоя принесет сториичный плод Богу» (101).

«Не плач происходит от слез, а слезы от плача. Если человек, не обращая внимания на чужие грехи, на свои одни смотрит, то приобретает плач. Ибо через сие собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождают в сердце печаль по Богу (2Кор. 7, 10), а печаль эта – слезы». (109).

«Если страстный помысл войдет в сердце, чем отражать его: тем ли, чтобы противоречить ему, или произнести запрещение и как бы прогневаться на него, или тем, чтобы прибегнуть к Богу и повергнуть пред Ним свою немощь? – Страсти те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал:

«Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49, 15). И потому в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать имя Божие. Противоречить же прилично не всем, но только сильным о Боге, которым повинуются бесы. Если же кто из них (немощих) будет противоречить, бесы ругаются над ним, что, находясь в их власти, он им же противоречит. Также и запрещать им дело мужей великих, имеющих над ними власть. Многие ли из святых запрещали диаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сделал сие потому, что имел власть. Нам же немощным остается только прибегать к имени Иисусову, ибо страсти, как сказано, суть демоны – и уходят (от призывания сего имени)» (111).

«Когда отягощаюсь помыслами при псалмопении или без оного и призываю в помощь имя Божие, то враг внушает мне, что непрестанное призывание имени Божия ведет к возношению, ибо человек может при том думать, что он хорошо делает. Как надлежит помышлять о сем? – Мы знаем, что болящие всегда требуют врача и врачеваний его и обуреваемые непрестанно спешат к пристанищу, дабы не постигло их потопление. Посему-то и пророк взывает, говоря: «Господи, прибежище был еси нам в род и род» (Пс. 89, 1), – и еще: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело» (Пс. 45, 2). Если же Он прибежище наше, то вспомним, что говорит Он: «Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49, 15). Итак, научимся тому, что во время скорби непременно надобно призывать милостивого Бога. Призывая же имя Божие, да не возносимся помыслом. Кто, кроме безумного, превозносится, получая от кого-либо помощь?! Мы же, как имеющие нужду в Боге, призывая имя Его в помощь на сопротивных, если не безумны, то не должны возноситься помыслом, ибо по нужде призываем и скорбя прибегаем. Сверх того, мы должны знать, что непрестанно призывать имя Божие есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их. Как врач изыскивает врачевание или пластырь на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает, как сие делается, так



точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как сие совершается» (146).

«Хорошо ли всегда помышлять (о Боге) в сердце своем, или сердечно молиться Ему без содействия языка? Когда случается, что я упражняюсь в сем, мысль моя погружается в рассеянность, и я пребываю будто в сонных мечтаниях.— не уклоняться умом и не погружаться сильно в рассеянность или мечтание есть дело совершенных, могущих управлять умом своим и содержать его всегда в страхе Божиим. А тот, кто не может иметь постоянного трезвения по Богу, пусть передает поучение и языку (т. е. пусть и языком повторяет слово, обращенное к Богу). Подобное сему видим и на плавающих в море: те из них, которые искусны, смело ввергают себя в море, зная, что оно не может потопить хорошо обучившихся искусству плавания. Начиная же обучаться сему искусству, почувствовав, что он находится в глубоком месте, из опасения утонуть, спешит выбраться из глубины на берег и, отдохнув немного, снова бросается в глубину и упражняется таким образом, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнет степени изучивших оное прежде его» (152).

«Движение (против злых помыслов) должно состоять в том, чтобы не склоняться к лукавому помыслу и не соглашаться с ним, но безмятежно прибегать к Богу. Итак, если войдет помысл, не смущайся, но рассмотри, что он хочет сделать, и сопротивляйся, безмятежно призывай Господа. Господь, пришедши в землю иудейскую, т. е. в сердце человеческое, изгонит бесов. Итак, воззови к Нему, как ученики: «Наставниче, спаси ны, погибаем» (Мф. 8, 25), — и Он, пробудившись, запретит ветрам — и утихнут, ибо Его есть сила и слава во веки» (161).

«Сколько имеешь силы, уничижай себя день и ночь, понуждаясь увидеть себя ниже всякого человека. Это есть истинный путь и кроме него нет другого» (162).

«Если вижу, что кто-нибудь поступает неприлично, могу ли я судить о сем неприличии? И как избежать проистекающего отсюда осуждения ближнего? — То дело, которое действительно неприлично, мы не можем не признать за неприличное, ибо

иначе как избежим происходящего от него вреда? Того же, кто делает такое дело, осуждать не следует, как по слову Писания: «Не судите, да не осуждены будете» (Лк. 6, 37), так и потому, что нам должно признавать самих себя грешными более всех, а равно и потому, что согрешение брата мы должны считать за свое собственное и ненавидеть лишь диавола, прельстившего его. Когда бы кто столкнул другого в яму, то мы порицаем не того, кто упал в яму, а того, кто столкнул его, так точно и здесь. Случается, что человек делает дело, которое видящим оно кажется неприличным, но оно совершается по благому намерению делающего. А равно мы не знаем и того, не сделается ли согрешивший брат посредством покаяния благоугодным Богу, через свое смиренномудрие и исповедание. Фарисей отошел осужденным за свое величание. Зная сие, будем подражать мытареву смирению и осуждать самих себя, чтобы быть оправданными, и убегать фарисейского величания, чтобы не быть осужденными.... От желания человекоугодия человек приходит в тщеславие. Когда же оно умножится, приходит гордость» (163).

«Должно ли любопытствовать о Божественных Тайнах? И, приступая к ним, грешный осуждается ли, как недостойный? – Придя во св. храм для принятия Тела и Крови Христовых и принимая оные, внимай себе, чтобы несомненно веровать истине сего (таинства). А как сие бывает, не любопытствуй, но верь, как сказано: «Сие есть Тело Мое, Сия есть Кровь Моя» (Мф. 26, 26; Мк. 14, 22–24). Господь дал нам их во оставление грехов. Надеемся, что, кто верует так, тот не осудится, а кто не верует, уже осужден есть. Итак, не воспрещай себе приступать, осуждая себя как грешного, но признавай, что грешник, приступающий к Спасителю, удостоивается отпущения грехов. И в Писании видим приступающих к Нему с верою и слышащих оный Божественный глас: «Отпускаются тебе греси твои мнози» (Мф. 9, 2, 5; Мк. 2, 5; Лк. 7, 47–48). Послушай и Самого Господа, Который говорит: «Не приидох спасти праведных, но грешных» (Лк. 5, 32). Итак, признавая себя грешным, приступи к Могущему спасти погибшего (Мф. 18, 11; Лк. 19, 10)» (167).

«Стоишь ли ты, или сидишь, или лежишь, пусть бодрствует сердце твое в твоём псалмослужении. Предавайся молитве, непрестанно прибегая к Богу, днем и ночью, и тогда враги, борющиеся душу, отступят постыженные» (173).

«Слушать с удовольствием злословие есть также злословие и заслуживает равного с ним осуждения» (179).

«Когда услышу, что кто-нибудь худо говорит о мне, что мне делать? – Встань на молитву и помолись сперва о нем, потом о себе, говоря: «Господи, Иисусе Христе! Помилуй сего брата и меня, непотребного раба Твоего, и покрой нас от лукавого, молитвами святых Твоих. Аминь» (177).

«Во время беседы с кем-либо, хорошо ли призывать имя Божие? – И во время беседы, и прежде беседы, и после беседы, во всякое время и во всяком месте должно призывать имя Божие. Писание говорит: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5, 17), – ибо через сие упраздняется всякое искушение» (190).

«Как может человек непрестанно молиться? – Когда кто бывает наедине, то должен упражняться в псалмопении и молиться устами и сердцем, если же кто будет на торгу и вообще вместе с другими, то не следует молиться устами, но одним умом. При сем надлежит соблюдать глаза, для избежания рассеяния помыслов и сетей вражиих» (191).

«Когда молюсь или упражняюсь в псалмопении и не ощущаю силы произносимых слов, по причине сердечного нечувствия, какая мне польза от сего (моления)? – Хотя ты и не ощущаешь (силы того, что произносишь), но бесы ощущают ее, слышат и трепещут. Итак, не переставай упражняться в псалмопении и молитве, и мало-помалу, помощью Божиею, нечувствие твое преложится в мягкость» (192).

Переходим теперь к великому наставнику безмолвия и совершенной молитвы прп. Исааку Сирину, епископу Ниневийскому, жившему в VI в.

«Начало истинной жизни в человеке – страх Божий». (Св. Исаак Сирианин. Творения. Слова подвижнические. 3-е изд. Сергиев Посад, 1911. Слово 1. С.3).

«Умудрись в основание шествия твоего полагать страх Божий и в немного дней, не делая кружений на пути, будешь у

врат Царствия» (Там же. С. 5).

«Преследуй сам себя – и враг твой прогнан будет приближением твоим. Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клеть – и узришь клеть небесную, потому что та и другая – одно и то же, и, входя в оную, видишь обе. Лествица оного Царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить» (Еп. Феофан. О трезвении и молитве. Св. Исаак, § 14).

«Постоянно утруждай себя молитвами пред Богом в сердце, носящем чистый помысел, исполненный умиления, – и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится о тебе путь Божий». (Там же, § 16).

«Начало помрачения ума прежде всего усматривается в лености к Божией службе и молитве. Ибо если душа сперва не отпадет от этого, нет иначе пути к душевному обольщению, когда же (за леность к молитве) лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников» (Там же, § 19).

«Иное есть чистота ума, и иное – чистота сердца. Ибо ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства. Если ум приложит старание к чтению Божественных Писаний или потрудится несколько в постах, в бдениях, в безмолвиях, то забудет прежний свой образ мыслей и достигнет чистоты, как скоро удалится от скверного жития, однако же не будет иметь постоянной чистоты, потому что как скоро он очищается, так же скоро и оскверняется. Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, удалением от общения со всем, что в мире мирского, и умерщвлением себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты, то чистота его не сквернится чем-либо малым, не боится великих, явных браней, разумею брани страшные, потому что прибрело себе крепкий желудок, который может скоро переварить всякую пищу, не сваримую в людях немощных... Так, всякая чистота, приобретенная скоро, в

короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительным временем, не страшится какого-либо не превышающего меру приражения в которой-либо из частей души, потому что укрепляет душу Бог. Ему слава во веки веков. Аминь» (Там же, § 30).

«Чист умом не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобным), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, не тот, кто принимает на себя вид чистоты. Но вот чистота ума – просветление Божественным, по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем сказать, чтобы приобрел кто сие без искушения помыслами, потому что иначе он был бы не облеченный телом. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы естество наше до самой смерти не было боримо и не терпело вреда. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними». (Там же, § 27).

«Кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа. У кого помышления всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. Кто ежечасно назирает за своею душою, у того сердце возвеселится откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе духовную зарю. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку внутри сердца своего» (Там же, § 46).

«Страсти искореняются и обращаются в бегство непрестанным погружением мысли в Боге. Это меч, умерщвляющий их. Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилие очищать сердце свое непрестанным памятованием о Боге. И таким образом при светлости очей ума своего ежечасно он будет зреть Господа. Что бывает с рыбою, вышедшею из воды, то бывает с умом, который выступил из памятования о Боге и парит памятованием о мире» (Там же, § 51).

«Деятельность крестная двоякая: по двоякости естества и она разделяется на две части. Одна, состоя в претерпении плотских скорбей, производимых действием

раздражительной части души, и есть, и называется деятельностью. А другая заключается в тонком делании ума и в Божественном размышлении, а также и в пребывании на молитве и т. д.; она совершается вожделевательною частью души и называется созерцанием. И одна, т. е. деятельность, очищает, по силе ревности, страстную часть души, а вторая – действенность душевной любви, т. е. естественное вожделение, которое просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части, переходит к сей второй, привлекаемый ее сладостию, не говорю уже – своею леностию, постигает гнев (Божий) за то, что не умертвил прежде уды свои, яже на земли (Кол. 3, 5), т. е. не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной. Сие-то и значит сказанное древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувства его, исцелясь от немощи, придут в безмолвие, то постигает Божий гнев. Сие восхождение на крест, навлекающее гнев, бывает не в первой части претерпения скорбей, т. е. распятия плоти, но когда человек входит в созерцание, а это есть вторая часть, следующая за исцелением души. У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием за то, что, не очистив прежде ума скорбями и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками вещей. Говорят: «Что от Бога, то приходит само собою, а ты и не почувствуешь». Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же нечиста

зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтобы не утратить тебе сего малого луча, т. е. простой веры, и смирения, и сердечного исповедания, и малых посильных тебе дел, и не быть извергнутым в единую область духовных существ, которая есть тьма кромешная, то, что вне Бога, и есть подобие ада, как извергнут был тот, кто не устыдился прийти на брак в нечистых одеждах» (Слово 2. С. 12).

«Всякому делу свой порядок, и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред» (Слово 11. С. 51).

«Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и достигший через то душевной чистоты, так из тысячи разве один найдется, при великом рачении и бдительности сподобившийся достигнуть чистой молитвы, а достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, едва находится из рода в род» (Еп. Феофан. Там же, § 66).

«Какой признак того, что чистота начала водворяться в сердце? – Когда сподобится кто благодати слез, проливаемых без принуждения, потому что слезы положены уму как бы неким пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Пока не примет человек этого дарования, дело его совершается еще во внешнем только человеке и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в духовном человеке» (Там же, § 82).

«Если просишь, чего у Бога и Он медлит услышать тебя вскоре, не печалься, потому что ты не премудрее Бога. Бывает же сие с тобою или потому, что недостойн ты получить просимое, или потому, что пути сердца твоего не соответствуют, но противны прошениям твоим, или потому, что не пришел ты еще в меру, чтобы приять дарование, которое просишь. Ибо не должно нам прежде времени касаться великих мер, чтобы дарование Божие, от скорости приятия оно, не сделалось бесполезным, потому что легко полученное – скоро и утрачивается, все же, приобретенное с болезнью сердечною, и хранится с осторожностью» (Слово 5. С. 2).

«Вне искушений не усматривается Промысл Божий, невозможно приобрести дерзновения пред Богом, невозможно научиться премудрости Духа, нет также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась в душе твоей. Прежде искушений человек молится Богу как чужой кто. Когда же входит в искушения по любви к Богу и не допускает в себя изменения (остается непоколебим), тогда поставляется перед Богом как бы имеющий Его должником своим и как искренний друг, потому что, во исполнение воли Божией, вел брань с врагом Божиим и победил его» (Слово 5. С. 30).

«Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души» (Слово 11. С. 52).

«Иное слово действенное, и иное слово красивое. И без незнания вещей мудрость умеет украшать слова свои, говорить истину, не зная ее, и толковать о добродетели, хотя сам человек не изведаль опытно дела ее... Что художник, который живописует на стенах воду и не может тою водою утолить свою жажду, и что человек, который видит прекрасные сны, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посеивает учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря духовным своим чадам, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: «Аз же дам тебе единую часть свыше братии твоея, юже взял у аммореев мечем моим и луком моим» (Быт. 48, 22) (Слово 1. С. 7).

«Если будешь в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждение, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, а за смирение – кто оскорбляет последнее, тот теряет первое» (Еп. Феофан. Там же, § 110).

«Дарование без искушений – гибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе перед Богом и Он даст тебе



дарование, умоли Его научить тебя смиряться или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною гибели» (Там же, § 111).

«Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на Небо, живя прохладно. О пути же прохладном знаешь, где он оканчивается» (Там же, § 115).

«Человек, пока в нерадении, боится часа смертного, а когда приблизится к Богу, боится сретения Суда, когда же всецело поступит в предняя, тогда любовь поглощается тот и другой страх» (Там же, § 119).

«Пусть у тебя всегда берет перевес милостыня. Сердце жесткое и немилосердное никогда не очистится. Человек милосердый – врач души своей, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страсти» (Там же, § 135).

«Разумная душа, быв существенно соединена и сопряжена с чувствами и своими помыслами, естественно увлекается, если человек не будет бодрствовать в сокровенной молитве» (Там же, § 140).

«Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными, напротив того, без смирения и дела бесполезны. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслию с уничижением и рассудительною печалию» (Там же, § 155).

«Должно погружаться во внутреннего своего человека и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего. И может быть, что сим пребыванием близ внутреннего человека придем в совершенное соединение с ведением нашей надежды, живущего в нас Христа» (Там же, § 176).

«Не дела отверзают заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное, и смирение души, когда препобедит страсти смирением». (Там же, § 179).

«Одним из святых написано: кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом» (Там же, § 180).

«Приведем в устройство область сердца делами покаяния и житием благоугодным Богу, Господне же придет само собою, если место в сердце будет чисто и неосквернено». (Там же, § 181).

«Сокровенное делание и заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея в виду страх Божий, обновляют и освещают душу и сокровенно врачуют все члены ее» (Там же, § 182).

«Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета» (Там же, § 195).

«Когда человек закроет врата градские, т. е. чувства, тогда ратует внутри, и не боится злоумышляющих вне града» (Там же, § 196).

«Чем погубил ты доброе, тем приобретай оное. Погубил ты целомудрие, Бог не примет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде, потому что хочет от тебя святыни тела» (Там же, § 200).

«Телесные труды без чистоты ума то же, что бесплодная утроба и иссохшие сосцы, потому что не могут приблизиться к ведению Божию. Тело они утомляют, но не заботятся искоренить страсти в уме, а потому ничего и не пожинают» (Там же, § 209).

«Как благодать на благодать людям по крещении дано покаяние. Ибо покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим его, сею дверью входим в милость Божию, помимо этого входа не обречем милости; еси бо, по слову Божественного Писания, согрешиша, оправдаеми туне благодатию Его (Рим. 3, 23, 24). Покаяние есть вторая благодать и рождается в сердце от веры и страха (Божия)». (Слово 83. С. 397).

«Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, порождаемое верою. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное, а порождаемое верою есть ведение духовное. Есть ведение естественное, различающее добро от зла, и оно именуется естественною рассудительностью, которою

естественно, без научения, распознаем добро и зло. Сию (рассудительность) Бог вложил в разумную природу, при помощи же научения она получает приращение и пополнение. Нет человека, который бы не имел ее. Лишенные этой силы ниже разумной природы, и утративших сию познавательную силу... пророк справедливо уподобил несмысленным скотам. Сею (рассудительностью) можно нам обретать путь Божий. Это есть естественное ведение; оно предшествует вере и есть путь к Богу. Ею (рассудительностью) научаемся различать добро от зла и принимать веру. И сила природы свидетельствует, что человеку подобает веровать в Того, Кто сотворил все это, веровать и словесам заповедей Его и исполнять их. От веры же рождается страх Божий, и когда он будет сопровождать дела и постепенно взойдет к деланию, тогда рождает он духовное ведение, о котором сказали мы, что рождается оно от веры. Итак, вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию. Так дается человеку духовное ведение, т. е. ощущение тайн, которое рождает веру истинного созерцания. Таким образом, не просто от одной только веры рождается духовное ведение, но вера рождает страх Божий, и когда в Божиим страхе начнем действовать, от действия страха Божия рождается духовное ведение... Не страх Божий рождает сие духовное ведение (ибо чего нет в природе, то не может и родиться), но ведение сие дается, как дар, деланию страха Божия. Когда исследуешь внимательно делание страха Божия, тогда найдешь, что оно есть покаяние. И духовное ведение, за ним следующее, есть то самое, о чем сказали мы, что залог его (ведения) прияли мы в крещении, а дарование его приемлем покаянием. И дарование сие, о котором сказали мы, что приемлем оное покаянием, есть духовное ведение, подаваемое, как дар, деланию страха. Духовное же ведение есть ощущение сокровенного. И когда ощутит кто сие невидимое и во многом превосходнейшее, тогда приемлет оно от сего именование духовного ведения, и в ощущении его рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют ее верою созерцательною. Дотоле был слух (т.

е. вера от слуха – Рим. 10, 17), а теперь созерцание; созерцание же несомненное слуха» (Слово 84. С. 399).

Все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву. Ибо и воздыхания, и коленопреклонения, и сердечные прошения, и сладчайшие вопли, и все виды молитвы, как я сказал, имеют пределом чистую молитву, и до нее только имеют возможность простираться... Чистота и нечистота молитвы зависит от следующего: как скоро в то самое время, как ум приуготовляется принести (молитву), примешивается к ней какая-либо постронная мысль или беспокойство о чем-нибудь, тогда молитва сия не называется чистою, потому что не от чистых животных принес ум на жертвенник Господень, т. е. на сердце – этот духовный Божий жертвенник... После чистой молитвы иной молитвы нет. До сего только предела всякое молитвенное движение и все виды молитвы доводят ум властью свободы. Потому и подвиг в молитве. А за сим пределом будет уже изумление, а не молитва, потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание, и не молитвою молится ум... Иное дело молитва, а иное – созерцание в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, а созерцание – собирание рукоятей... Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты, так из тысячи разве один найдется, сподобившийся, при великой осторожности, достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство, потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие, сподобились же весьма редкие, а достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божией, находится и из рода в род... И если чистою молитвою едва ли кто молится, то что сказать о молитве духовной? У святых отцов было в обычае всем добрым движениям и духовным деланиям давать именование молитвы. И не только отцам, но и всем, которые просвещены ведением, обычно всякое прекрасное делание вменять почти за одно с молитвою... Иногда сию, так называемую духовную, молитву в

одном месте называют путем, а в другом ведением и инде – умным видением. Видишь, как отцы переменяют названия духовных предметов. Ибо точность именований устанавливается для предметов здешних, а для предметов будущего века нет подлинного и истинного названия, есть же о них одно простое ведение, которое выше всякого наименования и всякого составного начала, образа, цвета, очертания и всех придуманных имен. Поэтому, когда ведение души возвысится из видимого мира, тогда отцы в означение оного ведения употребляют, какие хотят, названия, т. к. точных именований оному никто не знает. Но, чтобы утвердить на сем ведении душевные помышления, употребляют они наименования и притчи, по изречению св. Дионисия, который говорит, что ради чувств употребляем притчи, слоги, приличные имена и речения. Когда же действием Духа душа подвигнута к Божественному, тогда излишни для нас и чувства, и их деятельность, равно как излишни силы духовной души, когда она, по непостижимому единству, соделывается подобною Божеству и в своих движениях озаряется лучом высшего света. Итак, поверь, брат, что ум имеет возможность различать свои движения только до предела чистой молитвы. Как же скоро достигнет туда и не возвращается вспять или оставляет молитву – молитва делается тогда как бы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда ум в движении, тогда он в душевной области; но как скоро вступает он в оную область, прекращается и молитва. Ибо святые, в будущем веке, когда ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе. Так бывает и с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя, и все здешнее, и не будет уже иметь в себе движения к чему-либо. Посему некто с уверенностью осмеливается сказать, что свобода воли путеводит и приводит в движение посредством чувств всякую совершаемую добродетель и всякий чин молитвы, в теле ли то, или в мысли, и даже самый ум – этого царя страстей. Когда же управление и смотрение Духа возгосподствует над умом, – этим домостроителем чувств и помыслов, тогда отъемлется у природы свобода, и ум

путеводится, а не путеводит. И где тогда будет молитва, когда природа не в силах иметь над собою власти, но иною силою путеводится, сама не знает куда и не может совершать движений мысли, в чем бы ей хотелось, но овладевается в тот час пленившею ее силою, и не чувствует, где путеводится ею? Тогда человек не будет иметь и хотения; даже, по свидетельству Писания, не знает, в теле он или вне тела (2Кор. 12, 2). И будет ли уже молитва в том, кто столько пленен и не сознает сам себя? Посему никто да не глаголет хулы и да не дерзает утверждать, что молится духовною молитвою. Такой дерзости предаются те, которые молятся с кичливостью, невежды ведением, и лживо говорят о себе, будто бы, когда хотят, молятся они духовною молитвою. А смиренномудрые и понимающие дело соглашаются учиться у отцов и знать пределы естества и не дозволяют себе предаваться таким дерзким мыслям» (Слово 16. С. 61 и след.).

В другом месте св. Исаак дает еще такое определение духовной молитвы: «Душевные движения за строгую непорочность и чистоту, делаются причастными действительности Св. Духа. И ее сподобляется один из многих тысяч людей, потому что это – тайна будущего состояния и жития. Ибо он возносится, и естество пребывает недейственным, без всякого движения и памятования о здешнем. Не молитвою молится душа, но чувством ощущает духовные вещи одного века, превышающие понятие человеческое, уразумение которых возможно только силою Св. Духа. А это есть умное созерцание, но не движение и не взыскание молитвы, хотя от молитвы заимствовало себе начало» (Слово 21. С. 104).

Иерей. То, о чем Вы сейчас говорили, очень напоминает слова св. Максима Капсокаливита, сказанные во второй половине его беседы с прп. Григорием Синаитом, которую Вы вспоминали в конце прошлой нашей беседы.

Инок. Совершенно верно. И там и здесь речь идет об одном и том же, именно о тех молитвенных состояниях, которые начинаются, по словам св. Исаака, за пределами чистой молитвы, которая является концом самовластной человеческой молитвы. Эти молитвенные состояния уже и не называются

молитвою, а носят различные другие наименования, причину многообразия коих также объясняет св. Исаак. Называются они и видением, и созерцанием, и изумлением, называются, кроме того, и духовною молитвою. Самовластно человек не может войти в эти состояния, но вводится в них Духом Святым, независимо от воли и усилий человека. Стремиться войти в них самовластно – не только не благоговейно и дерзостно, но и безрассудно; без благодатной силы Св. Духа, человек, по словам св. Григория Синаита, видит тогда не видения или созерцания, а только свои собственные мечтания и, таким образом, впадает в прелесть. Я рад, батюшка, что Вы обратили внимание на это сходство между словами св. Исаака и словами прп. Максима. И тот и другой напоминают нам, чтобы мы не забывали о тех высших и запредельных для человеческого сознания молитвенных состояниях, первым шагом к которым является смиренная деятельная Иисусова молитва, изучению которой мы посвящаем наши беседы. Но обратимся снова к более простым и более доступным нашему разумению и нашему малому опыту, мыслям и наставлениям св. Исаака.

«Восчувствовавший грехи свои лучше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых... Кто сподобился увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося увидеть ангелов...» (Слово 41. С. 175).

«Не наказует и не судит Бог человека за невольное движение, если и согласимся на время с помыслом. Ежели в тот же час отвергнем в себе страсть и явится в нас сокрушение, то Господь не взыскивает с нас за такое нерадение; взыскивает же за нерадение, которому действительно ум предается так, что взирает на это бесчувственно и признает это чем-то должным и полезным, а не почитает сего для себя опасною заботою. Будем же всегда молиться Господу так: «Христе, полнота истины, да воссияет в сердцах наших истина Твоя, и да познаем, как по воле Твоей ходить путем Твоим!» (Слово 40. С. 170).

«Многие отцы более, нежели о делах, прилагали попечение о благочинии чувств и о телесном навыке, потому что отсюда происходит благочиние помыслов. Много причин встречается человеку вне его воли, которые заставляют его выходить из

пределов свободы своей. И если не будет он охраняем в чувствах своих предварительно снисканным неослабным навыком, то может случиться, что долгое время не войдет он сам в себя, и не обретет первоначального мирного своего состояния» (Слово 41. С. 172).

«Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя, не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают» (Еп. Феофан, § 215).

«Когда случится, что душа твоя внутренне наполняется тьмою, и, подобно тому, как солнечные лучи закрываются на земле тьмою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей, и потому, что умалена в тебе радостотворная сила, и ум приосенила необычная мгла, ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному расслаблению, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя к молитве и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты» (Там же, § 239).

«Если до вшествия в град смирения примечаешь в себе, что успокоился ты от мятежа страстей, то не доверяй себе... Враг готовит тебе какую-либо засаду, и после этого покоя жди великой тревоги и великого мятежа». (Там же, § 261).

«Диавол усиливается сначала сделать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва, а потом внушает пренебрежение к установленным временам молитвы и правила, совершаемого телесно. И, таким образом, в начале помысл предается слабости вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи, и что-нибудь самое незначительное и ничтожное... А потом восстает уже в нем и прочее одно за другим» (Там же, § 265).

«Телесное житие по Богу составляют дела телесные; делами же телесными именуются те, которые для очищения плоти в добродетельной деятельности совершаются явными действиями, которыми человек очищается от плотской нечистоты. Житие умное есть дело сердца непрестанно продолжаемое с заботливою мыслью об угождении в чувствах Богу, вездесущему и всевидящему, также непрестанная молитва



сердца и хранение себя от страстей тайных, чтобы не встречалось ничего страстного в области сокровенной и духовной. Все это есть дело сердца, оно-то и называется житием умным» (Там же, § 276).

«Делание сердца служит узами для внешних чувств. И если кто с рассудительностью занимается оным, по примеру живших до нас отцов, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия и совсем далека от него раздражительность» (Там же, § 286).

«Блажен человек, который познал немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу. Тогда, сравнив свою немощь с Божиею помощью, тотчас познает ее величие. Но кто познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает множество молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце его» (Там же, § 235).

«Как скоро человек смирится, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь; потому что обретает возбуждающуюся в нем некую силу уверенности. Когда же человек ощутит, что Божественная помощь действительно вспомоществует ему, тогда сердце его мгновенно исполняется веры. Из сего уразумевает он, что молитва есть прибежище ищущим помощи, источник спасения, сокровище упования, свет пребывающим во тьме, щит избавления во брани, стрела изощренная на врагов. Отныне услаждается уже он молитвою веры; сердце его делается светлым от упования; и от великого веселия вид молитвы своей изменит он в благодарственные гласы. Не с трудом и утомлением молится тогда человек, какова всякая иная молитва, каковою молится человек до ощущения сей благодати; но с сердечною радостью и удивлением непрестанно источает благодарственные движения, при неисчислимых коленопреклонениях и от множества возбуждения к удивлению пред благодатию Божиею внезапно возвышает глас свой,

песнословия и прославляя Бога. И отныне да престанет он помышлять суетное, да пребывает неотступно пред Богом в непрестанной молитве с боязнию и страхом, чтобы не лишиться великой Божией помощи» (Там же, § 236).

«Пока не достигнешь слез, знай, что еще миру служит сокровенное твое, и Божие дело делаешь ты внешним человеком, внутренний же твой человек еще бесплоден, потому что плод его начинается слезами. Когда достигнешь области слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века и начал обонять вонь чудного нового воздуха. Слезы источаться начали, потому что приблизилось рождение духовного младенца. Общая всех мать, благодать, вожделевает таинственно в душе произвести на свет будущего века Божественный образ. И у всякого, пребывающего с Богом, бывает по временам сие утешение, т. е. слезы, то когда он в умственном созерцании, то когда занят словами Писаний, то когда бывает в молитвенном собеседовании. Но я говорю не о сем чине слез, а о том, какой бывает у плачущего непрерывно день и ночь. У такого очи уподобляются водному источнику до двух и более лет, а потом приходит он в умирение помыслов, по умирении помыслов входит в тот покой, о котором сказал ап. Павел (Евр. 4, 3), по сем же мирном упокоении ум начинает созерцать тайны. Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, и вселяется в нем Бог, и человек начинает ощущать в себе, хотя неясно и гадательно, то изменение, какое примет внутреннее естество при обновлении всяческих» (Там же, § 240).

Но об этом уже не нам судить.

К древним отцам Церкви близко примыкает наш, отечественный подвижник, прп. Серафим Саровский, который и по святости своей жизни, и по своим великим подвигам и трудам является и в наши слабые дни «яко един от древних». Поэтому его наставления о внутреннем делании и об Иисусовой молитве я считаю уместным включить в настоящую беседу.

В жизнеописаниях прп. Серафима мы находим его «духовные наставления» относительно различных сторон духовной и монашеской жизни, из коих мы и заимствуем его

наставления о внимании и молитве, пользуясь книгою «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. 3-е изд. М., 1851 г.»

Прп. Серафим прежде всего требует крепкой и непоколебимой, горячей веры в Бога, и его первое наставление есть наставление о Боге, которое и является основанием всех дальнейших наставлений. Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. Итак, если ощущаем в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад доброненавистника» (С. 63).

«Не называй Бога правосудным, – говорит прп. Исаак, – ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники – и Христос умер за нас» (Там же).

«Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе любовь к Нему, и не можешь любить Бога, если не увидишь Его, ибо созерцание Его не предшествует познанию Его» (С. 64).

«О делах Божиих не должно рассуждать по насыщении чрева, ибо в наполненном чреве нет ведения таин Божиих» (Там же).

«Прежде всего должно веровать в Бога, яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает (Евр. 11, 6). Вера, по учению прп. Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом, истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, помощью вервия Духа Святого» (С. 64).

«Вера без дел мертва есть» (Иак. 2, 26), а дела веры суть любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, упокоение от всех дел, как и Бог почил от Своих дел, несение креста и жизнь по духу. Только эта вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел; кто истинно верует, тот непременно имеет и дела» (С. 65).

«Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света» (С. 65).

«Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет» (С. 65).

«Сердце не может иметь мира, доколе не стяжешь сей надежды. Она умиротворит его и вольт в него радость» (С. 65).

«Стяжавший совершенную любовь существует в жизни сей так, как бы не существовал... Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь. Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога» (С. 66).

«Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земли сей, ибо душою и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного» (С. 66).

«Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости» (С. 67).

«В уме его всегда должны быть напечатлены сии пророческие слова: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11)» (С. 67).

«Он должен проходить путь сей с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно» (С. 67).

«Благоговейная осторожность здесь нужна для того, что сие море, т. е. сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания, велико и пространно: тамо гади, имже несть числа, – т. е. многие помыслы суетные, неправые и нечистые – порождение злых духов» (С. 67).

«Боясь Бога, ты все будешь делать хорошо. А диавола не бойся, ибо если боишься Бога, то диавола одолеешь, потому что он бессилен» (С. 67).

«Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией» (С. 68).

«Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрехшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все

свои мысли и чувства в одном представлении о законе Божиим, и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства» (С. 68).

«Проходящий путь внимания не одному только сердцу своему должен верить, но сердечные свои действия и жизнь свою должен поверять с законом Божиим и с деятельною жизнью подвижников благочестия, которые таковой подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться и яснее узреть истину» (С. 70).

«Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по псаломнику: «И на враги моя воззре око мое» (Пс. 53, 9)» (С. 70).

«От ока его не скрыт диавол, яко лев рыкающий и иский кого поглотити (1Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой состреляти во мраце правых сердцем (Пс. 10, 2)» (С. 70).

«По учению св. отцов, при каждом человеке находятся два ангела; один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии и всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, то, очевидно, находится в тебе ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твоё, то узнавай это по делам его (Сл. 61)» (С. 71).

«Проходящий путь сей (внимания) не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе» (С. 73).

«Особенно на сем пути наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по псаломнику: «Не возглаголют уста мои дел человеческих» (Пс. 16, 4), – а молить Господа: «От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего» (Пс. 18, 13, 14)» (С. 73).

«Человек по телу подобен зажженной свече. Она должна сгореть, и он должен умереть. Но душа бессмертна, потому и

попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле: «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?» (Мф. 16, 26)» (С. 73).

«Если самовольно изнурим тело свое до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели. Будет же Господу Богу угодно, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения. Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога» (С. 74).

«Если хочешь устроить дом души своей, – говорит прп. Варсонофий, – то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для такового здания суть твердая вера для устроения стен, деревянные окончины, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть оные пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, и вводящие свет мысленного солнца правды, и не позволяющие оставаться в дому твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла заходить солнцу во гнев твой, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгущим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о нощном нашем унынии и лени. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: «Аз есмь дверь». Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего не приличного и не угодного Ему, тогда Он приидет с благословенным Отцом и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостию неизглаголанною» (Варсонофий. Ответ. 171)» (С. 75).

«Душу снабдевать надобно словом Божиим, ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, имже питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири... От сего

бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным» (С. 76).

«Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения. Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполнится разумением того, что есть добро и что есть зло. Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум чтущего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы, от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова» (С. 76).

«Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: «Проидохом сквозь огонь и воду, и извел еси ны в покой» (Пс. 65, 12) (С. 78).

«Признак разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем» (С. 78).

«Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении, а посредством того и в премирном: в мирном, то есть с совестью благою, в премирном же, ибо ум созерцает в себе благодать Св. Духа, по слову Божию: в мире место Его (Псал. 75, 3)» (С. 78).

«Когда человек придет в мирное устроение, тогда может и на других изливать свет просвещения разума» (С. 79).

«Мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий и с Церковью всегда взывать: «Господи, Боже наш, мир даждь нам» (Пс. 26, 12)» (С. 80).

«Всеми мерами надобно стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений» (С. 80).

«Для сохранения мира душевного всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный» (С. 82).

«Чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей» (С. 82).

«Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей» (С. 82).

«Надобно идти средним путем, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе (Притч. 4, 27) и давая духу духовное, телу телесное, для поддержания временной жизни потребное, и жизни общественной ею законно требуемое, по словам Свящ. Писания: «Воздадите кесарева кесареви, а Божия Богови» (Мф. 22, 21)» (С. 82).

«Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки других, но не обленяться и побуждать себя к лучшему» (С. 83).

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве к Иисусу Христу, говоря умом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы, помилуй мя грешного», – или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: «Пресвятая Богородице, спаси нас», – или говорить поздравление ангельское: «Богородице Дево, радуйся!» Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем» (С. 84).

«Образ молитвы весьма хорошо расположил св. Симеон, Новый Богослов (Слово о трех образах молитвы)» (С. 85).

«Если в молитве случится плениться умом в расхищение мысли, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: «Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами» (Там же).

«В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании, открывать же очи разве тогда, когда



уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию, тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свещу» (Там же).

«Всегда должно стараться, чтобы не предавать себя рассеянию мыслей, ибо через сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: «Все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить» (Там же).

«Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека» (С. 85).

«О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле, должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению» (С. 86).

«Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами и с верою в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; и тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному (Лк. 3, 22), находит человек в призываемом имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения» (С. 86).

«Когда через таковое упражнение укоснит ум. в сердце, тогда воссиявает свет Христов, освещая храмину души Божественным осиянием, как говорит пророк Малахия: «И воссияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды» (Там же).

«Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: «В Том живот бе, и живот бе свет человеком» (Ин. 1, 4)» (Там же).

«Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений; но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть

и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога» (Там же).

«У кого текут слезы умиления, такового сердце озаряют лучи Солнца правды – Христа Бога» (С. 87).

«Желающему спастись всегда должно иметь сердце, к покаянию расположенное и сокрушенное, по псаломнику: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит» (Пс. 50, 19)» (С. 88).

«В таком сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, коего все тщание состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы... Когда же человек старается в себе иметь сердце смиренное и мысль невозмущенную, но мирную, тогда все козни врага бывают бездейственны, ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: «В мире место Его» (Пс. 75, 3)» (Там же).

«Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит св. мученик Вонифатий (Житие, 19 дек.); страх Божий есть отец внимания, а внимание – мать внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и корни покаяния» (Там же).

«Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими, много или мало, оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться пред Ним, прося оставления долгов наших» (Там же).

О посте прп. Серафим учит так: «Подвигоположник наш Иисус Христос пред вступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, приступая работать Господу, вооружали себя постом, и не иначе вступали на путь крестный, как в сопровождении поста. Самые успехи свои в подвижничестве измеряли они успехами в посте» (С. 92).

«Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели, а иначе может быть то, что при изнеможении тела и душа ослабеет» (С. 93).

«К строгому посту св. постники приступали не вдруг и мало-помалу делались способными довольствоваться самою скудною пищею... При всем том они не знали расслабления, но всегда были бодры и готовы к делу. Болезни между ними были редки, а жизнь их чрезвычайно продолжительна» (С. 93).

«По мере того, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями, и дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного» (С. 93).

«Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: «Всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходяща живота» (Прич. 4, 23)» (С. 94).

«От всегдашнего хранения сердца рождается в нем чистота, в которой зрится Господь, по уверению Истины вечной: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8)» (Там же).

«Что втекло в сердце лучшего, того мы без надобности выливать не должны ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно хранится во внутренности сердца» (С. 94).

«Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же сия вода выльется, то оно хладеет и человек замерзает. Не всем открывай тайны сердца твоего» (С. 94).

«Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию» (С. 95).

«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах, с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных» (С. 95).

«Не должно без нужды открывать сердца своего, из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну» (С. 94).

«Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как же можем надеяться, что она может быть сохранена другим» (Там же).

«Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека» (С. 96).

«Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воцарить на землю сердец человеческих» (С. 96).

«Когда человек примет что-либо Божественное, то в сердце радуется, а когда диавольское, то смущается» (С. 97).

«Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что оно небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: «Любы, радость, мир...» (Гал. 5, 22)» (Там же).

«Напротив же, хотя бы диавол преобразился и в ангела света (2Кор. 11, 14) или представлял мысли благовидные, сердце все чувствует какую-то неясность и волнение в мыслях» (С. 98).

«Из сих разнообразных действий сердечных может человек познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет Григорий Синаит: «От действия убо можешь познать воссиявший свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (С. 98).

«Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более» (С. 99).

«Мы должны быть чисты от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет согласия между смрадом и благовонием. Где бывают помыслы, там и сложение с ними» (С. 100).

«Должно отражать первое нападение греховных помыслов и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, т. е. помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же три главных из них: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми старался диавол искушать даже Самого Господа нашего в конце подвига Его» (С. 100).

«Диавол, как лев, скрываясь в огаде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы» (С. 101).

«Требуется подвиг и длительная бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и силами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловония. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: не ори юнцем и ослятем (Втор. 22, 10), т. е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы» (С. 101).

«Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего» (Там же).

«Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне» (С. 102).

«Возлюбим смирение – и узрим славу Божию, идеже бо истекает смирение, там слава Божия источается». (С. 103).

«Не сущу свету, вся мрачна, так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма» (Там же).

«Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько и отходят от нас ангелы Божии, но не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочие совершенства» (С. 103).

«Кто хочет узнать путь совершенно и нейдет со знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града совершенного безмолвия» (С. 105).

«Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретет чрез сие понятие о вещах, и приходит в умиление» (С. 106).

«Кто занялся познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя – и перестанешь осуждать других» (С. 110).

«Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя» (С. 110).

«Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце наше прикладывается как бы камень». (С. 106).

«Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай» (С. 110).

«Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих» (С. 108).

«Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестию и неприятностию, не дает ей совершать молитву с должным усердием и заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, отчаясь, как бы безумною и иступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать» (С. 114).

«Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви» (С. 107).

«Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин: прости ризу твою на согрешающем и покрой его» (С. 107).

«Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали» (С. 114).

«Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел» (С. 114).

«С духом печали неразлучно действует и скука. Она производит такое страшное беспокойство, что несносны становятся и место жительства, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение и частая зевота... Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и

терпением, потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия» (С. 115).

«Скучают только те, у кого дела не в порядке. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём» (С. 116).

«Иное – скука, а иное – томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче было бы ему уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели оставаться в этом безотчетно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло» (С. 116).

«Врачевание для всего этого, по св. Исааку, одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что же это за врачество? – Смирennemудрие сердца» (С. 117).

«Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отягчения совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал... Первое врачуются воздержанием и благою надеждою, а второе смирением и неосуждением ближнего» (С. 118).

«Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каких бы то ни было. Жизнь наша есть как бы дом искушений и пыток, но мы не отступим от Господа, доколе не повелит Он оставить нас пытающим, и пока мы не будем оживлены терпением и твердым бесстрашием» (С. 118).

«Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания» (С. 122).

«Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (Мф. 7, 14)» (Там же).

«Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании через таковые упражнения вещей духовных» (Там же).

«Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно» (Там же).

«Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Свящ. Писания: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8), – и из слов св. Григория Богослова (Слово на Св. Пасху): «К созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности» (С. 122–123).

«Так и Церковь, ублажая свт. Николая, воспевает: «Молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию богомыслие приложил еси, богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и ангелы беседовал еси...» (Акафист святителю Николаю, конд. 10)» (С. 123).

«К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием, ибо дерзкий и самонадеянный, по словам Григория Синаита, стремясь к тому, что выше его достоинства, гордостно усиливается достигнуть его прежде времени. И еще: если кто-нибудь мечтает, в своем самомнении, достигнуть высокого, имея сатанинское желание, а не истинное, – такового диавол легко уловляет своими сетями, как своего слугу» (С. 123).

«Если нельзя найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Свящ. Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться из Писания, говоря: «Испытайте



Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный» (Ин. 5, 39)» (Там же).

«Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, но по силе, исполнять то, чему научают оные, и, таким образом, мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной» (С. 124).

«Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает» (Там же).

«Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и ослаблять оно, потому что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностию своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия, ибо, по мнению учителей Церковных (Блж. Феодорит. Толкования на Песнь Песней. Л. 84 об.), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных. А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: страха же их не убоимся, яко с нами Бог; Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного Имени, и Той будет нам в страх (Ис. 8, 12, 13). Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней земной жизни, таинственным и духовным образом» (С. 125).

О молитве Иисусовой прп. Серафим так учил новоначальных: «За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори непрестанно молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». В молитве внемли себе, т. е. ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своя и соединит в тебе оную в един дух,

тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: «Роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть» (26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т. е. беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся» (С. 128).

«Сие держи несумненно до кончины жизни... И я с молодых лет держал такой путь... Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здоров и весел» (С. 129).

Имея великое богатство духовного опыта, прп. Серафим признавал себя ничего не знающим. Одному иноку благословлено было от настоятеля начать пустынноческую жизнь, и настоятель сам писал к о. Серафиму, чтобы принял того инок и наставил бы его в духовной жизни, как сам себя. Когда же инок пришел с этим письмом к о. Серафиму, он принял его весьма ласково, и не так далеко от своей келлии благословил ему построить другую. Когда же инок начал требовать у него наставления, старец от глубочайшего смирения сказал, что «я и сам ничего не знаю», и напомнил ему слова Спасителя: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29) – потом прибавил: «По разуму св. Иоанна Лествичника не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться».

## **Беседа 4. Писания Молдавских старцев: схимонаха Василия и преподобного Паисия Величковского об умном делании и об Иисусовой молитве**

Иерей. Приведенные Вами в последней беседе многочисленные свидетельства великих древних отцов Церкви и прп. Серафима Саровского всесторонне и подробно разъясняют учение Православной Церкви об умном делании и об Иисусовой молитве. Они дополнили то, что было Вами сказано в первых беседах и дали полную и ясную картину делательной, или трудовой, молитвы. Мне вполне ясны теперь значение, смысл, важность и необходимость внутреннего молитвенного делания для христианина. Этим именно деланием, имея непрестанную в сердце своем молитвенную память о Господе Иисусе Христе и постоянно прибегая к Его помощи, христианин охраняет чистоту своей внутренней духовной жизни от засорения пустыми и греховными помыслами и от нечистого движения страстей. Он совершает ту необходимую внутреннюю работу, без которой и его внешняя жизнь, его поведение не может быть христианским, как учит об этом св. Исихий, пресвитер Иерусалимский: «Если внутри сердца не сотворит человек волю Божию и не сохранит заповедей Его, то он и вовне не сможет этого сделать». После всего выслушанного для меня по-новому раскрывается задача жизни христианской, и я ясно вижу, почему религиозная жизнь нашего христианского общества столь малопродуктивна. Причина этого заключается в слабости нашей внутренней борьбы за чистоту и упорядоченность жизни сердца или, иначе сказать, в нашей равнодушии к его духовному состоянию. Отсюда, из этого именно пункта, должно начинаться наше религиозное возрождение, если мы действительно хотим его. Скажите, правильно ли я понял значение Иисусовой молитвы?

Инок. Мне кажется, Вы правы.

Иерей. Возвращаясь к содержанию предыдущих бесед, я хочу обратить Ваше внимание на то, что до сих пор мы почти

всецело занимаемся рассмотрением и изучением делательной, или трудовой, молитвы. Мы очень мало касаемся молитвы созерцательной и ничего до сих пор не говорили о тех опасностях, которые возникают при неправильном прохождении Иисусовой молитвы. Поэтому я хочу снова просить Вас, расскажите подробнее, насколько это возможно, о том, что такое созерцательная молитва и в чем заключается ее отличие от делательной молитвы, а также и о том, что такое «прелесть», в чем она состоит, от чего она происходит и как предохранить себя от нее делателю Иисусовой молитвы?

Инок. Я уже неоднократно говорил Вам, что в делании Иисусовой молитвы необходима строгая постепенность и последовательность. Преуспевание в молитве совершается органическим путем, незаметно, как растет человеческий организм, как развивается растение. Всему свое время. Нельзя забегать вперед. К тому же переход от делательной молитвы к созерцательной зависит не от человеческих усилий, а от воли Божией. Хотя и в делательной молитве успех зависит от благодати Божией, но все же здесь имеют большое значение и усилия самого человека. В дальнейшем же молитвенном преуспевании сам Бог ведет человека как бы за руку, и самовольное искание высшей молитвы, будучи преждевременным и греховным, включает в себе большую опасность для духовной жизни. Кроме того, в молитве, как и во всяком другом органическом процессе, не существует резких, определенных границ между отдельными этапами роста. Мы отличаем отрока от юноши, но указать момент, когда отрок становится юношей, мы не можем. То же самое и в молитве. Мы знаем молитву устную, молитву умную, молитву умно-сердечную, молитву самодвижную, молитву зрительную, или созерцательную, молитву чистую, молитву духовную, молитву, выходящую за пределы сознания, но мы не можем точно разграничить их между собою. Переход одной в другую происходит незаметно, органически. Вы помните слова прп. Исаака Сирина о том, в каком широком смысле св. отцы употребляют самое наименование молитвы. Вот почему прежде всего я имею намерение утвердить Вас в мысли, что

необходимо как можно крепче утверждаться в делательной молитве, преуспевать в подвиге внимания, покаяния, сокрушения, благоговения, преодоления помыслов. Если Ваша делательная молитва будет идти правильно, проникнется, наконец, горячей верой, молитвенной теплотой, искренним сокрушением, покаянными слезами, собранностью внимания, Вам сам собою, по милости Божией, откроется путь к созерцательной молитве, и Вы опытом познаете, в чем она заключается. Правильное же и терпеливое прохождение делательной молитвы, сопровождающееся указанными состояниями духа, само по себе даст Вам такую радость и такое удовлетворение, что Вы ничего большего не захотите и не посмеете просить у Бога и только будете благодарить Его за то, что Вы уже имеете от Него.

Иерей. Я всем сердцем понял и усвоил это Ваше наставление, дорогой батюшка, и всегда буду помнить и держаться его и я отнюдь не порываюсь преждевременно и самовольно взойти на высшие ступени молитвенного подвига, но я помню слова св. отцов и подвижников, а также и Ваши собственные слова о том, что если мы не имеем понятия о высших молитвенных состояниях, то мы не понимаем и своего собственного состояния и легко можем вообразить, будто мы уже достигли возможного предела молитвы, и, таким образом, впасть в самодовольство и гордость. Чтобы избежать этого, я и хотел бы знать, чего еще недостает труженику делательной молитвы и какова та высшая, созерцательная молитва, которой достигают преуспевшие. Не из гордостного побуждения взойти в недостижимую область я ищу этого, а только для того, чтобы яснее понимать свое собственное настоящее молитвенное состояние.

Инок. Этот именно ответ я и рассчитывал услышать от Вас. Если так, то я готов беседовать с Вами о поставленных Вами вопросах. Но вместо того, чтобы говорить с Вами об этом своими словами, я предлагаю Вам прослушать то, что написали о молитве Молдавские старцы: схимонах Василий, старец и начальник Поляномерульского скита, и схиархимандрит прп. Паисий Величковский, настоятель Нямецкого монастыря. Эти

старцы жили в XVIII в. Оба они вышли из России. Старец Василий был наставником и другом старца Паисия. Он постриг его и в монашество. Оба они деятельно, собственным опытом, проходили святоотеческое учение об умном делании и об Иисусовой молитве и пишут об этом предмете не только на основании того, чему научились из книг, но и на основании своего личного опыта. Поэтому все их слова отличаются ясностью, точностью, определенностью. Об этих старцах, особенно о Паисии Величковском, Вы, наверное, уже слышали. Последний из них, собравший вокруг себя до тысячи братьев в Немецком монастыре, воспитавший многочисленную школу своих учеников и обновивший своими переводами святоотеческую аскетическую литературу, имел в XVIII–XIX вв. большое влияние на православное монашество, особенно в России, которое не потеряло своего значения и в настоящее время, о чем распространяться подробно я сейчас не буду.

Старец Василий написал предисловия к книгам об умном делании св. Григория Синаита, св. Филофея Синайского, св. Исихия Иерусалимского и св. Нила Сорского. В этих предисловиях он указывает недостаточность одного внешнего молитвословия, пения тропарей и канонов и псалмопения, и необходимость внутреннего молитвенного делания и борьбы с помыслами и страстями постоянным призыванием имени Господа Иисуса Христа. Таковое внутреннее делание не нужно считать принадлежностью только тех, кто достиг уже высокой степени духовного совершенства и очистился от страстей, оно необходимо и новоначальным, которым оно помогает познавать свое внутреннее устройство и свои недостатки и преодолевать помыслы и страсти. При этом старец Василий опровергает различные возражения, которые делаются против умного делания, и доказывает, что именно оно и помогает подвижнику различать действие прелести и избегать ее. Касается он и созерцательной молитвы, описывая некоторые ее состояния.

Во всех четырех предисловиях он говорит об одном и том же, но с разных сторон освещает обсуждаемый предмет, так что все предисловия дополняют одно другое. Из сочинений старца Паисия я привожу только «Главы об умной молитве»,

написанные против хулителей умного делания. Знакомясь с писаниями старцев, Вы найдете в них ответы и на интересующие Вас вопросы, а если что-нибудь покажется Вам неясным или у Вас возникнут новые вопросы, мы попытаемся все это рассмотреть и разъяснить в нашей следующей беседе. Я надеюсь, что предлагаемый мной план окажется для Вас полезным и интересным, и потому прошу Вас прослушать сначала переведенные Валаамской обителью со славянского на современный русский язык предисловия старца Василия, начиная с предисловия на книгу св. Григория Синаита.

## **Предисловие, или предпутие, желающим читать иже во святых отца нашего Григория Синаита и не погрешать против ее смысла**

Многие, читая эту святую книгу св. Григория Синаита и не зная опытно умного делания, погрешают против здравого разума, думая, что умное делание принадлежит одним бесстрастным и святым мужам.

По этой причине, держась, по внешнему обычаю, одного псалмопения, тропарей и канонов, препочивают в этом одном внешнем молении. Они не понимают того, что такое песненное моление предано нам отцами на время, по немощи и младенчеству ума нашего, чтобы мы, обучаясь мало-помалу, восходили на степень умного делания, а не до кончины нашей пребывали в песненном молении. Ибо что младенченнее того (Григорий Синаит, гл. 19), когда мы, прочитав устами внешнее наше моление, увлекаемся радостным мнением, думая о себе, что творим нечто великое, потешая себя одним количеством и этим питая внутреннего фарисея.

Отводя нас от такой, подлинно младенческой, немощи, как младенцев от сосцов млекопитательных, св. отцы показывают нам грубость этого делания, сравнивая гласовое языком пение с пением язычников. Ибо надлежит, говорит св. Макарий Египетский (Гл. 6) по образу жизни нашей, ангельскому быть и пению нашему, а не плотскому, да не скажу языческому. Если же и дозволено нам петь голосом, то ради лености и неведения нашего – с тем, чтобы мы возводились к истинному молению. Какой же бывает плод такого внешнего моления, показал св. Симеон Новый Богослов, во втором образе внимания, говоря:

«Второй же образ внимания и молитвы таков: когда кто собирает ум свой в себе, отвлекая его от всего чувственного, и хранит чувства свои, и собирает все помыслы свои, чтоб не скитались в суетных вещах мира сего, и то исследует помыслы свои, то внимает словам произносимой им молитвы, в иной час собирает в себе все помыслы свои, плененные диаволом и превращенные в лукавые и суетные в иной же час снова со



многим трудом и усилием приходит в самого себя, быв охвачен и побежден какою-либо страстию.

И имея этот подвиг и брань внутри себя, не может он никогда быть мирным или найти время заняться деланием добродетелей и получить венец правды. Ибо таковой подобен ведущему брань с врагами своими ночью, в темноте. Он слышит голоса врагов и принимает раны от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и почему одолевают его. Потому что тьма, которая находится в уме его и буря, которую он имеет в помыслах, приносят ему сию тщету. И он никак не может освободиться от своих мысленных врагов, чтобы не сокрушали его. Он и труд подымлет, награды же лишается, ибо окрадывается тщеславием, не сознавая того думает о себе, что он внимателен, многократно от гордости презирает других, и охуждает их, и считает себя достойным, по своему мечтанию, быть пастырем овец и путеводительствовать их, уподобляясь слепцу, покушающемуся водить других слепцов».

Как же можно внешними чувствами хранить ум или собирать его от тех, кои по естеству сами собою растекаются и парят по чувственным вещам: зрение, рассматривая прекрасное или безобразное; слух, слушая приятное или противное; обоняние, обоняя благовонное, или смрадное; вкус, вкушая сладкое или горькое; осязание, касаясь доброго или злого, и таковыми, подобно листьям от ветра, сотрясаясь и колеблясь; уму же, единому, всем этим смущающемуся и размышляющему об их действиях, можно ли когда-либо быть свободным от помыслов правых и левых? Никак и никогда.

Если же внешние чувства не могут оградить ум от помыслов, то, конечно, возникает нужда бежать уму от чувств в час молитвы внутрь к сердцу и стоять там глухим и немым от всех помыслов. Ибо если кто внешним только образом удалится зрения, слуха и глаголения, получает некоторую тишину от страстей и помыслов злых, но в значительно большей степени он насладится покоем от злых помыслов, когда удалит ум свой от пяти внешних чувств, заключая его во внутренней и

естественной клетки, или пустыне, и вкусит духовной радости, приходящей от умной молитвы и сердечного внимания.

Как обоюдоострый меч, куда бывает обращаем, сечет своей остротой встретившееся, так и молитва Иисус-Христова, обращаемая иногда на злые помыслы и страсти, иногда же за грехи или памятью смерти, Суда и мук вечных действуется. Если же кто помимо умной молитвы песненным молением и внешними чувствами с прекословием захочет отразить прилог вражий и противостать какой-либо страсти и лукавому помыслу, тот скоро одолен бывает много раз, ибо бесы, одолевая его сопротивляющегося и снова добровольно ему покоряясь, как бы побеждаемые его сопротивлением, издеваются над ним и склоняют его мысли к тщеславию и гордости, называя его учителем и пастырем овец.

И, зная это, св. Исихий говорит: «Не может ум наш победить мечтание бесовское сам собою только и да не надеется когда-либо на это, ибо бесы, будучи коварными, лицемерно покоряются и притворяются побежденными, запиная тебя тщеславием с другой стороны. И не терпят, чтобы ты хотя бы даже на один час умудрился призыванием Иисуса Христа». И снова: «Берегись, да не вознесешься, по примеру древнего Израиля, и предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом всяческих от египтян, задумал сделать себе помощником идола перстного. Под идолом же перстным разумей наш немощный ум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, легко их отгоняет и художным искусством побеждает невидимые ратные силы врага. Когда же бессмысленно станет всячески надеяться на себя, тогда, подобно так называемому быстрокрылому, разбивается и падает дивным падением».

Из сказанного достаточно познается сила и мера умного делания, т. е. молитвы и пения. Не думай же того, благочестивый читатель, что св. отцы, отводя нас от многого внешнего пения и повелевая обучаться умному деланию, наносят ущерб псалмам и канонам. Да не будет, ибо от Духа Святого предано все это св. Церкви, в которой все священнодействия возглавляются хиротониею, и все таинство

домостроительства Бога Слова, даже до второго Его пришествия, вместе же и нашего воскресения, в себе заключают. И нет ничего человеческого в чине церковном, но все – дело благодати Божией, не возрастающее от наших достоинств, не умаляющееся от наших грехов. Но у нас речь идет не о чинах св. Церкви, но об особном правиле и образе жизни каждого из монахов, т. е. об умной молитве, которая старанием и сердечною правотою обычно привлекает благодать Св. Духа, а не одними словами псаломскими, помимо умного внимания, устами только и языком поемыми. Как сказал апостол: «Хочу пять слов сказать умом моим, чем тьму языком». Ибо следует сначала этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, говоря непрестанно в глубине сердечной: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», – и таким образом восходить на разумное пение. Потому что всякий новоначальный и страстный может сию молитву разумно, в блюдении сердца, действовать, пения же никак, прежде чем не предпочистится умною молитвою. Поэтому св. Григорий Синаит, всех святых жития и писания и искусство духовное более всех, живущим в нем Св. Духом до тонкости испытал и рассудив, устанавливает все старание иметь о молитве. Также и св. Симеон, Солунский архиепископ, имея тот же Дух и дар, заповедует и советует архиереям, священникам, монахам и всем мирским во всякое время и час произносить и дышать сию священную молитву, ибо нет, говорит он с апостолом, крепчайшего оружия ни на небе, ни на земле, больше имени Иисуса Христа.

Да будет же известно тебе, добрый ревнитель священного сего умного делания, и то, что не только в пустыне, или в уединенном отшельничестве, но наиболее в самых тех великих лаврах, находившихся среди городов, были учителя и многочисленные делатели сего умного священнодействия. И достойно удивления, как святейший патриарх Фотий, будучи взят на патриаршество от сенаторского звания, не монах, обучился на таком высоком посту этому умному деланию и настолько преуспел, что лицо его сияло, подобно второму Моисею, от пребывавшей в нем благодати Св. Духа, говорит св. Симеон Солунский. И свидетельствует о нем, что он и книгу

написал всепремудрым философским искусством об этом умном делании. Говорит также, что и Иоанн Златоуст, Игнатий же и Каллист, святейшие патриархи того же Цареграда, написали свои книги о том же внутреннем делании. И его еще тебе недостает, христолюбивый читатель, чтобы, отложив всякое сомнение, приступить к обучению умного внимания? Если скажешь: не имею жития уединенного, – пример тебе – св. патриарх Каллист, который обучился умному деланию в великой Лавре Афонской, проходя поварскую службу. Если сомневаешься, что не находишься в глубокой пустыне, второй тебе пример – св. патриарх Фотий, обучившийся искусству сердечного внимания уже в патриаршем сане. Если под предлогом послушания ленишься приступить к умному трезвению, – за это посмеянию подлежишь, так как ни пустыня, ни уединенное житие не приносят в такой мере преуспеяние в этом делании, как послушание в разуме, говорит св. Григорий Синаит. Или еще с правой стороны окрадываешься, будто не имеешь учителя таковому деланию, – повелевает тебе Сам Господь учиться от Писания, говоря: «Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный». Или от левой стороны увлекаешься, смущаясь, не находя места безмолвного, – и в этом тебя опровергает Петр Дамаскин, говоря: «В том состоит начало спасения человеку, да оставит свои хотения и разумения, исполнит же Божия хотения и разумения, и тогда не найдется во всем мире вещи, или начинания, или места, которое могло бы воспрепятствовать ему». Наконец, если еще изобретая благословнейшую причину, претыкаешься неоднократными словами св. Григория Синаита, много говорящего о прелести, случающейся в сем делании, то исправляет тебя сам этот святой, говоря: «Мы не должны бояться или сомневаться, Бога призывая. Если же некоторые и совратились, будучи повреждены умом, то знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия». Кто же в послушании, с вопрошением и смиренномудрием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатию Христа. Ибо кто право живет и непорочно жительствоует и удаляется от самоугодия и высокоумия, тому весь бесовский полк, хотя бы и бесчисленные

против него поднял искушения, не может повредить, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно ходят, эти в прелесть впадают. Если же некоторые, претыкаясь о камень Свящ. Писания, принимают указания нам пути прелести поводом к возбранению умного делания, то таковые пусть знают, что они превращают «горняя долу и дольняя горе». Не на возбранение умного делания, но предостерегая нас от прелести, указывают нам св. отцы причины, по которым прелесть приходит.

Подобным образом и сей св. Григорий Синаит, повелевая не бояться и не сомневаться обучающемуся в молитве, приводит две причины прелести: самочиние и высокоумие. И св. отцы, желая сохранить нас невредимыми от них, повелевают исследовать Свящ. Писание, научаясь от него, имея брат брата добрым советником, как говорит Петр Дамаскин. Если нельзя найти искусного делом и словом старца, по примеру св. отец, знающего хорошо отеческое писание, то, пребывая наедине, в безмолвии, всеми силами должно стараться иметь духовное наставление от учений и наставлений св. отец, вопрошая о всякой вещи и добродетели. Такую меру и порядок следует сохранять и нам, читая писания, а не уклоняться от их учения и наставления, подобно тому, как некоторые, не зная опыта умного делания и считая себя имеющими дар рассуждения, тремя причинами или доводами уклоняются, лучше бы сказать, отводят себя от обучения сему священному деланию. Во-первых, они считают, что это делание подобает лишь одним святым и бесстрастным мужам, а не и страстным. Во-вторых, указывают совершенное оскудение наставников и учителей таковому жительству и пути. В-третьих, последующую таковому деланию прелесть.

Первая из этих причин, или доводов, никуда не годна и не справедлива, потому что первая степень для новоначальных монахов состоит в том, чтобы умягчать страсти умным трезвением и сердечным блюдением, т. е. умною молитвою, подобающею деятельным. Вторая – безрассудна и неосновательна, потому что, за отсутствием наставника и учителя, Писание нам учитель, как сказано выше. Третья же

самопрельстительна, ибо читая писание о прелести, этим же писанием сами себя запинаят, криво рассуждая о нем. Вместо того, чтоб принимать писание как предостережение к познанию прелести, они придумывают и находят причину уклоняться от умного делания. Подобно тому, как полководец, получив известие, что неприятели устроили засаду на пути, намереваясь хитростью и тайным нападением одолеть его, не имея силы открыто с ним бороться, он же, будучи нерассудительным, вместо того, чтобы перехитрить врага и одержать победу нечаянным нападением на его тайную засаду, страшится страха, идеже не бе страх, и обращается в бегство, покрывая себя вечным позором пред царем и его вельможами.

Если же ты страшишься этого делания и обучения от одного благоговения и простоты сердца твоего, то и я еще больше вместе с тобою устрашаюсь, но не на основании пустых басен, по которым волка бояться – в лес не ходить. И Бога должно бояться, но не убегать и не отрекаться от Него по причине этого страха. Воистину, страха и трепета, сокрушения и смирения, и многого испытания Свящ. Писания, и совета единоклубных братьев требует это делание, но не бегства и отказа и тем более не дерзости и самочиния. Ибо дерзкий, сказано, и самонадеянный, порываясь к тому, что выше его достоинства и устройства, в гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы. И еще: если кто мечтает мнением достигнуть высокого, будучи охвачен сатанинским, а не истинным желанием, такового сатана удобно опутывает своими сетями, как раба своего. И что нам стремиться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которой, по слову св. Исаака, едва сподобляется один из тьмы?!

Довольно, довольно для нас, страстных и немощных, хотя след умного безмолвия познать, т. е. делательную умную молитву, при помощи которой прилоги врагии и злые помыслы прогонимы бывают от сердца и которая есть подлинное дело новоначальных и страстных монахов, каковым они востекают, аще Бог восхощет, в зрительную и духовную молитву.

И не следует нам унывать о том, что немногие сподобляются зрительной молитвы, ибо нет неправды у Бога.

Только да не ленимся идти путем, ведущим к этой священной молитве, т. е. делательною молитвою сопротивляться прилогам, страстям и злым помыслам. И, таким образом, скончавшимся нам на пути святых удостоимся и жребия их, хотя бы здесь и не достигли совершенства, говорит св. Исаак и многие святые.

И еще опять удивления и ужаса достойно и то, как некоторые, знающие Писание, не испытуют его, другие же, и не зная, и не вопрошая, дерзают своим разумом на сие умное внимание, и притом еще и говорят, будто вниманием стоять и молитву творить должно в желательной части: «То бо, – глаголют, – есть среда чрева и сердца». Это есть первая и самоизвольная прелесть. Не только молитвы и внимания не следует в этой части действовать, но и самую ту теплоту, которая приходит от похотной части на сердце в час молитвы, ни в каком случае не принимать. Средою же чрева, по св. Феофилакту, называется самое то сердце, и она не при пупе, не посреди груди, но под левым сосцом имеет свое место. Ибо так распределяются три силы души: словесная в персях; яростная, или ревностная в сердце; желательная же в чреслах при пупе, куда и диавол имеет удобный вход, по Иову: возмущая и разжигая ее, как пиявка и жабы в болотном озере, и имея пищей и наслаждением похотную сладость. Поэтому говорит Григорий Синаит: «Немалый труд постигнуть истину явственно и быть чисту от того, что противно благодати, ибо под видом истины диавол обычай имеет, особенно в новоначальных, показывать свою прелесть, преображает лукавое свое как бы в духовное: одно вместо другого изображая внутри естественных чресл, мечтательно преобразуя, как хочет, и вместо теплоты наводит свое жжение, вместо веселия приносит радость бессмысленную и сладость мокротную».

Полезно же, думается, и о том знать делателю, что жжение, или теплота, исходит от чресл к сердцу иногда сама по себе, естественно, помимо помыслов блудных. И это не от прелести, а от естества, говорит св. Каллист Патриарх. Если же кто принимает и это за проявление благодати, а не естества, то это, несомненно, есть прелесть. Каково же все это есть, подвижающемуся не следует обращать внимания, но отвергать.

Иногда же диавол, смешавши свое жжение с похотию нашею, вовлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же все тело растепливается и ум остается чистым и бесстрастным и, как бы прилепленный, покрывается во глубине сердца, начиная и кончая молитву в сердце, – это есть несомненно от благодати, а не от прелести. Бывает же некоторым подвижникам немалым препятствием к этому священному деланию и телесная немощь: не будучи в силах выдержать в должной мере и весе сверхъестественных трудов и постов, каковые имели святые, они полагают, что невозможно им помимо этого начать подвиг умного делания. И таковую их ошибку приводя в должную меру, Василий Великий так учит: «Воздержание, – говорит он, – каждому по его телесной силе определяется. И потому, я думаю, прекрасно наблюдать за тем, чтобы, разрушивши безмерным воздержанием телесную силу, не сделать тело слабым и не способным к добрым делам. Ибо следует иметь тело деятельным, не расслабленным никакою безмерностью. Если бы хорошо было человеку быть расслабленным телом и лежать как бы мертвым, едва дышущим, то таковыми, конечно, с самого начала нас и сотворил бы Бог. Если же Он не сотворил нас такими, то погрешают те, кто добре сотворенное не хранят таким, как оно есть. И потому об одном подвижник благочестия пусть заботится: не злоба ли, по причине лености, нашла себе место в душе, не ослабло ли в чем-либо трезвение и прилежное восхождение мысли к Богу, не омрачилось ли как-либо освящение духовное и происходящее от него просвещение души? Ибо если сказанное доброе возрастает, то и телесные страсти не будут иметь времени восставать, когда душа упражняется в горнем и не оставляет телу времени обуреваться страстями. При таком устройении души принимающий пищу ничем не различается от невкушающего: и не только пост, но и всегдашнее неядение таковой выполнил, и имеет похвалу за особенное попечение о теле, ибо умеренное житие не распаляет похоти». И св. Исаак, согласно с этим, сказал: «Если понудишь немощное тело свыше силы его, то причиняешь душе смущение на смущение». И св. Иоанн Лествичник говорит: «Видел я



враждебницу сию (утробу) упокоиваемую – и подающую уму бодрость». И еще: «Видел ее изнуряемую постом – и производящую истечение, дабы мы надеялись не на себя, но на Бога живого». С этим согласуется и история, о которой прп. Никон вспоминает, что в наши уже времена был найден в пустыне один старец, не видевший человека тридцать лет, не евший хлеба, кроме кореньев, и исповедавший, что все это время был обуреваем блудным бесом. И рассудили отцы, что не гордость, не пища были причиной такой брани, а то обстоятельство, что не научен был старец умному трезвению и противоборству вражеским искушениям. По этому поводу сказал св. Максим: «Дай телу твоему по силе его, и весь подвиг твой обрати на умное делание». И еще св. Диадокх говорит: «Пост имеет похвалу по себе, а не по Богу, ибо он есть орудие благоустрояющее к целомудрию желающих». Посему подвижникам благочестия не подобает высокоумствовать о нем, но в вере Божией ожидать конца нашей мысли. Ибо и мастера какого-либо искусства не от орудия хвалятся добрым окончанием дела, но ожидают исполнения, и оно уже обнаруживает достоинство искусства.

Имея таковое установление о принятии пищи, не все усердие и надежду возлагай на один пост, но в меру и по силе своей постясь, стремись к умному деланию. И если имеешь в себе достаточно силы питаться хлебом и водой, добро есть. Ибо не укрепляют, сказано, прочие снеди тела так, как хлеб и вода. Однако не думай, что совершаешь добродетель тако постяся, но ожидай от поста приобретения целомудрия. И такой пост будет разумным, сказал св. Дорофей. Если же ты немощен, повелевает тебе св. Григорий Синаит, если хочешь иметь спасение, есть литр хлеба и воды или вина пить в день три или четыре чаши и от прочих снедей, какие прилучатся, вкусить от всех понемногу, не допуская насыщения, дабы вкушением от всего ты возмог избежать кичения и вместе с тем не возгнушался весьма добрых Божиих творений, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных. Если же, вкушая всех случающихся брашен и пия мало вина, сомневаешься в твоём спасении, это есть неверие и немощь помысла. Мера принятия

пищи безгрешно и по Богу на три чина полагается: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть когда при еде чувствуется еще алкание; доволь – когда нет ни алкания, ни отягощения; сытость – когда есть малое отягощение. А по насыщении и еще есть, дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, сия рассмотрев, по силе твоей избери приличное, не преступая установленного: совершенным же свойственно и то, по апостолу, чтобы и насыщаться и алкать и во всем мощным быть.

Все это тебе, о ревнитель умного внимания, от самых подлинных слов великих и святых отцов показано, и в чем состоит мера воздержания и рассудительного поста, и как преуспевать во внимании.

## Предисловие к главам блаженного Филофея Синайского

«Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 12).

Воины земного царя носят меч, будучи готовы и искусны на борьбу с врагами, носят же такой меч и не воины, по одному лишь обычаю, а не для приготовления к борьбе и не зная даже, как должно противоборствовать врагам. Сказанное по всему есть совершенное подобие и нашей духовной брани, о которой ныне предлагается слово. Ибо всякий отрекающийся от мира и становящийся монахом принимает вместе с тем и меч духовный, как воин Христов, и выходит на брань против духов злобы. К нему-то и обращены слова в час пострижения: «Приими, брат, меч духовный, который есть слово Божие, нося его в устах твоих, уме и сердце, говори непрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Но о, время наше! Как многие, не говоря уже все, носят этот меч по одному только обычаю, а не как необходимый для брани! Не научившись как следует с ним обращаться пред лицом врагов и пожигать их, как пламенем, употребляют его просто и грубо и бездейственно, т. е. вычитывая за одну «Славу» Псалтири одну вервицу (одну сотню четок), а за кафизму вычитывая три, ограничивают этим внешнее моление. Многие же, совершенно отложив этот глагол Божий, лучше же сказать, пламенное оружие, охраняющее врата сердца, довольствуются одним псалмопением, канонами и тропарями, преданными Церковью, думая, что эта пятисловная молитва вменена за правило только простым и некнижным монахам. Опровергая и исправляя такое их неправильное мнение, св. Симеон, архиепископ Солунский, преподает и узаконивает всем архиереям, архимандритам, игуменам, иеромонахам, иереям, диаконам, монахам и мирским людям всякого звания и занятия, вместо всякого правила, как свое дыхание и жизнь, выполнять эту святую молитву Иисусову в уме и устах на каждый час и

время, если даже они и не могут познавать ее художного действия, ибо то есть дело, по его словам, одних монахов, отрехшихся от мира. Если же и повелевает Василий Великий неученому монаху сею молитвою Иисусовою совершать правило, ограничиваясь численным ее произношением, и не художно, то это следует понимать так, что он узаконивает это, как необученным, так и мирским с тем, чтобы и они все по мере своих сил славословили Бога, а не пребывали праздными.

Кто носит меч свой, или слово, разумно, по внутреннему вниманию, тот знает время, когда обращать его на врага и молиться на прилоги злые и страсти и помыслы, или за грехи свои. Если же иногда, по каким-либо обстоятельствам или по невниманию, поползнется словом или гневом, а иногда и похотию или тщеславию и мнением и т. п. и по этой причине будет укоряем своею совестью, то, не перенося ее обличения, обращается к Богу, каяся и моляся от сердца и ума, ища помилования. Все правило такового бывает в одном покаянии и внимании сердечном, по примеру той вдовицы, которая не отступала от судии день и ночь, прося отмщения своему сопернику. И это есть порядок умного делания, подобающего страстным: пусть никто не приходит в смущение от этого слова, что обуеваемым такими грехами можно при помощи Божией обучаться умному деланию.

Представь себе пять состояний действующих по страсти: а) впадая в гнев и досаду, оставаться всегда злобствующим на оскорбившего; б) будучи опечаленным, помнить зло в течение многих дней; в) гневаться одну неделю; г) один только день помнить и д) враждуя, досаждая, смущая и смущаясь, в тот же час измениться. Вот сколько различных устроений, однако все они находятся под адом до тех пор, пока действует страсть, как сказал св. Дорофей, и таким не должно касаться умного делания, ибо они подобны человеку, который, будучи ранен стрелою от врага своего, берет ее собственными руками и вонзает в свое сердце; о них сказал Богослов: «Делающий грех от диавола есть» (1Ин. 3, 8).

Возьми и пять других состояний: а) оскорбившегося и скорбящего не потому, что потерпел досаждение, но потому, что

не перетерпел его; б) поучающегося всегда терпению, но в конце концов, побеждающегося увлечением; в) не хотящего отвечать злом за зло, но увлекающегося силою привычки; г) старающегося отнюдь не произносить зла, но скорбящего о полученной обиде, упрекающего себя и кающегося в этом и д) не скорбящего о полученной обиде, но и не радующегося ей. Эти все суть сопротивляющиеся страсти, так как произволением борются со страстью и не хотят действовать по ней, но и скорбят, и подвизаются. Таковые подобны находящемуся под обстрелом врага, но облеченному в броню и неуязвимому, говорит тот же св. Дорофей. Им во всяком случае можно и должно обучаться умному деланию, потому что они очищаются вседневною благодатию Христовою, чрез умную молитву и ежечасное покаяние, и о них сказал тайновидец: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя... Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1Ин. 1, 8–9).

Известно и то, что эта священная молитва Иисусова для многих в древности и ныне являлась камнем преткновения и соблазна. И хотя многие, может быть, даже и все, молятся этой молитвой просто и внешне, и никто против этого не встает, однако художного ее действия, т. е. блюдения сердца умом в молитве, мало кто знает. И самому Григорию Синаиту сопротивлялись сначала самые словеснейшие отцы горы Афонской, когда он начал учить их этому. И если эти отцы, удалившиеся из городов, так претыкались об это делание, то что же сказать о сдружившихся с миром монахах? Однако желающему спасти свою душу должно повиноваться Свящ. Писанию и учению св. отец, а не плотским человекам. Ведь не в каком-нибудь углу, но среди самого царствующего града процвело это священное умное делание и не у одних только простых монахов, но даже сами патриархи Константинопольские были делателями и учителями его. Имею в виду Иоанна Златоуста, Фотия, Каллиста, бывших один за другим преемниками патриаршего престола, о которых пишет св. Симеон Солунский, что они сочинили целые книги об одном

этом делании умной молитвы, проникнутые глубокой мудростью и искусством. Впрочем, не следует удивляться тому, что теперь об этом учении и писании даже и одного слова не произносится среди монахов. Каждый ведь может, если только пожелает, монах или мирянин, петь псалмы и каноны, преданные св. Церкви св. отцами для общего моления, Господа же Иисуса Христа никто не может умом назвать, как только Духом Святым, по апостолу. Поэтому св. отцы, будучи делателями и учителями умного делания, уподобляют внешнее пение малому отроку, молитву же умную – мужу совершенному. И как для отрока нет ничего укоризненного в том, что он по времени хочет быть мужем и старцем, так и внешнему пению и молению, по немощи младенчества нашего от Бога нам данному, нет укора и поношения, если кто-либо обращает все усердие на умную молитву и весьма мало поет псалмов, канонов и тропарей, надеясь чрез умную молитву обрести разумное пение, от которого опять востекает на зрительную молитву, по сравнению с которой пение ему кажется отроком перед мужем совершенным, и, опять уделив немного времени пению, больше уделяет молитве, да и не может снова таковой много петь, ибо внешне поющие и не постигающие чувством того, что поют, те могут петь много, говорит св. Григорий Синаит. По этой-то причине он уподобляет пение деннице, утренней звезде, молитву же умную – солнцу. И как денница видима бывает какой-нибудь час или два, солнце же весь день сияет, так должно разуметь и о пении и молитве. И не говори мне, что многие из святых придерживались многого пения, но разумей и веруй, что те же отцы предписывают нам непременно от пения восходить к молитве. Таковым был и св. Григорий Синаит, который сначала, по неведению лучшего, придерживался одного пения, будучи же наставлен одним критянином, заменил многое пение умною молитвою и, на опыте познав, что не бывает такого быстрого и легкого успеха от пения, как от молитвы, повелел всем иметь все старание о молитве, петь же немного из-за уныния.

Впредь и ты без всякого сомнения поступай так же, чтобы и тебе не было сказано, за противление твое, словами апостола,

который говорит: «Благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу, по Израили есть во спасение. Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму; не разумеюще бо Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинуются» (Рим. 10, 1–3). Что же говорит Писание? Близ тебя слово в устах твоих и в сердце твоём, если исповедуешь устами твоими Господа Иисуса, спасешься, ибо всякий, кто призывает имя Господне, спасется. Все же это: слово, исповедание и призывание – следует понимать как пребывание внутри тебя Христа, вселившегося чрез св. крещение. И ты должен непрестанно призывать, и говорить, и исповедывать Его, иногда сердцем, иногда же устами, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Будь же внимателен, человек, к себе и к твоему упорству, да не пошлет на тебя Бог за это дух ожесточения: очами не видеть и ушами не слышать, как свидетельствует против тебя Свящ. Писание, подобно тому, как свидетельствовал Илия на Израиля к Богу, Которому и ты сопротивляешься. Не надейся же и не верь, что успеешь достигнуть чего-либо духовного, если не покоришься призывать Иисуса Христа на каждый злой помысл и на всю силу вражью, как говорит св. Исихий: «Не найдешь крепчайшего оружия на врагов ни на небе, ни на земле, кроме имени Христова». И невозможно тебе избежать горького напоения злыми помыслами или перестать вкушать хлеб из отрубей до тех пор, пока не поревнуешь вкушать чистого хлеба, сшедшего с неба, вкушающие которые не будут алкать во веки, получая веселие и радость, а не страх, или неразумное утешение или, что то же, радостное самомнение. Ибо как закон, не будучи в силах сам по себе сделать человека безгрешным, отсылал всех ко Христу и к Нему сам стремился, как бы умаляя тем свое значение, так и внешнее пение, сообщив делателю первоначальное обучение, передает его Христу, т. е. умной молитве Иисусовой, как не имеющий сил сам собою возвести его в духовное действо, хотя при этом самое то пение из-за молитвы сокращается и отходит на второе место. Если же и не все хотят обратиться от пения ко Христу, то нет в этом вины самого пения, как нет и вины закона в противлении иудеев, но

виною тому один только их плотской ум и неведение силы, сокровенной в Свящ. Писании. Ибо они думают, что растягивать сладкие гласы и изливать языком красивые слова – это есть начало и конец молитвы. Они не поняли сказанного Господом: «Яко веруяй в Мя, реки от чрева его истекут воды живыя» (Ин. 7, 38). Всякий крещающийся принимает свыше эту воду таинственно в глубине своего сердца, и о ней пишется в житии св. Игнатия Богоносца, когда неверные разрезали сердце его, говоря: «Как он носит Бога своего в сердце своем?» И нашли внутри сердца золотом написанные слова: Иисус Христос. Это же было знамением в посрамление неверных и для уверения всех верных в том, что всякий во св. крещении принимает внутрь себя Христа. Потому-то совершеннейшие и глубочайшие в дарованиях духовных св. отцы прежде всего повелевают нам очищаться от страстей умных и сердечным призыванием имени Иисуса Христа на всякий злой помысл, брань и прилог вражий, и это есть моление, произносимое с чувством, а не просто только по обычаю, каковое негрешно назвать и мертвым. Положивши нам твердое начало таковому разумному вниманию и молению, блаженные отцы поучают нас пребывать в нем до смерти, сражаясь с врагами и страстями своими, и, хотя бы и тысячу ран принимали бы мы каждый день, мы не должны никогда прекращать этого живоносного делания, т. е. призывания Иисуса Христа, живущего в сердцах наших, как уже и было об этом сказано выше.

И, таким образом, если усмотрит Бог в том пользу нашу, возводит, кого хочет и знает, чрез таковое доброе начало и на зрительную умную молитву. Некоторые же, которых следует назвать легкомысленными, слыша, что чрез эту делательную умную молитву достигается скорейшее преуспеяние, стремятся преждевременно достичь в зрительную молитву, полагая, что она находится в руках желающих. Другие же, узнав, что зрительной молитвы не все удостоиваются, но только немногие, ослабевают, а иногда и совершенно нерадят о делательной умной молитве, без которой никто не может избежать действия страстей и приятия лукавых помыслов, за которые будут истязаны в час смерти и дадут ответ на Страшном суде.



Таковые должны понимать, что мы отнюдь не осудимся за зрительную молитву, если не удостоимся ее по немощи нашей, об умном же и сердечном хранении, каковым можно противостать диаволу и злым помыслам, побеждая их не своею силою, а страшным именем Христовым, должны будем воздать ответ Богу, ибо, нося Христа внутри себя по дару св. крещения, не умеем, вернее же сказать, не хотим научиться, как призывать Его на помощь в час брани, и за это именно укоряет нас апостол, говоря: «Не весте ли яко Иисус Христос в вас есть?» Неужели еще не опытные, не обучены действовать умом в сердце имя Христово? И хотя многие из древних, а не только нынешние, умерли не сподобившись при жизни зрительной молитвы, это не должно вызывать сомнения, ибо нет места неправде у Бога, и Он во всяком случае за труды их, которыми они потрудились, идя истинным отеческим путем делательной молитвы, дает им в час смерти или по смерти действие зрительной молитвы, с которой они, как пламень огненный, проходят воздушные мытарства, по слову св. Исихия. И получают они жребий свой с теми святыми, которые, по апостолу, не приявши здесь обетования, трудились всю жизнь свою во уповании.

Изложив все это, с указанием свидетельства Свящ. Писания, о единой делательной и подобающей еще страстным умной молитве, скажем по необходимости и о бывающей при этом прелести. Прежде всего, говорит св. патриарх Каллист, приходит теплота от почек, как бы опоясывая их, и она кажется прелестью, но это не прелесть, а естественное действие, порождаемое свойством подвига. Если же кто-нибудь думает, что эта теплота от благодати, то это воистину прелесть. Но какова бы она ни была, подвижающийся должен не принимать ее, но отгонять. Приходит и другая теплота от сердца, и, если ум снисходит в блудные помыслы, это несомненная прелесть. Если же все тело от сердца растепливается, ум же чист и бесстрастен и как бы прилепился во внутреннейшей глубине сердца, то это есть поистине действие благодати, а не прелести.

Видя это, следует с самого начала обучать ум в час молитвы, чтобы он находился в верху сердца и зрел в глубину, его, а не был бы на половине сбоку или на конце снизу. Причина же, по которой следует так поступать, такова: когда ум стоит сверху сердца и внутри его действует молитву, тогда, как царь, сидящий на высоте, взирает совершенно свободно на все пресмыкающиеся внизу злые помыслы и разбивает их о камень имени Христова, как вторых вавилонских младенцев. Притом же, будучи столь удален от чресл, может во всяком случае избежать похотного жжения, существующего в естестве нашем чрез преступление Адама. Если же кто начинает творить внимание в молитве на половине сердца от персей, то, или от случающегося оскудения теплоты сердечной, или же по изнеможению ума и притуплению зрения под влиянием частого действия молитвы, или по причине воздвигнутой врагом брани, ум сам по себе ниспадает к чреслам и смешивается с похотною теплотою, хотя и невольно, по причине сближения с нею, при совершении молитвы на половине сердца.

Некоторые же, по наивной нерассудительности или, лучше сказать, не зная, что такое верх или середина сердца и что такое половина и конец его, начинают творить молитву снизу, на конце сердца, при чреслах, и, таким образом, касаясь умом частию сердца и частию чресл, по собственной вине вызывают прелесть, как обаятели змею, ибо невозможно избежать общения с врагом тем, кто таким образом держит внимание.

Другие же, страдая окончательным неразумием и грубостию, не знают даже самого места сердечного, находящегося под левым сосцом и боком, но, полагая его среди пупа чревного, дерзают – увы, их прелести! – там совершают умом молитву. Научаясь из этих примеров, следует, как сказано, совершать умом внимание и молитву внутри сердца сверху от сосца, а не на половине от персей, и тем более, не снизу от чресл.

Также необходимо распознавать умным чувством и теплоту в молитве: какая изливается в сердце от Бога, как миро благовонное, чрез св. крещение, и какая привзошла к нам от преступления прародителей, и какая возбуждается диаволом.

Первая теплота только в самом сердце с молитвою начинается и в сердце же оканчивается с молитвою, подавая душе удостоверение и плоды духовные. Вторая же имеет начало и конец в почках, принося душе жесткость, студеность и смущение. Третья, возникая от смешения с похотным жжением, распаляет сердце и члены блудным сладострастием, пленяя ум в скверные помыслы и привлекая к блудному совокуплению, что каждый тщательный делатель может скоро заметить и распознать. И хотя враг, говорит Григорий Синаит, внутрь чресл и покушается по своему желанию призрачно представлять духовное, вместо теплоты духовной наводя свое жжение, вместо веселия возбуждая радость бессмысленную и сласть мокротную, и побуждает принимать обольщение как действительную благодать, но время, опыт и чувство научают его распознавать.

«Если же прелесть познается временем, опытом и чувством, то не следует страшиться или сомневаться, призывая Бога», – говорит тот же святой. Если же некоторые и совратились, повредившись в уме, то знай, что они потерпели это от высокоумия и самочиния. Не для устрашения или отогнания нашего от священного делания умной молитвы, написали св. отцы много о прелести, под различными видами и предложениями постигающей делателей, но в предостережение наше и для распознавания прелести и лукавого действия сатаны, и ради этого и повелевают всем борющимся со страстями держаться непадательного пути царского, живя в пустыне вдвоем или втроем, где, имея брат брата добрым советником и исследуя день и ночь Свящ. Писание, могут, благодатию Христовою, непрестанно обучаться этому умному деланию.

Некоторым же из многих неизвестно откуда пришло в голову, будто бы нынешним монахам уже не подаются действия Св. Духа, как прежним: уже прошли, говорят, те времена. Но это только преткновение так говорящих: ибо так сказали св. отцы о знамениях и чудесах, ради которых бывает некоторое умаление веры, по слову Христа, «блаженны не видевшие и веровавшие», а не о прекращении действий Св. Духа. Эти дары всякому верному несомненно подаются в св. крещении и

неистребимо в нас пребывают, если даже мы и не чувствуем их, будучи умерщвлены грехами. И должны мы соблюдением заповедей и призыванием Иисуса Христа, живущего в сердцах наших, воспринять сие дарование и видеть умом сказанное нами прежде, что закон духовный мы носим написанным на скрижалях сердец наших, сподобляясь непосредственно, по образу херувимов, беседовать со Христом чистою сердечною молитвою.

Поэтому несправедливо, выдумывая извинение грехам, обвинять время или Бога в оскудении действия Св. Духа. Но, возложив всю вину на трех злейших исполинов: неверие, леность и небрежение, – перестанем лгать и, держась истины, приступим без сомнения к обучению умного делания, отвергнув от себя и еще трех главных противников: самолюбие, сребролюбие и тщеславие, вместе с которыми и другие страсти можем истребить из наших душ.

Прежде же всех в теле подвизающегося и внимающего в молитве начинаются некоторые движения, как бы «взыграния» под кожей, и они некоторыми принимаются за прелесть. Появляется теплота от почек, как бы опоясывая, и она также принимается за прелесть, но это не прелесть, а естественное действие, порождаемое свойством подвига. Если же кто-нибудь прославляет эту теплоту как благодатную, а не естественную, то это несомненно прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающийся не должен ее принимать, но отгонять и отметать. Приходит и другая теплота от сердца, и если ум при этом снисходит в блудные помыслы, это прелесть воистину. Когда же все тело от сердца растеплевается, ум же остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутреннейшей глубине сердца, то это есть несомненно действие благодати, а не прелести. Иногда же у испытывающих такое состояние появляется и пот от обильной теплоты, бывающей в теле. И тогда подвижется от сердца святое действие, взимающее как бы лист некий от сердца, и движущее ум от внутренних, как бы прильпнувший к самому тому Божественному действу, чтобы вопиять часто: «Иисусе мой, Иисусе мой». Так именно, во отвержении сердца только это вопиет ум: «Иисусе мой!» – и не

может все произнести ум, то есть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – от частых отвержений сердца, но только: «Иисусе мой». Те же, которые говорят, что в таком устройении совершают всю молитву, прельщаются. Ибо, когда ум прилепится, как уже сказано, Божественному действованию, войдя во внутреннейшее сердца, не может взывать больше, как только: «Иисусе мой!». Тогда, подлинно, от этой святой молитвы рождается в сердце и благоговейный страх, когда нисходит великое утешение в душу от святого действования. И тогда скачет, и истекает сладостная слеза от сердца, и сладостно течет из очей, и это есть радостопечалие. Вскипает же тогда сердце от многого оно священнодействия, и бывает все тело распалено и ум в благоговейном страхе взывает: «Господи, помилуй». И, как елей в полном сосуде, сильно разогреваемый огнем, от многого кипения льется чрез край, так бывает и в сердце, когда оно возгреется от Божественного действия, изливает теплоту и на тело и делает его распаленным, и тогда переживающий это чувствует, как все внутренности его готовы выскочить вон. Совершаются и другие некоторые чудесные тайны с имеющим указанное устройство: бывает иногда и свет, с помощью которого делатель созерцает внутри себя просвещение, озаряющее его, как солнце, и источающее от сердца свет. Бывают внутри сердца и другие таинства, но не могу их описать: видит ум все творение и, ужасаемый движением святого действия и созерцанием Божественных таинств, воссылает из глубины сердца славословия, которых не могу изобразить писанием. Весь человек становится тогда обоженным этим Божественным движением, вне всего вещественного и чувственного, и как бы охваченным неудержимой радостью, подобно напоенному вином. И после ум восхищается в Божественное видение и видит страшные таинства, о которых не могу писать подробно. Видит ум видения Божественные, видит и наслаждение праведных, райские красоты. Еще выше ум видит на небе страшные и преславные таинства и, поскольку возвышается человек от прилетов бесовских, постольку видит еще больше из того, что дает ему Дух, Которому слава во веки. Аминь.

## Предисловие к книге блаженного Исихия

Жизнь и учение св. отцов в некоторой степени уподобляются внешней заботливости людей о всех необходимых телесных потребностях, ибо научившийся всяким искусствам и ремеслам приобретает чрез них все необходимое для его жизни; другой, усердно занимаясь земледелием, в разнообразных его видах, получает все, что потребно для его дома; некоторые же, рассудительнейшие, вместо тех и других искусств и промыслов, приобретают один корабль или один виноградник и от них получают все нужное для себя, без всякой суеты и скорбей, бывающих в жизни от неудачного и неправильного занятия промыслом.

Подобное этому случается и в жизни духовной. Одни из св. отцов, принимая во внимание немощи вновь приходящих к монашеству, назначают им вместе с деланием заповедей Христовых продолжительное псалмопение, каноны и тропари, установленные Духом Святым в славословие Божие и правило монахам. Другие же, изучив тончайший опыт духовного разума, не хотят, чтобы новоначальные довольствовались одним только внешним обучением, но, заповедуя им вместе с исполнением заповедей Христовых умеренное пение, т. е. полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, устанавливают вместо продолжительного псалмопения и канонов делание умной молитвы, прибавляя к этому, что если посетит их Св. Дух действием сердечной молитвы, то несомненно оставлять тогда указанное внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва; таковые (отцы) отчасти, но не вполне преподают умное делание, говорит св. Григорий Синаит. Третьи же, руководствуясь многим опытом и исследованием житий и писаний всех святых и в особенности же действием и премудростью Св. Животворящего Духа, устанавливают новоначальным общее, а не частное обучение, или делание умной молитвы, называя ее укрощением страстей в делании заповедей Христовых и разделяют ее на два начала, как второй

рай, источающий из себя океан и разделяющий на две струи, т. е. на делательную и зрительную молитву.

И, таким образом, они повелевают все старание иметь об умном делании, уделяя весьма мало времени для пения, на случай уныния, ибо, говорят они, часы и песнопения церковные преданы всем вообще христианам, а не тем, кто хочет безмолвствовать. Впрочем, должно сказать, что некоторые преуспевают, следуя и тому постановлению св. отцов, о котором сказано вначале, однако очень медленно и с трудом, вторым же удобнее и легче, а третьим скорее всего, ибо оно сопровождается отрадою и частым посещением Св. Духа, укрепляющим и удостоверяющим сердце, в особенности же при тщательнейшем усердии и доброй воле, а не от принуждения, по страху пред законом. Таковой делатель старается о молитве ради одной только сладости сердечной и утешения духовного, а не ради чего-либо иного и бывает ему одна эта внутренняя молитва вместо всех внешних деланий, назовешь ли ты их – правило, или пение, или моление, или поучение, ибо все это в ней одной вмещается. Памятование же смерти или, лучше сказать, чувство суда, и мук вечных, и Божия определения сплетаются с нею, как отрасли одного и того же дерева. Поэтому одною только этою молитвою, как от одного корабля или виноградаря, о чем было сказано, может каждый безмятежно направлять всю свою жизнь.

Как же эта святая молитва срастворяется с заповедями Господними и прогоняет бесов и страсти? И еще: как небрегающий о заповедях и не заботящийся об умном делании, но усердствующий в одном только пении, увлекается страстями и подпадает вечному мучению?

Преступление заповедей Господних одинаково замечается во всех, однако многообразно осуществляется, о чем и скажу сейчас следующее: полагает кто-нибудь себе начало не нарушать заповеди, не допускать движения страсти, но, по некоторым обстоятельствам, или смущению, или брани, случается ему кого-нибудь оскорбить, или оскорбиться, или осудить, или разгневаться, или тщеславием победиться, поспорить и оправдываться, или празднословить, или солгать,

пресытиться или опиться, помыслить скверное, или увлечься страстью и т. п., что все есть явное преступление заповедей и падение души. И когда, такими грехами охваченный, он дерзает предстать пред Богом, в тот же час начинает упрекать себя, с покаянием припадать к Богу умною молитвою от всего сердца, да простит его и подаст ему помощь, чтобы не впасть ему снова в те же согрешения. И таким образом полагает начало сохранить заповеди и блюсти свое сердце от злых прилогов в молитве, боясь и трепеща, да не лишится из-за них Царства Небесного. Другой же, напротив, не имея готовности хранить заповеди и нисколько не заботясь о том, падает он или стоит, полагая, что по нынешним временам никто не соблюдает заповедей и не заботится о том, чтобы не нарушать их, и что всякий, вольно или невольно предстоит пред Богом и повинен бывает в тонком действии страстей и грехов, и потому не хочет обо всем этом заботиться, как о вещи невозможной, считая ответственными только такие грехи, как прелюбодейство, блуд, мужеложество, скотоложество, убийство и татьба, отравы и подобные этим смертные и главные грехи. Соблюдая себя от них, думает о себе, что он стоит (не падая).

Такому отцы сказали: лучше падать и восставать, нежели стоять и не каяться. Итак, здесь достойно удивления, как оба они, находясь под теми же всечасными грехами, не одинаковы пред Богом и, думаю, пред духовными людьми. Один из них совершенно не знает такового падения и восстания, хотя страсти и действуют, как о том будет сказано ниже. Другой же падает и встает, побеждается и побеждает. Иной подвизается и трудится, но в конце концов побеждается действием страсти. Иной не хочет отвечать оскорбительно, но увлекается привычкою. Иной старается не сказать отнюдь ничего обидного, но скорбит о том, что ему досадили, однако осуждает себя за то, что скорбит, и кается в этом. Иной же не огорчается оскорблением, но и не радуется (о нем). Все эти сопротивляются страсти, ибо произволением своим остановили страсть и не хотят по ней действовать, но скорбят и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дело, которого душа не хочет, бывает маловременно.



Хочу сказать и о тех, которые искореняют страсть. Иной радуется, когда его оскорбляют, но потому, что имеет в виду награду. Он принадлежит к искореняющим страсть, но не с разумом. Другой радуется, получая оскорбление, и думает, что он должен был претерпеть оскорбление, потому что сам он подал повод к тому: сей разумно искореняет страсть. Иной же не только радуется, когда его оскорбляют, и почитает виновным в этом самого себя, но и сожалеет о смущении оскорбившего его – Бог да введет нас в таковое устроение! Скажу вам притчу, кому подобен тот, кто действует по страсти и удовлетворяет ее: он подобен человеку, который, будучи поражаем от врага своего стрелами, берет их собственными руками и вонзает в свое сердце. Сопrotивляющийся же страсти подобен осыпаемому стрелами от врага своего, но облеченному в броню и не получающему ран. А искореняющий страсть подобен обстреливаемому, но берущему стрелы и ломающему их или возвращающему в сердце врагу. Бог да даст нам силу, чтобы мы, если и не искореняем страсть, то по крайней мере не действовали бы по ней и сопротивлялись бы ей.

Итак, следует разуместь, что св. Дорофей, располагая к таковому сопротивлению и поруганию страстей, указывает к этому путь одних только заповедей. А так как здесь сказано, что сопротивляющийся страсти уподобился обстреливаемому врагом, но облеченному в броню и не получающему ран, то, если он остается неуязвимым, какая причина будет у него, чтобы воздерживаться от умного делания? Ибо это священное делание, соединившись с исполнением заповедей, не большее ли принесет преуспеяние, чем исполнение одних заповедей? Для более же ясного понимания обоих этих образов жизни здесь будет сказано о каждом в отдельности. Первый, подчиняя себя закону, исполняет свое только пение; второй же, понуждая себя на умное делание, имеет всегда с собою имя Иисуса Христа в потребление врага и страстей со злыми помыслами. Тот радуется, если только окончит пение; этот же благодарит Бога, если в тишине, свободно от злых помыслов, молитву действует. Один усердствует о количестве; другой же о качестве. У того, спешащего выполнить пение количеством, появляется скоро

радостное мнение, полагаясь на которое, он, не ведая призывания Господа Иисуса Христа, питает и растит внутреннего фарисея, если не внимает себе. У этого же, заботящегося о качестве молитвы, бывает познание своей немощи и помощи Божией.

Моляся или, лучше сказать, призывая Господа Иисуса на прилоги врагии и на страсти и злые помыслы, он видит их гибель от страшного имени Христова, и понимает Божию силу и помощь, и снова, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познает свою немощь, так как не может противостоять им собственными силами. И в этом состоит все его правило и житие. Если же враг покушается смущать и его радостным мнением – фарисея, однако находит его готовым призывать Христа на этот прилог, равно как и на все злые помыслы, и не достигает враг никакого успеха против него. Но скажет кто-нибудь, что можно и тому (первому) призывать Христа на такие прилоги. Да, можно. Однако, как каждый по опыту знает, теперь нет такого обычая, чтобы кто из делателей вместе с исполнением своего правила обучался молиться об избавлении от злых помыслов. Таковые наиболее не принимают того, что говорится или пишется о внутреннем внимании, в котором и есть искусство моления на злые помыслы. И не только не принимают, но и сопротивляются и, выставляя себя учителями, говорят, что св. отцы не заповедали новоначальным умного делания, кроме одного псалмопения, тропарей и канонов, действуемых устами и языком. И несмотря на то, что они говорят и учат об этом неверно, все их слушают, потому что для такового их моления не требуется обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, если только захочет, может так молиться, будет ли он монах или мирянин.

Священное же умное делание, которое есть славное и богоугодное искусство из искусств и в котором нельзя иметь успеха без отречения от мира с его похотями и без долгого наставления и обучения, весьма поэтому оскудело среди монахов, и неутихающая брань бывает у незнающих силы Свящ. Писания, в особенности же у не искусных в умном внимании по внутреннему человеку.

При всем этом следует опасаться правых и левых уклонений, т. е. отчаяния и дерзости.

Видя же здесь написанное, что у обучающихся умному деланию бывают случайные, не намеренные, невольные преткновения и падения, называемые св. отцами повседневными грехами, да не усомнимся в этом, ибо по мере каждого бывает и преуспевание его и ниспадение от доброго к противоположному, смотря по тому, будут ли то новоначальные, средние или почти совершенные.

И, с другой стороны, слыша о великом милосердии Божиим к нам грешным, мы не должны самонадеянно и бесстрашно, без великого смирения и посильного исполнения заповедей стремиться к этому умному священнодействию, но, разумея, что дерзость и отчаяние бывают от врага, решительно избегать и того и другого, таким образом, тщательно изучая Свящ. Писание и советуясь с опытными, смиренно обучаться сему умному деланию. К сведению же нужно прибавить и то, что великим оружием на врага и злые похоти является памятование смерти, или геенны и вечных мук, или Страшного суда, истязателей воздушных мытарств, или Царствия Небесного и радости святых и прочее, подобное этому. Однако все это нам, страстным и бесчувственным, очень слабо, без умного внимания и призывания имени Иисуса Христа. Ибо хотя такие воспоминания в победивших нечувствие и могут угашать похоти плоти и истреблять злые помыслы в душе, однако страшное имя Иисуса Христа имеет несравненно большую силу истреблять все это в сердце и в уме. Поэтому, когда умное делание соединено с указанным памятованием, тогда с большей силой действуем, придавая и самой молитве немалый успех. Особенно же и сами просияваем от молитвы, когда изгоняются от ума тьма и мгла страстей именем Иисуса Христа.

В дополнение ко всему здесь написанному прилагается и следующее от слов Анастасия Синайского, который сказал: «Разумеваем и размышляем о принимающих Св. Тайны Тела и Крови Господних, что они имеют малые некоторые человеческие и легко извинительные грехи, как то: языком, слухом, или окрадываемые зрением, или тщеславием, или печалию, или

яростию, или чем-либо подобным, но осуждают себя и, исповедуясь Богу, принимают Св. Тайны, – веруем, что во очищение грехов бывает таковым приятие св. Тайн». В том же разуме и в той же мере нужно полагать и о падениях, приключающихся обучающимся деланию умной молитвы. А так как, по словам отцов, умная и священная молитва есть ключ к уразумению писаний, не хотящие же ей обучаться, очевидно, не совсем могут постигнуть силу Свящ. Писания и Отеческого, то от этого некоторые, противоборствуя говорящим малое или многое о трезвении умном, ссылаются на писания отцов, будто сначала нужно очистить телесные чувства, т. е. зрение, обоняние, вкушение, слово и осязание, чтобы не согрешал ими человек, и тогда только, хорошо очистившись, начинать умную молитву.

Таковым отвечаем так: «Друзья! Никто не против очищения телесных чувств, но говорим о том, что если отделять очищение чувств от умного делания, получится большое несогласие».

Прежде всего св. Исихий говорит так: «Бога бойся и заповеди Его храни, чувственно и умно, если умно понудишь себя хранить, то мало-помалу и чувственно на делание их взойдешь». И еще: «Если не сотворит человек воли Божией и не сохранит закона Его посреде чрева, т. е. посреди сердца, то и вне не может он это сделать». И Симеон Новый Богослов сказал: «Св. отцы, зная, что при внутреннем делании удобно и все внешние добродетели выполнить, оставили наружное делание и все усердие приложили к внутреннему блюдению».

Ты же, друг, устанавливаешь расстояние и время, отделяя хранение внешних чувств от обучения умной молитве, и тем свидетельствуешь, что не знаешь порядка сердечного делания. Знающие же опыт умной молитвы не разделяют временем одно от другого, но устанавливают одновременное и совместное их обучение: погружая ум в час молитвы внутрь сердца, укрощают волнение чувств, не попуская уму восходить на них, а оттого, что ум не восходит на чувства телесные, они пребывают не занятыми вне, через это подают великое безмолвие уму и сердцу, и вместе с тем и сами блюдением ума мало-помалу обучаются не востекать на плотские похоти. Да будет же

известно и то, что нет недостатка ни времени, ни предмета для тех, кто любит спорить об этом. Ибо и еще остается им написанное Новым Богословом, что желающему обучаться умному деланию необходимо сначала сохранить свою совесть к Богу, людям и вещам. Я же верую, что в один час или минуту может человек примирить свою совесть с Богом, людьми и вещами, как учит великий учитель, ибо жала, т. е. голоса совести, умное делание не уничтожает, и никому не полезно уклоняться от этого доброго обличителя. Вижу же и того великого грешника, который шел во святой храм окруженный бесами, а вышел из храма со святыми ангелами, радующимися его обращению. Ты же от крайнего зазрения совести устанавливаешь расстояние и время примирению ее с Богом и этим показываешь, что достижение бесстрастия бывает прежде обучения умному деланию или выше его. И отсюда у тебя выходит, что ты не только не начнешь когда-либо умного трезвения, но и от самих Святейших Тайн будешь уклоняться. Ибо никто, не примирившись прежде с Богом, не приступает к причащению.

Не говорю же я это тебе, человек, о примирении совести от себя, но самое исповедание св. отцов предлагаю. Ибо они, насколько ближе приближались к Богу, настолько видели себя большими грешниками, и не будут ли, по твоему мнению, и сами святые не примиренными совестью с Богом? Но ты скажешь, что по причине смирения так говорили о себе святые. Прекрати хитросплетенную речь и покорись по крайней мере голосу святых правил: «Если кто скажет, что святые ради смирения и принимая вид грешных говорили «остави нам долги наша», – анафема да будет».

Впрочем, если кто хочет получить правильное понятие об этом, да верует, что Бог создает сначала тело Адаму, потом и душу, и не было промежутка времени между творением того и другого, но вместе разумно созданы были, хотя и иначе думал об этом Ориген.

Таким же образом и хранение телесных чувств наших и примирение совести с Богом разумно вместе с умным вниманием действует, хотя и иначе представляется не

знающим силы и опыта внутреннего делания. Не удивляйся, благочестивый читатель, что со стольким возражением составилось это предисловие, ибо против дыхания ветра протягивается и парус. Ибо во времена св. отцов, когда было много ревнителей, желавших проходить это умное делание по самочинию и дерзости, было время и труд останавливать их дерзость и бесчиние, дабы не бесстрашно бросались к нему. Теперь же, когда такое учительство пришло в крайнее забвение и пренебрежение и многие начинают ратовать и справа и слева, и извращать путь этого внутреннего делания, и стараются сверху и снизу засыпать его землею, чтобы сделать его совершенно никому не ведомым, существует крайняя необходимость так писать о нем и предложить все это пред чтением святой книги Исихия Иерусалимского, в которой находится не другое что, как только разумение и наставление на путь священного умного делания. И желающий обучаться ему прежде всего пусть понимает и исполняет сказанное св. Максимом: «Дай телу по силе его и весь труд твой на ум обрати». И еще: «Телесные добродетели приятны, если кто со смирением их проходит, без этого же суетен труд». Еще: «Не все старание имей о плоти, но противопоставь пределом ее силе воздержание и весь ум твой обрати на внутреннее, ибо телесное обучение мало полезно, внутреннее же внимание всегда полезно есть». Исихий же святой сказал об этом: «Кто не имеет понятия о шествовании духовным путем, тот не заботится о страстных помыслах, ни об исправлении их, но все попечение и заботы имеет только о теле. Такой или объедается и бесчинствует, печаливается, и гневается, и припоминает обиды, и, таким образом, помрачает ум, или, предаваясь безмерному воздержанию, смущает ум». И еще св. Диадокх сказал: «Как обременяемое множеством яств тело делает ум каким-то боязливым и склонным к злу, так ум, изнемогающий от многого воздержания, делает унылою и нелюбимою зрительную часть. Поэтому необходимо соразмерять питание с состоянием телесных сил: когда тело здорово, – утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, питать его несколько. Ибо подвижающемуся не следует ослабевать телом, но, насколько

нужно, быть способным к подвигам». И опять Лествичник: «Видел, – говорит, – враждебницу (утробу) эту упокоиваемой и подающей уму бодрость...» Ибо нам нужно иметь тело здоровое, а не расслабленное, т. к. умное делание требует и телесной крепости. Поэтому необходимо всеми силами избегать и безмерного поста, и невоздержания. Каждому же, кто желает иметь опытное и рассудительное справедливое мнение о посте и о мере принятия пищи, т. е. о количестве ее и качестве, предлагается указание об этом св. Григория Синаита, который говорит об этом так: «Понуждающему себя и желающему обрести Бога достаточно литры хлеба и воды или вина в течение дня три или четыре чаши и от прочих снедей, какие случаются, от всех вкушать понемногу, не допуская себя до насыщения, чтобы и возношения избежать, и не возгнушаться Божиими добрыми творениями, за все благодаря Бога». Таково рассуждение мудрых! Немощным же верую или, лучше, душою воздержание от снедей более полезно, и апостол таковым повелевает зелие ясти, так как они не веруют, что Бог сохранит их. Вкушение пищи имеет три предела: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть алкать немного и поевши; доволь – ни алкать, ни отягощаться; сытость – отягощаться немного. А по насыщении и еще есть – дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, все это рассмотрев, выбери приличное по силе твоей, не преступая пределов, ибо совершенным свойственно и то, чтобы, по апостолу, и насыщаться и алкать и во всем мощными быть.

Наконец, следует вспомнить еще и то, что опытные в умном делании признают неудобным для новоначальных и страстных псалмопение, чтобы им всегда молиться за грехи свои или на злые помыслы и страсти, по причине многого разнообразия слов, возводящих то к славословию Божию, то к созерцанию тварей, или домостроительства и промысла Божия, или мук вечных и обетований, или предвечности и непостижимости и других подобных вещей, к каковым страстный и немощный ум не может возвыситься. И вследствие этого помысл, впадая в мечтания, соблюдает одно только количество, следствием чего обычно бывает радостное мнение и самохваление сердечное, о

чем св. Иоанн Лествичник, зная это опытно, сказал: «Не старайся многословить, чтобы ум твой не разбегался в изыскании слов. Одно слово мытаря умилиствовало Бога, и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника. Многословие очень часто рассеивает ум и наполняет его мечтаниями, а малословие хорошо его собирает». И справедливо написал Новый Богослов, что по умалении страстей пение естественно дается языку. Ибо как и воспоет кто-нибудь песнь Господню на земле чужой, т. е. в страстном сердце? И притом, кто не хочет обучаться умному деланию, тот прежде всего не может знать первоначальной степени: что такое прилог, что сочетание, пленение и страсть. И не зная этого, не знает и своего падения и восстания; не имея же такового опыта, лишается и всечасного покаяния; не имея же постоянного покаяния, не знает своей немощи; лишенный же сознания немощи, чужд бывает сердечного сокрушения и исповедания пред Богом; а без этого не может прийти в страх Божий; а не имея страха Божия, не знает, как всегда молиться за грехи свои, но, как барщину, соблюдает только количество в своем пении. Такой же чин умного делания изобразил и св. Кассиан, говоря: «О тех же меньших грехах, которыми и праведник семь раз в день падает и восстает, всегда нам должно сетовать и каяться. Ибо повседневно неведением, или забвением, или невольно, или от нужды, или от немощи плотской, хотя и нехотя, согрешаем, по апостолу: «Не еже бо хочу творю» (Рим. 7, 15). И опять: «Окаянен аз человек! Кто мя избавит от тела смерти сея» (Рим. 7, 24).

Каждый, кто обучился умному деланию, всякий раз как, он молится, лучше же сказать, творит молитву Иисусову, – за грехи свои или против злых помыслов, как сказано, молится, и да не поет много псалмов. Потому что поющие много не понимают, что поют, сказал Новый Богослов, ибо петь много повелено было тем, кто не постигает того, что поет. Подобно и св. Исаак сказал: «Хочешь ли напиться от стихословия твоей службы? – Совершенно оставь количество и не поставляй в нем меру разумности». А св. Григорий Синаит сказал: «Одни учат петь много, другие – мало, ты же не много пой, но подражай мало



поющим. Ибо много петь свойственно деятельным, а не безмолвствующим, ибо по образу жизни нашей подобает и пению нашему быть ангельскому, а не плотскому, чтобы не сказать языческому. Петь голосом и восклицанием предано нам ради лености нашей и неведения, и никто из святых не принял на себя большого труда, чтобы слагать слова и писания об одном псалмопении. Ибо какая нужда много писать о том, что все, не только монахи, но и мирские люди знают и могут петь сколько пожелают, как уже было сказано?

Об одной же той краткой и в пяти словах заключающейся молитве, по апостольскому слову: а) Господи, б) Иисусе, в) Христе, г) помилуй, д) мя, – св. Исихий написал двести глав, ничего другого не изложив в них, как только одно блюдо ума и эту священную молитву Иисусову.

Подобным же образом и свв. Иоанн Златоуст, Игнатий, Фотий и Каллист, бывшие преемственно патриархами Константинопольского престола, каждый в отдельности, написали целые книги, исполненные глубокой мудрости, об этой единой, краткой молитве и внимании, как сказал св. Симеон, архиепископ Солунский, который и сам приложил к святой своей книге до шести глав, повелевая духовным и мирским людям творить, как свое дыхание, умом и устами эту священную молитву. Тому же учат и свв. Нил Постник, Иоанн Лествичник, Филофей Синаит, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Никита Стифат, Диадок, Петр Дамаскин, Григорий Синаит, Варсонофий, Филимон, Исаак Сирий и после них Нил Сорский.

Все они и многочисленные другие сочинили многие главы о священном и умном делании, потому что, взирая на его неудобопостижимую глубину, стремились один за другим яснейшим образом показать нам путь его. Ибо оно (умное делание) не только мирянами, но и самими монахами не постигается удобно, не так, как внешнее пение, о котором уже сказано. И как корабль, стоящий у берега, каждый человек может нагружать и разгружать, не испытывая при этом никакого препятствия и недоумения, кроме одного только труда, когда же отправят его в море нагруженным, тогда один только искусный кормчий может править им, таким образом должно разуместь и

разницу между пением внешним и умною молитвою. Надлежит, свв. отцы и братия, повиноваться учению стольких св. отцов, учащих о священном делании умном, а не по примеру осла, вертящего жернов, топтать однообразный круг продолжительного пения, не желая идти по истине простым путем предобрейшего умного безмолвия и молитвы. Святые же имели такое усердие об этом священном делании, что повелевают даже молиться за не знающих этого умного света сердечного, просвещающего именем Христа Бога нашего.

Впрочем, не сомневайся никто, прекращая долгое пение, будто бы от этого лишаешься монашеского правила. Как верующие во Христа исполнили весь закон, хотя и оставили его, так и переменяющие многое пение на священное умное делание исполняют все свое правило. И, как закон отсылает всех ко Христу, полагая в этом свое назначение, так и псалмопение, сообщая нам предварительное обучение, возводит к сердечному вниманию и молитве, хотя само и умалывается, ибо оно достигло желаемого. Если же кто из не знающих опытно священного умного делания и не желающих ему обучаться, измышляя разные причины, станет говорить или сочинять противное настоящему предисловию, таковой пусть прочтет упоминаемые здесь св. книги, которые написали или святейшие патриархи, или же преподобные отцы, в особенности же и эту настоящую книгу св. Исихия. И верую Богу, что он успокоит свою душу или же, как неисцельно больной, обратит свою хулу на св. отцов, так написавших, лучше же сказать, на Св. Духа, говорившего чрез них, и это не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий, по слову Господа. Аминь.

Ответив посильно недугующим сомнением и противоборствующим возражениями и правой, и левой стороны, нужно приступить к недоконченному, взяв слово из благовествования Евангельского, которое говорит: «Господи, недоброе ли семя сеял еси?.. Откуда убо имать плевелы?» (Мф. 13, 27). Ибо, как невозможно не подкрадываться злу к добру, так и к этому священному умному деланию приплетается прелесть, подобно плющу к дереву. Имеет же она начало от мнения и самочиния, врачевство которым смирение,

исследование Свящ. Писания и совет духовный, а не уклонение от обучения умному деланию. Ибо св. Григорий Синаит говорит, что не должны мы бояться или сомневаться, призывая Бога, если же некоторые и совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали от самочиния и высокоумия. Причина же высокоумия заключается в безрассудном и безмерном посте, когда постящийся думает, что совершает добродетель, а не для целомудрия постится, как сказал св. Дорофей; к тому же дает повод и уединенная жизнь. И, опровергая первую причину, этот святой говорит: «Потому-то царским путем всегда и должен идти безмолвствующий, так как излишествующему во всем всегда легко сопутствует мнение, которому преемницей бывает прелесть». Отсекая же вторую причину, говорит: «Сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и обнажать на них меч, т. е. слово Божие». Самый же вид и дело прелести заключается, во-первых, во вражеском участии в похоти внутренних чресл и, во вторых, в призраке в мечтании ума. Предостерегая от первого, он говорит: «Хотя враг внутри чресл и покушается, по своему желанию, показывать вид духовного, вместо теплоты духовной наводя свое жжение и вместо веселия возбуждая радость бессмысленную и сласть мокротную, и побуждает признавать свою прелесть как благодать действующую, но время, и опыт, и чувство обнаруживают его». Показывая же опасность второго, научает, говоря: «Ты же, когда безмолвствуешь, никогда не принимай, если что увидишь чувственно или умно, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или ангела, или вид святого, или свет, или огонь и прочее. Здесь опять оживает претыкатель и, набросившись, сделает умное делание причиною прелести».

Думают, что прелесть внешнему пению не примешивается, однако несомненно, что во всем, в пении ли или в молитве, одинаково прелесть имеет место по неискусству делателей, как сказал св. Иоанн Лествичник: «Испытаем, и рассмотрим, и измерим: какая сладость происходит в нас при псалмопении от блудного беса и какая от духовных слов и от заключающейся в них благодати и силы». И еще: «Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, чтобы она не была срастворена с

отравую». Смотри же, не одинаково ли касается прелесть поющих, как и обучающихся молитве, но так как не знающие умного делания одну только имеют заботу – окончить песненное правило, о помыслах же злых и кипении похоти не заботятся, то по этой причине они и не сознают, когда похоть сама по себе кипит и когда возбуждается к сладострастию вражеским участием, и не знают, как его избежать. Но, как говорит писание, голоса врагов слышат и принимают удары от них, но кто враги и почему они нападают, того не знают, хотя и на хребте их, лучше же сказать, на лице делают грешницы беззаконие. Поняв из этого, что не умное делание бывает причиною прелести, но одно наше самочиние и высокоумие, не следует нам избегать его, ибо оно не прелесть нам приносит, а наоборот, открывает умные очи к различению и познанию прелести, которую никто не может понять во веки, не обучившись этому священному умному деланию, хотя бы он был и превеликий постник и безмолвник. Полезно же знать делателям и о том, что, если когда-нибудь теплота, поднявшись от чресл, сама по себе, без помыслов блудных, и дойдет до сердца, не должно ужасаться этому, ни малодушествовать, но только одним изволением и умом отвращаться от нее и, как непотребную, прогонять обратно. Но если кто примет ее или помыслит как благодатную, – прельстится.

Самое же необманчивое действие для новоначальных в молитве заключается в том, чтобы в сердце начинать умную молитву и в сердце кончать так, чтобы уму покрываться во глубине сердечной, а не в похотной части, как сказал св. патриарх Каллист. Больше же всего должно наблюдать с самого начала, чтобы внимание в час молитвы не находилось на половине сердца, тем более ниже сердца, но сверху, глубину внутренности сердца да хранит ум. Причина же этому в том, как это познано опытом, что если совершающий молитву ум от середины персей взирает на половину сердца, то, хотя и не хотя, временами касается похотной теплоты, как приближающийся к чреслам. Если же, распознавая ее, и будет отвращаться от нее, однако многий труд и смущение имеет поднять от неискусного своего внимания. Если же кто-нибудь

дерзнет творить внимание снизу сердца, такового ум, возлегши весь на чреслах и оттуда смотря в глубину сердца и совершая молитву, прелюбодействует в сердце своем, распаляя члены свои сладострастием блудным, и добровольно впускает врага внутрь себя, что есть явная прелесть, которой многие в нынешнее время, по неведению, приобщившись и пострадавши от нее, отказались обучаться умному деланию, говоря: это дело одних бесстрастных! И таким образом сделались преткновением и себе, и всем желающим начать это умное внимание. Лучше было бы им, повесив камень на шею, утонуть, чем соблазнять себя и многих делателей, т. к. они не признались в своем неразумии и самочинной дерзости, но еще сделались учителями, говоря, что все, желающие обучаться умному вниманию, так же страдают, – да не будет этого!

Поэтому каждому должно сверху осенять умом сердце и, всегда смотря в глубину сердца, действовать молитву, ибо там есть, по Писанию, среда сердца, а не сбоку от персей, и на ней покоясь, как царь на высоте престола, ум может всегда удаляться от чресл и теплоту похотную прогонять обратно, в особенности же с высоты ее различать всех пресмыкающихся пред собою внизу и одних отвращать, других изгонять, третьих же, как младенцев вавилонских, убивать о камень, который есть Христос.

## Предисловие к книге блаженного отца Нила Сорского

Св. отцы, поучая одними заповедями Христовыми преодолевать страсти и очищать сердце от злых помыслов, определяют иметь делателям, как два крепчайших оружия, следующее: страх Божий и память присутствия Божия, по сказанному: «Страхом Господним всяк уклоняется от зла» и «Предзрех Господа предо мною выну, да не подвижуся». Предлагают, кроме того, иметь память смерти и геенны, а также чтение Свящ. Писания.

Хорошо все это добродетельным и благоговейным мужам, на нечувственных же и окамененных и сама геенна и даже осязательное явление Самого Бога не наведет никакого страха. К тому же и самый ум в новоначальных монахах скоро притупляется к памятованию таковых и бежит от них, как пчела от запаха дыма.

Память о них хороша и полезна в час борьбы, однако кроме этого добра открыли духовнейшие и опытнейшие отцы еще и другое, большее и несравненное добро, могущее помочь даже и очень немощным.

И подобием и образом первого добра являются мелющие в жерновах своими руками и силою, второго же добра – мелющие на мельнице при помощи воды и разного рода изобретений. Как вода сама по себе приводит в движение колеса и камень, так и пресладкое имя Иисусово, соединенное с памятью соприсутствующего в нем Бога, во всей полноте живущего в Иисусе, воздвигает ум на молитву, о чем свидетельствует великий в богословии Исихий, говоря: «Душа, благодетельствуемая и услаждаемая Иисусом, с какою-то радостью, и любовью, и исповеданием воссылает хвалу Благодетелю, благодаря и призывая Его с веселием». И еще: «Как невозможно жить нынешнею жизнью без пищи и питья, так невозможно без хранения ума достигнуть душе чего-либо духовного и Богу угодного или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и принуждал себя не грешить». И еще:

«Помыслы, против воли нашей втеснившиеся, укрепившиеся и стоящие в сердце, может прогонять лишь молитва Иисусова из глубины сердца».

Опытом постигший тайну такового порядка и обучения умной молитве великий старец преподобный отец наш Нил, пустынник Сорский<sup>1\*</sup>, составил настоящую книгу, показывая в ней начало умного делания, и нашу победу, и одоление невидимых противников. Ибо первым способом (без умного внимания), хотя и достигался бы некоторый успех, однако очень медленно и с трудом. Вторым же этим способом труженик скоро и легко приближается к Богу, сказал св. Григорий Синаит. Там бывает одно внешнее моление, поучение и делание заповедей, здесь же и то, другое: внешнее и внутреннее хранение.

Итак, когда новоначальный монах по отречении от мира и совершения великих и смертных грехов, дает обет пред Богом уклоняться не только грехов малых повседневных и простительных, о которых Сам Господь заповедал непрестанно молиться, но и действования самих греховных страстей и злых помыслов и, войдя умом своим внутрь сердца, начнет призывать Господа Иисуса на всю силу вражью и на всякий злой помысел или, если по немощи своей примет вражие внушение, но, преступив заповеди Христовы, припадет ко Господу с сердечною молитвою, каясь, укоряя себя, и в таком состоянии будет находиться даже до своей кончины, падая и вставая, побеждаясь и побеждая и прося день и ночь защиты от противника своего, – не будет ли такому дана непостыдная надежда получить спасение? Ибо бывают, как учит опыт, у подвижающихся падения (не к смерти), мысленные и чувственные, как то: мыслию, яростию и похотию, от тричастного состава души, – или чрез чувства телесные, т. е. зрением, слухом, словом, вкусом, осязанием и обонянием. И нет возможности даже и самым великим мужам избежать до конца этих повседневных грехов не к смерти, начало которых в слове, мысли, неведении, забвении, неволе, воле, случае, каковые и прощаются вседневною благодатию Христовою, как сказал св. Кассиан. Если же кто по малодушию скажет, что св. Кассиан думает так об одних только святых, очищающихся

благодатию Христовою от таковых ежедневных грехов, а не о новоначальных и страстных, пусть будет место и такому мнению. Однако рассуждать и решать об этом должно по преимуществу на основании святых писаний, которые уясняют, каким образом каждый новоначальный и страстный осуждается за эти повседневные грехи и страсти, подвергаясь вечной муке, и как он может снова получить благодатию Христовою прощение, как и все святые, ежечасным покаянием и исповеданием пред Богом.

«Есть, – говорит св. Дорофей, – действующий по страсти, которой, услышав одно слово, раздражается и отвечает пятью или десятью словами на одно, и враждует, и раздражается, и, по миновании огорчения, продолжает помышлять злое на сказавшего ему обидное слово, и, злопамятуя на него, печалится, что не сказал больше того, что уже сказано, и готовит про себя еще более жестокие слова, чтобы сказать ему, и все время сожалеет: почему не ответил ему так-то, и скажу ему еще так-то, – и всегда гневается. Это – одно устройство, когда держать злобу становится обычаем. Бог да избавит нас от такого устройства! Ибо оно подлежит вечному мучению. Есть же и другой, который раздражается от одного слова и тоже отвечает пятью или десятью словами на одно, и скорбит, что не сказал еще три других более обидных слова, и печалится, и помнит зло. Но проходит немного дней, и он изменяется: иной пребывает в таком состоянии неделю и затем перестает, а другой ограничивается только одним днем, иной же досаждаёт, враждует, раздражается и раздражает и тотчас изменяется. Вот сколько различных устройств, и все они находятся под осуждением ада, пока продолжают действовать».

Из всех этих примеров, равно и из других, ясно можно видеть, почему страстный не может очиститься вседневною благодатию Христовою от грехов, почитаемых малыми и не смертными.

Надлежит же решить теперь, при каких обстоятельствах бывают простительны новоначальным и страстным таковые грехи. Тот же св. Дорофей сказал: «Бывает, что иной скорбит сам в себе, когда услышит что-нибудь обидное, но не потому,



что принял досаждение, а потому, что не перенес обиды. Такой имеет устройство подвизающихся, сопротивляющихся страсти. Другой подвизается и трудится, напоследок же побеждается силою страсти. Иной не хочет отвечать злом, увлекается же привычкою. Иной налагает на себя подвиг не говорить ничего худого, но скорбит о полученной обиде и упрекает себя за то, что скорбит и кается в этом. Другой, хотя и не скорбит о том, что получил досаждение, но и не радуется. Все эти суть сопротивляющиеся страсти: они своею волею борются со страстью, не хотят действовать по страсти и скорбят и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дело, которого не хочет душа, скоропреходяще. Скажу же вам и притчу, кому подобен действующий по страсти и принимающий ее: он подобен человеку, который будучи поражен от врага своего стрелою, берет эту стрелу собственными руками и вонзает в свое сердце. Сопротивляющийся же страсти подобен осыпаемому стрелами врага своего, но облеченному в броню и потому не получающему ран. Такой, хотя и страстен, однако может благодатию Христовою получить прощение в тех вседневных грехах, которые не по намерению, но невольно бывают, и о которых Господь заповедал св. Петру прощать до седмидесяти крат седмерицею на каждый день».

Подтверждая это, св. Анастасий Синаит говорит: «Познаваем и размышляем о принимающих Св. Тайны Тела и Крови Господней, что если и имеют некоторые малые и легко извинительные грехи, как то: языком, слухом или зрением будучи соблазнены, или тщеславием, или печалию, или яростию, или чем-либо подобным, каясь в этом и исповедаясь Богу, и таким образом принимают Св. Тайны, веруем, что в очищение грехов бывает им принятие Св. Тайн». Подобно сему сказал и св. Пимен: «Предпочитаю человека согрешившего и кающегося – не согрешающему и не кающемуся».

А так как в начале говорилось об искуснейшем преодолении страстей умною молитвою и заповедями, то надлежит уже изложить яснейшим образом и самый ход умного сражения со страстями. Итак, находит ли искушение врага в виде какой-либо страсти или злого помысла, призывает делатель Христа на него

– и погибает диавол с прилогом его. Падает ли кто, по немощи, мыслию, или словом, или яростию, или пожеланием плотским – умоляет Христа, исповедаясь и каюсь Ему. Охвачен ли бывает унынием и печалью, стесняющими его ум и сердце – обращается к памятованию смерти, и геенны, и вездесущего Бога и, немного над этим потрудившись, призывает Христа. Потом, обретая мир от брани, снова молит Христа быть милостивым к нему за грехи вольные и невольные и чистосердечно в час брани и мира душевного прибегает ко Христу, и бывает ему Христос всем и во всех как добрых, так и злых приключениях. И не увлекается таковой мнением, что он совершает какой-то подвиг, молясь или угождая Богу, ибо все его моление имеет своим началом и концом страх пред мучениями и покаяние в грехах, ибо иной есть смысл внешнего моления и иной – внутреннего. Тот, исполняя пение количеством, уповает на Бога; оставляя же его, осуждает себя; этот же, уязвляемый своею совестью в ежечасных грехах, о которых было сказано, и терпя нашествие вражеских искушений, всегда взывает ко Христу, нося в уме следующее изречение: «Если взойдешь и на всю лестницу совершенства, молись об оставлении грехов». И еще: «Хочу пять слов произнести умом, нежели тысячу языком» (1Кор. 14, 19). И таким образом, без всякого сомнения, выполняет указанное св. Дорофеем сопротивление страстям, и даже большее нечто, т. к. святой только до скорби устанавливает сопротивление страстям, приводя и притчу, что таковые подобны обстреливаемым врагом, но облеченным в броню и не получающим ран. Принял же это святой от пророка: вот, говорит, поскорбел и отошел печальным, и исцелю пути его. Также и Златоуст сказал: «Если только поскорбишь о грехах, и то ты получишь великое облегчение». Здесь же не одна только скорбь, но и молитва, и сокрушение, и покаяние, и намерение доброе на хранение заповедей, и воздыхание, и исповедание. Подобно этому и самая молитва на сон грядущим поучает, говоря: «Аще именем Твоим кляхся, или похулих е в помышлении моем, или кого укорих, или оклеветах кого гневом моим, или опечалих, или о чем прогневахся», – и прочие

воспоминания о грехах простительных и невольных, случающихся обучающимся умному деланию. Видя эти повсечасные грехопадения и полагая, что всякий, обучающийся этому священному деланию, должен быть чист от таковых, многие не хотят даже и очей своих возвести к умному деланию, но это не так, как уже и было показано. Разве только кто волен поступать по страстям своим, и тогда те же самые страсти и грехи одному бывают к жизни, другому же к смерти, один приходит от них в смирение и познание своей немощи и в покаяние, другой же, от дерзости своей, в ожесточение и погибель вечную. Если же кто скажет, что можно и без умного делания очиститься от таковых грехов чрез благодать Христову покаянием, тому, повторив все здесь написанное, дается такой ответ: о ты, таковой человек, положи передо мною с одной стороны заповеди Христовы, с другой же постоянную молитву об оставлении грехов наших. Дай же мне и истинное намерение не преступать даже и одной заповеди, т. е. не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, делать добро ненавидящим, молиться за творящих напасть, также уклоняться сластолюбия, сребролюбия, блудных помыслов, печали, тщеславия и непослушания и просто всех грехов и помыслов злых. И с таким намерением приступи к обучению умному деланию и внимай прилежно, сколько раз ежедневно, вопреки своему намерению, ты преступишь заповеди и сколькими грехами, страстями и злыми помыслами будешь уязвлен. Возьми себе в пример и ту вдовицу, которая день и ночь припадала к судье, и начни взывать ко Христу ежечасно, за каждую заповедь, тобой нарушенную, и за всякую страсть и злой помысл, какими ты побеждаешься. Возьми ко всему этому доброго советника, Свящ. Писание. И, пробыв некоторое время в таких благочестивых занятиях, прииди и преподай мне, что увидишь в душе твоей. Разве и сам ты не признаешь как невозможную вещь достигнуть такого внимания лишь внешним молением, помимо единого умного делания? Ибо оно одно обучает своего делателя таковым таинствам и возвещает душе его, что, оставляя многое псалмопение, каноны и тропари и все усердие

обращая на умную молитву, он не погубляет своего правила, но, напротив, умножает его. И как закон имел силу и намерение приводить всех ко Христу, хотя через это он как бы и умалялся сам, так и многое пение отсылает делателя к умной молитве, а не простирается на всю монашескую жизнь. Да и самый опыт такового (пения) учит человека, когда он, молясь, чувствует некоторую преграду между собою и Богом, как бы медную стену, по пророку, не позволяющую уму его ясно взирать к Богу в молитве, ни сосредоточивать внимания в сердце, в котором вместились все силы душевные и источник помыслов добрых и злых...

## **Главы об умной молитве прп. Паисия Величковского**

## Предисловие

Дошел слух до меня последнего, что некоторые из монашеского звания<sup>2\*\*</sup> дерзают хулить Божественную, приснопамятную и боготворную Иисусову, умом в сердце священнодействуемую молитву, назидая таковое свое языкоболие на песце суетумудрия, без всякого свидетельства. Вооружает их, дерзаю сказать, на это враг, чтобы их языками, как своим орудием, опорочить это пренепорочное и Божественное дело и слепотою их разума помрачить это мысленное солнце. Поэтому, оплавав такое зломудрие этих заблуждающих от чрева и глаголющих лжу (Пс. 57, 4) и опасаясь, чтобы кто-нибудь из не утвержденных в разуме, слыша такие их баснословия, не впал в подобный им ров злохуления и смертно не согрешил пред Богом, похулив учение премногих богоносных отцов наших, свидетельствующих и учащих о сей Божественной молитве из просвещения Божественной благодати, к тому же и не терпя более слышать хульные речи на это пренепорочное делание и, вдобавок, убеждаемый просьбою ревнителю этого душеспасительного делания, решился я, хотя это и превышает немощный мой ум и слабые силы, призвав на помощь сладчайшего моего Иисуса, без Которого никто не может что-нибудь делать, в опровержение лжеименного разума пустоумных и на утверждение богоизбранного стада о имени Христовом собравшихся в нашей обители братьев, написать мало нечто о Божественной умной молитве выписками из учения святых отцов для твердого, непоколебимого и несомненного о ней удостоверения.

Будучи прах и пепел, преклоняю мысленные колена сердца моего пред неприступным величеством Твоей Божественной славы, и молю Тебя, всесладчайший мой Иисусе, едиnorodный Сыне и Слове Божий, Сияние славы и Образ Ипостаси Отчей! Просвети помраченный мой ум и помысл и даруй Твою благодать окаянной душе моей, чтобы этот труд мой послужил во славу пресвятого Твоего имени и в пользу тем, кои хотят, чрез умное и священное делание молитвы, умно прилепляться

Тебе, Богу нашему, и Тебя, бесценного Бисера, непрестанно носить в душе своей и в сердце, и на исправление тех, которые по крайнему своему неведению дерзнули похулить это Божественное делание!

## **Глава 1. О том, что умная молитва есть делание древних святых отцов, и против хулителей этой священной и пренепорочной молитвы**

Пусть будет известно, что это Божественное делание священной умной молитвы было непрерывным делом древних богоносных отцов наших и на многих местах пустынных и в общежительных монастырях как солнце просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе, в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима, и, просто сказать, на всем Востоке, в Цареграде, на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христовою, и в Великой России. Этим умным вниманием священной молитвы многие из богоносных наших отцов, разжегшись серафимским пламенем любви к Богу и по Боге к ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих и, очистив свои души и сердца от всех пороков ветхого человека, удостоились быть избранными сосудами Св. Духа. Исполнившись Его различных Божественных даров, они явились по своей жизни светилами и огненными столпами для вселенной и, соделав бесчисленные чудеса, делом и словом привели неисчетное множество человеческих душ ко спасению. Из них-то многие, подвигшись тайным Божественным вдохновением, написали книги своих учений об этой Божественной умной молитве, по силе Божественных Писаний Ветхого и Нового Завета, исполненные премудрости Св. Духа. И это было по особенному промыслу Божию, чтобы как-нибудь в последние времена это Божественное дело не пришло в забвение. Из этих книг многие, Божиим грехов ради наших попусшением, истреблены сарацинами, покорившими Греческое царство, некоторые же, по смотрению Божию, сохранились до наших времен.

На помянутое Божественное умное делание и хранение сердечного рая никогда никто из правоверующих не дерзнул произнести хулы, но всегда все относились к нему с великою честью и крайним благоговением, как к вещи, исполненной



всякой духовной пользы. Но начальник злобы и супостат всякого благого дела – диавол, видя, что наиболее чрез это делание умной молитвы монашеский чин, избирая благую часть, сидит неотторжною любовью у ног Иисусовых, преуспевая в совершенство Его Божественных заповедей, и чрез то делается светом и просвещением миру, начал таять завистию и употреблять все свои козни, чтобы опорочить и похулить это душеспасительное дело и, если можно, совершенно истребить с лица земли. И то, как сказано выше, чрез сарацин, во всем ему подобных, истреблял книги, то в чистую и небесную этого делания пшеницу насеивал свои душетленные плевелы, чтобы посредством безрассудных нанести на это спасительное дело хулу тем, что самочинники, касавшиеся этого делания, ради своего возношения, вместо пшеницы пожинали терние и вместо спасения находили погибель. И этим еще диавол не удовольствовался, но нашел в Итальянских странах Калабрийского змия, предтечу антихристового, гордостию во всем подобного диаволу, еретика Варлаама, и, поселившись в нем со всею своею силою, подвиг его хулить нашу православную веру, как об этом подробно пишется в Постной Триоди, в синаксаре второй Недели св. Великого поста. Между прочим дерзнул он различно, и языком и рукой, хулить и отвергать и священную умную молитву, как пишет об этом в своей священной книге, в главе 31, иже во святых отец наш Симеон, архиепископ Фессалонитский, которого и подлинные слова предлагаю здесь, говорящего так:

«Этот окаянный Варлаам многое хулил и писал и на священную молитву, и на Божественную, что на Фаворе (Мф. 17, 5), благодать и осияние. Не поняв, и даже не способный понять (да как и постигнуть это тому, кто умом осуетился и в мечтании мысли с гордым соединен?), что значат слова: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5, 18), ни того, что значат слова: «Помолюся духом, помолюся же и умом» (1Кор. 14, 15), также: «Воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Кол. 3, 16), и что: «Посла Бог Духа Сына Своего (т. е. благодать) в сердца ваша, вопиющая: Авва Отче» (Гал. 4, 6), также: «Хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы

словес языком» (1Кор. 14, 19), – он отверг и умную молитву или, лучше, призывание Господне, которое есть и исповедание Петра, исповедавшего: «Ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Мф. 16, 16), и предание самого Господа, говорящего во Евангелии: «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, даст Вам» (Ин. 15, 16), также: «Именем Моим бесы ижденут» (Мк. 16, 17) и прочее. Ведь имя Его есть живот вечный: «Сия же, – говорит, – писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его» (Ин. 20, 31), – и Духа Святого преподает призывание Христова: «Никто не может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1Кор. 12, 3) – да и тысячекратно об этом сказано».

Что же успел своим начинанием началозлобный змей с сыном погибели, треклятым еретиком Варлаамом, которого, как я сказал, научил он на хуление против священной умной молитвы? Возмог ли его хулением помрачить свет этого умного делания и, как он надеялся, до конца истребить? Никак. Но болезнь его обратилась на главу его. В то время великий поборник и предстатель благочестия, пресветлый между святыми, отец наш Григорий, архиепископ Фессалонитский, Палама, который в совершенном послушании и непрестанном священном упражнении умной молитвы, как солнце, просиял на св. Афонской горе дарованиями Св. Духа, еще прежде возведения на архиерейский престол этой Церкви, в царствование Божественнейшего царя Андроника Палеолога, в царствующем граде, во именитом великом храме Премудрости Божией, на Соборе, собравшемся против вышепомянутого еретика Варлаама, исполнившись Духа Божия, облекшись в непреоборимую силу свыше, отверстые на Бога уста того заградил и в конец посрамил и все его хуления огнедуховенными словами и писаниями сжег и в пепел обратил. И всею Соборною Божиею Церковию этот Варлаам еретик с Акиндином и всеми своими единомышленниками трижды предан анафеме. Но и доныне тою же Церковию ежегодно в Неделю Православия, вместе с прочими еретиками, он проклиняется так: «Варлааму, и Акиндину, и последователям, и преемникам их – анафема (трижды)».

Глядите здесь, други, дерзающие хулить умную молитву, и рассмотрите, кто был первый ее хулитель: не еретик ли Варлаам, трижды Церковью преданный анафеме и имеющий проклинаться во веки? Не приобщаетесь ли и вы вашим злохулением этому еретику и его единомышленникам? Ужели не трепещете душою вашею подпасть подобному им церковному проклятию и быть отчужденными от Бога? Восставая на священнейшее дело и соблазняя вашим злохулением души не утвержденных в разуме ближних ваших, ужели не ужасаетесь страшной за это в Евангелии Божией грозы? Разве не боитесь, по слову апостольскому: «Страшно есть впасти в руке Бога живаго» (Евр. 10, 31), подпасть за это, если не покаетесь, и временной, и вечной казни? Какую благовидную причину изобрели вы, чтобы похулить эту пренепорочную и блаженнейшую вещь? Совершенно недоумеваю. Призвание ли имени Иисусова, думается вам, бесполезно? Но и спастись о ином ком нет возможности, токмо о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым действуется молитва, порочен? Но это невозможно. Ведь Бог создал человека по образу Своему и по подобию; образ же Божий и подобие – это душа человека, которая, по созданию Божию, чиста и непорочна, значит, и ум, будучи начальнейшим душевным чувством, как и в теле зрение, также непорочен. Но не сердце ли, на. котором, как на жертвеннике, ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы, заслуживает хулы? Никак. Будучи создание Божие, как и все человеческое тело, оно – прекрасно. Если же призывание Иисусово спасительно, а ум и сердце человека суть дело рук Божиих, то какой порок человеку воссылать из глубины сердца умом молитву к сладчайшему Иисусу и просить от Него милости? Или не потому ли вы хулите и отвергаете умную молитву, что вам думается, будто Бог не слышит тайной, в сердце совершаемой молитвы, но слышит только ту, которая произносится устами? Но это хула на Бога, ведь Бог сердцеведец и в точности знает все, самые тончайшие сердечные мысли, и даже будущие, и знает все как Бог и Всеведец. Да и Сам Он требует, как чистой и непорочной жертвы, именно такой тайной молитвы,

воссылаемой из глубины сердца, заповедав: «Ты же, егда молишия, вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» (Мф. 6, 6), – каковые слова Христовы уста, всемирное светило, вселенский учитель, св. Иоанн Златоуст, в Беседе 19 на Евангелие от Матфея, богоданного Св. Духа премудростию, относит не к той молитве, которая произносится одними только устами и языком, но к самой тайной, безгласной, из глубины сердца воссылаемой молитве, которую он учит совершать не действиями тела и не криком голоса, но усерднейшим произволением, со всякою тихостию, с сокрушением мыслей и внутренними слезами, с душевною болезнью и затворением мысленных дверей. И приводит в свидетельство об этой молитве из Божественного Писания боговидца Моисея, и св. Анну, и праведного Авеля, говоря так: «Но болезнуешь ли душой? Не можешь и не вопить, потому что молиться и просить так, как я сказал, свойственно очень болезнующему. И Моисей, болезнуя, так молился и болезнь его слышалась, почему и говорил к нему Бог: «Что вопиеш ко мне?»» (Исх. 14, 15). И Анна, опять, исполнила все, что хотела, а глас ее не слышался, потому что вопияло ее сердце. Абель же не молча ли, и даже скончавшись, молился? И кровь его испускала глас, превосходнейший гласа трубы. Стени и ты так же, как и св. Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не ризы. Из глубины призови Бога: «Из глубины, – говорит, – возвах к Тебе, Господи», – снизу, из сердца привлеки глас, сделай молитву твою таинством». И ниже: «Ведь не человекам молишься, но Богу вездесущему, слышащему прежде голоса и знающему мысли произнесенные, если так молишься, получишь великую мзду. «Отец твой, – говорит, – видяй в тайне, воздаст тебе яве». И ниже: «Так как Он невидим, то хочет, чтобы и молитва твоя была такою же».

Видите ли, друзья, что, по свидетельству непреоборимого столпа Православия, есть другая, кроме произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как чистую жертву, приемлет Господь в

вою благоухания духовного, радуется о ней и веселится, видя, что ум, который по преимуществу должно посвящать Богу, соединяется Ему молитвою. Зачем же на эту молитву, свидетельствуемую Христовыми устами, святым, говорю, Иоанном Златоустом, вооружаете хулою свой язык, хуля, злословя, ненавидя, ругаясь, отвергая и отвращаясь, как от какой вещи скверной, и, кратко сказать, не терпя и слышать? Ужас и трепет объемлет меня по причине такого бессловесного вашего начинания.

Но и еще, изыскивая причины вашей хулы, спрашиваю вас: не потому ли хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, случилось вам видеть или слышать, что кто-нибудь из делателей этой молитвы исступил ума, или принял какую-нибудь прелесть вместо истины, или потерпел какой-нибудь душевный вред, и потому возмнилось вам, будто умная молитва служит причиною такого вреда? Но нет, нет! На самом деле, это вовсе не так. Священная умная молитва, по силе писаний богоносных отцов, действуемая Божией благодатию, очищает человека от всех страстей, возбуждает к усерднейшему хранению заповедей Божиих и от всех стрел вражиих и прелестей хранит невредимым. Если же кто дерзнет действовать эту молитву самочинно, не по силе учения св. отцов, без вопрошения и совета опытных, и, будучи надменен, страстен и немощен, живет без послушания и повиновения и к тому же гоняется единственно за пустынножитием, которого, за свое самочиние, он и следа видеть не достоин, таковой, воистину, и я утверждаю, удобно впадает во все сети и прелести диавольские. Что же? Молитва ли эта причиною такой прелести? Никак. Если же вы за это порочите мысленную молитву, то пусть будет для вас порочен и нож, если бы случилось малому ребенку, играя, по причине неразумия, заколоть себя им. Также, по-вашему, нужно запретить и воинам употребление воинского меча, который они принимают против врагов, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя своим мечом. Но, как нож и меч не служат причиною ни одного порока, но только обличают безумие заклавших себя ими, так и меч духовный, священная, говорю,

умная молитва неповинна ни одному пороку, но самочиние и гордость самочинников служат причиною бесовских прелестей и всякого душевного вреда.

Но к чему еще, как будто недоумевая доселе, спрашиваю у вас причины вашего злохуления на эту священную молитву? Знаю наверно, о други! Знаю самую существенную причину вашего языкоболия: 1) не по заповеди Божией, т. е. не с испытанием, ваше чтение Свящ. Писаний; 2) недоверие учению св. отцов наших, учащих о сей Божественной умной молитве богоданною себе (им) премудростию Духа, по силе Свящ. Писаний; 3) наконец ваше крайнее невежество: вы или, может быть, не видели и не слышали о ней никогда писаний богоносных отцов наших, или, если не это, то силы богомудрых их слов вы отнюдь не разумеете, – вот самая существенная причина такого вашего зломудрия.

Если бы вы со страхом Божиим и крепким вниманием и несомненною верою с трудолюбным испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, приличествующие наиболее к чтению одним монашествующим, содержащие в себе весь разум жительства Евангельского, – отеческие, говорю, книги, которые так же необходимы монахам для душевной пользы и исправления и для стяжания истинного, здорового, непрелестного и смиренномудрого разума, как для составления телесной жизни необходимо дыхание, если бы вы так читали эти книги, то никогда не попустил бы вам Бог впасть в такой ров злохуления. Более: чрез это делание Он разжег бы вас Своею Божественною благодатию в неизреченную Свою любовь, так что и вы с апостолом вопияли бы: «Кто ны разлучит от любве Божия» (Рим. 8, 35), в которую мы сподобились достигнуть мысленным деланием этой молитвы? И вы не только не хулили бы ее, но и душу свою усердствовали бы положить за нее, ощутив от этого умного внимания самым делом и опытом неизреченную душам своим пользу. А как вы книг преподобных отцов наших с несомненною верою не прочитываете, или, и читая, не доверяете, как это показывают плоды вашего хуления, или совсем пренебрегаете читать, то и впали вы в такое богопротивное мудрование, что, как бы никогда не слышавшие

христианских писаний, вы хулите и отвергаете эту священную молитву, свидетельствуемую, по богомудрому объяснению св. отцов, всем Свящ. Писанием.

А чтобы избавиться вам и всем, сомневающимся о ней, от такого душевного вреда, не нахожу другого приличнейшего врачевства, кроме того, что постараюсь, сколько Господь мне Своею благодатию поспешит и поможет, указать, что богоносные отцы наши, просвещенные Божественною благодатию, утверждают здание душеполезного своего учения об этой всесвященной, умом в сердце тайнодействуемой молитве, на недвижимом камени Свящ. Писания. Вы же, увидев сами явно и ясно, при содействии тайно коснувшейся душам вашим благодати Божией, истину учения св. отцов и исцелившись от этого душевного вашего недуга, принесите Богу о вашем поползновении искреннейшее покаяние и сподобитесь Его Божественной милости и совершенного прощения вашего согрешения.

## **Глава 2. Откуда эта Божественная умная молитва имеет начало, и какие свидетельства богоносные отцы приводят о ней из Священного Писания**

Прежде чем указать, откуда эта Божественная молитва имеет самое первое начало, нужно предложить к сведению следующее: пусть будет известно, что, по писанию святых и богоносных отцов наших, есть две умные молитвы: одна – новоначальных, принадлежащая деянию, а другая – совершенных, принадлежащая видению; та – начало, а эта – конец, потому что деяние есть восхождение видения. Должно же знать, что по св. Григорию Синаиту, первых видений – восемь, которые пересчитывая, он говорит так: «Говорим, что имеются восемь первых видений. Первое – видение Бога безвидного, безначального и несозданного, Причины всего, единой Троицы и пресущественного Божества. Второе – чина и устройства умных сил. Третье – устройства чувственных тварей. Четвертое – смотрительного снисхождения Слова. Пятое – всеобщего воскресения. Шестое – второго и страшного пришествия Христова. Седьмое – вечного мучения. Восьмое – Царствия Небесного, не имеющего конца». Предложив это, извещаю по мере худости моего немощного разума, в какой силе должно разуметь деяние и видение. Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди, на совершенное душою и телом по Богу повиновение, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти, – весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием, но никак не видением. Если же таковой умный подвиг молитвы и назывался бы где в



писании святых отцов зрением, то это по обыкновенному наречию, потому что ум, как душевное око, называется зрением.

Когда же кто Божией помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по св. Исааку, чистая молитва, от которой – ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своею введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по св. Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом (Григорий Синаит. Гл. 130). Таково рассуждение о деятельной и зрительной молитве. Но уже время показать, откуда Божественная умная молитва имеет свое начало.

Пусть будет известно, что, по неложному свидетельству богомудрого, преподобного и богоносного отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю Самим Богом дана первозданному человеку умная Божественная молитва, приличествующая совершенным. Св. Нил, научая молившихся усердно-мужественно хранить молитвенный плод, чтобы труд их не был напрасен, говорит так: «Помолившись как должно, ожидай того, чего не должно, и стань мужественно, храня плод свой. Ведь на это определен ты сначала: делать и хранить. Потому, сделав, не оставь труд нестрогом, в противном случае ты не получил никакой пользы от молитвы» (Гл. 49).

Объясняя эти слова, российское светило, прп. Нил, пустынник Сорский, как солнце просиявший в великой России умным деланием молитвы, как это явствует из его богомудрой книги, говорит так: «Этот святой привел это из древности: чтобы делать и хранить, потому что Писание говорит, что Бог, сотворив

Адама, поместил его в рай делать и хранить рай. И здесь св. Нил Синайский делом райским назвал молитву, а хранением – соблюдение от злых помыслов по молитве». Также и прп. Дорофей говорит, что первозданный человек, помещенный Богом в рай, пребывал в молитве... Из этих свидетельств явствует, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости делать сады бессмертные, т. е. мысли Божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, по св. Григорию Богослову. И это есть не что иное, как только то, чтобы он, как чистый душою и сердцем, пребывал в зрительной, одним умом священнодействуемой, благодатной молитве, т. е. в сладчайшем видении Бога, и мужественно, как зеницу ока, хранил ее, как дело райское, чтобы она никогда в душе и сердце не умалялась. Велика поэтому слава священной и Божественной умной молитвы, которой край и верх, т. е. начало и совершенство, даны Богом человеку в рай, оттуда она имеет свое и начало.

Но несравненно большую стяжала она славу, когда более всех святых Святейшая, Честнейшая херувимов и Славнейшая без сравнения серафимов, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во святая святых, умною молитвою возшла на крайнюю высоту боговидения и сподобилась быть пространым Селением Невместимого всею тварию ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова и от Нее, человеческого ради спасения, безсеменно родившегося, как это свидетельствует непреодолимый столп Православия, иже во святых отец наш Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский, в Слове на Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Он говорит, что Пресвятая Дева Богородица, пребывая во святая святых, и разумев совершенно из Свящ. Писания, читаемого каждую субботу, о гибели чрез преслушание человеческого рода, и исполнившись о нем крайнего сожаления, приняла умную к Богу молитву о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Предлагаю здесь и самые слова этого св. Григория, достойные ангельского разума, немногие из многих: «Это Богоотроковица Дева слыша и видя, возымела жалость к общему с Ней

человеческому роду и размышляла о том, как бы найти исцеление и врачевание, равносильное такому страданию. Вскоре Она решилась – обратиться всем умом к Богу – и восприняла о нас эту молитву, чтобы понудить Непонужденного и скорее привлечь Его к нам, чтобы Сам Он отстранил проклятие, остановил огонь, растлевающий пажить души, и, исцелив немощное, соединил с Собою Свое творение. Таким образом Благодатная Дева, усмотрев Себе приличнейшее и свойственнейшее во всяком естестве, полагала умную молитву как чудную и преславную и лучшую всякого слова. Изыскивая же, как бы художественно и свойственное побеседовать к Богу, она приходила к Нему, саморукоположная или, лучше, богоизбранная Молитвенница». И ниже: «Не видя же ничего из проявленного людьми прежде Нее, что точно указывало бы на это, – простирается со тщанием крепко к молению, новотворит большее и совершеннейшее, и изобретает, и действует, и последующему за этим преподает деяние как высочайшее восхождение к видению, видение же столько большее пред вышесказанным, сколько истина выше мечтания. Но, собравшись все в себя и очистив ум, услышьте о величии таинства: я хочу сказать слово, пользующее все христоименитое собрание, наиболее же относящееся к отрекшимся мира. Вкусивший уже ради отречения что-нибудь из тех будущих благ, который и становится с ангелами, и стяжавает жительство на небесах, – этот да возжелает подражать, по силе своей, первой и единой от младенчества отрекшейся мира, ради мира, Приснодевственной Невесте». И ниже: «Ища же, что нужнее всего молитвенникам для собеседования, каковым бывает молитва, Дева находит священное безмолвие, – безмолвие ума, далекость мира, забвение дольного и введение в высшие тайны, на лучшее предложение: это деяние, как поистине восхождение к видению поистине Сущего или, лучше сказать справедливее, к Боговидению, есть как бы краткое указание для души стяжавшего его (деяние) поистине. Всякая другая добродетель есть как врачевание, применительно к душевным недугам и вкоренившимся чрез уныние лукавым страстям, боговидение же есть плод здравствующей души, как

некоторое конечное совершенство и образ богодеяний. И потому человек боготворится не словами или рассудительною умеренностью относительно видимого – все это земное, низкое, человеческое, – но пребыванием в безмолвии, потому что этим мы отрешаемся, и отходим от дольного, и восходим к Богу. Претерпевая молитвами и молениями день и ночь в горнице безмолвного жительства, мы приближаемся как-то и приступаем к этому неприступному и блаженному Естеству. Претерпевающие таким образом, очистившие сердца священным безмолвием и срастворившиеся им неизреченно высшему чувства и ума Свету, в себе, как в зеркале, видят Бога. Итак, безмолвие есть скорое и сокращенное руководство, как успешнейшее и соединяющее с Богом, особенно для держащихся его во всем вполне. А Дева, которая от мягких, так сказать, ногтей пребывала в нем, что – Она? Она, как безмолвствовавшая превышеестественно с такого самого детского возраста, потому одна из всех и породила неискусомужно Богочеловека Слово». И ниже: «Поэтому и Пречистая, отрекаясь самого, так сказать, житейского пребывания и молвы, переселилась от людей и, избежав виновного жития, избрала жизнь никому не видимую и необщительную, пребывая в невходных. Здесь, разрешившись всякого вещественного союза, и оттрясши всякое общение и любовь ко всему, и превзойдя самое снисхождение к телу, Она собрала весь ум в одно с Ним соображение, и пребывание, и внимание, и в непрестанную Божественную молитву. И ею быв Сама в Себе и устроившись превыше многообразного мятежа и помышлений и просто всякого вида и вещи, Она совершала новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу так, мысленное молчание. И, этому прилежа и внимая умом, прелетает все создания и твари, и гораздо лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, и назирает Божественную благодать, не подлежащую нисколько силе чувства, – это благорадостное и священное видение нескверных душ и умов, причастившись которому, Она, по Божественным песнопевцам, бывает светлый Облак живой, поистине, воды, и Заря мысленного дня, и огнеобразная Колесница Слова».

Из этих слов Божественного Григория Паламы имеющий ум может яснее солнца понять, что Пречистая Дева Богородица, пребывая во святая святых, умною молитвою взшла на крайнюю высоту боговидения и отречением для мира от мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием, собранием ума в непрестанную Божественную молитву и внимание и восхождением чрез деяние к Боговидению подала Сама Собою Божественному монашескому чину образец внимательного жительствова по внутреннему человеку, чтобы монахи, отрекшиеся мира, взирая на Нее, усердно тщились, сколько по силе, Ее молитвами быть в вышесказанных монашеских трудах и потах Ее подражателями. И кто возможет по достоинству похвалить Божественную умную молитву, делательницу которой, в образ пользы и преуспевания монахов, наставляемая руководством Св. Духа, как сказано, была Сама Божия Мать?

Но в утверждение и несомненное удостоверение сомневающих о ней, как бы о вещи несвидетельствованной и недостоверной, настает уже время показать, какие свидетельства богоносные отцы, писавшие из просвещения Божественной благодати, приводят о ней из Свящ. Писания.

Непоколебимое основание Божественная умная молитва имеет в словах Господа нашего Иисуса Христа: «Ты же, егда молишия, вниди в клеть твою и, затворив двери твои, помолися Отцу твоему, Иже в тайне, и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» (Мф. 6, 6). Эти слова, как уже сказано в гл. 1, всемирное светило, св. Иоанн Златоуст, богоданною премудростию объясняет относительно безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитвы, приводя в свидетельство из Свящ. Писания боговидца Моисея, и св. Анну, мать Самуила Пророка, и праведного Авеля и кровь его, вопиющую от земли, – что они в молитве своей, не испустив ни одного гласа, были услышаны Богом. Этот великий учитель вселенной, Христовы уста, св. Иоанн Златоуст и отдельно еще изложил, в трех Словах, учение об этой Божественной молитве, как пишет об этом неложный свидетель, блаженнейший Симеон, архиепископ Фессалонитский, в гл. 294 своей книги, которую вся

Святая Соборная Восточная Церковь имеет в великом почитании как столп и утверждение истины.

Огненный же столп и огненные Духа Святого уста, церковное око, Василий, говорю, Великий, объясняя изречение Божественного Писания: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих» (Пс. 33, 1), прекрасно научает о умных устах и умном действии, приводя свидетельства из Свящ. Писания, которого и самые слова, исполненные Божественной премудрости, представляю следующие: «Выну хвала Его во устех моих». Кажется, что пророк говорит невозможное: как может быть хваление Божие в устах человеческих всегда? Когда человек говорит об обыкновенных житейских вещах, тогда он не имеет в устах хвалы Божией, когда спит, молчит, конечно, да и когда ест и пьет, то как уста его могут возносить хвалу? На это отвечаем, что есть некоторые мысленные уста внутреннего человека, коими он питается, причащаясь Слова животного, которое есть Хлеб, сшедый с небесе (Ин. 6, 33). Об этих-то устах сказал пророк: «Уста моя отверзох и привлекох Духа» (Пс. 118, 131). К этому и Господь побуждает нас, чтобы мы эти уста имели пространными, для достаточного приятия истинной пищи, говоря: «Разшири уста твоя и исполню я» (Пс. 80, 11). Поэтому и однажды начертанная и утвердившаяся в разуме души мысль о Боге может именоваться хвалою Божией, всегда находящейся в душе. И, по апостольскому слову, тщательный может все творить во славу Божию, так что всякое дело, и всякое слово, и всякое действие умное, имеет значение хвалы. Аще бо яст праведный, аще ли пьет, аще ино что творит, – вся в славу Божию творит (1Кор. 10, 31). У такого и у спящего сердце бдит». Так говорит св. Василий. Из слов же его явствует, что и кроме телесных уст имеются умные уста, и есть умное действие, и хваление, бывающее всегда мысленно во внутреннем человеке.

Тезоименитый блаженству, египетское или, лучше сказать, всемирное солнце, просиявший неизреченными дарованиями Св. Духа, человек небесный, Великий, говорю, Макарий, в небесных своих словах об этой святой молитве говорит так: «Христианин должен всегда иметь память о Боге, потому что

написано: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего» (Мф. 22, 37). Не только тогда он должен любить Господа, когда входит в молитвенный храм, но и ходя, и беседуя, и вкушая, и пия, пусть имеет память о Боге, и любовь, и желание, потому что Он говорит: «Идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21).

Преподобный и богоносный древний св. отец, Исайя Отшельник, о сокровенном поучении, т. е. Иисусовой молитве, совершаемой мыслию в сердце, приводит в свидетельство слова Божественного Писания: «Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь» (Пс. 38, 4).

Прп. Симеон, свидетельствуемый в вышепомянутой книге блаженнейшего Симеона Фессалонитского, который среди царствующего града, как солнце, просиял умною молитвою в неизреченных дарованиях Святого Духа и поэтому всею Церковию наименован Новым Богословом, – этот в своем Слове о трех образах молитвы пишет о умной молитве и внимании так: «Святые отцы наши, слыша Господа, говорящего, что от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы, и та суть сквернящая человека (Мф. 15, 19–20), и опять слыша, что Он научает очистить внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (Мф. 23, 26), оставили всякое другое дело и подвизались только в этом хранении сердца, зная наверно, что вместе с этим деланием они удобно приобретут и всякую другую добродетель. Без этого же делания невозможно приобрести и удержать ни одной добродетели». Эти слова преподобного ясно показывают, что вышесказанные слова Господа Божественные отцы положили себе свидетельством и основанием хранения сердца, т. е. мысленного призывания Иисуса. Этот преподобный приводит еще во свидетельство Божественной умной молитвы и другие изречения Свящ. Писания, говоря: «Об этом говорит и Екклесиаст: «Веселися, юноше, в юности твоей... и ходи в путех сердца твоего непорочен... и остави ярость от сердца твоего» (Еккл. 11, 9–10), и: «Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави» (Еккл. 10, 4), местом же называет он сердце, как и Господь сказал: «От сердца исходят помышления злая»

(Мф. 15, 19). И опять: «Не возноситеся» (Лк. 12, 29), т. е. не расточайте ума вашего туда и сюда. И опять: «Тесная врата и прискорбный путь вводяй в живот» (Мф. 7, 14), также: «Блаженниции духом» (Мф. 5, 3), т. е. не имеющие в себе ни одной мысли этого века». И ап. Петр говорит: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» (1Пет. 5, 8). И ап. Павел ясно пишет к ефесянам о сердечном хранении, говоря: «Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 12).

Прп. Исихий пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской Церкви, друг и собеседник преподобного и богоносного отца нашего Евфимия Великого, написавший богомудро, из просвещения Божественной благодати, об этом священном мысленном призывании в сердце Иисуса, т. е. о умной молитве, книгу в двести глав, приводит об этом свидетельства Свящ. Писания следующие: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8); «Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония» (Втор. 15, 9); «Во утрии предстану Ти, и узриши мя» (Пс. 5, 4); «Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень» (Пс. 136, 9); «Во утрии избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззакония» (Пс. 100, 8); «Уготовися призывати Бога твоего, Израилью» (Амос. 4, 12). И Апостол: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5, 17), и Сам Господь говорит: «Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во мне не пребудет, извержется вон, якоже розга» (Ин. 15, 5–6), и: «От сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния... суть сквернящая человека» (Мф. 15, 19), также: «Еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех, и закон Твой посреде чрева моего» (Пс. 39, 9), и прочие, которые по множеству оставляю.

Божественный и богоносный отец наш Иоанн Лествичник приводит об этой священной молитве и истинном безмолвии ума свидетельство Божественного Писания, говоря: «Великий великой и совершенной молитвы делатель сказал: «Хощу пять словес умом моим глаголати...» (1Кор. 14, 19)», и опять: «Готово



сердце мое, Боже, готово сердце мое» (Пс. 56, 8), также: «Аз сплю, а сердце мое бдит» (Песн. 5, 2), также: «Воззвах всем сердцем моим» (Пс. 118, 145), т. е. телом и душою, и проч.

Божественный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятая Богородицы, что на Синае, составивший о мысленном хранении сердца малую книжицу глав – бесценных маргаритов Божественной премудрости, преисполненных неизреченной небесной сладости Святого Духа, – полагает в непоколебимое основание своих слов изречения Свящ. Писания: «Воутрия избивах вся грешныя земли» (Пс. 100, 8); «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21); «Уподобися Царствие Небесное зерну горюшичну», и бисеру, и квасу; «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5); «Всяцем хранением блюди твое сердце» (Притч. 4, 23); «Очисти внутреннее сткляницы... да будет и внешнее... чисто» (Мф. 23, 26); «Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 12); «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити. Емуже противитесь тверди верою» (1Пет. 5, 8–9); «Соуслаждаюся закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон противу воющу закону ума моего, и пленяющ мя» (Рим. 7, 22–23) и прочее.

Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский, свидетельствованный в книге вышепомянутого святителя Христова Симеона Фессалонитского, полагает своим словом, исполненным духовной премудрости, коих в Божественной его книге находится сто глав, о умной Иисусовой, в сердце священнодействуемой молитве, следующее основание из Божественного Писания: «Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1Кор. 12, 3); и из Евангельской притчи о купце, ищущем добрый бисер, приводит следующими словами: «Это – многоценный бисер, который может приобрести тот, кто продаст имение свое и о обретении его будет иметь неизглаголанную радость и прочее».

Преподобный отец наш Никифор Постник, свидетельствуемый в той же книге вышепомянутого свт.

Симеона, в слове своем о хранении сердца, преисполненном духовной пользы, уподобляет это Божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу, сокровенному на селе, и называет светильником горящим, приводя изречения Свящ. Писания: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21), «Несть наша брань к крови и плоти» (Еф. 6, 12), также, чтобы делать и хранить (Быт. 2, 15) и прочее.

Блаженный и богоносный отец наш Григорий Синаит, который деланием этой Божественной молитвы взошел в крайнее боговидение и, как солнце, просиял дарованиями Св. Духа в св. Афонской горе и на прочих местах, составивший «Троичны», поемые всякую неделю после Троичного канона в Святой Соборной Восточной Церкви по всей вселенной, также и канон Животворящему Кресту, обнявший писания всех духоносных отцов, составил книгу, исполненную всякой духовной пользы, в которой более всех прочих святых в тонкости учит об этой Божественной умом в сердце священнодействуемой молитве и приводит в подтверждение своих слов из Свящ. Писания следующее: «Помяни Господа Бога твоего выну»; «В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя» (Еккл. 11); «Аще молюся языком (т. е. устами) дух мой молится (т. е. глас мой; знай, что уста и язык, и дух, и глас – одно и то же), а ум мой без плода есть. Помолюся духом, помолюся же и умом...» (1Кор. 14, 14–15) «Хочу пять словес умом моим...» (1Кор. 14, 19), – приводя в свидетеля и Лествичника, относящего эти слова к молитве. Также: «Царствие небесное нудится и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12), «Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1Кор. 12, 3) и проч.

Апостольским стопам последователь, непреодолимый столп православной веры, огненным Духа мечом и истиною православных догматов уничтоживший на Флорентийском Соборе, как паутинные сети, духовоборные ереси латинян, Марк, говорю, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший, митрополит Ефесский, в начале толкования церковного последования, пишет о Божественной Иисусовой молитве, совершаемой тайно умом в сердце, употребляя свидетельства

Божественного Писания, которого и самые богомудрые слова предлагаю следующие: «Следовало бы, по повелевающей заповеди, непрестанно молиться и духом и истиною возносить поклонение Богу, но прилежание о помыслах житейских и узы попечений о теле отводит многих и отстраняет от Царствия Божия, находящегося внутри нас, как возвещает слово Божие, и препятствует пребывать при умном жертвеннике и приносить от себя духовные и словесные жертвы Богу, по Божественному апостолу, говорящему, что мы храм Бога, живущего в нас, и Дух Его Божественный живет в нас. И нет ничего удивительного, если это обыкновенно так бывает со многими, живущими по плоти, когда видим, что некоторые из монахов, отрекшихся мирских вещей, по причине мысленной брани от предприятия страстей и восстающего от того большого мятежа, помрачающего словесную часть души, еще не могут достигнуть чистой молитвы, хотя и сильно этого желают. Усладительны чистая в сердце и непрестанная память Иисуса и бывающее от нее неизреченное просвещение».

Преподобный отец наш российский, св. Нил Сорский, составивший свою книгу о мысленном хранении сердца из учения богоносных отцов, а в особенности из Григория Синаита, употребляет из Свящ. Писания свидетельства такие: «От сердца исходят помышления злая... Сия суть скверняющая человека» (Мф. 15, 19); «Очисти, внутреннее сткляницы» (Мф. 23, 26); «Духом и истиною достоин кланяться Отцу» (Ин. 4, 24); «Аще молюся языком...»; «Хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком» (1Кор. 14, 19), и проч.

Российское светило, святитель Христов Димитрий, митрополит Ростовский, духовным мечом слова уничтоживший, как паутинные сети, заблуждения раскольников и их богопротивный, растленный, и Свящ. Писанию противный разум, написавший многие учения на пользу св. Церкви, исполненные премудрости св. Духа, и составивший слово о внутреннем мысленном делании молитвы, преисполненное духовной пользы, употребляет из Свящ. Писания свидетельства следующие: «Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою...» (Мф. 6, 6); «Тебе рече сердце мое: Господа взыщу: взыска Тебе

лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу»; также: «Царствие Божие внутри вас есть»; также: «Всякою молитвою и молением молящегося на всяко время духом»; «Аще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть»; «Помолюся духом, помолюся же и умом; воспою духом, воспою же и умом» и прочее. Эти слова он, согласно со св. Иоанном Лествичником, Григорием Синаитом и Нилом Сорским, понимает о умной молитве.

Да и самый Устав Церковный, печатанный в царствующем великом граде Москве, предлагая церковное законоположение о поклонах и молитве, приводит и об этой Божественной молитве изречения Свящ. Писания следующие: «Дух есть Бог; и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться» (Ин. 4, 24); «Аще молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть. Что убо есть? Помолюся духом, помолюся и умом, воспою духом, воспою же и умом» (1Кор. 14, 14–15). И опять: «Хощу, – говорит, – в церкви пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком» (1Кор. 14, 19). И приводит в свидетельство св. отцов: св. Иоанна Лествичника, св. Григория Синаита и св. Антиоха, – и отчасти их Божественные учения об этой умной молитве, и наконец говорит: «И этим здесь мы заканчиваем слово о священной и приснопамятной умной молитве». А затем уже говорит и о святой, всем общей молитве, совершаемой по церковному чиноположению.

Вот благодатию Божией показано, что богоносные отцы, умудренные просвещением Св. Духа, основание своего учения о мысленном священнодействии молитвы, тайно совершаемой во внутреннем человеке, полагают на недвижимом камени Божественного Писания Нового и Ветхого Заветов, заимствуя оттуда, как из неисчерпаемого источника, так много свидетельств.

Кто же из правоверующих христиан, видя это, мог бы хоть мало усомниться в этой Божественной вещи? Разве только повинующиеся духу нечувствия, которые слышат и видят, а понять и узнать не хотят. Но те, кои имеют страх Божий и здравый разум, видя такие свидетельства стольких свидетелей, единодушно признают, что это Божественное дело,

преимущественно пред всеми монашескими подвигами, свойственное и приличнее ангельскому монашескому чину. Об этом делании вышепомянутые и многие другие Божественные отцы наши в своих писаниях предлагают многие достослышанные, паче меда и сота сладчайшие, исполненные духовной премудрости слова, научая внутреннему, мысленному против мысленных врагов подвигу: как должно обращать на них этот духовный меч и пламенное непобедимое оружие имени Иисусова, охраняющее сердечные врата, т. е. как должно эту Божественную Иисусову молитву священнодействовать умом в сердце.

Об этом священнодействии сей священной молитвы, особенно же о самых ее начатках, и о том, как опытом должно новоначальным обучаться ей, я последний, по силе моего немощного ума, при помощи Божией должен хоть что-нибудь немного написать из учения св. отцов. И, во-первых, нужно изъяснить о том, что эта Божественная молитва есть духовное художество, потом – какое для занятия ею, по учению св. отцов, требуется предуготовление.

### Глава 3. О том, что эта священная умная молитва есть духовное художество

Да будет известно, что Божественные отцы наши называют это священное мысленное делание молитвы художеством, св. Иоанн Лествичник в Слове 27 о безмолвии, уча о таинстве этой умной молитвы, говорит: «Если ты основательно изучил это художество, то не можешь не знать, что говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если только умеешь, и тогда увидишь, как, когда, и откуда, и сколько, и какие тати приходят, чтобы войти и украсть твои грозды. Страж этот, утомившись, встает и молится, потом опять садится и мужественно принимается за прежнее делание».

Св. Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: «Трезвение есть духовное художество, совершенно, с помощью Божией, избавляющее человека от страстных помыслов и слов и лукавых дел».

Св. Никифор Постник, уча о ней, говорит: «Придите и объявлю вам художество или, лучше, науку вечного, лучше же, – небесного жительства, вводящую делателя своего без труда и безопасно в пристанище бесстрастия».

Художеством же св. отцы, как показано, называют эту святую молитву, думаю, потому, что, как художеству человек не может научиться сам собою без искусного художника, так и этому мысленному деланию молитвы без искусного наставника навикнуть невозможно. Но дело это, по св. Никифору и многим или даже и всем, приходит от учения, редкие же без учения, болезненностью делания и теплотою веры, прияли его от Бога. Церковное правило по уставу и священным церковным книгам, которое православные христиане, мирские и монахи, должны ежедневно, как дань, приносить Небесному Царю, может всякий грамотный устно читать и совершать без всякого учения. А умом в сердце приносить Богу таинственную жертву молитвы, т. к. это духовное художество, без научения, как выше указано, невозможно.

Будучи же духовным художеством, оно составляет и непрестанное делание монахов, чтобы не только отречением от мира и яже в мире, переменою имени при пострижении, особенностью одежды, безбрачием, девством, чистотою, самопроизвольною нищетою, отдельностью пищи и места жительства, но и самым мысленным и духовным по внутреннему человеку вниманием и молитвою, монахи имели отменное и превосходнейшее пред мирскими людьми делание.

## **Глава 4. Какое нужно предуготовление тому, кто желает проходить это Божественное делание**

Насколько больше всякого другого монашеского подвига эта Божественная молитва, которая, по св. отцам, есть верх всех исправлений, источник добродетелей, тончайшее и невидимое во глубине сердца делание ума, настолько и тончайшие, невидимые, едва постижимые для человеческого ума, распростираются на нее невидимым врагом нашего спасения сети многообразных его прелестей и мечтаний. Поэтому усердствующий обучаться этому Божественному деланию должен, по св. Симеону Новому Богослову, предать себя душою и телом в послушание, согласное с Свящ. Писанием, т. е. предать себя в полное отсечение своей воли и своего рассуждения человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его Божественных заповедей и не неопытному в этом мысленном подвиге, могущему, по писанию св. отцов, показать повинующемуся незаблудный путь ко спасению, – путь умного делания молитвы, тайно совершаемой умом в сердце. Это необходимо для того, чтобы истинным послушанием в разуме он мог соделаться свободным от всех молв, и попечений, и пристрастий этого мира и тела. Как же и не быть свободным тому, кто всякое попечение о душе своей и теле возложил на Бога и, по Боге, на своего отца. Смирением же, рождающимся от послушания, по свидетельству св. Иоанна Лествичника и многих св. отцов, возможет он избежать всех прелестей и сетей диавольских и тихо, безмолвно, без всякого вреда, постоянно упражняться в этом мысленном деле, с великим душевным преуспеянием.

Если же бы кто предал себя и в послушание, но не нашел бы в отце своем самым делом и опытом искусного наставника этой Божественной умной молитвы (в нынешнее время – увы! достойно многого плача и рыдания – совсем исчезают опытные наставники этого делания), то не должен он поэтому приходить в отчаяние. Но, пребывая в истинном послушании по заповедям Божиим (а не самочинно и особенно самовольно, без



послушания, чему обыкновенно последует прелесть), возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим пусть, вместо истинного наставника, верою и любовью повинуетя учению преподобных отец наших, изложивших до тонкости учение об этом Божественном делании из просвещения Божественной благодати и отсюда пусть заимствует наставления об этой молитве. И, во всяком случае, благодать Божия, молитвами св. отцов, поспешит и вразумит, как, без всякого сомнения, научиться этому Божественному делу.

## Глава 5. О том, что такое эта священная Иисусова молитва по качеству своему и действию

Положив твердым и непоколебимым основанием этой Божественной молитвы такое предуготовление, т. е. блаженное послушание, время уже показать из учения св. отцов, что такое эта священная молитва по качеству своему и действию. И это для того, чтобы желающий обучаться ее духовному деланию видел, к какому великому и неизреченному преуспеянию во всяких добродетелях возводит она подвижника, и этим поощрялся бы в желании с большим усердием и Божественною ревностью прилепиться священному деланию этой мысленной молитвы.

Св. Иоанн Лествичник в Слове 28 о молитве, в начале, говорит: «Молитва по качеству своему есть общение и соединение человека с Богом, а по действию – утверждение мира, примирение с Богом, мать и опять дочь слез, очищение грехов, мост, проводящий чрез искушения, стена против скорбей, уничтожение браней, ангельское дело, пища всех бесплотных, будущее веселие, беспредельное делание, источник добродетелей, причина дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира на отчаяние, доказательство надежды, прекращение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение раздражительности, зеркало преуспеяния, показание меры, обнаружение состояния, указание будущего, назнаменование славы. Молитва для истинно молящегося есть судилище, суд и престол Господень, еще прежде будущего Суда».

Св. Григорий Синаит в гл. 113 говорит: «Молитва в новоначальных есть как огонь веселия, издаваемый сердцем, в совершенных же – как действуемый свет, благоухающий». Или опять: «Молитва есть проповедание апостолов, действие веры или, лучше, непосредственная вера, уповаемых извещение, действующая любовь, ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, благовествование Бога, извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, образование святости,

познание Божие, явление крещения, очищение купели, Духа Святого обручение, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение христианства, примирения Божия явление, благодать Божия, премудрость Божия или, лучше, начало самопремудрости, явление Божие, дело иноков, жительство безмолвников, причина безмолвия, знамение жительства ангельского».

Блж. Макарий Великий говорит: «Глава всякого благого тщания и верх всех исправлений есть то, чтобы претерпевать в молитве, которою мы можем приобрести, чрез испрошение у Бога, и все прочие добродетели. Молитвою достойные приобщаются святости Божией, и духовного действия, и соединения ума с Господом неизреченною любовью. Кто всегда понуждает себя претерпевать в молитве, тот духовною любовью возгорается в Божественное усердие и в пламенное желание к Богу и приемлет, в известной мере, благодать духовного освятельного совершенства» (Беседа 40. Гл. 2).

Св. Исихий, пресвитер Иерусалимский, говорит: «Светородным, и молниеродным, и светоиспускательным, и огненосным пусть прилично и тезоименно называется хранение ума. Превосходит оно, сказать поистине, все бесчисленное множество телесных добродетелей. Итак, эту добродетель должно называть самыми честными наименованиями по причине рождающегося от нее светозарного света. Возлюбив ее, грешные, непотребные, мерзкие, неразумные, несмысленные и неправедные могут соделаться праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными о Христе Иисусе. И не только это, но и зреть Божественные таинства, и богословствовать. И, став зрительными, переплывают к этому чистейшему и бесконечному Свету, и касаются Его неизреченными прикосновениями, и с Ним живут и пребывают. Так как они вкусили, «яко благ Господь» (Пс. 33, 2), то и исполняется явно в таких первоангелах это Божественное Давидское слово: «Обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим» (Пс. 139, 14). Воистину, одни эти истинно

призывают и исповедаются Богу и с Ним любят беседовать всегда, любя Его» (Гл. 171).

Св. Симеон, архиепископ Фессалонитский, об этой священной молитве говорит: «Эта Божественная молитва, это призывание нашего Спасителя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – есть и молитва, и моление, и исповедание веры, и подательница Св. Духа, и дарователь Божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус-Христово, и источник духовных мыслей и Божественных помышлений, и избавление от грехов, и врачевание душ и телес, и податель Божественного просвещения, и источник милости Божией, и дарователь смиренным откровений Божественных тайн, и самое спасение, потому что есть ношение спасительного имени нашего Бога. Это-то самое и есть наречение на нас имени Иисуса Христа, Сына Божия» (Гл. 296).

Точно так и прочие богоносные отцы, пиша об этой священной молитве, своим, исполненным Божией премудрости, учением, изъявляют о ее действии, о происходящей от нее неизреченной пользе и о преуспейании чрез нее в Божественных дарованиях Св. Духа.

Кто же, видя, что эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не разжжется ревностью Божией ко всегдашнему деланию молитвы, чтобы ею постоянно содержать в душе и сердце все сладчайшего Иисуса, поминая в себе непрестанно Его вседражайшее имя, и этим распаляться к неизреченной Его любви? Разве только тот, кто, прилежа к житейским помыслам, связался узою телесных попечений, отводящих многих и отстраняющих от Царствия Божия, находящегося внутри нас. Тот только разве не возусердствует коснуться мысленного делания мысленной молитвы, кто самым делом и опытом не вкусил душевною гортанью неизреченной Божественной сладости этого полезнейшего делания и не знает, сколько эта вещь имеет внутри себя сокровенную духовную пользу. А желающие быть любовью соединенными со сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты этого мира, все наслаждения и

самый телесный покой, ничего другого не захотят иметь в этой жизни, как только постоянно упражняться в райском делании сей молитвы.

## **Глава 6. О том, как должно в начале обучаться действию умом в сердце этой Божественной МОЛИТВЫ**

В древние времена это всесвятое делание умной молитвы воссиявало на многих местах, где только имели пребывание св. отцы. Потому тогда и учителей этому духовному деланию было много. По этой причине и св. отцы наши, пиша о нем, изъявляли только происходящую от него неизреченную духовную пользу, не имея, как я думаю, нужды писать о самом опыте этого делания, приличествующем новоначальным. Если же где несколько и писали об этом, то и это только для знающих опыт этого делания очень ясно, а для не знающих вовсе непонятно. Некоторые же из них, когда увидели, что истинные и непрелестные наставники этого делания начали совсем умаляться, и опасаясь, чтобы не утратилось истинное учение о начале этой мысленной молитвы, написали и самое начало, и опыт, как должно обучаться новоначальным, и входить умом в страны сердечные, и там истинно и непрелестно действовать умом молитву. Этих-то отцов самое Божественное учение об этом предмете нужно представить на среду.

Св. Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: «Истинное и непрелестное внимание и молитва состоит в том, чтобы во время молитвы ум хранил сердце, и пребывал бы постоянно внутри его, и оттуда, т. е. из глубины сердца, воссылал молитвы к Богу. И когда внутри сердца вкусит, яко благ Господь, и усладится, то не будет уже исходить из места сердечного. И вместе с апостолом скажет и он: «Добро есть нам zde быти» (Мф. 17, 4). И, осматривая непрестанно сердечные места, он изобретает некоторый способ прогонять все всеваемые там вражеские помыслы». И ниже еще яснее говорит он об этом так: «[Сев в безмолвной келье и наедине в каком-либо одном углу, постарайся сделать то, что я тебе скажу: закрой дверь, и собери ум свой от всего суетного; затем, упершись брадой своей в грудь, двигай чувственное око со умом. Удержи тогда и стремление носового дыхания, чтобы

дышать не часто, и внутри исследуй мысленно утробу, дабы обрести место сердца, где пребывают обычно все душевные силы; и сначала ты найдёшь мрак и непроницаемую толщу. Но, постоянно подвизаясь в деле этом ночью и днём, ты обретёшь – о чудо! – непрестанную радость. Ибо,] едва только ум найдет место сердечное, немедленно видит то, чего никогда не видал: видит он среди сердца воздух и себя всего светлым и полным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни показался помысл, прежде, нежели он войдет и изобразится, немедленно прогоняет его и уничтожает призыванием Иисуса Христа. Отселе ум, получив памятозлобие к бесам, двигает против них естественный гнев, гонит и низлагает мысленных супостатов. Прочему же научишься с помощью Божией посредством блюдения ума, держа в сердце Иисуса» (Слово о трех образах молитвы).

Прп. Никифор Постник, научая еще яснее о входе умом в сердце, говорит: «Прежде всего пусть будет жительство твое безмолвно, беспечительно и со всеми мирно. Потом, войдя в клеть твою, затворишь и, сев в каком-нибудь углу, сделай, что я тебе скажу. Знаешь, что дыхание, которым дышим, есть этот воздух, выдыхаем же его ничем иным, как только сердцем. Оно – то причина жизни и теплоты тела. Привлекает же сердце воздух, чтобы посредством дыхания выпустить вон свою теплоту и доставить себе прохладу. Причина этого действия или, лучше сказать, служитель есть легкое, которое будучи создано Создателем редким, как насос какой, удобно вводит и выводит окружающее, т. е. воздух. Таким образом, сердце, привлекая посредством воздуха холод и выпуская теплоту, совершает непрестанно то отправление, ради которого оно устроено к составлению жизни. Ты же, сев и собрав ум свой, понудь его войти в сердце вместе с дыханием. Когда же он войдет туда, то последующее за сим будет уже не невесело и не нерадостно». И ниже: «Поэтому, брат, приучи ум не скоро выходить оттуда, потому что сначала он очень скучает от внутреннего затвора и тесноты. Когда же приобьикнет, то уже не терпит скитаться вне, потому что Царствие Небесное находится внутри нас, его-то когда рассматриваем там и взыскуем чистою молитвою, то все

внешнее делается мерзким и ненавистным. Если сразу, как сказано, войдешь умом в сердечное место, которое я показал тебе, то воздай благодарение Богу, и прославь, и възиграй, и держись этого делания постоянно, и оно научит тебя тому, чего ты не знаешь. Надо же знать тебе и то, что ум, пребывая там, должен не молчащим или праздным стоять, но эти слова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – иметь непрестанным делом и поучением, и никогда от этого не переставать. Это, держа ум не высящимся, сохраняет его неуловимым и неприступным для прилогов вражиих и возводит его повседневно в любовь и желание Божественное. Если же, потрудившись, брат, много, не сможешь войти в страны сердца, как мы тебе повелели, то сделай, что скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Известно тебе, что словесность каждого человека находится в персях: здесь, внутри персей, и при молчании уст мы говорим, и рассуждаем, и произносим молитвы и псалмы и проч. Этой-то словесности, отняв от нее всякий помысл (можешь это, если захочешь), дай говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – и понудься это, вместо всякой другой мысли, постоянно звать внутри. Когда же ты это поддержишь некоторое время, то этим отверзется тебе и сердечный вход, как мы тебе написали, без всякого сомнения, как мы и сами узнали из опыта. И придет к тебе, с многовожделенным и сладким вниманием, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и проч.».

Божественный Григорий Синаит, уча также, как должно умом действовать в сердце спасительнейшее призывание Господа, говорит: «Сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум от владычественного в сердце и держи его в нем. И, преклонившись с трудом и ощущая сильную боль в груди и плечах и вые, непрестанно зови умно или душевно: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» Потом, если, быть может, ради тесноты и болезненности и от частого призывания она сделается тебе несладостна (что бывает не от однообразности снеди Триименного, часто ядомой, ибо ядущии Мя, сказано, еще взалчут – Сир. 24, 23), то, переменив ум в другую половину,



говори: «Сыне Божий, помилуй мя!» И, многократно произнося эту половину, не должен ты по лености часто переменять их, потому что деревья, часто пересаждаемые, не вкореняются. Удерживай же и дыхание легкого, чтобы тебе не дерзостно дышать, ибо движение воздуха, происходящее от сердца, развеивает мысль и помрачает ум и, возвращая его оттуда, или предаёт пленником забвению, или заставляет вместо одного поучаться другому, и оказывается он нечувствительно в том, в чем не должно. Если же увидишь нечистоты лукавых духов, т. е. помыслы, возникающие или изображающиеся в уме твоём, то не ужасайся, но если и добрые разумения о некоторых вещах являются тебе, не внимай им: удерживая же по возможности дыхание, и ум заключая в сердце, и действуя постоянно и часто призыванием Господа Иисуса, ты скоро сокрушишь и истребишь их, уязвляя невидимо Божественным именем, как говорит и Лествичник: «Иисусовым именем бей ратников, потому что нет оружия, более крепкого, ни не небе ни на земле».

И опять этот же святой, уча о безмолвии и молитве, как должен в нем сидеть, говорит: «Иногда должно сидеть на стульце, ради труда, иногда и на постеле немного до времени, для отрады. В терпении же должно быть твое сиденье, ради сказавшего, что в молитве должно терпеть (Лк. 18, 1), и не скоро вставать, малодушествуя по причине трудности болезни, и умного взывания, и частой напряженности ума. Так вещает и пророк: «Болезни объяша мя аки раждающая» (Иер. 8, 21). Итак, поникши долу и ум собирая в сердце, если отверзлось тебе твое сердце, призывай в помощь Господа Иисуса. Боля же раменами, часто болезнующая головой, терпи то усиленно и ревностно, взыскуя в сердце Господа: «Нудящимся принадлежит Царство Небесное, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12). И еще, как должно произносить молитву, говорит: «Отцы сказали так: иной говорит: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – все, иной же половину: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» – и это удобнее, по причине немощи еще ума и младенчества. Не может же никто сам собою, без Духа, тайно именовать Господа Иисуса – чисто и совершенно, точию Духом Святым (2Кор. 12, 3), но, как немотствующий

младенец, совершить ее членами еще не может. Не должен же он по лености часто переменять призывания имен, но редко – для удержания. Опять: иные учат произносить ее устами, другие же – умом, а я допускаю и то и другое. Иногда ум изнемогает, соскучившись говорить, иногда же – уста. Поэтому должно молиться обоими: и устами, и умом, – однако безмолвно и несмущенно должно взывать, чтобы голос, смущая чувство и внимание ума, не препятствовал, пока ум, обывнув в деле, преуспеет и примет от Духа силу крепко и всячески молиться. Тогда уже не нуждается он говорить устами и даже не может, будучи в состоянии творить делание и совершенно одним умом».

Итак, вот вышепомянутые св. отцы, как показано, представляют очень ясное учение и опыт обучения умному деланию для новоначальных. А от этого учения можно уразуметь и учение прочих святых об этом делании, изложенное более прикровенно.

Инок. Вот Вы ознакомились с писаниями об умной молитве тех старцев-подвижников, которые своими сочинениями, переводами святоотеческой письменности и личным влиянием содействовали широкому и глубокому возрождению в Православной Церкви во 2-й половине XVIII и в XIX в. внимания к духовной жизни, к изучению святоотеческой духовно-подвижнической литературы, к умному деланию и к старчеству как живому, опытному и непосредственному руководительству в подвиге умного делания и молитвы.

Теперь прошу Вас высказать те вопросы или те недоумения, какие явились у Вас при чтении этих писаний и на которые Вы хотели бы получить от меня ответ или разъяснение. Насколько сумею, постараюсь Вам дать их.

Иерей. Прежде всего я хочу сказать, что писания старцев Василия и Паисия написаны очень просто, понятно и живо, излились, действительно, из их личного, пережитого опыта и искреннего, глубокого и горячего убеждения сердца, так что они глубоко захватывают и волнуют сердце внимающего им и читаются или слушаются с большим и неослабевающим интересом. Таково общее впечатление от писаний этих великих

старцев. Несомненно, они писали свои сочинения уже в пожилом возрасте, а между тем от них веет юношескою свежестью и горячностью, и в некоторых местах они даже не лишены меткого, хотя и скромного, острословия.

Однако сам предмет их писаний настолько значителен, возвышенен, серьезен, важен, что не все может быть ясно выражено нашим земным, человеческим языком; в некоторых местах (там, где говорится, например, о видениях или о высоких духовных переживаниях и созерцаниях Пресвятой Девы) недостаточен, быть может, и ангельский язык. Этим объясняются те трудности и недоумения, которые вызывает у недостаточно подготовленного слушателя или читателя чтение или слушание тех или иных особенно глубоких и возвышенных мест в писаниях старцев. Но и помимо этих исключительно трудных мест у неопытного читателя возникают вопросы или сомнения, требующие ответа и разъяснения. Например, мне, как мирскому священнику, хотелось бы услышать от Вас разъяснение, все ли православные христиане, по учению старцев Василия и Паисия, могут заниматься Иисусовой молитвой, или только те, которые уже очистили свое сердце от страстей?

Инок. На этот вопрос у старцев имеется совершенно ясный и определенный ответ, которого Вы не могли не заметить, если внимательно знакомились с их писаниями. По учению старцев, основанному на святоотеческом предании, именно молитва Иисусова и помогает очищению сердца от страстей, а потому необходима не только бесстрастным, но и тем, кто еще не освободился от страстей. Предисловие старца Василия к книге св. Григория Синаита как раз этими словами и начинается: «Многие, – пишет он, – не зная опытно умного делания, погрешают против здравого разума, думая, что умное делание принадлежит одним бесстрастным и святым мужам...» И в другом месте, приводя слова апостола: «Хочу пять слов глаголати умом моим, нежели тьму языком», – старец продолжает: «Следует сначала этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, говоря непрестанно во глубине сердечной: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», – и таким

образом восходить на разумное пение (т. е. на сознательное пение и чтение псалмов и канонов). Потому что всякий новоначальный и страстный может сию молитву (т. е. Иисусову) разумно, в блюдении сердца, действовать, пения же никак, прежде чем не предпочистится умною молитвою».

«Поэтому, – пишет дальше старец, – св. Григорий Синаит, всех святых жития, и, писания, и искусство духовное более всех живущим в нем Св. Духом до тонкости испытал и рассудив, устанавливает все старание иметь о молитве (т. е. о молитве внутренней). Также и св. Симеон, Солунский архиепископ, имея тот же дар и Дух, заповедует и советует архиереям, священникам, монахам и всем мирским во всякое время и час произносить и дышать сию священную молитву, ибо нет, говорит он с апостолом, крепчайшего оружия ни на небе, ни на земле, больше имени Иисуса Христа».

В предисловии на книгу Филофея Синайского старец Василий снова говорит, что «делательная умная молитва подобает страстным».

В предисловии на книгу блж. Исихия, на первой же его странице, старец Василий, объясняя различную практику св. отцов с «приходящими к монашеству», т. е. с новоначальными, пишет, что одни из отцов, принимая во внимание немощи приходящих, «назначают им вместе с деланием заповедей Христовых продолжительное псалмопение, каноны и тропари..., другие же, изучив тончайший опыт духовного разума, не хотят, чтобы начальные довольствовались одним только внешним обучением, но, заповедуя им вместе с исполнением заповедей Христовых умеренное пение, т. е. полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, устанавливают вместо продолжительного псалмопения и канонов делание умной молитвы, прибавляя к этому, что если посетит их Св. Дух действием сердечной молитвы, то несомненно оставлять тогда указанное внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва...» Так поступающих отцов св. Григорий Синаит называет «отчасти, но не вполне преподающими умное делание». Но есть еще и третьи отцы, которые, «руководствуясь многим опытом и исследованием житий и писаний всех святых и в особенности

же действием и премудростию Св. Животворящего Духа, устанавливают новоначальным общее, а не частное обучение или делание умной молитвы, называя ее укрощением страстей в делании заповедей Христовых...»

По словам старца, возможно преуспеяние, «следуя и тому постановлению св. отцов, о котором сказано в начале, однако очень медленно и с трудом, вторым же удобнее и легче, а третьим скорее всего, ибо оно сопровождается отрадою и частым посещением Св. Духа, укрепляющим и удостоверяющим сердце, в особенности же при тщательнейшем усердии и доброй воле...» В предисловии к книге блж. Нила Сорского старец Василий приводит слова св. Исихия о том, что молитва Иисусова очищает ум и сердце от мысленных грехов: «Как невозможно жить нынешнею жизнью без пищи и питья, так невозможно без хранения ума достигнуть душе чего-либо духовного и Богу угодного или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и принуждал себя не грешить», – и еще: «Помыслы, против воли нашей втеснившиеся, укрепившиеся и стоящие в сердце, может прогонять лишь молитва Иисусова из глубины сердца». Научая тому, что молитвою Иисусовою могут заниматься и новоначальные с целью очищения сердца от страстей, старец Василий строго осуждает тех, кто запрещает умное делание новоначальным. Они «не только не принимают того, что говорится или пишется о внутреннем внимании, в котором и есть искусство моления на злые помыслы, но и сопротивляются, и, выставляя себя учителями, говорят, что св. отцы не заповедали новоначальным умного делания, кроме одного псалмопения, тропарей и канонов, действуемых устами и языком. И несмотря на то, что они говорят и учат об этом неверно, все их слушают, потому что для такового их моления не требуется обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, если только захочет, может так молиться, будет ли он монах или мирянин. Священное же умное делание, которое есть славное и богоугодное искусство из искусств и в котором нельзя иметь успеха без отречения от мира с его похотями и без долгого наставления и обучения, весьма поэтому оскудело среди монахов, – и неутрачивающая

брань бывает у не знающих силы Свящ. Писания, в особенности же у не искусных в умном внимании ко внутреннему человеку».

Возражая тем, кто говорит «будто сначала нужно очистить телесные чувства, т. е. зрение, обоняние, вкушение, слово, осязание, чтобы не согрешал ими человек, и тогда только, хорошо очистившись, начинать умную молитву», старец Василий пишет: «Друзья! Никто не против очищения телесных чувств, но говорим о том, что если отделять очищение чувств от умного делания, то получится большое несогласие. Ты устанавливаешь расстояние и время, отделяя хранение внешних чувств от обучения умной молитве, и тем свидетельствуешь, что не знаешь порядка сердечного делания. Знающие же опыт умной молитвы не разделяют временем одно от другого, но устанавливают одновременное и совместное их обучение, погружая ум в час молитвы внутрь сердца, укрощают волнение чувств, не попуская уму восходить на них, а оттого, что ум не восходит на чувства телесные, они пребывают не занятыми вне, через это подают великое безмолвие уму и сердцу, и вместе с тем и сами блюдения ума мало-помалу обучаются не востекать на плотские похоти. Да будет же известно и то, что нет недостатка ни времени, ни предмета для тех, кто любит спорить об этом. Ибо и еще остается им написанное Новым Богословом, что желающему обучаться умному деланию необходимо сначала сохранить свою совесть к Богу, людям и вещам. Я же верую, что в один час или минуту может человек примирить свою совесть с Богом, людьми и вещами, как и учит великий учитель (Новый Богослов), ибо жала, т. е. голоса совести, умное делание не уничтожает, и никому не полезно уклоняться от этого доброго обличителя. Вижу же и того великого грешника, который шел во святой храм окруженный бесами, а вышел из храма со святыми ангелами, радующимися его обращению. Ты же от крайнего зазрения совести устанавливаешь расстояние и время примирению ее с Богом и этим показываешь, что достижение бесстрастия бывает прежде обучения умному деланию или выше его. И отсюда у тебя выходит, что ты не только не начнешь когда-либо умного трезвения, но и от самих Святейших Тайн будешь уклоняться.

Ибо никто, не примирившись прежде с Богом, не приступает к причащению. Не говорю же я это тебе, человек, о примирении совести от себя, но самое исповедание св. отцов предлагаю. Ибо они, насколько ближе приближались к Богу, настолько видели себя большими грешниками, и не будут ли, по твоему мнению, и сами святые не примиренными совестью с Богом? Но ты скажешь, что по причине смирения так говорили о себе святые. Прекрати хитросплетенную речь и покорись по крайней мере голосу святых правил: «Если кто скажет, что святые ради смирения и принимая вид грешных говорили «остави нам долги наша», – анафема да будет».

Иерей. Вы очень хорошо, просто и убедительно, отвечаете на мой вопрос, но как же, все-таки, некоторые наставники Иисусовой молитвы строго-настрого запрещают тем, кто еще не очистился от страстей, касаться сердца и искать сердечное место?

Инок. Если эти наставники говорят о необходимости предварительного очищения от страстей для прохождения Иисусовой молитвы, то, очевидно, они имеют в виду не делательную, трудовую, молитву новоначальных, а зрительную, или созерцательную, молитву совершенных, которая, по общему мнению отцов, действительно, невозможна без предварительного очищения от страстей, как об этом свидетельствует и великий старец Паисий Величковский, говоря: «Когда кто Божией помощью и вышесказанным подвигом (делательной молитвы), а более всего глубочайшим смирением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по св. Исааку, чистая молитва, от которой – ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своею введет в них».

Если же охваченным страстями и запрещается касаться умного делания, то только в том случае, если они хотят оставаться в своем страстном устроении и не хотят бороться со своею страстью. О таковых старец Василий приводит слова св. Дорофея: «Представь себе пять состояний действующих по страсти: а) впадая в гнев и досаду, оставаться всегда злобствующим на оскорбившего; б) будучи опечаленным, помнить зло в течение многих дней; в) гневаться одну неделю; г) один только день помнить и д) враждуя, досаждая, смущая и смущаясь, в тот же час измениться. Вот сколько различных устроений, однако все они находятся под адом до тех пор, пока действует страсть, и таким не должно касаться умного делания, ибо они подобны человеку, который будучи ранен стрелою от врага своего, берет стрелу собственными руками и вонзает в свое сердце; о них сказал Богослов: «Делающий грех от диавола есть» (1Ин. 3, 8). О таковых и свт. Феофан пишет, что «даже сумасшествие от молитвы Иисусовой может произойти тогда, когда, творя сию молитву, не отстают от каких-либо грехов и привычек, кои осуждает совесть. При сем внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякую мирность сердца... отсюда помутиться может голова и понятия прийти в запутанность и смятение» (Умное делание, § 372).

Человек, сознанием и сердцем суций на стороне страстного, страстен весь и Богу противен. Человек, суций на стороне бесстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, не противен Богу, ради нелюблениа страстей и желаниа делать не по ним, а по воле Божией (Там же, § 249).

Тем же, кто сопротивляется страсти, борется с нею, не хочет действовать по ней, скорбит и подвизается, им во всяком случае можно и должно обучаться умному деланию, потому что они очищаются вседневного благодатию Христовою через умную молитву и ежечасное покаяние, и о них сказал тайновидец: «Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды» (1Ин. 1, 8–9).



Иерей. Позвольте предложить Вам еще следующий вопрос: если, как говорит старец Василий, и новоначальные делатели Иисусовой молитвы должны совершать свою молитву в глубине сердца, борясь там со своими страстями и помыслами, как это делают и преуспевшие в молитве, тогда и у тех и у других одинаково молитва их будет внутри-сердечною? Как же тогда понимать разделение Иисусовой молитвы на устную, умную и сердечную? Ведь у всех она оказывается одинаково внутри-сердечною.

Инок. Нужно различать разного рода сердечную молитву. Припомните слова свт. Феофана в одной из предыдущих наших бесед о свойствах истинной молитвы. Он говорит, что во всякой истинной нашей молитве должны участвовать и тело, и ум, и сердце. Только такая молитва и есть настоящая, полная молитва. Так называемая устная молитва, гласно или безгласно совершаемая, непременно должна совершаться при участии ума и сердца. Ум должен внимать словам молитвы, а сердце должно откликаться на нее своим чувством. Если устная молитва совершается без участия ума и сердца, то, по словам свт. Феофана, она даже и не есть молитва. У людей, еще не окрепших в молитве, бывает так, что уста произносят слова молитвы, а ум блуждает неведя где, внимание рассеяно, сердце остается холодным к словам молитвы. В том и состоит подвиг молитвы, чтобы приучить ум свой внимать словам молитвы неотходно, а сердце приучить откликаться на слова молитвы чувством. Таким образом, первоначальная молитва, в которой преобладает устная сторона, постепенно становится молитвою умной и умно-сердечной. И только тогда она и становится настоящей молитвой. Различие наименований: устная, умная, сердечная – определяется не тем, что каждый вид молитвы может существовать отдельно (такой молитвы и не бывает), а степенью участия ума и сердца в молитве. При малом их участии молитва бывает преимущественно устной, но все же она совершается в сердце. Когда внимание ума становится неотходным от слов молитвы, тогда молитва справедливо называется умной. Когда же сердце сливается своим чувством со словами молитвы, тогда молитва становится

сердечной. И все это происходит в пределах делательной молитвы, т. е. совершаемой при усилиях самого молящегося. О высшей, зрительной, молитве мы сейчас не говорим. Из сказанного Вы можете видеть, что наименование молитвы устной, умной и сердечной имеет свое основание, хотя молитва (настоящая) должна всегда совершаться в сердце.

Иерей. Это ясно. В прежних наших беседах уже шла речь о внешних приемах низведения ума в сердце при совершении умной молитвы. Но т. к. у прп. Паисия, в Главах о молитве, говорится о пользовании этими приемами, то я хотел бы, имея в виду главным образом мирян, еще раз услышать от Вас разъяснение, насколько эти приемы относятся к самому существу молитвенного делания и насколько они обязательны для проходящих умную молитву.

Инок. Я могу только повторить вкратце сказанное раньше, опираясь на слова свт. Феофана и свв. Каллиста и Игнатия. Приемы эти к существу молитвенного делания не относятся. Они имеют вспомогательное значение, были рекомендованы в свое время монахам-безмолвникам, в особенности тем, которые затруднялись найти место сердца и склонны были смешивать область сердца с чревной областью. Свт. Феофан, признавая полезность той или другой внешней обстановки и внешних приемов для успешного прохождения молитвы, не считает обязательными для всех приемы, указанные афонитам, и предоставляет каждому делателю молитвы пользоваться в этом деле наиболее подходящими для него средствами. Подробнее об этом было уже сказано мною в своем месте, и, думаю, нет надобности повторять сказанное.

Иерей. Теперь я хотел бы, чтобы Вы подробнее разъяснили о молитве делательной и созерцательной и особенно о видениях, о которых упоминает прп. Паисий, ссылаясь на св. Григория Синаита.

Инок. О молитве делательной и созерцательной прп. Паисий пишет следующее: «Извещаю, по мере худости моего немощного разума, в какой силе должно разуметь деяние и видение. Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при

помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение, и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди, на совершенное душою и телом по Богу повиновение, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти, – весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием, но никак не видением. Если же таковой умный подвиг молитвы и назывался бы где в писаниях св. отцов зрением, то это по обыкновенному наречию, потому что ум, как душевное око, называется зрением. Когда же кто Божией помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по св. Исааку, чистая молитва, от которой – ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своею введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по св. Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом (Григорий Синаит. Гл. 130). Таково рассуждение о деятельной и зрительной молитве».

Вы видите, что прп. Паисий всю совокупность молитвы разделяет на две части: одна есть молитва новоначальных, принадлежащая деянию, другая есть молитва совершенных, принадлежащая видению. Деяние есть восход к видению. Старец подробно перечисляет все те делания, которые входят в содержание деяния и которые находятся в зависимости от человеческого самовластия и произволения. Сюда входит и

умная молитва, т. е. делательная Иисусова молитва. Об участии человеческого произволения в молитве созерцательной прп. Паисий не говорит, ибо эта молитва совершается уже за пределами человеческого произволения.

Таким образом, весь труд делателя молитвы должен быть обращен на тщательное прохождение деятельного подвига, и этому труду он должен посвятить всю свою заботу. К молитве же созерцательной никто не должен стремиться самовольно. «Дерзкий и самонадеянный, – пишет старец Василий, – в гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы... Такого сатана удобно опутывает своими сетями, как раба своего... И что нам стремиться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которой, по слову св. Исаака, едва сподобляется один из тьмы? Довольно, довольно для нас, страстных и немощных, хотя след умного безмолвия познать, т. е. делательную умную молитву, при помощи которой прилоги врагии и злые помыслы прогонимы бывают от сердца и которая есть подлинное дело новоначальных и страстных монахов, каковым они востекают, аще Бог восхощет, в зрительную и духовную молитву. И не следует нам унывать о том, что немногие сподобляются зрительной молитвы, ибо нет неправды у Бога. Только да не ленимся идти путем, ведущим к этой священной молитве, т. е. делательною молитвою сопротивляться прилогам, страстям и злым помыслам. И таким образом скончавшимся нам на пути святых, удостоимся и жребия их, хотя бы здесь и не достигли совершенства, говорит св. Исаак и многие святые».

В другом своем предисловии старец Василий пишет: «Мы отнюдь не осудимся за зрительную молитву, если не удостоимся ее по немощи нашей, об умном же и сердечном хранении, каковым можно противостать диаволу и злым помыслам, побеждая их не своею силою, а страшным именем Христовым, должны будем воздать ответ Богу, ибо, нося Христа внутри себя по дару св. крещения, не умеем, вернее же сказать, не хотим научиться, как призывать Его на помощь в час брани... Многие из древних, а не только нынешние, умерли, не сподобившись при жизни зрительной молитвы, но это не должно вызывать

сомнения, ибо нет места неправде у Бога, и Он во всяком случае за труды их, которыми они потрудились, идя истинным отеческим путем делательной молитвы, дает им в час смерти или по смерти, действие зрительной молитвы, с которой они, как пламень огненный, проходят воздушные мытарства, по словам св. Исихия. И получают они жребий свой с теми святыми, которые, по апостолу, не приявши здесь обетования, трудились всю жизнь свою во уповании».

Итак, молитва созерцательная не зависит от человеческого произволения, или, может быть, правильнее было бы сказать так: она зависит от человеческого произволения постольку, поскольку человек успевает усердием в делательной молитве очистить сердце свое от страстей. Но и при этом условии дарование созерцательной молитвы всецело зависит от усмотрения Божия. Давая некоторое указание на то, что такое созерцательная молитва, прп. Паисий пишет: «Когда кто Божию помощью и вышесказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением, очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия... взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышесказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны».

О каких духовных видениях говорит старец? Прп. Паисий говорит о них словами св. Григория Синаита следующее: «Должно знать, что по св. Григорию Синаиту, первых видений – восемь, пересчитывая которые, он говорит так: «Говорим, что имеются восемь первых видений. Первое – видение Бога безвидного, безначального и несозданного, Причины всего, единой Троицы и пресущественного Божества. Второе – чина и устройства умных сил. Третье – устройства чувственных тварей. Четвертое – смотрительного снисхождения Слова. Пятое – всеобщего воскресения. Шестое – второго и страшного пришествия Христова. Седьмое – вечного мучения. Восьмое – Царствия Небесного, не имеющего конца». Было бы безумною дерзостью с нашей стороны, имея не очищенный от страстей ум, принимать на себя объяснение или истолкование видений,

т. е. самовольно и недостойно входить в область зрительной молитвы, куда может ввести только Сам Бог тех, кто достиг чистоты сердца. Но мы можем сделать другое, для нас доступное, а именно – рассмотреть дарованные нам Богом способы познания вещей и выяснить, каким способом познания человек познает, когда то дано ему Богом, вещи мира невидимого, сокровенного, небесного. Это и есть тот предел, до которого мы можем дойти при нечистоте нашего ума и за который мы не можем перейти самовольно, не имея брачной одежды.

Итак, первый путь познания окружающих нас вещей – свидетельства наших внешних чувств: зрения, слуха, осязания и т. д. Этим путем мы познаем внешние формы окружающих нас предметов. Второй путь познания – рассудочные соображения и заключения нашего ума. Ум, пользуясь тем материалом, который предлагают ему чувства, строит на них здание познаний о мире. Таковы два способа познания, которыми мы обыкновенно пользуемся в нашей повседневной жизни и в наших научных выводах.

Но есть еще и третий путь познания, путь внутреннего зрения, открывающегося в нас благодатию Божиею и свойственного только людям, достигшим чистоты сердца, по слову Господа: «Чистии сердцем Бога узрят». Впрочем, по особому смотрению Божию, в целях промыслительных, это внутреннее зрение может открываться и у людей, еще не достигших чистоты сердца. Та область видений, или созерцаний, о которой говорит св. Григорий Синаит, познается именно этим третьим путем внутреннего зрения. Принимая это во внимание, мы не должны понимать упомянутые видения как некоторые внешне видимые явления, воспринимаемые нашими внешними чувствами: зрением, слухом, осязанием и т. д. Не должны также понимать их и как рассудочные заключения и соображения нашего ума об основных догматах нашей христианской веры. Мы должны понимать их как созерцания внутреннего зрения, не передаваемые на языке наших внешних чувств и наших логических формул.

Это созерцания того рода, какие зрел св. ап. Павел и о которых он писал коринфянам: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю – Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю, в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2Кор. 12, 2–4).

Если Вы примете во внимание все сказанное выше, то не сделаете ошибки в понимании характера тех видений, о которых говорит св. Григорий Синаит, не сочтете их ни за картины нашего воображения, ни за выводы рассуждающего ума и как раз остановитесь на том пределе, на котором и должен остановиться грешный человек перед неисследимой глубиной сокровенной небесной жизни, вход за завесу которой открывается только благодатию Божией. Но чтобы окончательно разъяснить Вам Ваш вопрос, приведу некоторые примеры, относящиеся к молитве созерцательной. Во-первых, вспомните то, что рассказывал прп. Максим Капсокаливит св. Григорию Синаиту о высших молитвенных состояниях и что нет надобности повторять. А затем выслушайте повесть о некотором юноше, рассказанную прп. Симеоном Новым Богословом в его Слове о вере.

«Был в Константинополе юноша лет двадцати, благообразный телом, но еще более душою и сердцем. Познакомился он с некоторым мужем святым, иноком одной из константинопольских обителей и, открыв ему все тайны сердца своего, сказал, что усердно хочет спастись и великое имеет желание оставить мир и сделаться иноком. Честнейший старец одобрил это намерение, преподал ему нужные наставления и дал прочитать книгу св. Марка Подвижника. Юноша принял эту книгу как из рук Божиих, в полной уверенности, что получит от нее великую себе пользу, и, пришедши домой, тотчас принялся читать ее с благоговейным вниманием, прочитал всю трижды и четырежды и после все еще не выпускал ее из рук. Он напился из нее духовною пищею и все еще хотел питаться. Однако ж из всего, содержащегося в книге той, он избрал себе в руководство три только главы, которые и положил исполнять со

всем вниманием, неопустительно. Первая: если желаешь исцеления душе твоей, всяким хранением храни совесть свою чисто, чтобы она ни в чем не обличала тебя, и, какие бы дела ни внушала она тебе делать, делай их не тяготясь, и получишь пользу. Вторая: ищущий и чающий получить действие Св. Духа прежде исполнения заповедей Божиих подобен купленному рабу, который просит у господина своего себе свободы в тот самый час, как тот еще только расплачивается за него. Третья: кто молится только устами, и не стяжал еще разума духовного, и не умеет молиться умно, тот подобен слепому, который вопиял: «Сыне Давидов, помилуй мя!» Кто же стяжал разум духовный и молится умно, тот подобен тому же слепцу, но уже исцеленному от слепоты, когда он, получив просвещение очей своих, увидел Господа и уже не именовал Его Сыном Давидовым, а исповедал Сыном Божиим и поклонился Ему, как подобало. Эти три главы по душе были юноше тому, и он принял извещение в сердце своем, что незаметно получит великую пользу, если будет внимать своей совести, что насладится дарами Духа Святого и получит силу от Него, если будет хранить заповеди, и что, по дару Духа Святого, сподобится того, что отверзнутся очи его и он узрит Господа. Упование увидеть неизреченную красоту Господню уязвило сердце его любовью к ней, и он возымел великое желание узреть ее. И, однако ж, он ничего особенного не делал, а только всякий вечер, отходя ко сну, не прежде возлегал на одр, как совершив молитву и поклоны, как заповедал ему старец тот... Так прошло несколько времени. В один вечер, когда исполнял он старцево молитвенное правило, совесть сказала ему: сотвори и еще другую такую же молитву и поклоны, говоря: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» – многократно, сколько можешь. Он охотно внял совести и усердно исполнил, что она внушила ему, веруя, что сам Бог говорил ему через совесть. С того времени он уже никогда не возлегал на одр свой прежде, чем не исполнит всего, о чем говорила ему совесть, что он может то исполнить. Это одно и мог он делать, ибо на нем лежало управление домом одного вельможи, и днем он не имел свободного для молитвы времени, только вечером всегда уже молился он столько,



сколько заставляла его совесть. Мало-помалу начало согреваться сердце юноши, и очи источать слезы умиления, творил он частые коленопреклонения, воссылал молитвы и к Богоматери, с воздыханиями и болезнью сердечною. Помышляя, что предстоит пред Господом, он мысленно припадал к пречистым ногам Его и со слезами умиления умолял Его – умилосердиться над ним, как над слепым, и даровать свет умным очам его. День ото дня росла и светлела молитва его и, углубляясь, длилась иногда до полуночи. Неподвижно стоял он тогда, как столп какой, и очей своих не обращал туда и сюда, чтобы видеть что-нибудь, а стоял с великим страхом и трепетом, не дремля, не тяготясь, не унывая. В один вечер, когда молился он по обычаю, и в уме своем говорил мысленно: «Боже, милостив буди мне грешному!» – внезапно осенил его умный свет Божественный. Будучи пленен таким видением, юноша забыл себя и не понимал, на земле ли он или на воздухе; весь мир исчез пред ним, и сам он весь изменился, быв проникнут тем Божественным действием и исполнен слез и радости неизреченной, которая не отходила от него и тогда, когда он пришел в себя. Всю эту ночь не спал он, сон и на ум не приходил ему от сладости духовной, наполнявшей сердце его. После этого сладость умиления уже не отходила от сердца его и отгоняла от него всякий мирской и плотский помысл, он стал ко всем вещам бесчувствен до того, что сон и пища не приходили ему на ум, и он проводил в посте и бдениях многие дни. Дивно и достохвально, что двадцатилетний юноша, озабоченный делами житейскими и мирскими и, кроме них, ни о чем высшем не помышлявший, а только малое нечто слышавший от старца и те три слова усвоивший из душеспасительной книги, малым тем подвигом, который нес с искренней верой и упованием, в короткое время достиг такого совершенства духовного, что пленен был в видение умное, сподобился Божественного просвещения и вкусил сладости духовной, облегчившей ему весь последующий путь жизни! Так-то ни юность не вредит, когда она исполнена страха и вожделения Божественного, и жизнь среди мира в самом

шумном городе не помешает нам творить заповеди Божии и преуспеть в жизни духовной, если только имеем усердие!»

Эта история о юноше, рассказанная прп. Симеоном, замечательна не только тем, что юноше было открыто зрение небесного мира, но и тем, что оно было открыто ему в столь юном возрасте и без длительного подвига, т. е. промыслительно, для облегчения, как сказано, последующего пути жизни!

Такие промыслительные случаи возможны и с другими. Одному делателю молитвы дано было в некоторый момент, для его духовного укрепления, с необыкновенною усладительностью пережить чувство живого присутствия Божия в мире на всяком месте. Это чувство наполняло душу его такою любовью ко всему сущему, что он, казалось, готов был целовать и самую землю.

Иерей. Простите, батюшка, мне хочется сказать, что и в произведениях наших светских писателей иногда проявляется то же удивительное чувство «прикосновения иным мирам», понимание языка природы, сладостное чувство любви ко всему сущему и желание упасть на землю, и целовать ее, и омыть ее слезами умиления и благодарности к Богу. Я вспоминаю и свои собственные переживания, когда я, будучи еще молодым человеком, любил странствовать пешком по святым местам. Идешь, бывало, в тихий жаркий полдень, одинокий, по необъятной равнине, покрытой поспевающей рожью, и в этой глубокой тишине и уединении вдруг почувствуешь всю таинственную глубину беспредельного мира. Жуткое чувство наполнит вдруг душу и вспоминаются слова патриарха Иакова: «Страшно место сие: несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная» (Быт. 28, 17).

Инок. У каждого человека, созданного по образу и подобию Божию, существует естественное чувство и тяготение к Богу. Но это естественное тяготение надо отличать от благодатного прозрения в тайны жизни небесной. Я сейчас приведу Вам пример того, как можно, пребывая неисходно в своей келлии, зреть внутренними очами величие Божие. Вот слова об этом прп. Симеона Нового Богослова: «О, чудо! – восклицает он.–

Какое слово сие изглаголет, ибо это страшно воистину и свыше всякого слова! Вижу свет, которого не имеет мир, и, сидя в келлии, вижу внутри себя Творца мира, и беседую с Ним, и люблю Его, и питаюсь единым боговидением, и, соединившись с Ним, превосхожу небеса. Где же тогда тело? – Не знаю, ибо Господь меня любит, и в Самого Себя приемлет, и на объятиях скрывает, и, будучи на небесах, в то же время и в моем сердце, и здесь и там виден мне. Владыка являет меня не только равным ангелам, но и преимуществующим пред ними, ибо не видимый для них и неприступный существом, мне виден бывает и с моим соединяется существом. Это есть то, о чем возвещает апостол: «Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку плотяно не взыдоша» (1Кор. 2, 9), – и, пребывая в этом, не только не хочешь выйти из келлии, но желал бы укрыться в глубине земли, дабы и там, вне всего мира, созерцать бессмертного Владыку и Создателя» (Еп. Иустин. Преподобный и багоносный отец наш Нил, подвижник Сорский... С. 39).

Согласно с Новым Богословом и св. Исаак говорит, что когда отымется у человека покрывало страстей от мысленных его очей и узрит он сию неизреченную славу, внезапно ум его возвышается до ужаса, и если бы Бог не положил предела в сей жизни такому состоянию – сколько в нем оставаться, то хотя бы допущено было продолжаться оному и во всю жизнь человека, никогда не захотел бы он выйти из сего дивного видения. Но так устроил Бог по Своей милости, чтобы на время умалаялась благодать Его во святых, дабы могли они промышлять и о братии своей служением слова, поучающего благочестию... Вкусившие однажды, в мертвенном сем теле, бессмертной пищи и в маловременном мире сподобившиеся отчасти той радости, которая предуготовляется в небесном отечестве, уже не могут прилепляться красным мира сего или бояться чего-либо скорбного и лютого, но с апостолом дерзают восклицать: «Ничтоже возможет нас разлучити от любви Божия» (Рим. 8, 9).

И у св. Макария Египетского в Беседе 8 о совершенной молитве совершенных имеются подобные слова: «Иногда во весь день чем-нибудь занятый, на один час посвящает себя

молитве – и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину оною века, так что всецело устремляется туда парящий и восхищенный ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены Божественным, небесным, беспредельным, непостижимым и чем-то чудным, чего человеческим устам изречь невозможно. В этот час человек молится и говорит: «О, если бы душа моя отошла вместе с молитвою!» Человеку надобно, так сказать, пройти двенадцать ступеней, и потом достигнуть совершенства. В иное время, действительно, достигает он этой меры и приходит в совершенство. И вот, благодать снова начинает действовать слабее, и человек нисходит на одну ступень и стоит уже на одиннадцатой. А иной, богатый благодатию, день и ночь стоит на высоте совершенства, будучи свободен и чист, всегда пленен и выпрен. И такой человек, которому показаны оные чудеса и который изведаль их опытно, если бы так было с ним всегда, не мог бы уже принять на себя домостроительства Слова или иного какого бремени, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться, по обыкновению, о себе и об утреннем дне, но только стал бы сидеть в одном углу, в восхищении и как бы в упоении. Посему-то совершенная мера не дана ему, чтобы мог он заниматься попечением о братии и служением Слову...» (Беседа 8. Гл. 4).

Все сказанное о созерцательной молитве Вы должны понимать только как некоторое предварительное понятие об этой молитве, отнюдь не выражающее самой сущности дела, доступной познанию лишь по особому действию Божественной благодати. Это есть, так сказать, лишь внешний осмотр того храма созерцательной молитвы, внутренность которого доступна лишь особым избранныкам Божиим. Твердо и смиренно Вы должны хранить это сознание в своем сердце.

Иерей. Благодарю Вас, батюшка! Следующий вопрос, на который я хочу попросить Вашего разъяснения, есть вопрос о теплоте, которою сопровождается молитва. Вы уже говорили об этом, но мне хочется еще раз услышать важное и для меня и для других разъяснение различия между теплотой

естественной, теплотой благодатной и теплотой, возбуждаемой дьяволом.

Инок. Теплота чувства должна всегда сопровождать искреннюю и истинную сердечную молитву, и оно так и бывает у людей, молящихся с искренней верой и в простоте сердца. Но подвижники, действительно, различают разные виды теплоты, и среди них даже такую, которая исходит от дьявола. Об этом следует знать делателю молитвы.

Различие между теплотой естественной и благодатной Вы можете уяснить себе из наставления свт. Феофана и Игнатия, а также и из слов старца схимонаха Василия, из которых Вы узнаете и о теплоте бесовской. Свт. Феофан говорит о теплоте так: «Теплота настоящая – дар Божий. Но есть и натуральная теплота, плод собственных усилий и свободных настроений. Они отстоят друг от друга, как небо от земли. Какая у Вас теплота, это не видно. После откроется. «Мысли утомили, не дают установиться вниманием перед Богом». Это знак, что Ваша теплота не Божия, а своя. Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное. Тут бывает то же, что с кровоточивою (о которой повествует Евангелие). У той «ста ток крове», а тут останавливается ток помыслов». Итак, что же нужно? – «Держа свою натуральную теплоту, ни во что ее вменять, а только приготовлением неким к Божией теплоте почитать, затем болезновать о скудости Божьего действия в сердце и в болезни молить Господа непрестанно».

Разъясняя возникновение в сердце благодатной молитвы, свт. Феофан продолжает: «Иисусова или другая какая краткая молитва – дело хорошее, если навязнет на языке. Позаботьтесь только при этом не в голове быть вниманием, а в сердце, и будьте так не во время только стояния на молитве, но и во всякое время. Потрудитесь образовать в сердце будто болячку какую... Труд постоянный скоро сделает это. Тут ничего нет особенного. Это натуральное дело (то, что болячка покажется). Но от этого собранность более будет. А главное то, что Господь, видя труд, дарует потом и свою благодатную молитву. Тогда пойдут в сердце свои порядки».

«Для того, чтобы ум держался на одном при употреблении краткой молитвы, надобно свести его вниманием в сердце, ибо оставаясь в голове, где происходит толкотня мыслей, он не успеет сосредоточиться в одном. Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда в одну точку все силы души и тела. Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением, – сие ощущение и есть начало будущей теплоты. Ощущение, сначала легкое, все увеличивается, крепнет, углубляется и из холодного, каково оно в начале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание. И происходит, таким образом, что сначала внимание держится в сердце напряжением воли; силою своею внимание порождает теплоту в сердце; теплота же сия затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно, ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание.

Отсюда закон духовной жизни: держи сердце в чувстве к Богу – всегда будешь в памяти Божией. Его выразил где-то Иоанн Лествичник. Теперь вопрос, духовная ли эта теплота? Нет, не духовная, а обыкновенная, кровяная. Но как держит внимание ума в сердце и через то способствует развитию там духовных, указанных прежде, движений, то она называется духовною, в том, однако же, случае, если не сопровождается сластию похотною, хотя бы легкою, но держит душу и тело в трезвенном настроении. Отсюда следует: как скоро теплота, сопровождающая молитву Иисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не следует называть духовною, а просто теплотою кровяною, и она, будучи таковою, не худа, если не состоит со сластию похотною, хотя легкою, а если состоит, то худа и должна подлежать изгнанию. Эта неправость бывает тогда, когда теплота ходит ниже сердца. Вторая неправость та, когда, полюбив сию теплоту, ею все ограничивать, не заботясь о чувствах духовных, даже о памяти Божией, а лишь о том, чтобы была теплота; эта неправость возможна, хотя не у всех, и не всегда, но по временам. Нужно заметить сие и исправить, ибо в таком случае останется одна

кровавая теплота, животная... Не должно сию теплоту почитать духовною или благодатною... Духовною можно назвать сию теплоту только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движениями... Кто без них называет ее духовною, тот допускает неправильность. Кто называет ее благодатною, еще более неправ... Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная. Она отрешена от плоти, и в теле не производит заметных изменений, и свидетельствуется тонким сладким чувством. По сим чувствам всякий легко может определить и различить теплоту... Это каждому следует сделать: стороннему тут нет дела и места» (Умное делание, §11).

«Некоторые особые движения в теле и духе бывают от молитвы, но не у всех молитвенников одинаковы, а у одних такие, у других иные, следовательно, на них нечего останавливаться.

У иных совсем никаких особенностей не бывает, а идет молитва тихо, даже во всей силе. И это самый лучший и безопасный удел! Если же иногда бывают телесные движения или ощущения какие-либо при молитве и теплоте, не обращать на них внимания: они к существу дела не относятся и бывают разными у разных лиц. Все же внимание обратите на духовные действия и чувства: они будут проходить по душе и телу, как утренняя приятная прохлада».

Относительно внешних приемов, употребляемых при навыке молитве Иисусовой и связанных с бывающей при этом теплотой, свт. Феофан делает еще следующее замечание: «Во время навыка умной в сердце молитвы ко Господу, вместе с собиранием внимания в сердце, советуют несколько стеснять дыхание и сводить к груди напряжение мышц, считая это не существенною необходимостью, а приспособлением тела к умному деланию. И само по себе, по связи души с телом, умное напряжение должно воздействовать на сердце, а тем более при сказанном приспособлении. Оно показывается вскоре в крови, а от крови переходит на нервы. Раздражение, происходящее при этом, приятно, и неопытными, каковы почти все начинающие, может быть и бывает почитаемо следствием, необходимо

следующим за действием благодати в сердце. Этого мнения довольно, чтобы не только не отклонять, но и усугублять сказанное раздражение. Тут ничего пока нет худого и опасного, кроме того неправого мнения, что «это есть действие благодати» (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. С. 161).

«Мокрое полотенце класть на грудь? Кто-то делает из ныне подвизающихся. И писал ко мне. Это не относится к делу молитвы, а к тем случаям, когда разгорается кровь сердца при искусственном делании молитвы, чтобы умалить жар крови. Этот жар не духовное явление, а кровяное, и происходит от неумеренного употребления искусственных приемов при молитве Иисусовой. Кроется при сем и то, что они искусственное делание Иисусовой молитвы почитают главным делом и кровяную теплоту сердца при сем настоящую духовную молитвою Иисусовою. Кто так думает, тот в прелести» (Еп. Феофан. Ответы иноку. С. 40).

Для бóльшего уяснения понятия о теплоте сердечной – естественной и благодатной – приведем еще разъяснение свт. Игнатия Брянчанинова, который говорит почти то же, что и свт. Феофан: «Теплота, являющаяся от усиленного, вещественного подвига, также вещественна. Это – теплота плотская, кровяная, в области падшего естества. Неопытный подвижник, ощутив эту теплоту, непременно возомнит о ней нечто, найдет в ней приятность, услаждение, в чем начало самообольщения. Не только не должно думать чего-либо особенного об этой теплоте, но, напротив, должно принять особенные меры предосторожности при появлении ее. Предосторожность необходима по той причине, что эта теплота, как кровяная, не только переходит по разным местам груди», но, по словам свт. Игнатия, очень легко может распространяться и дальше и вызывать нездоровые, чувственные состояния... «Некоторые, пришедши в это состояние и не понимая совершающегося с ними, вдалились в смущение, в уныние, в отчаяние, как это известно из опыта... Между тем, эта страшная прелесть есть не что иное, как прилив крови, происшедший от усиленного, невежественного употребления вещественных пособий. Этот прилив легко может уврачеваться в два-три дня



прикладыванием к воспалившимся частям полотна, напитанного водою». (А еще лучше в данном случае при творении молитвы стать вниманием ума в гортани – и упомянутая неурядица прекратится.) «При опытном наставнике употребление вещественных пособий мало опасно, но при руководстве книгами оно очень опасно по удобности впадения, по неведению и неблагоразумию, в прелесть и другие роды душевного и телесного расстройства, как некоторые, увидев вредные последствия безрассудного подвига и имея о молитве Иисусовой и сопутствующих ей обстоятельствах лишь поверхностное и сбивчивое понятие, приписали эти последствия не неведению и безрассудству, но самой всесвятой молитве Иисусовой. Может ли что быть печальнее, бедственнее этой хулы, этой прелести?» (Еп. Игнатий. Сочинения. Т. 2. С. 295, 297).

Посмотрим теперь, что пишет о теплоте, бывающей при молитве, схимонах Василий. В предисловии к главам блж. Филофея Синайского старец говорит: «Необходимо распознавать умным чувством и теплоту в молитве: какая изливается в сердце от Бога, как миро благовонное, через св. крещение, и какая привзошла к нам от преступления прародителей, и какая возбуждается диаволом. Первая теплота только в самом сердце с молитвою начинается и в сердце же оканчивается с молитвою, подавая душе удостоверение и плоды духовные. Вторая же имеет начало и конец в почках, принося душе жесткость, студеность и смущение. Третья, возникая от смешения с похотным движением, распяляет сердце и члены блудным желанием, пленяя ум в скверные помыслы... что каждый тщательный делатель может скоро заметить и распознать. И хотя враг, говорит Григорий Синаит, внутрь чресл и покушается по своему желанию призрачно представлять духовное, вместо теплоты духовной наводя свое жжение, вместо веселия возбуждая радость бессмысленную и сласть мокротную, и побуждает принимать обольщение как действительную благодать, но время, опыт и чувство научают его распознавать».

В другом месте того же предисловия то же разъяснение старец делает иными словами: «Прежде всего, по словам св. патриарха Каллиста, приходит теплота от почек, как бы опоясывая их, и она кажется прелестью, но это не прелесть, а естественное действие, порождаемое свойством подвига. Если же кто-нибудь думает, что эта теплота от благодати, то это воистину прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающийся должен не принимать ее, но отгонять. Приходит и другая теплота от сердца, и, если ум снисходит в блудные помыслы, это несомненная прелесть. Если же все тело от сердца растепливается, ум же чист и бесстрастен и как бы прилепился ко внутренней глубине сердца, то это есть поистине действие благодати, а не прелести».

То же самое пишет старец Василий и в предисловии к книге св. Григория Синаита: «Полезно, думается, и о том знать делателю, что жжение или теплота исходит от чресл к сердцу иногда сама по себе, естественно, помимо помыслов блудных. И это не от прелести, а от естества, говорит св. Каллист Патриарх. Если же кто принимает и это за проявление благодати, а не естества, то это, несомненно, есть прелесть. Каково же все это есть, подвизающемуся не следует обращать внимания, но отвергать. Иногда же диавол, смешавши свое жжение с похотию нашею, вовлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же все тело растепливается и ум остается чистым и бесстрастным и, как бы прилепленный, покрывается во глубине сердца, начиная и кончая молитву в сердце, – это есть несомненно от благодати, а не от прелести». И в предисловии к книге св. Исихия старец снова пишет: «Полезно знать делателям и о том, что если когда-нибудь теплота, поднявшись от чресл, сама по себе, без помыслов блудных, и дойдет до сердца, не должно ужасаться этому, ни малодушествовать, но только одним изволением и умом отвращаться от нее и, как непотребную, прогонять обратно. Но если кто примет ее или помыслит как благодатную – прельстится».

Все вышеизложенное, надеюсь, поможет Вам ясно различать бывающую при молитве теплоту: благодатную,

естественную и приходящую от диавола.

Иерей. Теперь у меня остается еще один вопрос, на который я хотел бы получить от Вас особенно подробное и всестороннее разъяснение, именно вопрос о прелести, бывающей при неправильном прохождении умного делания и Иисусовой молитвы.

Этот вопрос меня особенно занимает потому, что я знаю немало людей, которые, будучи совершенно не знакомы ни с умным деланием, ни с Иисусовой молитвой, испытывают непонятный и безотчетный страх уже перед одними только этими словами, будучи уверены, что занятие умным деланием и Иисусовой молитвой заключает в себе величайшую опасность и неизбежно приводит к самым печальным последствиям, – люди, занимающиеся этим деланием, теряют будто бы правильное и здоровое религиозное устройство, запутываются в ложных, нездоровых, мечтательных религиозных ощущениях и переживаниях, от которых в конце концов совершенно повреждают рассудок. Чтобы разъяснить думающим так их заблуждение и рассеять их ложные и неосновательные страхи, я сам должен иметь об этом предмете, т. е. о бывающей при умном делании прелести, ясное понятие, – ясно сознавать, что такое прелесть, от чего она происходит, в какой мере ее бояться и как можно избежать ее?

Инок. Указанные Вами страхи и предубеждение против Иисусовой молитвы, имеющиеся у людей, которые, как Вы указали, совершенно не знакомы с этим деланием, настолько же неосновательны, как и имеющееся у некоторых предубеждение против чтения Библии. Библия есть слово Божие. Какую же опасность может заключать в себе чтение слова Божия, о котором Господь Иисус Христос сказал: «Исследуйте Писания... они свидетельствуют о Мне?» (Ин. 5, 39). И ап. Павел: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности...» (2Тим. 3, 16). И не само ли Евангелие свидетельствует о силе и действенности Иисусовой молитвы? (Мф. 15, 22; 20, 30–31; молитва жены хананеянки и слепцов иерихонских).

Вражда против делания молитвы Иисусовой со стороны тех, кто не понимает ее сущности и смысла, существовала с давних пор. св. Григорий Синаит, учивший об умном делании, был встречен враждебно Афонскими иноками. Старцу Паисию Величковскому пришлось три раза письменно выступать против хулителей Иисусовой молитвы: один раз на Афоне и два раза в Молдавии. В приведенных нами «Главах об умной молитве» он подробно излагает свои доводы в защиту умного делания, и мне нет надобности повторять их. Нам следует остановить наше внимание на том, что говорят опытные наставники Иисусовой молитвы о прелести, чем они объясняют возникновение прелести и как можно сохранить себя в безопасности от нее? Но что же значит «впасть в прелесть»? Впасть в прелесть – это значит стать жертвою обмана или самообмана, имея при этом твердую уверенность, что находишься в истине, в то время как другие заблуждаются. Впасть в прелесть – это значит стать жертвою самообольщения и, будучи ослепленным гордостью, потерять даже способность сознать свое заблуждение. В этом и заключается особенный ужас прелести. Напрасно, однако, думают, что впадение в прелесть бывает только с людьми, проходящими умное делание. Мы увидим из дальнейшего, что она может быть и у тех, кто не занимается умным деланием, а ограничивается псалмопением, канонами и тропарями. Прелесть возможна даже и вне религиозной области, но эта сторона нас не касается. Итак, что же говорят о прелести наставники умного делания? Начнем со старца схимонаха Василия. В предисловии к книге блж. Исихия он пишет: «Евангельское благовествование говорит: «Господи, не доброе ли семя сеял еси?.. Откуда убо имать плевелы?» (Мф. 13, 27). Ибо, как невозможно не подкрадываться злу к добру, так и к этому священному умному деланию приплетается прелесть, подобно плющу к дереву. Имеет же она начало от мнения и самочиния, врачевство которым – смирение, исследование Свящ. Писания и совет духовный, а не уклонение от обучения умному деланию. Ибо св. Григорий Синаит говорит, что не должны мы бояться или сомневаться, призывая Бога, если же некоторые и совратились, повредившись в уме, то знай, что они

пострадали это от самочиния и высокоумия. Самый же вид и дело прелести заключается, во-первых, во вражеском участии в похоти внутренних чресл и, во-вторых, в призраке в мечтании ума. Предостерегая от первого, он говорит: «Хотя враг и покушается внутри чресл, по своему желанию, показывать вид духовного, вместо теплоты духовной наводя свое жжение... и побуждает признавать свою прелесть как благодать действующую, но время, и опыт, и чувство обнаруживают его». Показывая же опасность второго, научает, говоря: «Ты же, когда безмолвствуешь, никогда не принимай, если что увидишь чувственно или умно, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или ангела, или вид святого, или свет, или огонь.... Думают, что прелесть внешнему пению не примешивается, однако несомненно, что во всем, в пении ли или в молитве, одинаково прелесть имеет место по неискусству делателей, как сказал св. Иоанн Лествичник: «Испытаем, и рассмотрим, и измерим: какая сладость происходит в нас при псалмопении от блудного беса и какая от духовных слов и от заключающейся в них благодати и силы». И еще: «Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, чтобы она не была растворена с отравой». Смотри же, не одинаково ли касается прелесть поющих, как и обучающихся молитвою, но так как не знающие умного делания одну только имеют заботу – окончить песненное правило, о помыслах же злых и кипении похоти не заботятся, то по этой причине они и не сознают, когда похоть сама по себе кипит и когда возбуждается вражеским участием, и не знают, как его избежать.

Но, как говорит писание, голоса врагов слышат и принимают удары от них, но кто враги и почему они нападают, того не знают... Поняв из этого, что не умное делание бывает причиною прелести, но одно наше самочиние и высокоумие, не следует нам избегать его ибо оно не прелесть нам приносит, а наоборот, открывает умные очи к различению и познанию прелести, которую никто не может понять во веки, не обучившись этому священному умному деланию, хотя бы он был и превеликий постник и безмолвник». «Однако, – читаем мы в другом месте, – слыша о великом милосердии Божиим к

нам грешным, мы не должны самонадеянно и бесстрашно, без всякого смирения и посильного исполнения заповедей стремиться к этому умному священнодействию, но разумея, что дерзость и отчаяние бывают от врага, решительно избегать и того и другого, таким образом, тщательно изучая Свящ. Писание и советуясь с опытными, смиренно обучаться сему умному деланию».

В предисловии к книге св. Григория Синаита старец Василий пишет: «Кто в послушании, с вопрошением и смиренномудрием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатию Христовою. Ибо кто право живет и непорочно жительствоует и удаляется от самоугодия и высокоумия, тому весь бесовский полк, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения, не может повредить, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно ходят, эти в прелесть впадают. ... Не на возбранение умного делания, но предостерегая нас от прелести указывают нам св. отцы причины, по которым прелесть приходит. ...Св. Григорий Синаит, повелевая не бояться и не сомневаться обучающемуся в молитве, приводит две причины прелести: самочиние и высокоумие. И св. отцы, желая сохранить нас невредимыми от них, повелевают исследовать Свящ. Писание, научаясь от него, имея брат брата добрым советником, как говорит Петр Дамаскин. Если нельзя найти искусного делом и словом старца, по примеру св. отец, знающего хорошо отеческое писание, то, пребывая наедине, в безмолвии, всеми силами должно стараться иметь духовное наставление от учений и наставлений св. отец, вопрошая о всякой вещи и добродетели. Таковую меру и порядок следует сохранять и нам, читая писания, а не уклоняться от их учения и наставления...

Если ты страшишься этого делания и обучения от одного благоговения и простоты сердца твоего, то и я еще больше вместе с тобою устрашаюсь, но не на основании пустых басен, по которым волка бояться – в лес не ходить. И Бога должно бояться, но не убегать и не отрекаться от Него по причине этого страха. Воистину, страха и трепета, сокрушения, и смирения, и многого испытания Свящ. Писания, и совета единоклубных

братий требует это делание, но не бегства и отказа и тем более не дерзости и самочиния. Ибо дерзкий, сказано, и самонадеянный, порываясь к тому, что выше его достоинства и устройства, в гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы. И еще: если кто мечтает мнением достигнуть высокого, будучи охвачен сатанинским, а не истинным желанием, такового сатана удобно опутывает своими сетями, как раба своего».

Указав основные причины бывающей при умном делании прелести, каковыми является самочиние и высокоумие, а также и средства борьбы с ними: смиренное исследование Свящ. Писания, вопрошение опытейших, советование с братьями, старец Василий указывает и некоторые частные причины, вытекающие из этих основных. Таковою является, между другими, неправильная установка внимания при совершении молитвы, от чего происходят и неправильные состояния в теле. В предисловии к книге блж. Филофея старец пишет: «Следует с самого начала обучать ум в час молитвы, чтобы он находился вверху сердца и зрел в глубину его, а не был бы на половине сбоку или на конце снизу. Причина же, по которой следует так поступать, такова: когда ум стоит сверху сердца и внутри его действует молитву, тогда, как царь, сидящий на высоте, взирает совершенно свободно на все пресмыкающиеся внизу злые помыслы и разбивает их о камень имени Христа, как вторых вавилонских младенцев. Притом же, будучи столь удален от чресл, может во всяком случае избежать похотного жжения, существующего в естестве нашем чрез преступление Адама. Если же кто начинает творить внимание в молитве на половине сердца от персей, то или от случающегося оскудения теплоты сердечной, или же по изнеможению ума и притуплению зрения под влиянием частого действия молитвы, или по причине воздвигнутой врагом брани, ум сам по себе ниспадает к чреслам и смешивается с похотною теплотою, хотя и невольно, по причине сближения с нею, при совершении молитвы на половине сердца. Некоторые же по наивной нерассудительности или, лучше сказать, не зная, что такое верх или середина сердца и что такое половина и конец его, начинают творить

молитву снизу, на конце сердца, при чреслах, и, таким образом, касаясь умом частию сердца и частию чресл, по собственной вине вызывают прелесть, как обаятели змею, ибо невозможно избежать общения с врагом тем, кто таким образом держит внимание. Другие же, страдая окончательным неразумием и грубостью, не знают даже самого места сердечного, находящегося под левым сосцом и боком, но полагая его среди чрева, дерзают – увы, их прелести! – там совершать умом молитву. Научаясь из этих примеров, следует, как сказано, совершать умом внимание и молитву внутри сердца сверху от сосца, а не на половине от персей и тем более не снизу от чресл».

Подобное же пишет старец Василий и в предисловии к книге св. Григория Синаита: «И еще опять удивления и ужаса достойно и то, как некоторые, знающие Писание, не испытуют его, другие же, и не зная и не вопрошая, дерзают своим разумом на сие умное внимание, и притом еще и говорят, будто вниманием стоять и молитву творить должно в желательной части: «То бо, – глаголют, – есть среда чрева и сердца». Это есть первая и самоизвольная прелесть. Не только молитвы и внимания не следует в этой части действовать, но и самую ту теплоту, которая приходит от похотной части на сердце в час молитвы, ни в каком случае не принимать. Средою же чрева, по св. Феофилакту, называется самое то сердце, и она не при пупе, ни посреди груди, но под левым сосцем имеет свое место...»

В предисловии же к книге блж. Исихия старец Василий с особенною строгостью говорит о тех делателях молитвы, которые свою собственную вину в своем неумелом делании возлагают не на себя, а на самую священную молитву. Повторив указанные выше наставления о месте внимания, старец Василий продолжает: «Если же кто-нибудь дерзнет творить внимание снизу сердца, такового ум, возлегши весь на чреслах и оттуда смотря в глубину сердца и совершая молитву, прелюбодействует в сердце своем, распаляя члены свои сладострастием, и добровольно впускает врага внутрь себя, что есть явная прелесть, которой многие в нынешнее время, по неведению, приобщившись и пострадавши от нее, отказались



обучаться умному деланию, говоря: это дело одних бесстрастных! И таким образом сделались преткновением и себе и всем, желающим начать это умное внимание. Лучше было бы им, повесив камень на шею, утонуть, чем соблазнять себя и многих делателей, т. к. они не признались в своем неразумии и самочинной дерзости, но еще сделались учителями, говоря, что все, желающие обучаться умному вниманию, так же пострадают, – да не будет этого! Поэтому каждому должно сверху осенять умом сердце и, всегда смотря в глубину сердца, действовать молитву, ибо там есть, по писанию, среда сердца, а не сбоку от персей, и на ней покоясь, как царь на высоте престола, им может всегда удаляться от чресл и теплоту похотную прогонять обратно, в особенности же с высоты ее различать всех пресмыкающихся пред собою внизу и одних отвращаться, других изгонять, третьих же, как младенцев вавилонских, убивать о камень, который есть Христос».

Причиной высокоумия, также влекущей за собою прелесть, старец Василий почитает и не по силам, неразумно принимаемые подвижниками на себя труды чрезмерного поста и преждевременного отшельничества. В предисловии к книге св. Исихия он пишет об этом так: «Причина высокоумия заключается в безрассудном и безмерном посте, когда постящийся думает, что совершает добродетель, а не для целомудрия постится, как сказал св. Дорофей, к тому же дает повод и уединенная жизнь. И, опровергая первую причину, этот святой говорит: потому-то царским путем всегда и должен идти безмолвствующий, т. к. излишествующему во всем всегда легко сопутствует мнение, которому преемницей бывает прелесть. Отсекая же вторую причину, говорит: сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и обнажать на них меч, т. е. слово Божие». «Желающий обучаться умному деланию, – говорит старец Василий в другом месте, – прежде всего пусть разумеет и исполняет сказанное св. Максимом: «Дай телу по силе его и весь труд твой на ум обрати». И еще: «Телесные добродетели приятны, если кто со смирением их проходит, без этого же суетен труд». И еще: «Не все старание имей о плоти,

но противопоставь пределом ее силе воздержание и весь ум твой обрати на внутреннее, ибо телесное обучение мало полезно, внутреннее же внимание всегда полезно есть...» Исихий же святой сказал об этом: «Кто не имеет понятия о шествовании духовным путем, тот не заботится о страстных помыслах, ни об исправлении их, но все попечение и заботы имеет только о теле. Такой или объедается и бесчинствует, опечаливается, и гневается, и припоминает обиды, и, таким образом, помрачает ум, или, предаваясь безмерному воздержанию, смущает ум». И еще св. Диадох сказал: «Как обременяемое множеством яств тело делает ум каким-то боязливым и склонным ко злу, так ум, изнемогающий от многого воздержания, делает унылою и нелюбимою зрительную часть. Поэтому необходимо соразмерять питание с состоянием телесных сил: когда тело здорово – утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, питать его несколько. Ибо подвижающемуся не следует ослабевать телом, но, насколько нужно, быть способным к подвигам. И опять Лествичник: «Видел, говорит, враждебницу (утробу) эту успокоиваемой и подающей уму бодрость... Ибо нам нужно иметь тело здоровое, а не расслабленное, т. к. умное делание требует и телесной крепости. Поэтому необходимо всеми силами избегать и безмерного поста и невоздержания... Таково рассуждение мудрых!» Таково разъяснение старца Василия, основанное на святоотеческом учении, о прелести, ее причинах и о том, как предохранить себя от нее. Для более полного и всестороннего освещения вопроса, приведем еще слова свтт. Феофана и Игнатия о том же предмете.

Свт. Феофан пишет: «Спрашиваете, отчего бывает прелесть при делании молитвы Иисусовой? Бывает она не от нее, а от образа совершения ее, – именно того, который прописан в Добротолубии. Тот образ надо проходить с наставником, знающим то дело, и на глазах его. А кто один возьмется за сие дело, по одному описанию его, тому не миновать прелести. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем для восполнения внутреннего при сем строя, того не видно. Проходящий такое делание без

руководителя присущего, естественно, и остается с одним внешним деланием: строго исполняет, что велено относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Как такого рода приемы естественно могут доводить до некоей степени сосредоточения внимания и теплоты, то он, не имея при себе верного определителя, который бы сказал ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, приходит к мысли, что это и есть то, что он ищет, т. е. что его осенила благодать, тогда как ее тут еще нет, и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы по причине опасности от них. Сами по себе они не могут дать ничего благодатного, ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодолжный строй и без них привлечет действие благодати. Этот строй есть при молитве Иисусовой ходить в присутствии Божию, возгревать чувства благоговеинства и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блюсти ее незапятнанною и мирною и всю жизнь свою – и внутреннюю и внешнюю – предать в руки Божии. Из сих духовных стихий благодать Божия, в свое время пришедши, слив их воедино, возжигает огонь духовный в сердце, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Сим путем трудно попасть во мнение. Но и тут с руководителем лучше наличным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо сии два открывают, что внутри» (Умное делание, § 378).

И еще: «Творить молитву Иисусову, как все мы навываем делать, есть доброе дело. В монастырях это возлагается как долг. Стали бы разве возлагать, если бы это было опасно?! Опасно то художество, какое придумали и приладили к сей молитве. Оно ононого ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, – в постоянное похотное состояние. Его потому надо и отсоветовать и запрещать. А сладчайшее имя Господа в простоте сердца призывать всем надо внушать и всех к тому располагать» (Там же, § 365).

И еще: «Прелести нечего бояться... Она случается с возгордившимися... кои начинают думать, что как зашла теплота в сердце, то это уже и есть конец совершенства. А тут только начало, и то, может быть, непрочное. Ибо и теплота, и умирение сердца бывают и естественные – плод сосредоточенного внимания. А надо трудиться и трудиться, ждать и ждать, пока естественное заменено будет благодатным. Всяко, лучше всего, никогда не почитать себя достигшим чего-либо, а всегда видеть себя нищим, нагим, слепым и никуда не годным» (Там же, § 364).

Свт. Игнатий с большой суровостью обличает тех, кто запрещает совершать Иисусову молитву из опасения прелести. Он пишет: «Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовою молитвою всегда, или почти всегда, последует прелесть, и очень запрещают заниматься этою молитвою. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения, человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать нас; как же эта сила, действующая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться и действовать в погибель? Это – чуждо смысла! Это – нелепость горестная, богохульная, душепагубная!.. Рассмотрим все Свящ. Писание: увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для человека. Рассмотрим писание отцов: увидишь, что все они, без исключения, советуют и заповедуют упражнение молитвою Иисусовою, называют ее орудием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле, называют ее богоданным, неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным. Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви – увидишь, что она для всех неграмотных чад своих: и монахов и мирян – установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле, молитвою Иисусовою. Что же значит пред

единогласным свидетельством Свящ. Писания и всех св. отцов, пред законоположением Вселенской Церкви о молитве Иисусовой противоречащее учение некоторых слепцов, прославленных и прославляемых подобными им слепцами» (Там же, § 371).

По словам свт. Игнатия, «для преуспевания в молитве и для избежания прелести необходимо самоотвержение, научающее искать в молитве одного внимания. Тогда подвиг молитвенный упростится и облегчится, облегчатся и искушения, которые, однако, всегда сопутствуют подвигу. Если же кто преждевременно стремится к раскрытию в себе действий сердечной молитвы, «тому, – говорит прп. Нил Сорский, – согласно с прочими св. отцами, попускаются тяжкия, превыше сил, искушения от бесов». Такому стремлению служат основанием непонимаемые превозношения и высокоумие, представляющиеся усердием» (Там же, § 370).

По словам того же свт. Игнатия, «прелесть, понятная для многих в ее ясных последствиях, должна быть изучаема, постигаема в самом ее начале: в мысли ложной, служащей основанием всех заблуждений и бедственных душевных состояний. В ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует то растение, которое должно произойти из него по насаждении его в землю» (Там же, § 374). Возвращаясь опять к свт. Феофану, отметим его слова, в которых он называет сокрушенный плач лучшим предохранением от прелести: «Великое орудие имеет на врагов тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтобы не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвою. Хранящий эту радость-печаль, избегнет всякого вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, в которой теплота, с молитвою Иисусовою, влагает огонь в землю сердца нашего и пополяет страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу и приходит не от десныя или шуия страны, ни даже свыше, но прозябает в сердце, как источник воды от Животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце своем, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал: «Дерзайте, аз есмь, не бойтесь!» (Мф. 14, 27) – Сам с

нами. Кто, настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и повел на него бесчисленные искушения» (Там же, § 375).

Подобно свт. Феофану и свт. Игнатий не считает необходимым пользование внешними приемами для навывновения молитве Иисусовой. Он пишет: «Читатель найдет в Добротолубии, в Слове Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, в слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов, наставление о художественном ввождении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение отцов затрудняло и затрудняет многих читателей... Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Пособия всегда остаются только пособиями...» (Там же, § 379). Привожу еще одно замечание свт. Игнатия на хулителей молитвы Иисусовой: «Получившим и усвоившим себе несчастное предубеждение против молитвы Иисусовой, нисколько не знакомым с нею из правильного и

долговременного упражнения ею, было бы гораздо благоразумнее, гораздо безопаснее воздерживаться от суждения о ней, сознавать свое решительное неведение этого священного подвига, нежели принимать на себя обязанность проповеди против упражнения молитвою Иисусовою – провозглашать, что эта всесвятая молитва служит причиною бесовской прелести и душепогибели. В предостережение им нахожу необходимым сказать, что хуление молитвы именем Иисуса, приписание зловредного действия этому имени равновесны той хуле, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом... Невежественное, богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического» (Там же, § 382). Желющие более подробно узнать учение свт. Игнатия об Иисусовой молитве и о прелести могут найти его в полном собрании его сочинений (т. 1). Хотя свт. Феофан и Игнатий не считают необходимыми те внешние приемы обучения Иисусовой молитве, о которых говорит в своих предисловиях на книги св. отцов старец схимонах Василий, но оба они с большою похвалою и одобрением отзываются о его писаниях и о писаниях прп. Паисия Величковского, рекомендуя руководствоваться их наставлениями при обучении молитве Иисусовой. Свт. Феофан пишет: «Вы читаете Добротолюбие – хорошо. В статьях Игнатия и Каллиста, Григория Синаита и Никифора не запутайтесь. Поищите, нет ли у кого жизни старца Паисия Нямецкого. Там помещены предисловия к некоторым статьям Добротолюбия, составленные старцем Василием. Сии статьи много разъясняют значение механизма в производстве молитвы Иисусовой. Они и Вам помогут понять все как следует...» (Умное делание, § 383).

Свт. Игнатий со своей стороны пишет следующее: «Все писания отцов греческих достойны глубокого уважения по обилию живущих в них и дышащих из них благодати и духовного разума, но сочинения российских отцов, по особенной ясности и простоте изложения, по большей близости к нам относительно времени, доступнее для нас, нежели писания греческих светильников. В особенности писания старца Василия можно и должно признать первую книгою, к которой в наше время

желающему успешно заняться Иисусовой молитвою необходимо обратиться. Таково и назначение ее. Старец назвал свои писания предпутиями, предисловиями, или таким чтением, которое приготавливает к чтению греческих отцов» (Там же, § 384).

Этимися отзывами двух известных епископов-подвижников и наставников Иисусовой молитвы мы и закончим нашу беседу о писаниях старцев – схимонаха Василия Поляномерульского и схиархимандрита прп. Паисия Величковского.

«Как можно одним ограждением внешних чувств хранить ум нерасхищенным, когда помыслы его сами собою растекаются и прячут на вещи чувственные? Если не можно, то нужда настоит уму, в час молитвы, бежать внутрь сердца и стоять там глухим и немим для всех помыслов. Кто внешне только удаляется от зрения, слышания и глаголения, тот мало получает пользы. Затвори ум свой во внутренней клети сердца – и тогда насладишься покоем от злых помыслов и вкусишь радости духовной, приносимой умною молитвою и вниманием сердечным». Св. Исихий говорит: «Не может ум наш победить мечтание бесовское сам собою токмо, да и не надеется когда-либо сего. Посему блюдись, да не вознесешься, по примеру древнего Израиля, – и предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом всяческих от египтян, помощником себе вздумал возыметь идола перстного. Под идолом перстным разумей немощный наш разум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, удобно их отгоняет, а когда на себя бессмысленно понадеется, падает падением дивным и разбивается». (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. С. 184–188).



## **Беседа 5. Ближайшие наставники умного делания и Иисусовой молитвы: свтт. Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, Оптинские старцы, Валаамский старец Агапит, св. прав. Иоанн Кронштадтский и другие отечественные подвижники XIX в.**

Инок. Переходим, с помощью Божией, к ближайшим наставникам умного делания, т. е. к тем, которые жили в середине и в конце XIX в. Из них прежде всего остановимся на свт. Феофане, Вышенском Затворнике, сочинения и письма которого имеют широкое распространение и большую известность в нашем православном обществе среди любителей духовного чтения. Мы уже не раз упоминали имя этого святителя и приводили выдержки из его писаний. Среди наставников духовного делания и Иисусовой молитвы свт. Феофан отличается особенной простотой, ясностью и жизненной деловитостью своих наставлений. Он требует прежде всего благоговейной установки внимания в сердце пред лицом Божиим и затем неспешного, терпеливого, постепенного и неустанного упражнения в делательной, трудовой молитве, пока не возникнет в сердце, благодатию Божией, молитва постоянная, самодвижная. Свт. Феофан избегает говорить подробно о высших степенях молитвы, а также и о состояниях прелести, предоставляя это времени и опыту. Из многочисленных наставлений святителя, имеющих в его сочинениях и в его письмах, мы остановим наше внимание прежде всего на ряде писем к одной из его духовных дочерей, проходившей умную молитву под его письменным руководством. По этим письмам можно проследить, как велось это руководство, какие трудности возникали при молитве у его духовной дочери, как они преодолевались по указаниям свт. Феофана, каково вообще было ее духовное состояние и к каким

результатам она в конце концов пришла. Опыт этой духовной дочери может послужить уроком и для других, занимающихся духовным деланием. Письма свт. Феофана, о которых идет речь, полностью помещены в его книге: «Письма к разным лицам о разных вопросах веры и жизни» под №№ 43–85. Мы приводим из них выдержки. Прежде всего мы остановим наше внимание на письме 66, в котором говорится о молитве Иисусовой вообще и о возможности заниматься ею мирянам, а потом вернемся к письму 43 и следующим.

Духовная дочь пишет свт. Феофану: «Была у меня одна благочестивая особа и мы разговаривали о делах Божиих. Коснулись молитвы. К моему удивлению, гостья моя стояла на том, что мирянам не только не под силу, но и совсем не подходит умную иметь молитву. Я сказала на это, что могла. Прошу и Вашего об этом слова».

Свт. Феофан отвечает: «Ваша гостья неправо рассуждала. У кого нет умной внутренней молитвы, у того и никакой нет, ибо только умная молитва и есть настоящая молитва, Богу угодная и приятная. Она должна составлять душу домашнего и церковного молитвословия, так что коль скоро ее нет при сем, то молитвословия те имеют только вид молитвы, а не суть молитвы. Ибо что есть молитва? Молитва есть ума и сердца к Богу возношение, на славословие, и благодарение Богу, и испрашивание у Него потребных благ душевных и телесных. Существо молитвы, стало быть, есть умное к Богу восхождение из сердца. Становится ум в сердце сознательно пред лицом Бога и, исполняясь достодолжного благоговения, начинает изливать пред Ним сердце свое. Вот и умная молитва! Но такова и должна быть всякая молитва. Внешнее молитвословие, домашнее или церковное, дает ей только слово, или форму, душу же, или существо, молитвы носит всякий сам в себе в своем уме и сердце. Весь церковный молитвословный чин наш, все молитвы, сложенные для домашнего употребления, исполнены умным обращением к Богу. Совершающий их, если он хоть мало внимателен, не может избежать сего умного к Богу обращения, разве только по совершенному невниманию к совершаемому им делу. Без умной

молитвы никому нельзя обойтись. Не возноситься к Богу молитвенно мы не можем, ибо природа наша духовная того требует. Вознестись же к Богу иначе мы не можем, как умным действием, ибо Бог умствен. Есть, правда, умная молитва при словесной, или внешней – домашней или церковной, – и есть умная молитва сама по себе, без всякой внешней формы, или положения телесного, но существо дела там и здесь одно и то же. В том и другом виде она обязательна и для мирских людей. Спаситель заповедал: войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне (Мф. 6, 6). Клеть эта, как толкует свт. Димитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно, заповедь Господня обязывает тайно в сердце умом молиться Богу. Заповедь эта на всех христиан простирается. Вот и ап. Павел что заповедует, когда говорит, что должно всякою молитвою и молением молиться на всякое время духом (Еф. 6, 18)? Заповедует умную молитву – духовную, – и заповедует всем христианам без различия. Он же всем христианам заповедует непрестанно молиться (1Сол. 5, 17). А непрестанно молиться нельзя иначе, как умною молитвою в сердце. Таким образом, нельзя спорить, что умная молитва для всех христиан обязательна, а если обязательна, то нельзя уже говорить, что едва ли возможна, ибо к невозможному Бог не обязывает. Что она трудна, это правда, а чтобы была невозможна, это несправедливо. Но ведь и вообще все доброе трудно, тем паче таковою должна быть молитва – источник для нас всего доброго и верная того опора.

Спросит кто: как же это сделать? – Очень просто: возымей страх Божий. Страх Божий, как чувство, привлечет внимание и сознание к сердцу, а как страх – заставит внимание и сознание стоять в сердце благоговейно пред Богом. Вот и умное предстояние Богу, – вот и молитва умная! Доколе в сердце есть страх Божий, доколе умное предстояние Богу не отойдет от сердца. Вот вседейственное средство к умной молитве! Но как же, скажет кто: дела развлекают?! Не будут развлекать, возымей только страх Божий. Умному предстоянию Богу, или памяти Божией, мешают не дела, а пустоделие и худоделие. Отстрани пустое и худое, оставя одно обязательное – не по

светской, а по Евангельской обязательности, – и увидишь, что исполнение такого обязательного не только не отклоняет от Бога, а напротив, привлекает ум и сердце к Богу. То и другое (обязательные по Евангелию дела и молитва) одного рода и требуют одинакового строя душевного. Что ни стал бы ты делать из этого круга, всегда обратишься к Богу, чтобы помощи испросить и дело самое Ему посвятить во славу. Вставши утром, установись покрепче пред Богом в сердце в утренней своей молитве и потом исходи на дело свое, Богом тебе определенное, не отрывая от Него чувства своего и сознания. И будет то, что силами души и тела будешь делать дела свои, а умом и сердцем пребывать с Богом. Неправо понимают умную молитву, когда думают, что для нее требуется сидеть где-либо скрытно и таким образом созерцать Бога. Нигде не нужно для сего укрываться, кроме своего сердца, и, там установясь, зреть Господа перед собою, как бы Он был одесную, как делал св. Давид. Говорят: к образованию умной молитвы помощным средством служит уединение, а для мирян как возможно уединение: у них непрестанные дела и столкновения? Стало быть и умной молитвы им некогда у себя завести. То правда, что для умной молитвы нужно бывает уединение. Но есть два рода уединения: одно всецелое, всегдашнее, когда кто уходит в пустыню и живет один; другое – частное, бывающее по временам. Первое, действительно, не идет к мирянам, а второе и возможно для них, и даже есть у них. У всякого случается сколько-нибудь времени всякий день, когда он бывает один, хоть бы даже и не заботился намеренно о том, чтобы устроить для себя часы уединения. Вот эти часы и может он обратить на образование, укрепление и оживление умной молитвы. Следовательно, никто не может отговариваться недостатком благоприятного для умной молитвы положения в порядках своей жизни. Улучишь такой час – и углубись в себя. Брось все заботы, стань умно в сердце пред Богом и изливай пред Ним душу свою. Но есть кроме внешнего еще внутреннее уединение. Вне – обычное течение дел человеческих, а между тем среди них иной один себе сидит в сердце, ничему не внимая. Всеми испытывается, что когда у кого болит сердце о чем-либо, то будь

он в самом веселом и многоречивом обществе, ничего не слышит и не видит. Там, у сердца своего, сидит он со своею болестию. Это всякий знает по собственному опыту. Если же так бывает в житейских делах, то отчего не быть подобного сему и в порядке жизни духовной? Есть и тут болезнования, которые еще гораздо сильнее и глубже всех болезней житейских. Когда кому западает в сердце болезнование в этом порядке жизни, что будет в силах тогда извлечь сознание его из его уединенного пребывания в сердце? Следовательно, стоит только его завести, чтобы быть уединенным и не наедине будучи. И за этим не далеко ходить. Оживи страх Божий – и пойдут болезнования самые сокрушительные, которые прикуют внимание и чувство к единому потребному, како приидем и явимся лицу Божию. – Вот и уединение! Еще одно недоумение: в деле умной молитвы надо иметь руководителя, где взять его мирянину? Там же, в миру, и между духовными отцами и даже между мирянами. То правда, что все реже и реже становятся лица, к которым можно было бы благонадежно обратиться за советами о духовной жизни. Но они всегда есть и будут. И желающий всегда находит их, по милости Божией. Жизнь духовная есть Божия жизнь, и Бог особое имеет попечение о взыскивающих Его. Возревнуй только – и найдешь все благопотребное около себя. Так, стало быть, хотят или не хотят миряне, а от умной молитвы нечем им отговориться. Пусть берутся за нее и учатся ей» (С. 381–385).

Приведенное письмо является как бы введением, или предисловием, к дальнейшим наставлениям об Иисусовой молитве. Прежде всего (в письме 43) свт. Феофан объясняет своей духовной дочери необходимость при совершении Иисусовой молитвы стоять вниманием не в голове, а в сердце: «Должное настроение Вашего внутреннего должно состоять в непрестанной памяти Божией со страхом и благоговеинством и в памяти смертной. Навык ходить перед Богом, или в памятовании о Боге, есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно следовало бы быть в духе нашем, созданном по образу Божию, но нет его по причине отпадения нашего от Бога. Вследствие сего предлежит труд в стяжании навыка ходить пред Богом. Он состоит существенно в напряжении стоять

сознанием пред лицом Бога вездесущего, но поддерживается и другими побочными деланиями, входящими в состав духовной жизни. Но и здесь труд – в том, чтобы направлять сии делания к означенной цели. Сюда должно направлять и чтение, и размышление, и молитву, и все занятия и сношения так вести, чтобы они не мешали и не расстраивали памяти Божией. И то надо к сему приспособить, где стоять сознанием, или вниманием. Ум – в голове, и умовые люди (научники) все в голове живут. Живут в голове и страдают непрерывным бурлением мыслей. Это бурление не дает вниманию стоять на едином. Не может ум стоять и на едином помышлении о Боге, пока он в голове. Все отбегает и отбегает. На этом основании желающим установиться в едином помышлении о Боге заповедуется оставить голову и низойти умом своим в сердце и там стоять вниманием неисходно. Только тогда, как ум сочетается с сердцем, можно ожидать успеха в памяти Божией. Извольте теперь поставить себе целью достижение сего и начинайте движение к сей цели. Не думайте, что это труд непосильный, но и того не думайте, что это так легко, что стоит только захотеть, как и дело тут» (С. 325–326).

Далее свт. Феофан пишет, что первый прием к тому, чтобы привлечь ум к сердцу, заключается в том, чтобы вызвать сочувствие сердца к читаемым и слушаемым молитвам и душу свою наполнить и напитать молитвенными помышлениями и чувствами, избранными из готовых молитвенных книг, ибо чувства сердца обычно властвуют над умом. Как этого достигнуть? – «Надо читаемое и слушаемое обдумывать и обчувствовать. Для сего назначьте себе какой час (вне молитвенного правила), берите молитвенник и читайте, – читайте и обдумывайте положенные молитвы и доводите изложенные там помышления до чувства. Когда станете потом совершать молитвенное правило, все те чувства тотчас возобновятся у Вас в душе, и молитва Ваша будет в своем чине. Сделайте так со всем, что входит в состав молитвенника, и все, там содержащееся, проведите чрез ясное понимание и теплое чувство. Затем по сему образцу Вам не трудно будет с

ясным пониманием и чувством выслушивать и церковные службы» (С. 327).

Когда душа наполнится и напитается молитвенными помышлениями и чувствами, избранными из готовых молитвенных книг, то с нею происходит то, что бывает с заучивающим разговоры на чужом языке. Сначала он говорит только выученные фразы, а когда освоится с языком, тогда свободно начинает составлять свои собственные фразы. Так и душа, наполняясь и напитываясь молитвенными помышлениями и чувствами, избранными из готовых молитвенных книг, сама начинает жить этими мыслями и чувствами.

Далее следует второй прием привлечения ума к сердцу: «Когда совершаете свое домашнее правило, вставляйте в промежутки между читаемыми молитвами и свои молитвы, какие породятся действием тех молитв. Если Вы исполните как должно первый прием, то Ваше молитвословие все будет идти с чувствами. Чувства сии будут изменяться соответственно содержанию молитвы. Речь моя не об этих чувствах, а о таких из них, которые захватят все сознание и сердце и свяжут душу, не давая ей свободно продолжать чтение, а все отвлекая внимание ее на себя. Это особые чувства, и они, как только рождаются, порождают в душе и свои молитвы по роду своему. Этих, порождающихся в сердце, особых чувств и молитв никогда не надо пресекать дальнейшим чтением, а, остановив чтение, давать им свободу излиться, пока совсем изольются и чувство станет равно с обычными молитвенными чувствами. Этот прием сильнее первого и скорее сведет ум в сердце. Но действовать он может только после первого приема или совместно с ним. Но к нему надо иметь наготове еще некоторый дополнительный прием, или подприем. Если совершать свое молитвенное правило или какую церковную службу дома по сказанному способу, то может случиться, что небольшое правильце, как например молитвы на сон грядущим, и небольшая служба, как вечерня с повечерием, продлятся очень долго. Но одно помышление об этой длительности может или по причине лености, или иногда по каким делам (марфинским),

заставлять если не спешить, то не растягивать своего молитвословия показанными вставками. А это совсем не дает и начала положить сказанному приему, а не только довести его до совершенства, чем причинится большой ущерб преспеянию в духовной жизни. Чтобы этого не пострадать, надобно длительность своего молитвословия определить, как я уже писал Вам, не количеством молитв, которые следует прочесть, а временем, именно назначить, сколько времени провести за таким и таким правилом, за такою и такою службою, нисколько не увеличивая его против времени, обычно Вами на то употребляемого. Положите, например, на вечерню с повечерием час. И читайте положенное, не о том заботясь, чтобы все вычитать, а о том, чтобы во все положенное время быть в молитвенных чувствах и помышлениях при всем читаемом и чтобы, если припадет особое чувство, не заглушить его чтением, а давать ему свободу излиться вполне. Ведя дело так, Вы, может быть, и до «Свете тихий» не дойдете, как исполнится час. Как быть? – Закрывайте книжку, кладите несколько поклонов с обычными заключительными молитовками – и вечерня Ваша кончена. Обычная наша молитвенная Марфа смутится, как так оставить службу не докончив ее? Но Мария не станет смущаться, имея свидетельство совести, что служба совершена полно и достойно Бога поклоняемого. Конечно, если Вы, движимые несытостью сердца размолившегося, проведете свою молитву больше часа, то это не будет убытком для искомой Вами цели. На другой день начинайте свою вечерню с того, на чем остановились и продолжайте ее в том же порядке, как прежде. Если опять до конца службы не дойдете, а час исполнится, оставляйте конец для следующего дня. Таким образом иной раз положенная вечерняя служба одна протянется у Вас дня три и более. Но каждая ее часть будет для Вас полная вечерня, и Господь в такой силе ее примет. Сим же образом извольте обращаться с утренею, часами, обедницею и со всяким своим молитвословием домашним. Положите себе законом никогда не читать молитвы, чтобы только вычитать положенное, а чтобы быть в молитве под действием чтения. Читайте положенное как пособие – держать себя в молитвенных



помышлениях и чувствах. Так действуя, Вы навькнете всегда во время молитвословий быть в чувстве к Богу, и ум Ваш, будучи привлекаем сим чувством, будет стоять в памяти Божией. Если затем и во время чтения душеспасительных книг Вы будете иметь в виду не количество чтения, а то же, что и при молитвословии, т. е. светлое разумение читаемого с соответственными чувствами, то ум и при этом будет в сердце, и память Божия не отойдет от Вас и при этом занятии. С продолжением времени все больше и больше Вы будете разогреваться сердцем молитвенно, собирая туда и ум для неотходного предстояния пред Богом. Время это будет для Вас сладким временем, и Вы будете ожидать его приближения, как праздничного пира» (С. 327–330).

В следующем своем письме свт. Феофан снова возвращается к вопросу о стоянии умом в сердце.

«Вы спрашиваете, что значит быть умом в сердце? Прошлый раз я вел об этом речь. Разве не ясно говорено? Повторяю. Знаете, где сердце? Как не знать? Чему же учились? – Так станьте там вниманием и стойте неисходно – и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания, где оно, там и он. Вы писали, что часто при чтении акафиста сладчайшему Иисусу чувствуете огонь в сердце. Вот, где это чувствуете, там и будьте вниманием и не выходите вон не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять там надобно не просто, а с сознанием, что стоите пред лицом Господа, или пред всевидящим оком Его, презирающим в сокровенности сердечные, а чтобы так стоять, старайтесь иметь возгретым какое-либо чувство к Богу: страха, любви, упования, преданности, сокрушения болезненного и проч. Се – норма внутреннего строя! Блюдайте и, как только заметите, что он нарушился в чем-либо, спешите восстановить его» (С. 331).

Напомнив сказанное в предыдущем письме о приемах привлечения ума в сердце, свт. Феофан продолжает: «Вы пишете, что начали творить свои молитвы по тому способу. Приложите усердие совершать сие в совершенстве, как должно, и все будете богатеть святыми чувствами, а они будут держать

ум в сердце. Без чувств не удержите его дома – все будет вырываться и блуждать по сторонам.

Благослови Господи труд Ваш – дойти до навыка совершать молитвословие как указано. Начали; но мне показалось, что Вы все-таки спешите, чтобы дочитать до конца положенное. Это до конца надо совсем выбросить из внимания и всю заботу обратить на возгревание святых чувств, не позволяя себе ничего в ущерб им. А Вы не тако поступаете. Пишете, что при чтении одного псалма пошли слезы. Вам и следовало его еще читать или повторить те особенно стихи, которые возбудили плач, не двигаясь вперед, хоть бы и все время, положенное на службу, прошло в этом, и с прибавкой. А Вы потекли дальше и разогнали свой плач. Плача что может быть дороже? А то дочтение до конца что Вам принесло? Ровно ничего. Вот Вы и оказались действующею не в видах своих духовных польз...

Причащаться Св. Христовых Тайн почаще – хорошо. Если можете, и не раз в месяц причащайтесь. Первые христиане на каждой литургии причащались. Но об этом поговорите со своим духовником.

Откуда Вы взяли, что я час назначил Вам на вечерню. Не во времени сила, а в духе. Время определяйте как Вам пригожей – только без поблажки лени. Если читаемое на домашнем правиле читается будто от себя, со вниманием и соответственными чувствами, то это должное чтение. Останавливаться надо только, когда особое чувство всею душою завладеет. Тогда книжку в сторону – и молиться так. Приступая к молитвословию, всегда надо расшевелить душу, если она не в чувстве, размышлением, воззванием ко Господу и поклонами и тогда начинать его. Впрочем, молитвословие, прежде обдуманное и обчувствованное, само расшевелится. А которое необдуманно и необчувствовано, скорее рассеет, чем соберет. Такое лучше заменить поклонами с молитвою Иисусовою или другою какою коротенькою. Иногда и все службы можете сим способом справлять» (С. 331–334).

В следующем письме свт. Феофан предостерегает свою духовную дочь не доверять различным видениям и предсказаниям, бывшим ей, как дьявольскому искушению, о

чем сейчас нет надобности нам говорить подробно. Перехожу к следующему письму, в котором обсуждается важный вопрос о помыслах. «Желательно Вам умудриться в различении помыслов. Сойдите из головы в сердце. Тогда все помыслы ясно видны будут Вам, движась пред оком ума Вашего острозоркого, а до того не ждите должного различения помыслов. Извольте принять к сведению, что различение помыслов не то же, что гнание их вон, когда они недоброкачественны. Это есть брань мысленная, которой предшествует различение, какие помыслы – друзья и какие – враги. Увидев в них друзей, принимают их с почетом, а увидев их врагами, прогоняют с бесчестьем. Ведайте также, что различение помыслов различает не добрые только и худые, но и дельные от бездельных и пустых и кажущиеся добрыми от настоящих добрых, – наипаче же то различает, какие помыслы в виде побуждений и целей окружают дела наши – и обычные и особые какие, – чтобы не прокрались побуждения и цели, не позволительные в добром христианине, и не испортили дел наших. Чего это касается и как все делается, учитесь у св. Лествичника, в особом пространном Слове его о различении помыслов. По тем указаниям и начинайте действовать, и опыт всему Вас научит» (С. 341).

Начавшая проходить молитвенное делание по указанию свт. Феофана, его духовная дочь через некоторое время впала в уныние и пишет ему: «У меня дело идет дурно. Душа не на месте, мысли блуждают, читать духовное охоты нет, правило исправляется вяло и лениво, и ко всему стала я равнодушна. Будто что-то ушло из души». Свт. Феофан отвечает ей: «Не падайте духом. Состояние Ваше есть состояние охлаждения, как говорят св. отцы. Оно бывает и наказательное и научительное. Как наказание бывает оно за какой-либо грех словом, делом, мыслию, чувством. Как научение бывает оно по намерению Божию научить подвижающегося духовной опытности. Как у Вас? – Смирнее будет думать, что это с Вами за что-либо грешное, как Вы и думаете, хотя не ясно сознаете, за что. Кайтесь и молитесь милостивого Господа возвратить Вам Его отеческие объятия. А между тем вникните

получше, что было у Вас пред этим, не увидите ли определенной причины, за которую терпите такую тяготу. Увидевши же, положите не ходить более тою дорогою, которая Вас привела к такому состоянию. Такое решение ускорит и помилование, с возвращением потерянного. Состояние это означает, что благодать Божия отступила – не бросила, а отступила – и стоит вне. То была внутри, а теперь вне, и Вы остались как раздетая на холоде, как комната, из которой в отворенные окна вышло все тепло.— Как воротить? – Так именно, как Вы делаете: молитвою, сокрушением, прибавлением лишений плоти в пище и сне, прибавьте, если можете, побольше помогания нуждающимся. Трудитесь... Смиляется Господь и снова пошлет Вам благодать Свою. Но времени, когда это будет, назначить нельзя. Возвращение благодати не от нас, а от самой благодати, – когда благоволит, тогда и придет, ничем не ограничиваясь, по свободному изволению своему. Однако ж не опускайте рук, а все вопийте и вопийте, моля о возвращении: «Когда же приидеши ко мне?» – не определяя даже в уме, что вот-вот воротится, а предавая себя всецело в руки Божии, да будет и сие дорогое и столь желанное по воле Божией, и в преданности в волю Божию соглашаясь терпеть, сколько Ему угодно будет. Утешения духовные благодатно приходят и отходят, как Господу угодно. Вы говорите: «Люблю Господа». Не дивно, когда Он исполнял Вас радостями о Духе Святе. Извольте теперь любить, когда Он оставил Вас одну, пустою и голою от покрова Своего. Это будет совершенно бескорыстная любовь, более ценная, чем прежняя. Вот и уразумевайте теперь, что есть человек, оставленный самому себе, и смиряйтесь паче и паче. Вы не раз твердили: у меня разум, у меня разум. Вот извольте теперь изворотиться со своим разумом. Когда остались Вы одни, враг подслушал и начал, как пишете, свои предлагать советы о лучшем устройении жизни, внушая то себя пожалеть, то даже в мир воротиться. В мир возвратиться теперь уже мудрено: отрезанный ломоть. Себя пожалеть благовиднее, но не меньше опасно... Сообразив все сие, извольте встрепенуться, – и с лютостию начинайте трудить себя. Тереть себя надо подвигами: трение теплоту

развивает... Понудьтесь к преутруждению себя лишениями, чтобы шествовать тесным и прискорбным путем, который есть один настоящий путь...» (С. 344–347).

Слова свт. Феофана подействовали на его духовную дочь. Она смирилась. И в следующем письме пишет ему: «Чуть открыла глаза, первую мыслью было, что я нерадивая, ленивая и гордая». В ответ ей свт. Феофан пишет: «Это ангел-хранитель задал Вам стишок... Извольте твердить его и затвердить, чтобы, когда потребуется ответ, ответить безошибочно и порадовать тем ангела своего, а не меньше и Господа Ангелов. О келейном правиле много забот не имейте... Я писал Вам не заботиться о количестве молитв, а о том одном иметь попечение, чтобы молитва текла из сердца живо, как живая струя. Бросьте из ума совсем количество, а имейте это одно во внимании. Но правило все же требует известного порядка. Однако ж не закаляйте себя в нем, как в кандалах. Пусть оно будет только общею программой, а частности можете менять хоть каждый день, смотря по тому, в чем чаете найти оживление молитвенного духа. Если закалите, живость ослабеет, правило обратится в форму, которая вскоре обезжизнит молитву. Так делайте, чтобы всякое молитвословие было как новое... Пишете, что нашли решение некоторых вопросов в святоотеческих книгах. Се добре! И всегда там надо искать его. И если усердно взыщете, всегда найдете. Особенно в этом отношении много полезны св. Варсонуфий и Иоанн. И у св. Дорофея встретите доброе разъяснение многого. И у всех можете находить много вразумления. Читайте только со вниманием и к себе прилагайте. Говорите, «страхи нападают, особенно во время молитвы». Страх благословен один – Божий, но он не имеет ничего страшного, всегда благотворен. Ваши страхования беспричинные – от врага, и особенно во время молитвы» (С. 348–349).

Спустя некоторое время после того, как писала о крайнем своем духовном охлаждении и равнодушии, духовная дочь, пишет свт. Феофану: «Отогрелась». На это святитель отвечает, разъясняя, что это надо приписывать действию благодати Божией: «Слава Богу! – пишет он. – Я очень беспокоился. Могло

так и остаться. Но милостив Господь, воротилось к Вам Его одеяние. Когда благодать Божия внутри, душа бывает как одетая в теплую одежду, а когда отойдет, душа бывает как раздетая и на морозе... Убедитесь из сего, что все хорошее, особенно хорошее состояние духа, прямо от благодати. Свой труд всеконечно нужен, но он не дает духовного существенно и прочно, а только ищет его и подготавливает к принятию его. Дает все одна благодать. Извольте же это сердцем исповедать и себе ничего не присвоять. В этом присвоении – грех чуждоприсвоения. Никакому труду нельзя присвоять силы – подавать искомое. Нельзя говорить: то и то сделано, так и так потружусь – и получу то-то и то-то. Благодать Божия не вяжется контрактами и действует всегда, якоже хочет. Этого хотения никто угадать не может или чем-либо вынудить. Равно и пребывает она, где и как хочет. Почему и получивший благодать не должен говорить или думать: получил благодать, теперь уже мне нечего много хлопотать. Нет, и получивши благодать надо спасение свое содевать со страхом и трепетом. Благодать, как приходит, так и отходит, не с усмотрением нашим. Видите, как холодно без благодати и как душа вяла и неподвижна на все духовное. Таково состояние добрых язычников, верных закону иудеев, и христиан, исправных по жизни, но не помышляющих о внутренней жизни, с ее отношением к Богу... Чем наипаче удерживается в душе благодать? – Смирением. – За что наипаче отходит? – От какого-нибудь движения гордости, самомнения и самонадеянности. Как только ощутит она внутри этот дурной запах гордыни, тотчас и удаляется. Верно, что-либо подобное было и у Вас. Вы этого не сознаете. Но примите пока это как умовую истину, а после, Бог даст, и чувством ощутите, что бывают движения гордости, которых не сознает душа, и усерднее станете молиться: «Даруй мне, Господи, зрети моя прегрешения». Вы в каком-то письме доказывали, что Вы смиренны. Но из того самого, что доказывали, следует, что Вы не смиренны. Смирение себя не видит. Даруй Вам, Господи, отседе никогда уже не испытывать такого дурного состояния. Но и то надо положить очень вероятным, что по временам оно и еще будет подходить, хоть не в такой степени, или будет

попускаемо и даже невидимо, чтобы научить душу опытности и паче всего осторожной бдительности, а еще тому, чтобы не забывалась и всегда нашла глубокое убеждение, что она сама по себе ничто, хотя испытывает нечто доброе.

Учитесь все, что ни делаете, делать так, чтобы это разогревало, а не охлаждало сердца: и читать, и молитву деять, и работать, и с другими входить в общение так, чтобы, все одну цель держа, не доводить себя до охлаждения. Топите без перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою и берегите чувства, чтобы через них не уходила теплота. Впечатления отвне очень трудно уживаются с внутренним деланием.

Вы неправо поняли мои слова о вражеских наветах, – будто, соглашаясь признать в нас действия врага, необходимо при сем думать, что он уже и в сердце. Нет, он – вне и издали стреляет, внушая дурные помыслы. Как только откроется для него возможность, он тотчас подсказывает и дает свои советы, кои суть всегда наветы, хотя кажутся красивыми. Он всегда с благовидностей начинает и от них уже постепенно переходит к дурному, дурного же вдруг не советует, и когда, его советует, прикрывает его благообразным покровом. Все это Вы сами будете разгадывать, когда научитесь внимать себе. Внимание и молитва расстраивают все его злокозненные хитросплетения» (С. 349–352).

«Вы писали, что «ищите сделаться совершенною и к тому стремитесь». Пришло мне на мысль указать Вам признак, по которому можете определить, идете ли Вы к совершенству, или вертитесь на одном месте. Признак этот есть отрезание от всего. Недавно слышал я речь одной простой старушки, которая сказала: «Теперь уже все отрезано; я – как птица, ничем не связана...» Как она дошла до этого? Целою жизнью, направленною к угождению единому Богу. С семи лет запала ей зазноба – болезненная забота, как бы Бога не прогневить. Эта зазноба разжигала ее на всякого рода труды, не жалея сил. Так прошла она девичество, замужество, вдовство; дела все были обычные, семейные, но она всюду была первая и все делала для Бога и по-Божьему. Этим направлением своих трудов она

так выправила, вытерла и выбелила свою душу, что в ней уже не осталось ничего земного, что занимало бы ее. «Теперь, – говорит, – у меня все Господь. Ни к чему уже душа не лежит: и делать ничего не могу – руки отваливаются, и говорить ни о чем не хочу – язык не поворачивается. Все бы Господь! От Него одного отстать не хочется». Вот видите, в чем существо дела! К сему и направьтесь. И исполнится Ваше желание: хочу совершенства, девою мудрою желаю стать. Благослови, Господи! Ищите и обрящете. А лучше: просите и дастся вам» (С. 352–353).

«Что у Вас плач на сердце и сокрушение покаянное не отходят – се добре. Храните сей дар Божий и все его подновляйте, как только начнет ослабевать. Это незаблудный путь. И то, что часто созерцаете Господа на кресте и поражаетесь тем до глубины души, добре! Сие и все подобное, возбуждающее душу, почаще наводите на нее, чтобы непрестанно была в движении и жила, ибо жизнь – движение. Нет движения – нет жизни» (С. 354).

«Извольте подтверже затвердить, что смирение приобретается не мыслями смиренными, а охотным подчинением себя смирительным случайностям и отношениям» (С. 355).

«На Вас нападает леность, приходит желание льгот и поблажек, покоя плоти. Вы хорошо делаете, что не уступаете, однако ж Ваша неуступчивость неполна. Разумею то, что Вы, несмотря на эти соблазнительные нападки, все же делаете, что считаете должным, но делаете неохотно. «Хоть нехотя, – говорите, – но исполняю все». И это хорошо, как сказал я: есть тут борьба и одоление. Но надо бы эту борьбу доводить до конца, чтобы и одоление было полное, т. е. доходить до того, чтобы делать хотя, прогнав безжалостно нехотя. Ибо это нехотя есть уступка лености и питает ее... Извольте, когда прогоняете леность, возбуждать себя до ретивости, чтобы живо, с энергией, делать то, от чего оттягивала леность. И это только будет настоящею победою и одолением лености, а не то, как Вы делаете. Живодейственность есть настоящая черта духовной жизни настоящей» (С. 355).



«В тоне Вашего письма чувствуется дух уныния. Чего бы ради это? Вы – Божия; Господь Вас призвал к Себе; Вы идете к Отцу своему Небесному на вечные утешения в Его доме – а у Вас чуть слезки не падают, будто напрасно потрудились себя всем, чем трудили. Ни один шаг Ваш не пропадет даром – все Господь возьмет в счет и воздаст безмерно. Что здоровье немного умалилось, стоит ли на это обращать внимание пред лицом того, что дано взамен его?.. Что Вам жить тяжело – слава Тебе, Господи! Сие – тесный путь. Ведь тесный путь необходим. Помимо его никто не войдет в Царство Небесное. Иным Господь оставляет самим устроить для себя такой путь, а для Вас Он устроил его Сам... Он хочет Вас к Себе привести и, любя Вас, делает вместо Вас то, без чего дойти до Него нельзя. Благодушествуйте же ради Господа, любящего Вас...» (С. 357–358).

«Начинаете втягиваться в молитвенный труд. Бог благословит! Да будет душа Ваша всегда бодренна, чужда всякого саможаления. Помогите Вам Господи быть живою и трезвенною. Но не забывайте главного – того, чтобы вниманием и умом сочетаться с сердцем и неисходно быть там пред лицом Господа. Все молитвенные труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтобы Он даровал Вам это благо. Это – сокровище, сокрытое на селе; это – бисер многоценный» (С. 359).

«Но что Вы сказали: «Нарушается молитвенный порядок, когда кто приходит», – се не добре. Вы так наладьтесь думать, что когда кто приходит, то Господь посылает его, чтобы Вы через него службу сослужили Господу. Чем? – Сообщением пришедшему своего благонастроения, данного Вам Господом. Если будете принимать приходящих в этом духе, то тут не будет нарушения молитвенного порядка, а продолжение его, только в иной форме. То и другое – служба Богу. Имея сие в цели, принимайте всех с радостью, как посланцев Божиих, несмотря на их внешность, и об одном заботьтесь, как бы Вам не уклониться от того, чего желает от Вас Господь в сем случае. Приняв так, все внимание свое устремляйте в сердце их, чтобы из слов их догадаться, что можете Вы сделать во благо душ их,

и затем всю речь свою направляйте на это, так, однако ж, чтобы не казаться учительницею, а говорящею будто о стороннем. И главное, всячески старайтесь достигнуть того, чтобы приходящий отходил с умиранным сердцем» (С. 359).

«Когда же я о себе думаю?» – Мне же думается, что Вы много о себе думаете и думаете высоко. Только при этом стараетесь принижать себя, нудите себя быть смиренною. Смирение ищется, но еще не найдено. Ищите усерднее и обрящете» (С. 360).

«Причастились Св. Христовых Тайн и, по милости Божией, получили мирное и утешительное настроение духа. Затем прибавляете, что приготавливаясь к св. причастию, довольно потрудили себя. Се добре! И никогда не забываете сего делать, по силе и сверх силы. За то и утешение дается причастникам. Не будь труда и лишений, и утешение не будет дано, разве из особой какой милости Божией... Не забывайте, однако ж, что не один труд достигает сего, но в соединении с истинным духом, в каком надлежит обращаться к Богу. То и другое нужно... Жалеете, что это райское состояние не остается навсегда, и желание имеете, чтобы оно пребывало неизменным в Вас... поскольку Господь благодатлив, то могу Вам прописать: ищите и обрящете. Это будет, когда огонек ниспадет в сердце и зажжет его. Вы идете к этому всем порядком Вашей жизни. И, конечно, дойдете, если не разлентесь и смирения не потеряете. Загорится и Ваше сердце и будет гореть, как свеча неугасимая. Но когда – этого никто не может Вам сказать. Это дело Божие. Ищите с терпением и упованием. Состояния того не описывают святые, говоря, что нельзя описать понятно. Когда придет, узнаете. Старец Киевский, о. Парфений, называл его болячкою в сердце... Извольте же терпеть заведенные порядки, преутруждающие Вас, без жаления себя. Есть из-за чего» (С. 360–361).

«Наконец-то, – говорите, – поняла я, что есть радостотворный плач, или радостопечаль», – и решаетесь развивать в сердце сильнейшее и сильнейшее сокрушение. Се добре и предобре! Бог благословит! Однако ж ведайте, что это радостопечалие подается, а не приобретается. Состояние это

похоже на то, какое испытываем увидавшись с родными после долгой разлуки: и радостно и жалостливо – слезы текут. Радостопечалие бывает, когда Господь свидится с душою и душа с Господом. От Св. Причастия можно того ожидать. И бывает. Увидьте из сего, что сокрушение надо развивать, но оно не есть радостопечалие, а пролагает к нему путь. Радостопечалие подает Господь душе, а Господь в действиях Своих ничем не вяжется...» (С. 361–362).

«Вы хотите делать выписки из книг читаемых. Хорошо. Но не все хорошее выписывайте, а только то, что возьмет за сердце. Соберется тетрадка, другая. Когда потом нападёт уныние или охлаждение и сухость, берите эти тетрадки и перелистывайте. Сердце отзовется на чувствованное прежде и шевельнется. Так от одной, другой, третьей выписки, глядишь, и совсем расшевелилось» (С. 363).

«Молитвенное правило, – говорите, – исправляете как прописано. И трудитесь так. Помогите Вам Господи! Паче же навикайте иметь непрестанно память Божию и как Богу молитвенно себя держать, в страхе и благоговеинстве. Даруй Вам Господи сие! Назначьте себе особое время вот на что: чтобы, сидя бодренно и внимание собравши в сердце, говорить молитву Иисусову, не развлекаясь мыслями. Раза бы два-три так в день. Хоть по разу при сем проходите четки, а охота придет – два и три раза можно. Этим путем можно произвести в сердце болячку, о коей говорил старец Парфений, и дойти до того, что молитовка Иисусова сама будет журчать в сердце умными словами, как ручеек, с соответственными движениями чувств» (С. 364).

«Собираюсь с духом». Помогите Вам Господи! Но не выпускайте из внимания главного, – того, чтобы собраться умом в сердце. На сие паче направляйте труды свои. Прием один – стараться стоять вниманием в сердце, с памятию о вездесущии Божиим и о том, что око Его смотрит в сердце Ваше. Позаботьтесь утвердиться в том убеждении, что, хоть Вы одни бываете, всегда имеете не близ себя только, а внутри себя Лицо, присущее Вам, на Вас смотрящее и все в Вас видящее. То, что я писал Вам о несколькократном в день деланий

молитвы Иисусовой, послужит средством к тому, очень сильным. Делайте же так, – всякий раз минут по десять-пятнадцать, – и лучше стоя в молитвенном положении с малыми поклонами и без них, как Вам лучше. Трудитесь так, и молитесь Господа, чтобы дал Вам, наконец, ощутить и познать, что такое есть болячка в сердце, по слову старца Парфения. Вдруг это не делается. Пройдет год усиленных трудов, а может быть и больше, пока начнут показываться некие сего следы. Благослови Вас Господи на труд и путь сей» (С. 365–366).

«Просите молитв, чтобы Вам не развлекаться мыслями, кои неудержимо блуждают и отвлекают внимание от должного. В первый раз от Вас слышу речь об этом. Между тем это главное нестроение, какое испытываем мы внутри. Прежде верно это не так казалось нестройным делом, а теперь видится в ином свете. От чего? Приписываю это действию маленького правильца, какое Вы стали исправлять, творя молитву Иисусову. Когда Вы на молитвословии все читали и читали, то при многомыслии, подаемом молитвами, мысли отходили и возвращались незаметно. Теперь же, когда слово молитвенное одно и одно помышление им подается, всякое иное помышление тотчас заметно, как чуждый посетитель. Пред Вами и открылось таким образом внутреннее нестроение. Как же быть? – Продолжайте упражняться в исполнении того же правильца, и мысли все более и более будут успокаиваться, и немощь, замеченная Вами, врачеваться. Правильно то, если Вы станете продолжать его как следует, заведет болячку в сердце, а болячка эта мысли прикует к Единому – и блужданию мыслей конец. С этого момента, когда Господь сподобит Вас улучшить его, начнется новый перестрой всего внутреннего, и хождение пред Богом станет неотступное» (С. 368).

«Трудитесь в навыковении молитве Иисусовой. Благослови Господи! Веровать надобно, что Господь Иисус Христос внутри нас есть, в силу крещения и причащения, по обетованиям Самого Его, соединенным с сими таинствами. Ибо крещенные облачаются во Христа, а причащающиеся приемлют Господа. «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем», – говорит Господь (Ин. 6, 56). Только

смертные грехи лишают нас сей великой к нам милости. Но кающиеся и по исповеди причащающиеся опять возвращают ее себе. Так веруйте. Если не достает веры, молитесь, чтобы Господь приложил ее Вам и утвердил в Вас крепко и непоколебимо. Внимайте себе и со страхом и трепетом свое спасение содевайте. Замечайте помыслы, находящие и отходящие, и состояния духа, неподвижно стоящие или длящиеся часы и дни. Все сие будет служить для Вас документами для определения, что в Вас» (С. 370–371).

«То, что водитесь чувством, или что вообще имеете духовные чувства, не значит еще, что стоите твердо вниманием в сердце. Когда это последнее есть, тогда ум стоит в сердце неисходно, и стоит пред Господом в страхе и благоговеинстве, и исходить оттуда не хочет. Состояние это похоже на то, как дитя в объятиях матери покоится. Даруй Вам Господи сего достигнуть. Что Иисусовою молитвою дополняете правило своего домашнего молитвословия, добре делаете. Можете четверть, половину, три четверти своего правила и даже все правило заменять сею молитвою. Только времени не умаляйте и в страхе и благоговеинстве себя держите. Всячески трите себя: и чтанием молитвословий, и своими молениями, и умною молитвою, – заботясь об одном – чтобы от души не отходило молитвенное настроение» (С. 371–372).

«Тяготы и трудности лучше, начав с малого, понемногу прибавлять. Так действуя, незаметно можно дойти до таких себя переутруждений, которые будут гораздо значительнее Вами намеченных, но которые не будут подавлять. Почему думаю, что Вам лучше некоторые труды умерить теперь и потом понемногу подбавлять их. Устраивайтесь, впрочем, как находите для себя лучшим, – и с духовником потолкуйте. Еще одно не забудьте: не вязать себя уставом своим, сохраняя за собою всегда свободу действия и об одном заботясь – чтобы всегда быть с Господом. Поменьше механизма и формы. Жизнь – в движении, а не в форме закаленной» (С. 373).

«Я уже не раз писал Вам, что правило можно исполнять разное. Самое лучшее есть определить правило временем, и потом в сие время то читать молитвы, то так молиться.

Начинать чтанием начальных молитв, углубляясь в них, с протяжною расстановкою. Всего лучше читать на память. Затем, когда расшевелится сердце, кладите поклоны, говоря по движению чувства от себя простое слово Господу. Можно выучить на память несколько псалмов, и во время правила читать их, из всякого стиха составляя молитвенное к Богу обращение. Можно, прочитавши псалом, класть поклоны с краткою молитовкою, потом читать другой псалом или другую молитву, а после опять поклоны класть. Можно все время только поклоны класть, малые и большие, с краткою какою молитовкою. Всяко можно. Изгнать надо из правила всякий механизм и форму. Пусть все идет из сердца свободно» (С. 376–377).

«Что прогоняете тотчас находящие нечувствия и беспечности, добре творите. И средство – укорение себя – идет. Прибавьте устрашение. Ленивцу сказано: «Связавше ему руце и нозе... вверзните во тьму кромешную» (Мф. 22, 13). И затем Господа молитесь ниспослать Вам живительную струю света от Престола Своего» (С. 385).

«Ваши чувства при воспоминании страданий Господа, – что и себя лично в них укоряете, – настоящие. Так есть. Мы все в них виновны: и по причине виновности в первородном грехе, и особенно по причине личных наших грехов по крещении. Вы смотрите, как на пример, на Преподобную Матерь Божию. Она была введена в тайну Креста, и это давало Ей мужество стоять у Креста, хотя материнское сердце горело от скорби. Художники не умеют изображать страдание Божией Матери при Кресте, чтобы оно было и глубоко скорбно, и вместе оставалось мужеством» (С. 386).

«Пишете: «Царит во мне сознание своей грешности и того, что я хуже всех». А через несколько строк прибавляете: «За этот год я больше сделала (успеха), чем во все предшествовавшие пять». Сложите сии показания и смотрите, что получится. Там смиренные слова и только, а здесь чувство самодовольства. Против чувства где устоять словам?! И выйдет: грешность на языке, а в сердце самоправедность. В этом смысле, конечно, надо понимать и еще нижепрописанную

заметку: «Я никогда не высокоумствую». Т. е. что Вы всегда смиренны на словах, а сердце полно сознания своих достоинств и заслуженности, там царит самочувствие и самоценение – скрытнейший враг, но который нередко проторгается и наружу. Извольте заняться этим положением дела и вникнуть в себя, боясь образовать из себя личность, которая одно есть снаружи, а другое внутри. Я не то здесь разумею, чтобы Вы этого желали, а что это само собою устроится, если не будете внимать себе. Смирение не вдруг приходит. Оно идет в содружестве с любовью, рука об руку. Только совершенная любовь совершенно смиренна. А до того из сердца нет-нет и прорвется высокоумие» (С. 387–388).

«Вы спрашиваете: «Как узнать, в благодати ли кто?» Сами же Вы и указали верный признак к определению сего, а именно: отвращение от всего грешного и страстного. Прибавьте к сему: и ревность о богоугождении по вере и в духе веры. В ком жива такая ревность, тот в благодатном состоянии. В таинствах, достойно приемлемых, благодать подается всем – и начинает действовать. Но чувство благодатного осенения не всем вдруг дается, а наиболее после довольных над собою трудов. Блаженна душа, ощущающая благоволение Отца, очистительное кропление Кровию Сына и животворное веяние Духа. Извольте нераздельно сие созерцать и как к верховному благу молитвенно к тому стремиться. Придет, Бог даст, и чувство благодатного состояния» (С. 389–390).

«Хотелось бы мне дойти до понимания глубины сердца и внимательно следить за каждым его биением».– Доброе и предоброе хотение! Надобно установиться вниманием в сердце и стоять там неисходно пред Господом. Я об этом не раз уже писал Вам. Тогда всякую порошинку будете замечать. Молитесь, даст Бог» (С. 390).

«Молитва Иисусова, – говорите, – начинает журчать, как ручеек». Слава Богу! Но старайтесь при сем держать и соответственные чувства. И скоро, Бог даст, загорится и огонек в сердце» (Там же).

«Что нужно для жизни в духе?» – Как Вы направили свою жизнь, так и теките, и притечете в область жизни духовной.

Только не прерывайте течения. Наперед определять ничего нельзя, говоря в себе: то и то сделаю или так и так потружусь – и придет некое духовное движение. Все от Бога и благодати Его, а она приходит невзначай. Трудитесь, терпите, молитесь, предавая себя Богу без всяких гаданий о том, что будет, внешне ли то или внутренне Бог не обидлив – не обделит, когда придет срок наделить чем» (С. 391).

«Начинаете входить во вкус духовных Ваших занятий и уединенного пребывания; блаженствуете и восхищаетесь! Добре, добре! Только не мечтайте о себе и не собирайтесь лететь на небо. Бога благодарите и в смиренные о себе помышления и чувства углубляйтесь» (Там же).

«Много Вас теребят по поводу частого причащения. Не смущайтесь... И всем следовало бы так делать, но не вошло это у нас в обычай. На Востоке христиане часто причащаются, не в одни великие посты, но и кроме них. Первоначально же в Церкви Христовой за всякою литургиею все причащались. Во время св. Василия Великого спрашивали его, можно ли часто причащаться и как часто? Он ответил, что не только можно, но и должно, а на то, как часто, сказал: «Мы причащаемся четыре раза в неделю: в среду, пятницу, субботу и воскресенье». «Мы» – это разумеются все кесарийцы. Ибо вопрос касается не священнодействующих, а мирян... На всякой литургии священнослужитель приглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите». Следственно, на всякой литургии и можно приступать... У нас иные говорят, что грех часто причащаться, иные толкуют, что нельзя раньше шести недель причащаться... Не обращайте внимания на эти толки и причащайтесь так часто, как потребность будет, ничтоже сумняся. Старайтесь только всячески приготовляться как должно и приступать со страхом и трепетом, с верою, сокрушением и покаянными чувствами. Докучающим же речами об этом отвечайте: ведь я не инуде прелажу ко св. причастию, всякий раз имею разрешение от духовного моего отца. И довольно. О том, как это благотворно для Вас, лучше не говорить. Знайте это для себя и благодарите Господа» (С. 391–392).



«Вы спрашиваете: «Говорить ли с другими о духовной жизни?» – Говорите, только о своей не сказывайте, а вообще рассуждайте, применяясь, однако ж, к состоянию спрашивающих. Бывает, что иные заводят о сем речь, чтобы только поговорить. И это лучше, чем говорить о чем-либо житейском или пустом... Когда ведете речь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого каким-либо задором или высказыванием своих мыслей наперекор ему, с явным желанием поставить на своем. Враг на это наводит, чтобы завязать спор, а от спора довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовном, чтобы высказать свою в этом отношении мудрость. И это вражье внушение, за последование которому непременно подвергнетесь посмеиху от людей и Божию неблаговолению» (С. 393).

В следующем своем письме свт. Феофан пишет своей духовной дочери о разнообразных диавольских кознях и о средствах борьбы с ними. Письмо это вызвано тем обстоятельством, что его духовная дочь, не придававшая раньше серьезного значения диавольским ухищрениям, признала, наконец, что она в этом ошибалась. Святитель пишет: «Наконец-то Вы умудрились и признали, что есть вражеские искушения, которыми враг никого не заделывает, – даже и Вашей учености не стыдится. Да, да: он около всякого и всякой хлопочет. Но этого нечего бояться: внимание к себе в сердце с молитвою к Господу расстраивает все его козни. Читайте у Исихия и учитесь, как тут действовать. Враг не тотчас худо внушает. Первый его прием есть всевать помыслы кажущиеся добрыми и увлекать на дела по видимости добрые или на дела добрые с целью недоброю – себя показать. Лица, не очень разборчивые на помыслы и дела и не задумывающиеся над ними, лишь бы они не были явно худы, поддаются на эту уловку, и он начинает их гонять от помысла к помыслу и от дела к делу, все будто добрым, но или неуместным, или неблагоприятным, или ненужным, или не в своей мере делаемым. Цель его тут та, чтобы испортить вкус духовный в различении истинного доброго от мнимого, приучить к принятию своих внушений и породить высокое о себе мечтание – сколько

наделано! Между тем, как все то есть пустоделие и суета. Грешных дел пока еще не видно, но грехи словом нередко прорываются, а помыслов недолжных и еще больше бывает. Се – первая вражья прелесть!

Когда успеет он кого запутать в этом и кто втянется в такой род действований, тому он начинает предлагать грешки, кажущиеся безгрешными. Кто поддается на это, того доводит он до грехов, хоть не кажущихся безгрешными, но извиняемых по обстоятельствам разным, как бы позволительных. Кто до этого дойдет, тому внушает он согрешить каким-либо грехом, заведомо грешным, которому и совесть поперечит, – внушает не всегда грешить таким грехом, а только однажды согрешить. Кто поддается этому, тот попался совсем в когти врагии... и стал его рабом через рабство греху. Ибо через это однажды согрешить он уже не перестанет его гнать все дальше и дальше по тому же направлению.

Эту историю Вам знать не столько нужно, сколько ту, которая устрояется, когда кто не слушает врага. Тут у него свои приемы. Укажу главнейшие. Когда кто, умудрясь, не дает хода помыслам и позывам на добро, кажущимся добрыми, а тотчас или по собственному рассуждению, или по указанию опытейших отсекает их, как бы они ни казались красными, и действует в сем роде с такою решительностью, что не предвидится возможности уловить его сим приемом, тогда враг бросает эту уловку и начинает действовать совне – через людей, ему подручных. Тут пойдут льстивые похвалы, клеветы, осуждения, притеснения и всякого рода неприятности. Вот это и Вам надо знать и ждать – и смотреть в оба. Отвратить это не в нашей власти, но в нашей власти перехитрить врага. Главное – переносить все, не нарушая любви и мира. Помощник – Господь. Его надо молить умиротворить наше сердце и, если благоволит, улаживать все и вне. Со своей стороны нам надо не выпускать из вида, откуда и кем воздвигается буря, и неприязнь вместо людей направлять на того, кто, стоя позади, поджигает их и заправляет всем ходом. Когда и этот прием не дает чаемых плодов, тогда враг начинает действовать своею персоною, тоже совне – строя разные причуды, то страшные, то

обольстительные. Когда и эти уловки окажутся тщетными, тогда враг, наконец, отступает, не смея приблизиться. Поодаль ходит и издали подсматривает, не допустится ли какая оплошность и не откроется ли таким образом ему возможность сделать снова нападение по какому-либо приему. Но совсем он ни от кого не отступает до самой смерти. Даже по смерти порывается что-нибудь сгородить, на мытарствах.

Прочитавши это, не подумайте: вот какие страхи! Но страшиться тут совсем нечего, ибо враг никакой силы не имеет против воли столкнуть нас на зло. Он только разные уловки употребляет, чтобы мы, обманувшись его призрачными представлениями и внушениями, почли худое хорошим и учинили худое, полагая, что делаем доброе. Внимание и молитва, как я сказал, делают все его козни бездельными. Господь своих никогда не оставляет, и ангел-хранитель близ, который, как только увидит, что соблазняемый изъясняет несогласие на соблазн и противится ему, тотчас немилостиво прогоняет врага» (С. 393–396).

«У Вас слезы. Добре. Се благодать Божия. Вы их не размолаживайте, а поддерживайте. От слез душа мягкою становится, как земля рыхлою от дождя. Читайте слово св. Лествичника о плаче. Там разъяснено, какого рода бывают слезы и как держать настоящие слезы, в чем и для себя найдете уроки» (С. 396).

«Шла у Вас речь с одною старицею о трудах деятельных. Обе вы согласны, что надо не жалея себя трудиться по установленному порядку. Доведу вашу речь до конца: одною деятельною жизнью ограничиваться нельзя, надо при сем вести и умозрительные занятия, чтобы ими держать неослабно в своем чине и внутреннй строй. Надо непременно соединять с деянием умозрение и с умозрением деяние. То и другое в связи быстро подвигает душу вперед, очищая ее от худого и укрепляя в добром. Посмотрите в Достопамятных сказаниях – авву Иоанна Колова и авву Пимена» (С. 401).

«Вы укоряете себя в нерадении, забвении, лени, нетерпении, непостоянстве. Хорошо, что Вы стали это замечать. Внутреннее око Ваше изощряется. Присматривайтесь позорнее

и увидите многое другое, чего теперь не видите. Вот Вам и начатки самопознания, о котором Вы молились. Настоящее самопознание есть ясновидение своих недостатков и немощей, в такой мере, что ими переполнено все. И поставьте такую заметку, что чем более видите себя неисправною и достойною всякого укора, тем более Вы подвигаетесь вперед. Так благословляйте Господа, что Он дал Вам увидеть себя такою» (С. 402).

Спрашиваете: «Как углубиться в созерцание своего внутреннего «я». Это зачем? Стойте вниманием в сердце и созерцайте не свое «я», а Господа с благоговением и сокрушением. Вот и все. При этом легко будете замечать все дурное и пустое, исходящее из сердца и входящее в него. Старайтесь всегда поскорее прогонять то и восстанавливать чистоту своего умного богозрения. И больше ничего не требуется. По времени само собою придет опытное познание всех своих недостатков и немощей, которое не даст Вам засматриваться на свое добро» (С. 403).

«Что домашнее свое правило немного изменили – ничего. Можно и почаще переиначивать его, чтобы некоею в нем новизною поддерживать в силе внимание и чувство. А то привычка, с одной стороны, не требуя большого внимания, ослабляет сосредоточение мыслей, с другой, умаляет сочувствие, притупляя вкус к одному и тому же; и наконец обращает в неотложный закон то, что не может носить сего титла» (С. 404).

«Упражняйтесь в навыковении непрестанной молитвы. Добре! Но смотрите, не ограничьтесь одного языка приучением к повторению краткой молитовки. Это будет механическое повторение молитвы без молитвы. Вместе с сим приучайтесь держать себя в страхе и благоговеинстве, с сокрушением и смирением. Так имейте себя, как бы Вы стояли на Суде пред Господом, готовым изречь последнее о Вас решение» (С. 406).

«Спрашиваете, как бы покрепче усвоить себе таинства нашей святой веры. Надобно перевести их из ума и памяти в сердце – и крепко будет, ибо тогда они войдут в глубь Вашей духовной жизни и сорастворятся с нею, или станут едино с

нею... От этого такой будет плод, что Вас никакое возражение против предметов веры не будет тогда колебать или смущать. Пока у нас вера только умовая, возражения неверов, входя в ум, колеблют основы его, и он, чувствуя под собою почву беспокойною, смущается. А когда догматы сердцем восприняты, тогда, сколько хочешь возражай кто, возражения сии, оставаясь в голове, не могут колебать основ веры в сердце, и ум, чувствуя себя стоящим на прочной основе, остается совершенно покойным» (С. 406–407).

«Спрашиваете, пройдет ли молитвенная ревность. Пройдет, если будете ревновать только о вычитывании молитвословий по уставу. Но не пройдет, если будете возгревать внутреннюю молитву, а напротив, будет все разгораться. Когда внутренняя молитва войдет в силу, тогда она станет заправляющею молитвословием, будет преобладать над внешним молитвословием, даже поглощать его. От этого ревность молитвенная и будет разгораться, ибо тогда рай будет в душе. Оставаясь же с одним внешним молитвословием, можете охладеть к труду молитвенному, хотя бы Вы совершали его со вниманием и пониманием. Главное – чувства сердца молитвенные» (С. 408).

«Мысли, – говорите, – улеглись». Какие мысли?! У врага тактика, что когда кто грешным помыслам не дает ходу, а тотчас их отсекает, то он от них переходит к всеянию помыслов пустых и праздных, чтобы отвлечь от помышлений духовных, живительных, а между тем высматривает, нельзя ли как ухитриться сманить и на помыслы страстные. Так, может быть, у Вас нехорошие помыслы улеглись, а пустые все бурлят. В таком случае это половина дела. Надо добиваться до конца – чтобы и простые помыслы не родились в голове» (Там же).

«Относительно умной молитвы держите одну предосторожность, чтобы при непрестанном памятовании о Боге не забывать возгревать и благоговейный страх, и позыв падать в прах перед лицом Бога, милостивейшего Отца, но и грозного Судии. Частое памятование о Боге без благоговейства притупляет чувство страха Божия и через то лишает его того спасительного действия, которое ему принадлежит в кругу

духовных движений и которого кроме него ничто произвести не может» (С. 412).

По поводу новой утраты внутренней теплоты свт. Феофан пишет своей духовной дочери: «Дали Вы себе льготу, позволив себе немного развлечься, а не поостереглись: ни глаз, ни языка, ни мыслей не берегли. От того теплота ушла – и Вы остались пусты. Это никуда не гоже. Поспешите же восстановить внутренний строй достодолжный или вымолить его: запритесь и все только молитесь и читайте о молитве, пока внимание не соединится с Богом в сердце и там не водворится дух сокрушения и умиления, которым собственно и надо определять, в своем ли Вы чине, или выступили из него. Вы, кажется, о внимании судите как об излишней строгости, а оно, напротив, есть корень внутренней духовной жизни. Почему враг больше всего против него и вооружается, и всеусильно строит пред очами души обольстительные призраки, и влагает помыслы о льготах и развлечениях. Вот он и Вас обманул... Сознайтесь, что охлаждение и внутреннее нестроение по делам несете, как наказание. Теплоту духовную Бог дает за труды внимания к себе пред лицом Его. Что же, выходит, Вы сделали? Взяли столь драгоценный дар Божий и выбросили за окно... Даруй Вам Господи поскорее воссоединиться с Ним и затем уже всегда неотлучно пребывать с Ним: и сидя и ходя, и в церкви и дома, и работая и упраздняясь от работы. Какой предмет наиболее достоин непрерывного внимания и смотрения умного, как Господь! И извольте воздавать Ему сие должное предпочтение, и мало-мало свобода; не в думание, большею частью ни о чем, пускайтесь, а к тому устремляйтесь, чтобы неотступнее, глубже и пристальнее смотреть в лице Господа, всевидящего и вездесущего, говоря в себе: «Взыска Тебе лице мое, Господи, лица Твоего взыщу». Страх Божий, страх Божий, страх Божий – да не отходит от сердца!» (С. 313–414).

«Спрашиваете, от чего бывает прелесть при делании молитвы Иисусовой? – Бывает она не от нее, а от образа совершения ее, – именно того, который прописан в Добротолубии. Тот образ надо проходить с наставником, знающим то дело, и на глазах его. А кто один возьмется за сие

дело, по одному описанию его, тому не миновать прелести. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем, для восполнения внутреннего при сем строя, того не видно. Проходящий такое делание без руководителя естественно и остается с одним внешним деланием, строго исполняет, что велено относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Как такого рода приемы естественно могут доводить до некоей степени сосредоточения внимания и теплоты, то он, не имея при себе верного определителя, который бы сказал ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, приходит к мысли, что это и есть то, что он ищет, т. е. что его осенила благодать, тогда как ее тут еще нет, и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы, по причине опасности от них. Сами по себе они не могут давать ничего благодатного, ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодолжный строй и без них привлечет действие благодати. Этот строй есть при молитве Иисусовой ходить в присутствии Божию, возгревать чувства благовеинства и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блюсти ее незапятнанною и мирною, и всю жизнь свою – и внутреннюю, и внешнюю – предать в руки Божии. Из сих духовных стихий благодать Божия, в свое время пришедши, слив их воедино, возжигает огонь духовный в сердце, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Сим путем трудно попасть во мнение. Но и тут с руководителем лучше наличным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо сии два открывают то, что находится внутри» (С. 415–416).

«Еще не возвратилось к Вам то, что потерялось (теплота сердечная). Сожалею о сем вместе с Вами. Но не падайте духом. Милостив Господь. Будет возвращено, если смиренно будете искать, не ропща, что скоро не дается, и не теряя надежды. Надежду надо иметь на милость Божию, а не на свои

труды. Трудиться надо до упаду, а надежду полагать все же надо в единой милости Божией. Хоть на волосок опереться надеждою на чем-либо своем есть уже уклонение от правого пути и вместе препона и задержка к получению искомого. Если Вы уединились с тою мыслью, что вот возьмусь за поклоны, за чтение, за ночные стояния – и все воротится, то Господь нарочно подолее не дает просимого, пока не испарится надежда на свои труды, чтобы опытом научить Вас, что дарования Его не зависят от трудов Ваших, хотя и без них ничего не получите, но чем более и усерднее будете трудиться, тем скорее возвращено будет Вам желаемое – потерянное...

Видите теперь, какой нежный цветок внутренняя духовная теплота. Се воистину – не тронь меня. Увидев же это, полагайте намерение блюсти ее в дальнейшем со всею бдительностью, когда Господу угодно будет возратить ее Вам. Теперь это трудно, а если в другой раз оплошааете, еще труднее будет. «Блюдайте убо, како опасно ходите» (С. 419–420).

«Я, кажется, уже писал Вам, и еще повторяю, что претерпеваемое Вами отступление благодати не есть наказательное, а научительное. В наказательном благодать совсем отступает, а в научительном она только скрывается, хотя присуща: потребной помощи не лишает, а утешения свои отнимает или не подает. Вот это есть у Вас. Для Вас Господь почел нужным так сделать. Но смилуется и опять начнет милостиво подавать Вам утешения. Утешения не существенно необходимы. Существенно необходима помощь, а она видимо при Вас. Потерпите еще немного, воротится и утешение. Тяжело, говорите. Иначе-то как же! Нам ко кресту Господню надо привиться. А ко кресту как привиться? Крестом же или тяжелою, как крест Его, скорбностью. Труды Ваши тоже суть прискорбности. Но как прежде утешения благодати отнимали у них тяжесть и прискорбность, чувство чего потребно для привития ко кресту Господню, то теперь и дается Вам это восчувствовать чрез отступление благодати. Крест и прежде на Вас был, но Вы не чувствовали его, как будто он несен был за Вас чужою рукою. Теперь же ему оставлено лежать на Вас всею своею тяжестью, он взвален на Вас одних. И пришлось



кряхтеть. Кряхтеть – кряхтите, но все же несите благодушно. Господь близ и помогает. Еще немножко. Он и утешение возвратит» (С. 421).

«Доискиваетесь, отчего дело восстания идет так долго. Вот я Вам сказал: оттого, что это потребно для Вашего воспитания духовного. Но ищите. Может быть, и еще что найдете смирительного свойства. Не помечтали ль когда: вот нашла дорогу, объятия Отчи чувствую, много при этом приписывая своим трудам и лишениям... Может быть, когда рассеялись, подумали: ну, немножко поутешусь, дам себе волю, а там опять за дело мне ведь, стоит только взяться, и все пойдет добре, со всеми радостями жизни о Господе... Если что из сказанного сознаете за собою, кайтесь и вперед задумывайте никак не позволять себе думать так. Предайте себя всецело Господу, изъявляя готовность благодушно и радостно принимать все, что благоугодно будет Ему послать Вам, и внешне и внутренне» (С. 422).

«Домашнее правило Ваше хорошо особенно тем, что много дает простора своей молитве, умовой и сердечной, ко Господу и святым Его. Чем больше этого в домашней молитве, тем лучше. В церкви по необходимости положены молитвы читаемые, но и там дается место и руководство своеличной молитве. Такое значение имеют ектении... Но все же в церкви больше читаемых молитв, чем своих. А в домашней молитве уместно иметь более своих, умно-сердечных молений. У Вас так и есть. И добре. Можете еще увеличить число своих и сократить число читаемых молитв, или по временам так делать. Впрочем, и читаемая молитва, с мыслью и чувством возносимая, есть то же, что своя. Заметьте еще, что не должно пристращаться к молитвенным правилам, а относиться к ним с полной свободой. Лучше их изменять в частях или совсем новые составлять, из опасения, как бы молитва не обратилась в форму» (С. 423–424).

«Пишете, что иногда во время молитвы сами собою незнать откуда приходят решения занимающих душу вопросов жизни духовной. Се добре! Я, кажется, Вам об этом уже писал. Это есть настоящее христианское научение истине Божией. Тут

исполняется обетование: будут все научены Богом. Так это и бывает. Перстом Божиим пишутся истины в сердце и остаются уже неизгладимыми и никакому колебанию не подлежат. Не извольте оставлять без внимания таких начертаний истины Божией, а записывайте их» (С. 424).

Последнее, заключительное письмо свт. Феофана к его духовной дочери как бы подводит итог всем его предыдущим письмам, а вместе с тем и всей ее духовной работе, всему ее молитвенному деланию под руководством святителя. Работа эта началась уяснением понятия об Иисусовой молитве и обязательности Иисусовой молитвы не только для монахов, но и для мирян. В ряде писем свт. Феофан внимательно следит за духовным состоянием своей духовной дочери, учит ее, как совершать домашнее молитвенное правило, как наблюдать за своими внутренними переживаниями, разбираться в помыслах и вести с ними борьбу. Он отмечает происходящую в ней смену духовного подъема и духовного упадка и объясняет причину этой смены. Он указывает ей значение Божией благодати в деле спасения, которое совершается не нашими усилиями, а Божией благодатной помощью при условии предания нами себя в волю Божию. Наконец, он отмечает и происходящее в ней приобретение ею духовного опыта и ее духовный рост. В своем последнем письме он радуется благодатному состоянию ее души и преподает ей свои последние предостережения. «Все письмо Ваше, – пишет он ей, – свидетельствует об обрадованном состоянии души Вашей. Радуетесь милости Божией к Вам, но вместе и страшитесь. Выходит, Вы опытом изучили ту истину, что работать Господу подобает со страхом и радоваться Ему с трепетом. То и другое надо держать, и неразлучно, чтобы как радости не допустить до спуща рукава, так и страха – до подавления всякой отрады. Следует держать себя в крайнем благоговействе пред Богом, яко Отцем многомилостивым и многопопечительным о нас, но вместе и строгим без малейшей поблажки. Страх, не ушло бы опять все, теперь у Вас в порядке вещей. По его действию изъявляете желание и готовность на средства, как бы уберечь. Но не думаете ли Вы сами – одни – в этом успеть? За одно это

думание может быть опять взято все. Напрягайтесь всячески уберечь, но самое убережение предайте в руки Господу. Не будете трудиться – Господь не станет за Вас беречь. Обопретесь надеждою на свои усилия и труды – Господь отступит, как сочтенный Вами ненужным, и опять Вас встретит та же беда. Трудитесь до упада, напрягайте силы до последней степени, но самого дела убережения все-таки ожидайте от одного Господа. Ни того, ни другого не должно ослаблять – ни труда и усилия, ни упования на единого Господа. Одно другое пусть подкрепляет, и из обоих сложится крепкая ограда. Господь всегда хочет нам всего самого спасительного и готов даровать нам его во всякое время, ожидает только нашей готовности или способности принять. Почему вопрос: как умудриться, чтобы сохранить, – обращается в другой: как умудриться, чтобы содержать себя в готовности всегда принимать готовую внити в нас охранительную силу от Господа. А это как? – Сознать себя пустою, ничего не содержащею, пустым сосудом, к сему присоединять сознание бессилия – самой наполнить пустоту сию, увенчать сие уверенностию, что сделать сие может только Господь, и не только может, но и хочет, и знает как, и затем, стоя умом в сердце, вопиять: «Имиже веси судьбами благоустрой мя, Господи», – с непоколебимым упованием, что и благоустроит, не даст в смятение ног Ваших. Вы в восхищении от возвратившегося утешительного благонастроения. Этому естественно быть. Но поостерегитесь при этом пускаться в мечтательные гадания: «А! Так вот оно! вот оно в чем и как, а я не знала!» Это вражий помысл, оставляющий за собою пустоту или вводящий в нее. Все надо одно твердить: «Слава Тебе, Господи!» Прибавляя: «Боже, милостив буди!» Если остановитесь на таком помысле, то к нему тотчас приплетутся воспоминания, как трудились и бились, что делали и чего удалялись, при каких Ваших положениях благонастроение показывалось и отходило, при каких осталось и установилось. И затем последует решение: так я всегда так буду делать. И впадете Вы в мечтательное самомнение, что наконец секрет духовного благонастроения открыт – и в Ваших руках. В следующую же молитву обличится вся лживость подобных

мечтаний: молитва будет пуста, не тверда и малоутешительна. Утешение будет только от воспоминания о предыдущем бодром состоянии, а не от обладания им. И придется вздохнуть и осудить себя. А если не умудрится на это душа, то лживое настроение продлится, и благодать опять отстранится. Ибо такое мечтательное настроение показывает, что душа опять оперлась на свои труды, а не на милость Божию. Благодать всегда благодать и ни к какому труду не привязана. Кто привязывает ее к труду, тот за это самое может лишиться ее. Затвердите это хорошенько. Научительные отступления благодати направлены именно к тому, чтобы пособить затвердить сей спасительный урок» (С. 425–427).

Вышеизображенную общую картину внутренней духовной молитвенной жизни делателя Иисусовой молитвы дополним отдельными подробностями из писем свт. Феофана к другим лицам.

«Хорошо трудиться в молитве Иисусовой, – пишет святитель одному иноку, – но не нужно забывать, что дело не в словах и не в количестве молитв Иисусовых, а в навыке быть всегда в памяти Господа. Количество хорошо выдерживать, чтобы не разленился, но главное, чтобы при сем мысли и чувства были святы. Плод молитвы главный – не теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение. Их постоянно надо возгревать, и с ними жить, и ими дышать».

«Храните память Божию и память смертную. От них страх Божий будет в силе. От страха Божия – внимание к себе и всем делам своим, мыслям и чувствам. От сего трезвенная, благоговейная жизнь. От сей – страстей подавление. От сего – чистота. От чистоты – с Богом пребывание не мыслями только, но и чувством».

«Молитва духовная не зависит от телесного какого-либо напряжения, как например натиска вниманием к сердцу или стеснения дыхания и подобное. Начинать ее надо поставлением себя в присутствие Господа и затем, предав себя всего Господу и одушевляясь верою и упованием, обращать к Нему молитву свою просто, по-детски. Чувства при сем – какие Бог пошлет, теми и довольствоваться. Дело духовное не в восторгах: самое

лучшее его проявление есть дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно.

«Надо различать только чувства, в нрав входящие, и чувства мимолетные – пришли и ушли. Пока не умерщвлены в конец страсти – дурные мысли, чувства, движения и замысления не прекратятся. Умалются по мере умаления страстей. Источник их – страстная половина наша. Вот сюда все внимание и обратить надо. Есть одно воспитательное средство. Память о Господе непрестанная с молитвою к Нему. Старцы Божии умели этим отгонять все дурное и удерживать себя в добром строе. Навык молитве Иисусовой есть внешняя сторона того орудия. В существе это то же, что домоседство. Сознанием в сердце быть с Господом, призывание Которого прогоняет все дрянное. Прочитайте Исихия – о трезвении. Труд и постоянство в труде однообразном все преодолевает» (Умное делание, § 251).

«Молитва Иисусова, с верою в простоте сердца совершаемая, всегда душеспасительна. Вредным может оказаться художество (т. е. искусственные приемы), какое с нею соединяют. От этого остерегаться надо. Можно не вдруг на молитву эту налегать, а сначала всякий пусть навикает молиться от сердца положенными молитвами и молитвами в церкви. Потом, когда начнет углубляться в молитву, можно предложить ему творить молитву Иисусову непрестанно и при сем блюсти память Божию со страхом и благоговением, но прибавляйте, что дом молитвы – чистое сердце, и совесть спокойная, и ревнование о всякой добродетели и засеменении их в сердце».

«То, чего должно искать в молитве, это есть водружение в сердце тихого, но теплого чувства к Богу неотходного: восторгов же и особенных движений не домогаться, а когда Бог пошлет особенные молитвенные чувства, благодарить за них, а не присвоять себе, и не жалеть, когда отойдут, как бы о потере какой великой, и всегда от них смиренно нисходить к тихому чувству ко Господу!»

«Вы думаете, что напрасно трудитесь над молитвою Иисусовою. Но не думаете ли Вы, что в словах вся сила? Слова

– пособие немощному уму, который неохотно стоит на одном месте и на одном предмете. А существо всего дела: умное стояние пред лицом Господа со страхом и трепетом, непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающее воедино все мысли и чувства и расположения. Облеките это стояние в форму слова, и будет: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (грешную)!»

«Новоначальные должны помнить, что молитва без умного и сердечного обращения к Богу – не молитва. Молитву же пусть совершают сначала по молитвеннику, готовыми молитвами, чтобы усвоить себе и мысли, и чувства, и слова молитвенные. Когда учитель заметит, что они достаточно в этом успели, тогда пусть укажет им, как молиться не чужими, а своими словами, свои личные духовные потребности возносить молитвенно к Богу и молить Его быть милостивым к ним и помочь им. В это же время можно предлагать им молитву коротенькими молитовками из 24-х молитовок Златоуста или из псалмов и других молитв церковных. Наконец, можно им преподать урок и молитвы Иисусовой, не обставляя ее никакими внешними приемами и одно только внушая – износить сию молитву из сердца».

«Если обращение ума и сердца к Богу есть молитва, то молитва составляет душу деятельной жизни в ее должном строе и направлении. Но молитва имеет и свою особую, исключительно ей принадлежащую часть в жизни, где она одна царствует. Это молитвенный подвиг. Начинается он усвоением чужих молитв, оставленных нам богомудрыми отцами, когда таким образом воспитается дух молитвенный, молитва начинает восходить на степень молитвы своеличной, где она проходит новые степени, из которых первая есть молитва умная, вторая – умно-сердечная, третья – духовная, или созерцательная. Жизнь в Боге – целая жизнь, она же и существо молитвы. Следовательно, правый путь восхождения по степеням молитвы есть правый путь восхождения к богообщению или, что то же, есть правый мистицизм. Уклонение от правого восхождения молитвы к совершенству есть вместе и уклонение в ложный мистицизм. Не трудно заметить место этому уклонению, или

первую точку отправления в уклонение. Это переход от словесной молитвы к молитве своеличной, иначе, переход от внешнего молитвословия к внутреннему, умному. Удалить от этой точки заблуждение будет значить удалить уклонение в ложный мистицизм. Уклонение в ложный мистицизм у отцов, подвижников трезвенных, называется уклонением в прелесть. Мы видели эти уклонения от правоты на пути движения от вне внутрь (Симеона Нового Богослова «Три образа внимания и молитвы»). Одни застревают на воображении, другие останавливаются на умно-головном делании. Истинный шаг делают те, которые, минуя эти станции, проходят до сердца и укрываются в нем. Но и здесь еще возможно заблуждение, потому что часть умно-сердечной молитвы есть самодельная, трудовая, а где мы, там всегда есть возможность впадения в прелесть, точно так же, как и в грех. Безопасность начинается, когда утвердится в сердце чистая и непарительная молитва, которая есть знамение осенения сердца осязательною благодатию, ибо тут образуются чувства, обученные в рассуждении добра и зла. Итак, с самого начала от вне внутрь до сего блаженного момента возможно уклонение в ложный мистицизм. Как же избежать этого несчастья? У отцов для этого указывается один способ: не оставайся один, имей опытного советника и руководителя. Если нет его, сойдитесь двое-трое и руководитесь взаимно при свете отеческих писаний. Другого пути к избежанию мистицизма я не знаю, кроме разве особого благодатного руководства, которого сподобились немногие избранники Божии» (Еп. Феофан. Письма о духовной жизни. С. 232 и след.).

«Внимание к тому, что бывает в сердце и исходит из него, есть главное дело в христианской исправной жизни. Этим и внутреннее и внешнее приводится в должный порядок. Но ко вниманию всегда должно прилагать рассуждение, чтобы обследовать как должно происходящее внутри и требуемое внешностью. Без рассуждения и внимание ни к чему» (Умное делание, § 57).

«Во всякое дело нужно влагать сердце богобоязненное. Чтобы сердце было в состоянии богобоязненности, надобно,

чтобы его непрестанно осеняло помышление о Боге. Помышление о Боге будет дверь, через которую войдет душа в деятельную жизнь. Весь труд теперь должен быть обращен на то, чтобы непрестанно помышлять о Боге, или быть в присутствии Божию... Бог везде есть, делай, чтобы и мысль твоя всюду была с Богом. Как же сделать? Мысли толкнутся, как комары в своих столбиках, а над мыслями и чувства сердца. Чтобы прилепить мысль к единому, старцы имели обычай навязывать непрерывному произношению коротенькой молитовки, от навыка и частого повторения молитовка эта так навязывалась на язык, что он сам собою повторял ее. Через это и мысль прилеплялась к молитве, а через нее и к помышлению о Боге непрестанному. После навыка молитва связывала память о Боге, а память о Боге молитву, и они взаимно себя поддерживали. Вот и хождение пред Богом. Умная молитва есть, когда кто, утвердившись вниманием в сердце, оттуда возносит к Богу молитву. Умное же делание есть, когда кто, стоя вниманием в сердце, с памятию о Господе, отрывает всякую другую мысль, покушающуюся проникнуть в сердце» (Там же, § 58).

«Велика сила Иисусовой молитвы, по изображению св. отцов. А между тем на деле видим, что не все, имеющие навык к ней, причастны этой силе, не все вкушают от плодов ее. Отчего это? Оттого, что сами хотят забрать в свое владение то, что принадлежит дарованию Божию и есть дело благодати Господней. Начать повторять эту молитву утром, вечером, ходя, сидя и лежа, за делом и на досуге есть наше дело. На это не требуется особой помощи Божией... Может последовать за этим и некое умирение помыслов, и даже своего рода сердечная теплота, но все это будет дело и плод наших усилий... Будешь думать, что имеешь, тогда как ровно ничего не имеешь... Это случается с теми, у кого не раскрывается сознание того, в чем сущность молитвы... Но у кого сознание раскроется, то, видя, что сколько ни усиливается действовать по старческим указаниям, все ожидаемого плода не обнаруживается, пресекает всякое ожидание плода от одного своего усилия и все упование возлагает на Бога. Когда это образуется, тогда



открывается возможность и благодатному воздействию: приходит благодать, в момент ей одной ведомый, и прививает молитву ту к сердцу. Тогда, как говорят старцы, все то же будет по внешнему порядку, но не то же по внутренней силе» (Там же, § 67).

«Отличительной чертой состояния, когда раскрывается Царствие Божие внутрь или, что то же, когда затепливается неотходный духовный огонь в сердце по отношению к Богу, есть внутри-пребывание. Сознание все сосредоточивается в сердце и стоит перед лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприсущей готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, с минуты пробуждения от сна, держится весь день, при всех трудах и занятиях, и не отходит, пока сон не смежит очи. Вместе с образованием такого строя, прекращается все нестроение, которое характеризовало внутри до этого момента, в период искания. Неудержимое брожение мыслей прекращается, атмосфера души становится чистой и безоблачною, стоит одна память и мысль о Господе. Отсюда светлость во всем внутреннем. Все там ясно, всякое движение замечается и достойно оценивается при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего всякий недобрый помысл и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление и прогоняются. Если же против воли проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистою пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что с прекращением сего тепления прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная» (Там же, § 68).

«Все сказанное есть только начало новой степени, или нового периода христианской жизни. Отселе пойдет

преобразование души и тела по духу жизни о Христе Иисусе, или их одухотворение. Возобладав над собою, человек начнет влагать в себя все истинное, святое и чистое и изгонять все ложное, греховное и плотское. И доселе он трудился над тем же, но поминутно был окрадываем... Теперь не то. Человек стал твердою ногою и, не поддаваясь противностям, ведет целесообразно свое созидание. Воспринимается, по словам Варсонофия, огонь, который вовеци на землю пришел Господь, и в этом огне начинают перегорать все силы естества человеческого. Если долгим трением возбудите вы огонь и вложите его в дрова – дрова загорятся и, горя, будут издавать треск и дым, пока перегорят. Перегоревшие же являются проникнутыми огнем, издавая приятный свет, без дыма и треска. Точь-в-точь подобное же происходит и внутри. Огонь воспринят, начинается перегорание. Сколько при этом дыма и треска – знают испытавшие. Но когда все перегорит – дым и треск прекращаются и внутри качествует только свет. Состояние это есть состояние чистоты, до него долгий путь. Но Господь многомилостив и всесилен... Очевидно, что тому, кто воспринял огонь ощутительного общения с Господом, предлежит не покой, а труд многий, но труд сладкий и плодный, доселе же он был и горек и малоплоден, если не совсем бесплоден» (Там же, § 69).

«Теплота сердечная, или горение духа, о коих было говорено, приходят непрерывным деланием Иисусовой молитвы. Чем усерднее потрудишься, тем скорее молитва эта привьется к сердцу. Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается и горение ее становится непрерывным, вместе с тем, как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрерывно движущеюся. Оттого получившие зарождение совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, определяя ею свое молитвенное правило» (Там же, § 70).

«Верным признаком подвига и вместе условием преуспевания чрез него является приболезненность (о чем мы уже говорили в одной из прежних бесед). Неболезненно

шествующий не получит плода. Болезнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святого, подаемый всякому верующему во св. крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в покаянии. Не отступай же от трудов из-за болезненности их, чтобы не быть тебе осуждену за бесплодие и не услышать: возмите от него талант. Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились, но ради безболезненности этой были и суть чужды чистоты и не причастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода, по причине безболезненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения и не возболезнуем как рождающая, то не возможем родить дух спасения на земле сердца нашего» (Там же, § 73).

«Не забывайте, что не должно ограничиваться одним механическим повторением слов молитвы Иисусовой. Это ни к чему не приведет, кроме механического навыка повторять сию молитву языком, даже не думая о том. И это, конечно, не худо, но составляет самую дальнюю внешнюю окраину сего дела. Суть дела – сознательное стояние в присутствии Господа со страхом, верою и любовью. Это настроение возможно и без слов. Его и надобно восстанавливать в сердце прежде всего. Слова же потом будут идти, чтоб удержать на этом одном внимание и углубить те чувства и расположения» (Там же, § 78).

«Память Божия – присная спутница благодатного состояния... Память Божия праздной не бывает, но непременно вводит в созерцание совершенств Божиих и Божиих дел: благости, правды, творения, промысления, искупления, суда и воздаяния. Все сие в совокупности есть мир Божий, или область духовная. Ревнующий неисходно пребывает в сей области. Таково уж свойство ревности. Отсюда обратно: пребывание в

сей области поддерживает и живит ревность. Желаете соблюсти ревность? – Держите все прописанное настроение. И все добре пойдет. Из совокупности таких духовных движений исходит страх Божий, благоговейное стояние пред Богом в сердце. Се страж и охрана благодатного состояния» (Там же, § 88).

«Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Последнюю, когда начнет умаляться, возгревать спешите, твердо ведая, что, коль скоро ее не станет, это значит, что большая половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и паче всего трезвение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтоб не заснуть или, задремавши, пробудиться» (Там же, § 89).

«Как возгревали в себе дух молитвенный и утверждались в молитве подвижники, отцы и учителя наши? Главное, чего они искали, состояло в том, дабы сердце горело к единому Господу беспрестанно. Бог требует сердца, потому что в нем исходище жизни. Где сердце, там сознание, внимание и ум, там вся душа. Когда сердце в Боге, тогда и вся душа в Боге и предстоит человек в непрестанном поклонении Ему духом и истиною. Это главное иным доставалось скоро и легко. ... Но у других Все дело идет вяло. Строй ли их естественный такой, иди другие о них намерения Божии, только сердце их не скоро согревается. Казалось бы, они уж навывали всем делам благочестия и жизнь у них идет праведно, а нет, – на сердце все не то, чему бы следовало быть. Так бывает не только с мирянами, но и с живущими в обителях, и даже с отшельниками» (Там же, § 95).

«Из опытов в духовной жизни можно вывести весьма верное заключение, что у кого есть усердие молиться, того нечего учить, как усовершенствоваться в молитве. Самый труд молитвенный, с терпением продолжаемый, доведет его и до высших степеней молитвы. Но что делать немощным, вялым и особенно тем, которые прежде чем дошли до разумения, какова должна быть молитва, успели затвердеть во внешней формальности и охладели в навыковении порядкам уставного молитвословия? Им остается еще прибежище – художественное

делание умной молитвы ко Господу. И не для них ли преимущественно и изобретено это художественное делание или, иначе, искусственное привитие к сердцу умной молитвы Иисусовой?» (Там же, § 96).

«Кроме деятельной умной молитвы, никто не может избежать действия страстей и сложения лукавых помыслов, за которые будут истязаны в час смерти и дадут ответ на Страшном суде» (Там же, § 97).

От чего бывает охлаждение в молитве? «Охлаждение бывает вот как: начинается забвением... Забываются благодеяния Божии, и Сам Бог, и свое в Нем спасение, опасность быть без Бога, и память смертная отходит, – словом, закрывается вся духовная область. Это и от врага бывает, и От рассеяния мыслей делами, заботами, многим обращением с людьми. Когда все это бывает забыто, охлаждается сердце и сочувствие его к духовному пресекается... вот и нечувствие. А когда оно бывает, вместе с ним происходят и движения нерадения и беспечности... Вследствие сего духовные занятия отлагаются на время, а там и совсем оставляются. И пошла старая – и беспечная и нерадивая жизнь, в богозабвении, в собственное лишь угождение. Хотя при этом безалаберного и ничего не будет, но и Божиего не ищи. Пустая жизнь! Если не хотите в сию попасть пропасть, то берегитесь первого шага – забвения. Поэтому ходите всегда в памятях Божиих, то есть о Боге и Божиих вещах. Это будет поддерживать сочувствие к ним, а от того и другого постоянно будет теплиться ревнование. И се жизнь!» (Там же, § 109).

«Быть в каком-нибудь чувстве очень многозначительно в духовной жизни. В ком есть оно, тот уже – внутри себя и сердца, ибо мы всегда вниманием в действующей части, и если это – сердце, то – в сердце» (Там же, § 145).

«Надо знать, что восход к совершенству невидим для ревнующего: трудится в поте лица, но будто без плода, благодать строит дело свое под прикрытием. Видение человеческое, глаз, съедает доброе. Человеку самому остается на долю одно – видение своего непотребства. Путь к совершенству есть путь к сознанию, что я и слеп, и нищ, и наг, в

непрерывной связи с которым стоит сокрушение духа, или болезнь и печаль о нечистоте своей, изливаемая пред Богом, или, что то же – непрестанное покаяние. Покаянные чувства суть отличительные признаки истинного подвижничества. Кто уклоняется от них и избегает, тот уклонился от пути. В положении начала новой жизни было покаяние, оно же и в возрастании должно быть и зреть вместе с ним. Зреющий созревает в познании своей порчи и греховности и углубляется в сокрушенные чувства покаяния. Слезы – мера преспеяния, а непрестанные слезы – признак скорого очищения» (Там же, § 272).

«Спрашиваете, как Господа при делах иметь во внимании? Так: какое бы дело, большое или малое, Вы ни делали, держите в уме, что его Вам повелевает делать Сам Господь Вездесущий и смотрит, как Вы его делаете. Так себя держа, Вы дело всякое будете делать со вниманием и Господа будете помнить. В этом весь секрет успешного для главной цели действования. ... У Вас не ладится... оттого, что Вы хотите помнить Господа, забывая о делах житейских. Но дела житейские лезут в сознание и память о Господе вытесняют. А Вам следует наоборот: о житейских делах хлопотать, но как о Господнем поручении и как пред Господом. Тогда у Вас и то и другое будет исправно» (Там же, § 282).

«Вам говорят: «Более заслуги подвизаться в молве житейской, чем спастись в уединении». И Вы не отрицайте этого: Те, которые истинно подвизаются, не имеют в виду заслуги, а о том лишь заботятся, чтоб очистить себя от страстей и страстных чувств и помыслов. Для этой цели жизнь в общении с другими пригожей, потому что она представляет действительные опыты борения со страстями и преодоления их. Эти победы бьют страсти в грудь и в голову, а повторение их скоро убивает страсти наповал. В уединении же борьба бывает только мысленная, которая так же бывает слабодейственна, как удар крыла мухи. Оттого умерщвление страстей в уединении дольше тянется. И мало того, оно бывает всегда почти не умерщвлением собственно, а замиранием, замиранием на время, до случая встречи с предметами страсти... Причем

бывает, что страсть вдруг воспламеняется, как молния. И бывает, что иной, долгое время имевший в уединении покой от страстей, вдруг падает. А того, кто дошел до покоя от страстей чрез борьбу не мысленную, а действительную, нечаянное нападение их не поколеблет. Вот на каком основании мужи опытные в духовной жизни заповедают преодолеть страсти действительным с ними борением в общении с другими, а после этого уже уединяться» (Там же, § 283).

«Внимание свое меньше всего останавливайте на внешних подвигах. Хотя они необходимы, но они суть подмости. Здание строится посреди них, но они не здание. Здание в сердце. На сердечные делания и обратите все внимание свое» (Там же, § 288).

«Учитесь все, что ни делаете, делать так, чтобы это разогревало, а не охлаждало сердце: и читать, и молитву деять, и работать, и с другими входить в общение надо все одну цель держа – не доводить себя до охлаждения. Топите без перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою и берегите чувства, чтобы через них не уходила теплота. Впечатления отвне очень трудно уживаются с внутренним деланием» (Там же, § 298).

«Учи себя всякий и внушай себе истины слова Христова, и оно вселится в тебя. Для сего читай, размышляй, заучивай, сочувствуй, возлюбляй и далее проводи в жизнь. ... Пока этого нет, нельзя сказать о ком-либо, что он научил себя, хоть и знает слово Христово на память и хорошо рассуждает. ... Ибо только тогда и вселяется в кого слово Христово, когда он успеет уговорить себя и веровать и жить по нему. Немудро делает тот, кто усердно читает слово Божие, но не обсуждает его, не доводит до чувства и не проводит его в жизнь. Оно и течет у него, как вода по желобу, и протекает через него, не осаждаясь в нем и не вселяясь в него. Можно все Евангелие и весь Апостол знать на память и все же не иметь слова Христова вселенным в себе, по причине неразумного изучения его. Не разумно делает и тот, кто только ум обогащает словом Христовым, а о сообразовании с ним сердца и жизни нерадит. Оно у него и остается как песок насыпанным в голове и памяти

и лежит там мертвым, а не живет. Живет оно только тогда, когда проходит в чувства и жизнь, а тут этого нет. И нельзя потому сказать, что оно обитает в таковом» (Там же, § 302).

«Нечего Вам повторять, что несокрушимое оружие против врагов есть смирение. Смирение трудно достается. Можно считать себя смиренным, не имея и тени смирения. Одним размышлением не усмиришь себя. Лучший, или единственный верный, путь к смирению есть послушание и отречение от своей воли» (Там же, § 356).

Привожу еще несколько наставлений свт. Феофана, помещенных в сборнике игумена Тихона, духовника святителя «Искатель непрестанной молитвы»:

«Все мы молимся, но есть молитва, которая сама молится и увлекает вслед за собою всего внутреннего человека. Кто это испытывает, тот только и знает, что есть молитва».

«Еще для первых учеников св. Антония было положено правилом заучивать на память несколько псалмов, тотчас по приходе их в пустыню. Потом внушалось: когда ты в келлии не занят или идешь куда-нибудь, то перечитывай на память заученные псалмы. Это называлось поучение. У нас в славянских отеческих книгах часто читается заповедь: имей сокровенное поучение. Это значит: собери внимание и повторяй непрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

«Се возжелах заповеди Твоя: в правде Твоей живи мя...» (Пс. 118, 40). Представляю то, что от меня требуется, всей душой желаю и ищу; даруй же и Ты, Господи, мне то, что зависит от благодати Твоей – оживи мя!.. Ими же веси судьбами, спаси мя! Желая, ищу, но оживить меня силен только Ты, Господи, правдою Твоею. В обычных опытах благочестивой жизни до очевидности оправдывается это над навыком молитвы Иисусовой. Мало в ней слов, но они совмещают все. Исстари признано, что, навыкнув молиться этою молитвою, можешь заменить ею все молитвословия».

«Надо беду зажечь вокруг себя... Внутренность свою надо уязвлять и тревожить, чтобы не уснуть... Что значит зажечь беду вокруг себя? – Это глубокое чувство опасности своего



положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе... Сие чувство и будет гнать нас ко Господу и заставляя непрестанно вопиять: «Господи, помилуй! Помоги! Защити!» Оно было у всех святых и никогда их не оставляло».

«С навыком ходить пред Богом начнется перечистка сердца, чувств, желаний, помышлений, а до того времени в душе великая сумятица... Бывала ли у Вас молитва теплая, при которой все убегало из внимания, а оставался только Господь и вопль к Нему из сердца?.. Если бывала, то это состояние есть непрестанное состояние ходящих пред Богом ... Как хорошо творить поклоны, как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов, держа все их в некоем напряжении! Господи, помилуй нас!».

«Говорят, однообразие (даже в молитве и хождении, например, к службам Божиим) рождает равнодушие и холодность. Мир свое переносит и на Божие. В вещах земных однообразие точно надоскучивает. В отношении к Богу совсем не то... Спросите: отчего это отцу Серафиму Саровскому и отцу Парфению Киевскому не наскучила такая однообразная и даже однообразнейшая жизнь? Церковь да келлия, церковь да келлия... А то еще и затвор! Господи, помилуй! Как можно убивать себя? А они и не думали мучить себя, а напротив, блаженствовали...»

«Тихое молитвенное упование на милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою, а слезами все можно! Подай, Господи! Подай, Господи! Докучать надобно, а права нет, все милость...»

«Трудитесь (в молитве), но не думайте, что сами что можете, а с сокрушением взывайте: «Господи, помоги! Господи, зажги!» Один старец два года умолял Пречистую Богородицу – и даровала ему огонь, и стало, говорит, хорошо. И вы трудитесь и молитесь, т. е. ищите, как установиться в сердце. И Господь, видя труд Ваш и то, что Вы искренно желаете сего блага, подаст Вам благодать горения сердечного. Это ведь и значит в сердце стоять. Матерь Божия Вам помощница... Батюшка о. Серафим научит: помните, как он однажды во время обедни объят был

огнем сердечным! Ищите и обрящете, толцые и отверзется вам».

«Главное надо стать умом в сердце пред Господом и стоять пред Ним неотходно и день и ночь до конца жизни. Употреби небольшой труд, с неослабным усердием... Будет и подозрение к советуемому, и неблаговоление к самому делу молитвы, хула на нее, изнеможение, желание бросить, именно потому, что мудрено. Опасно! Не слушай! Держи свое дело... Враг паче всего всеяет хулу на сию молитву (Иисусову). Ибо тогда огонь палит его и отгоняет – ему приступа нет к тому лицу, в сердце которого внедрена молитва Иисусова. Сладчайшее имя Господа, непрестанно звучащее и глаголющееся в сердце даже без твоего ведома, будет бить врага. Ибо бывает так, что душа, по небрежению и неразумию, забудется и замечается, но, опомнясь и возвратясь к себе, находит, что в сердце поется одно и то же: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

«В терпении вашем стяжите души ваша». В начатом деле (Иисусовой молитве) попятиться назад весьма пагубно. Не смущайся безуспешностью. Наше дело трудиться, и искать, и гнаться, а когда дело придет, про то один Господь знает. Один старец афонский два года докучал Матери Божией даровать огонь в сердце и был услышан. Не назначай сроков, а делай и проси, чтобы Дающий молитву молящемуся, даровал и тебе ее. Ищите и обрящете!...».

Вот, дорогой батюшка, каковы наставления свт. Феофана о молитве Иисусовой. Вы видите, как они просты, ясны и общедоступны. Но в основе их лежит столь трудное для современного человека требование – иметь искреннюю живую веру в то, что он стоит пред лицом вездесущего и всеведущего Бога, Который видит его сердце. Трудно это потому, что современный образованный человек привык жить или в области отвлеченных понятий: научных, философских, богословских и т. д., – или в области чувственных предметов и житейских интересов. Почувствовать невидимого Бога сердцем как живое и близкое Существо он отвык. А между тем это именно и требуется как необходимое условие для всякой молитвы, а тем

более для молитвы Иисусовой. Почувствовать Бога как живое, реальное Существо, к Которому можно обращаться со своими мольбами и нуждами – это значит ощутить в сердце своем тот огонек Живой веры, о котором так часто говорит свт. Феофан. В этом и состоит оживотворение, воскрешение нашего сердца, застывшего в формальных понятиях рассудка. Только тогда, когда сердце почувствует в себе живую веру в живого Бога, из него может излиться горячая искренняя молитва. И уже эта самая вера и есть молитва. Слова же, которыми мы облекаем нашу внутреннюю молитву, есть только внешняя форма подлинной сердечной молитвы. И сущность молитвы заключается не в словах, а в том молитвенном чувстве, в том чувстве веры, которым внушаются эти слова и которым живет наше сердце. Именно там, в глубине сердца, и совершается наша подлинная молитва. Если есть в человеке это молитвенное чувство, тогда у него найдется и желание, и терпение, и настойчивость непрерывного умного делания. Его будет побуждать к нему молитвенное горение и вера его сердца. Но, с другой стороны, нельзя не признать и того, что самый труд молитвы, совершаемый в надежде воскресения сердца, ставшего равнодушным к Богу, совершаемый настойчиво и неотступно, приносит в конце концов добрый плод, привлекая к сердцу благодать Божию и воспламеняя в нем огонь веры и подлинной горячей молитвы. Все наставления свт. Феофана можно в кратких словах выразить так: «Собери внимание, стань вниманием в сердце, помни (и это самое главное), что стоишь пред лицом Бога вездесущего и всемогущего, и со страхом Божиим из глубины сердца возноси Иисусову молитву. Поступая так, ожидай терпеливо и смиренно, в сокрушении сердца, с покаянным чувством, когда придет и коснется твоего сердца благодать Божия и пробудит в нем непрерывно журчащую, как ручеек, самодвижную, постоянную молитву, которая явится для тебя как бы стражем, охраняющим твое сердце от всякой нечистоты и опасности. А так как, по слову Божию, из сердца исходят источники жизни, то и вся жизнь твоя, поскольку она определяется сердцем, станет чистой и светлой».

Иерей. В дополнение к сказанному Вами мне хочется прибавить, что оскудение живой сердечной веры в Бога у современных людей происходит еще и от того, что современные люди совершенно отвыкли усматривать Бога в мире в действиях Его Промысла и через то потеряли под своими ногами всякую твердую жизненную опору. Мир им представляется каким-то случайным, хаотическим и бесцельным бытием, как будто никем не управляемым, не имеющим единого руководящего Центра, какой-то беспредельной пустыней, в которой, неизвестно почему и для чего, вертятся, как песчинки, мириады миров. Точно так же не видят они никакого смысла, разумного плана и цели в существовании человеческого рода и в его истории. Те пути Божии в истории человечества, которые раскрывает нам Библия: подготовка человечества после грехопадения к пришествию Спасителя мира, искупительный подвиг Сына Божия, существование в человечестве Христовой Церкви как благодатной хранительницы христианского учения и христианской жизни, будущее всеобщее воскресение и всеобщий Суд – все это совершенно уходит из внимания и сознания современных людей, оставляя в них какую-то безнадежную и безысходную пустоту. От этого исчезает спокойная уверенность в смысле жизни и внутренний мир сердца. От этого рождается чувство всегдашнего одиночества, сиротливости и тоски. Не к кому приютиться, не у кого искать помощи, ободрения, подкрепления, защиты – всего того, в чем так нуждается каждый человек и что доступно только верующему сердцу. Такое состояние современных людей, затерявшихся и растерявшихся в пустыне мира, в конце концов становится для них поистине ужасным и невыносимым.

Инок. Совершенно справедливо. Но то, что Вы говорите, есть только развитие и разъяснение сказанного. Увидеть Бога по действиям Его Промысла в мире и в истории человечества – это значит почувствовать бытие живого Бога и познать Его не из учебников Закона Божия и не из отвлеченного школьного богословия, не как некоторую теоретическую, безжизненную истину, но непосредственным опытом и восприятием из

окружающей нас действительности. Иисусова молитва, при ее правильном употреблении, и помогает к этому прийти.

Иерей. Я хочу задать Вам еще один возникший у меня вопрос. Все ли научившиеся молитве Иисусовой проходят и должны проходить тем путем научения, какой указывает свт. Феофан? Или возможны и другие пути? Мне пришлось читать в «Откровенных рассказах странника», как тот научился Иисусовой молитве от своего старца в течение немногих дней, произнося ежедневно от трех до двенадцати тысяч молитв в день... О другом, тоже своеобразном способе обучения Иисусовой молитве я читал в книге «На горах Кавказа». В ней пустынник рассказывает о себе, что, живя еще в монастыре и проходя обычные монастырские послушания, он в течение пятнадцати лет занимался исключительно произношением одной устной Иисусовой молитвы. Во время этого упражнения он вовсе не обращал внимания на ум и сердце... По истечении пятнадцати лет словесная молитва «сама собою перешла в умную, т. е. ум стал держаться в словах молитвы». Пустынник так характеризует это состояние ума: «Будучи до тех пор рассеянным и разлитым по предметам и вещам мира сего, он собирается в себя и, держась в словах молитвы, пребывает как бы у себя в доме, чуждым всех помыслов, кои вообще так мучительно тиранствуют душу всякого человека, не обновленного сею молитвенною благодатью. Не имея в себе точки опоры – Христа, ум наш бывает волнуем и обуреваем всевозможным движением помыслов...» А затем открылась и сердечная молитва (к сожалению, неизвестно, как скоро), существо которой, по словам пустынника, есть «теснейшее соединение нашего сердца, вернее, слитие всего нашего духовного существа с Господом Иисусом Христом». «Тогда, – говорит он, – открывается действенность Иисусовой молитвы, т. е. ее внутренняя сила и ощутительность для нашего сердца, состоящая в том, что она становится в человеке действующим началом, занимает господствующее и преобладающее положение, царственно покоряя себе все прочие склонности и сердечные расположения».

Из этих примеров я вижу, что способы навыкновения Иисусовой молитве у разных подвижников бывают разные. Очень возможно, что, кроме приведенных мною случаев, знающий человек может рассказать и другие... Как же быть? Считать ли все эти различные приемы равноценными? Или же – одни более правильными, а другие менее? Мне бы хотелось получить от Вас разъяснение.

Инок. Я уже не раз указывал Вам, что делание Иисусовой молитвы есть «наука из наук и искусство из искусств». Имея основной неизменный порядок, это искусство в отдельных частных случаях не может не сообразоваться с особенностями того или другого делателя молитвы, его личными свойствами, мерой его духовного возраста и условиями его жизни. Поэтому и необходимо при прохождении Иисусовой молитвы иметь опытного наставника, который в своих советах и наставлениях был бы способен примениться к индивидуальным особенностям своего ученика. Свт. Феофан указывает лишь общий верный путь молитвенного делания Иисусовой молитвы и, естественно, не может входить в рассмотрение индивидуальных случаев, почему и сам постоянно указывает на необходимость иметь наставника для ближайшего руководства в этом делании и для разрешения возникающих трудностей. Все это несколько не умаляет ценности и правильности указаний святителя, но объясняет, почему оказываются возможными всякого рода индивидуальные различия в прохождении Иисусовой молитвы. Ответил ли я на Ваш вопрос?

Иерей. Да, благодарю Вас, Вы вполне разрешили мое недоумение.

Инок. В таком случае пойдем дальше. От свт. Феофана обратимся к свт. Игнатию Брянчанинову, много писавшему об Иисусовой молитве. У свт. Игнатия систематическое изложение учения об Иисусовой молитве преобладает над практическим руководством.

Главнейшие сочинения свт. Игнатия об Иисусовой молитве следующие: в 1-м т. Сочинений статья «О молитве Иисусовой, беседа старца с учеником»; во 2-м т. Слова о молитве устной и гласной, о молитве умной, сердечной и душевной, о молитве

Иисусовой и др.; в 5-м т.: о молитве Иисусовой, о упражнении молитвою Иисусовою, о молитве Иисусовой устной, умной и сердечной и др. Попробуем, при помощи Божией, из всех этих сочинений извлечь самое существенное для нас. Примем при этом во внимание, что в своих писаниях свт. Игнатий имеет в виду преимущественно монашествующих, хотя это и не делает его наставлений не приложимыми к мирянам, понимающим значение Иисусовой молитвы и желающим упражняться в ней.

«Хранение ума, блюдение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва – все это, – пишет свт. Игнатий, – различные наименования одного и того же душевного подвига, в различных его видоизменениях. Этот душевный, или духовный, подвиг отцы определяют так: «Внимание есть сердечное непрестанное безмолвие, всегда и непрерывно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, дышащее Им, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедающееся Ему, единому имеющему власть прощать грехи» (Исихий Иерусалимский). Проще сказать – внутренним деланием, умным душевным деланием, умною молитвою, трезвением, хранением и блюдением ума, вниманием называется одно и то же: благоговейное упражнение в молитве Иисусовой. Блж. Никифор Афонский уподобил эти наименования отрезанной части хлеба, которая может быть названа и куском, и ломтем, и укрухом» (Соч. Т. 1. С. 205).

«Об этом умном делании учит нас Свящ. Писание Ветхого и Нового Завета как о важнейшем деле духовной жизни. «Всяким хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота» (Притч. 4, 23). «Внемли, себе, да не будет в сердце твоём слово тайно беззакония» (Втор. 15, 9). В Новом Завете Господь учит: «Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто» (Мф. 23, 26). Отцы говорят: св. Варсонофий Великий: «Если внутреннее делание с Богом, т. е. осененное Божественною благодатию, не поможет человеку, то. тщетно подвизается он наружным,, т. е. телесным подвигом»; и св. Исихий говорит: «Невозможно очистить сердце и отогнать от него враждебных духов без частого призывания Иисуса Христа» (Там же. С. 206).

«Господь Иисус Христос указывает на необходимость непрестанной и настойчивой молитвы: «Просите и дастся вам; ищите и обрящете; толцые и отверзется вам» (Мф. 7, 7); «Бог не имать ли сотворити отмщение избранных своих, вопиющих к Нему день и ночь?.. Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре» (Лк. 18, 7–8). И апостол, повторяя учение Господа, говорит: «Непрестанно молитесь» (1Сол. 5, 17).

Эта непрестанная внутренняя молитвенная память о Господе Иисусе Христе внешним образом выражается словами молитвы Иисусовой.

«Молитва Иисусова произносится так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Первоначально произносилась она без прибавления слова «грешнаго»; слово это присовокуплено к прочим словам молитвы впоследствии. Это слово, заключающее в себе сознание и исповедание падения, замечает прп. Нил Сорский, нам прилично, благоприемно Богу, заповедавшему воссылать молитвы к Нему из сознания и исповедания своей греховности. Для новоначальных, снисходя к их немощи, отцы позволяют разделять молитву на две половины – иногда говорить: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго», – а иногда: «Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Впрочем, это только дозволение и снисхождение, а отнюдь не приказание и не установление, требующее непременно исполнения. Гораздо лучше творить постоянно единообразную, цельную молитву, не занимая и не развлекая ума переменю и заботою о переменах» (Т. 2. С. 234).

«Молитва Иисусова разделяется на два вида: на устную и умную. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою при условии: когда устная молитва – внимательна. Сперва должно обучиться устной молитве Иисусовой. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые



облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредоточивается в одну мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание по наружности самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным» (Т. 5. С. 107).

«Никто из желающих преуспеть в молитве да не дерзает легко мыслить и судить о молитве, произносимой устами и гласом при внимании ума, как о делании малозначащем, не заслуживающем уважения. Если св. отцы говорят о бесплодии устной и гласной молитвы, не соединенной со вниманием, то из этого не должно заключать, чтобы они отвергали или уничижали и самую устную молитву. Нет! Они только требуют при ней внимания. Внимательная устная и гласная молитва есть начало и причина умной. Внимательная устная и гласная молитва есть вместе и молитва умная. Научимся сперва молиться внимательно устной и гласной молитвою, тогда удобно научимся молиться и одним умом в безмолвии внутренней клетки» (Т. 2. С. 183).

«Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве; тогда похвально количество, когда оно приводит к качеству. Качество всегда приводит к количеству; количество приводит к качеству, когда молящийся молится тщательно» (Т. 2. С. 163).

«Качество истинной молитвы состоит в том, когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму» (Там же).

«Хотя бы кто стоял на самой высоте добродетелей, но если он молится не как грешник, молитва его отвергается Богом» (Исаак Сирин). «Хотя бы мы проходили многие возвышеннейшие подвиги, – сказал св. Иоанн Лествичник, – они не истинны и бесплодны, если при них не имеем болезненного чувства покаяния» (Т. 2. С. 162).

«Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней дьявола: бежит дьявол от подвижников, издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся» (Григорий Синаит).

«Приноси Господу в молитвах твоих младенческое лепетание, простую младенческую мысль – не красноречие, не разум. Еще не обратитесь – из вашей сложности и двуличности – и будете, – сказал Господь, – яко дети, не внидете в Царствие Небесное» (Т. 2. С. 163).

«Для новоначальных полезнее краткие и частые моления, нежели продолжительные, удаленные одно от другого значительным пространством времени» (Т. 2. С. 167).

Чтобы сделаться способным к непрестанной молитве, надо приучиться к частой молитве. Частая молитва в свое время сама собою перейдет в непрестанную молитву. Свт. Игнатий устанавливает следующий порядок для домашнего обучения Иисусовой молитве:

«Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностью. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другие сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение ста молитв потребно времени 30 минут или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и еще в более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другой, делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произношение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностью, дыши тихо и медленно – этот прием охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвою Иисусовою, не вдавайся в помышления и мечтания пустые, обольстительные и обманчивые, но по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проводи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву, засыпай с нею. Приучи себя так, чтобы, проснувшись от сна, первую твоею мыслию, первым словом и делом была молитва Иисусова... Во время церковных служб полезно упражняться молитвою Иисусовою: она, удерживая ум от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся столько приучиться к молитве Иисусовой, чтобы она сделалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по

краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы» (Т. 5. С. 110–111).

Как и все наставники молитвы Иисусовой, свт. Игнатий видит в ней одно из главнейших средств нашего спасения, насаждения в сердце нашем живой молитвенной памяти о Господе нашем Иисусе Христе, очищения и освящения сердца как храма Божия и жертвенника непрестанно возносимой в нем молитвы, охраняющей нас от всякой нечистоты и утверждающей в душе нашей мир, радость и духовную силу, и в подтверждение сказанного ссылается на свидетельство всей Церкви, рекомендующей упражнение Иисусовой молитвой всем христианам: не только монашествующим, но и мирянам. «Рассмотри все Свящ. Писание – увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для человеков. Рассмотри писания отцов – увидишь, что все они без исключения советуют и заповедают упражнение молитвою Иисусовою, называют ее оружием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле (Лествичник), называют ее богоданным, неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным (Каллист и Игнатий). Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви – увидишь, что она для всех неграмотных чад своих, и монахов и мирян, установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле молитвою Иисусовою» (Т. 1. С. 218).

На указание, что «от упражнения Иисусовою молитвою всегда, или почти всегда, последует прелесть», свт. Игнатий отвечает: «В усвоении себе такой мысли и в запрещении заниматься Иисусовою молитвою заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Его Божества неограниченную, всесвятую силу спасать нас; как же эта сила, действующая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться и действовать на погибель? Это

чуждо смысла. Это – нелепость горестная, богохульная, душепагубная... Запрещающим молиться молитвою Иисусовою можно отвечать словами апостолов Петра и Иоанна на подобное запрещение, сделанное иудейским Синедрионом: «Праведно ли есть пред Богом вас послушати паче, неже Бога, судите» (Т. 1. С. 215).

На замечание, что и св. отцы остерегают занимающихся Иисусовою молитвой от прелести, свт. Игнатий говорит: «Да, остерегают. Они остерегают от прелести и находящихся в послушании, и безмолвников, и постников – словом сказать, всякого, упражняющегося какою бы то ни было добродетелью... Мне случалось видеть старцев, занимавшихся исключительно усиленным телесным подвигом и пришедших от него в величайшее самомнение, величайшее самообольщение. Душевные страсти их: гнев, гордость, лукавство, непокорство – получили необыкновенное развитие... Предостережения отцов основательны! Должно быть очень осмотрительным, должно очень охранять себя от самообольщения и прелести. В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собою... «Со страхом жительствоуйте», – завещает апостол. В упражнении молитвою Иисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины, и не с конца... В общежитиях Пахомия Великого, произведших возвышеннейших делателей умной молитвы, каждого вновь вступившего во-первых занимали телесными трудами под руководством старца в течение трех лет. Телесными трудами, частыми наставлениями старца, ежедневною исповедью внешней и внутренней деятельности, отсечением воли обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражнении в трудах преподавалось новонаначальному соответствующее устроению его делание молитвы. По истечении трех лет требовалось от новоначальных изучение наизусть всего Евангелия и Псалтири, а от способных и всего Свящ. Писания, что необыкновенно развивает устную внимательную молитву. Уже после этого

начиналось тайноучение умной молитве, объяснялось оно обильно и Новым и Ветхим Заветом. Таким образом подвизающиеся вводились в правильное понимание умной молитвы и в правильное упражнение ею. От прочности основания и от правильности в упражнении дивным было преуспеяние» (Т. 1. С. 225).

Особенная осторожность в упражнении молитвой Иисусовой необходима, в особенности людям, живущим в мирской обстановке, среди житейской суеты. Поясняя это, свт. Игнатий приводит свидетельство Паисия Величковского, который в письме к старцу Феодосию говорит, что не все писания отцов о молитве, доступные монахам, доступны и мирянам: «Отеческие книги, в особенности те из них, которые научают истинному послушанию, трезвению ума и безмолвию, вниманию и умной молитве, т. е. той, которая совершается умом в сердце, исключительно приличествуют только одному монашескому чину, а не всем вообще православным христианам. Богоносные отцы, излагая учение об этой молитве, утверждают, что ее начало и непоколебимое основание есть истинное послушание, от которого рождается истинное смирение, а смирение хранит подвизающегося в молитве от всех прелестей, последующих самочинникам. Истинного монашеского послушания и совершенного во всем отсечения своих воли и разума отнюдь невозможно стяжать мирским людям. Как же возможно будет мирским людям, без послушания, по самочинию, которому последует прелесть, понуждаться на столь страшное и ужасное дело, т. е. на таковую молитву, без всякого наставления? Как им избежать многочисленных и многообразных прелестей вражиих, наводимых на эту молитву и ее делателей прековарно? Так страшна эта вещь – молитва не просто умная (умственная), но действующая художественно умом в сердце, – что и истинные послушники, не только отсекие, но и совершенно умертвившие волю свою и рассуждение свое пред отцами своими, истинными и преискусными наставниками деланию этой молитвы, всегда находятся в страхе и трепете, боясь, и трепеща, чтобы не пострадать в этой молитве какой-нибудь

прелести, хотя и хранит их всегда Бог, за истинное их смирение, которое они стяжали благодатию Божиею при посредстве истинного послушания своего. Тем более мирским людям, жительствовавшим без послушания, если они от одного чтения таких книг понудятся на молитву, предстоит опасность впадения в какую-либо прелесть, приключающуюся начинающим самочинно подвиг этой молитвы. Эту молитву святые называли художеством художеств; кто же может научиться ей без художника, т. е. без искусного наставника?» (Т. 2. С. 260).

О том, что молитва художественно действующая в сердце, т. е. при помощи указываемых отцами способов, требует наставника и без него может приводить к прелести, пишет и свт. Феофан, о чем уже упоминалось в настоящей беседе: «Тот образ молитвы, который прописан в Добротолюбии, надо проходить с наставником, знающим то дело и на глазах его. А кто один возьмется за сие дело, по одному описанию его, тому не миновать прелести. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем для восполнения внутреннего при сем строя, того не видно. Проходящий такое делание без руководителя присущего, естественно и остается с одним внешним деланием, строго исполняет, что велено относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Как такого рода приемы естественно могут доводить до некоей степени сосредоточения внимания и теплоты, то он, не имея при себе верного определителя, который бы сказал ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, приходит к мысли, что это и есть то, чего он ищет, т. е. что его осенила благодать, тогда как тут еще нет, и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы по причине опасности от них. Сами по себе они не могут дать ничего благодатного, ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодолжный строй и без них привлечет действо благодати. Этот строй есть при молитве Иисусовой ходить в присутствии Божию, возгревать чувства

благоговейства и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блюсти ее незапятнанною и мирною и всю жизнь свою – и внутреннюю и внешнюю – предать в руки Божии. Из сих духовных стихий благодать Божия, в свое время пришедши, слив их воедино, возжигает огонь духовный в сердце, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Сим путем трудно попасть в мнение. Но и тут с руководителем лучше личным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо сии два открывают, что внутри» (Умное делание, § 378).

Все вышеизложенное приводится здесь не для того, однако, чтобы оттолкнуть мирян от делания Иисусовой молитвы, но для того, чтобы показать им правильный порядок этого делания.

Свт. Игнатий, как и свт. Феофан и другие наставники умного делания, отмечает две первые ступени Иисусовой молитвы, которые, будучи проходимы в строгой последовательности, в особенности первая из них, доступны не только монашествующим, но и мирянам. На первой из этих ступеней преобладают собственные усилия, труды и подвиги проходящего молитву, при содействии благодати Божией. На второй ступени преобладает действие благодати Божией, и молитва становится самодействующей в сердце.

Свт. Игнатий пишет об этом так: «Упражнение молитвою Иисусовою имеет два главнейших подразделения, или периода, оканчивающиеся чистою молитвою, которая увенчивается бесстрастием, или христианским совершенством, в тех подвижниках, которым Богу благоугодно дать его... В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии: благодать Божия несомненно содействует молящемуся, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, скрытые в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью. Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум

с сердцем, доставляя возможность молитвы непарительно или, что то же, без развлеченія, с сердечным плачем и теплотою, при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом... Чтобы достичь второго состоянія, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволенія и принести плод в терпении» (Т. 1. С. 269).

Вторая молитва происходит от первой. Вниманіе ума при молитве привлекает сердце к сочувствію; при усиленіи вниманія сочувствіе сердца уму обращается в соединеніе сердца с умом; наконец при вниманіи, усвоившемся молитве, ум нисходит в сердце для глубочайшаго молитвеннаго священнослуженія» (Т. 2. С. 263).

С чрезвычайной строгостью свт. Игнатій запрещает новоначальным самовольно стремиться достигнуть этой второй степени. «Все это совершается под водительствою благодати Божіей, по ея благоволенію и усмотренію. Стремленіе ко второму прежде стяжанія перваго не только бесполезно, но может быть причиною величайшаго вреда» (Т. 2. С. 264).

«Мало-помалу зиждется сердечная чистота; чистоте постепенно и духовно является Бог. Постепенно! Потому что и страсти умягчаются, и добродетели возрастают не вдруг; то и другое требует значительнаго времени...» (Т. 1. С. 272).

Указав двоякій характер Иисусовой молитвы, свт. Игнатій переходит к изложенію ученія св. отцов об образе упражненія молитвою и о том, какой образ умной и сердечной молитвы приличествует всем без исключенія христіанам и новоначальным инокам и какой образ молитвы свойствен преуспевшим.

«Без всякаго сомненія, – пишет он, – первое место между всеми способами должно дать способу, предлагаемому св. Иоанном Лествичником, как особенно удобному, вполне безопасному, нужному, даже необходимому для действительности молитвы, приличествующему всем благочестиво жительствующим и ищущим спасенія христіанам, и мирянам и инокам. Великій наставник иночествующих дважды говорит об этом способе в своей Лествице, возводящей от



земли на небо: в Слове о послушании и в Слове о молитве. Уже то, что он излагает свой способ в изложении учения о послушании общежительных иноков, с очевидностью показывает, что этот способ назначается и для новоначальных иноков. Предложение способа повторяется в отдельном пространном учении о молитве, после наставления для безмолвников, следовательно, повторяется для преуспевших иноков. Это показывает с очевидностью, что способ очень хорош и для безмолвников, и для преуспевших иноков. Повторяем, величайшее достоинство способа заключается в том, что он, при всей удовлетворительности своей, вполне безопасен. В Слове о молитве, объясняя способ молитвы, св. Иоанн Лествичник говорит: «Подвизайся возвращать, точнее, заключать мысль в слова молитвы. Если по причине младенченности она изнеможет и уклонится, опять введи ее. Свойственна уму нестойкость. Может же установить его Тот, Кто уставляет все. Если стяжешь это делание и постоянно будешь держаться его, то придет Определяющий в тебе границы морю твоему и скажет ему при молитве твоей: «До сего дойдеши и не преjdeши». (Иов. 38, 11). Невозможно связывать дух, но где присутствует Создатель этого духа, там все покоряется Ему» (Сл. 28. Гл. 17). Таким образом, постоянное возвращение внимания ума к словам молитвы есть необходимое условие для обучения молитве. «Начало молитвы – помыслы, отгоняемые молитвою при самом их начале; середина – когда ум пребывает в одних словах, произносимых гласно или умом; конец – восхищение ума к Богу» (Там же. Гл. 19). В Слове о послушании св. Иоанн говорит: «Борись с мыслию непрестанно, возвращая ее к себе, когда она улетает; Бог не требует от послушников молитвы непрестанной. Не скорби, будучи окрадаем, но благодушествуй, постоянно возвращая ум к самому себе» (Сл. 4. Гл. 93). В этих словах преподан способ внимательно молиться, – молиться и гласно, и одним умом. Во внимательной молитве не может не принять участия сердце, как сказал прп. Марк: «Ум, молящийся без развлечения, утесняет сердце» (О мнящихся от дел оправдаться. Гл. 34. Добротол. Т. 1). Таким образом, кто будет

молиться по способу, предложенному св. Иоанном Лествичником, тот будет молиться и устами, и умом, и сердцем, тот, преуспев в молитве, стяжет умную и сердечную молитву, привлечет в себя Божественную благодать, как видно из приведенных слов великого наставника иноков... При таком образе упражнения молитвою какая может быть прелесть? Лишь одно увлечение в рассеянность – погрешность вполне явная, в новоначальных неизбежная, способная к немедленному уврачеванию чрез возвращение мысли в слова, уничтожаемая, милостию и помощью Божиею, в свое время при постоянном подвиге.

Спросят: неужели такой великий отец, живший в то время, когда умное делание процветало, ничего не говорит о молитве, совершаемой умом в сердце (т. е. о высшей степени молитвы)? Говорит, но так прикрито, что одни знакомые опытно с деланием молитвы могут понять, о чем говорится. Так поступил святой, будучи руководим духовной мудростию, с которою написана вся книга его. Изложив о молитве самое верное и удовлетворительное учение, могущее возвести делателя в благодатное состояние, Лествичник выразился приточно о том, что совершается по осенении молитвенного подвига благодатию. «Иное, – сказал он, – обращаться часто к сердцу, а иное – быть по уму епископом сердца, князем и архиереем, приносящим Христу словесные жертвы» (Сл. 28. Гл. 51).... Между Раифскими иноками, для которых написана блж. Иоанном Лествица, процветала умная молитва под руководством опытного духовного наставления. Об этом святой писатель опять выражается приточно и прикровенно в слове к пастырю: «Прежде всего, о честный отец, потребна нам духовная сила, чтобы тех, которых мы пожелали ввести во святая святых, которым вознамерились показать Христа, почивающего на их таинственной и сокровенной трапезе, в особенности доколе они находятся в преддверии у этого входа и когда увидим, что их теснит, и угнетает народ с целью возбранить им желанный вход, мы могли, взяв за руку как младенцев, освободить от народа помыслов. Если же младенцы крайне голы и немощны, то необходимо нам поднять

их на рамена и возносить на раменах, доколе они пройдут чрез дверь входа – точно знаю, обычно там быть всевозможной тесноте и давке. Почему и сказал некто об этой тесноте: «Сие труд есть предо мною Дóндеже вниду во святило Божие» (Пс. 72, 16–17), – и труд простирается только до вшествия» (Гл. 14). «Желающий видеть Господа внутри себя старается очистить сердце свое непрестанною памятию Божиею. Мысленная страна чистого душою – внутри него. Солнце, сияющее в ней, – свет Св. Троицы. Воздух, которым дышат жители ее, – Всесвятой Дух. Жизнь, радость и веселие этой страны – Христос, Свет от Света – Отца. Это – Иерусалим и Царство Божие, сокровенное внутри нас, по слову Господа. Эта страна – облако славы Божией: одни чистые сердцем войдут в нее, чтобы увидеть лице своего Владыки, и чтобы озарились умы их лучем света Его» (Исаак Сирин. Сл. 8). «Постарайся войти в клеть, которая внутри тебя, и увидишь клеть небесную. Та и другая – одно, одним входом вступишь в обе. Лествица к Царству Небесному – внутри тебя, она устроена таинственно в душе твоей. Погрузи себя в себя от греха и найдешь там ступени, которыми можешь взойти на небо» (Исаак Сирин. Сл. 2).

Подобное сему говорит своим ученикам и прп. Варсонофий, достигший высшей степени духовного преуспевания... Внушается величайшее благоговение к молитвенному сердечному священнодействию величественным изображением его, сделанным отцами. Это благоговение и самое благоразумие требуют от нас, чтобы мы отреклись от преждевременного, самочинного, гордостного, безрассудного усилия войти в таинственное святилище. И благоговение и благоразумие научают нас пребывать внимательною молитвою, молитвою покаяния, при дверях храма. Внимание и сокрушение духа – вот клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она – преддверие святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха. Да соберутся в эту Вифезду все страждущие нравственную хромотою, все прокаженные, все слепые и сухие – словом, все недугующие грехом, чающие движения воды (Ин. 5, 3) – действия милости и благодати Божией. Сам и един

Господь, в известное Ему время, дарует исцеление и вход во святилище, единственно по своему непостижимому благоволению. «Аз вем, ихже избрах», – говорит Спаситель (Ин. 13, 18). «Не вы Мене избрасте, – говорит Он избранным Своим, – но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, да его же аще просите от Отца во имя Мое, даст вам» (Ин. 15, 16)» (Т. 2. С. 264–266).

«Весьма хорош способ обучения Иисусовой молитве, предлагаемый священноиноком Дорофеем, российским подвижником и аскетическим писателем. «Кто молится устами, – говорит священноинок, – а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего: от души, и ума, и сердца своего, со страхом Божиим, от всей крепости своей. Умная молитва не попускает входить во внутреннюю клеть ни парению, ни скверным помыслам. Хочешь ли научиться деланию умной и сердечной молитвы? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно... Сначала должно тебе творить молитву Иисусову голосом, т. е. устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимую гласно, тогда гласная молитва прекращается, и начинает она произноситься шепотом...» (Т. 2. С. 266).

«Гласная молитва сама собою переходит в умную... а от умной молитвы является молитва сердечная... При особенном действии рассеянности, печали, уныния, лености очень полезно совершать молитву Иисусову гласно: на гласную молитву Иисусову душа мало-помалу возбуждается от тяжкого нравственного сна, в который обычно ввергают ее печаль и уныние. Очень полезно совершать молитву Иисусову гласно при усиленном нашествии помыслов и мечтаний плотского вожделения и гнева, когда от действия их разгорячится и закипит кровь, отымутся мир и тишина у сердца, когда ум поколеблется, ослабеет, как бы ниспровергнется и свяжется множеством непотребных помыслов и мечтаний. Воздушные князи злобы, присутствие коих не обличается телесными очами,

но познается душою по производимому ими действию на нее, услышав грозное для них имя Господа Иисуса, придут в недоумение и замешательство, устроятся, не замедлят отступить от души. Способ, предлагаемый священноиноком, очень прост и удобен. Его надо соединить с механизмом св. Иоанна Лествичника, т. е. произносить молитву Иисусову гласно, неспеша и заключая ум в слова молитвы». (Т. 1. С. 261).

Блаженный старец, Серафим Саровский, завещает новонаначальному, по преждесуществовавшему общему обычаю в Саровской пустыне, творить непрестанно молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «При молитве, – наставляет старец, – внимай себе, т. е. собирай ум и соединяй его с душою. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом, отдельно, внимая каждому слову особо. Когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит тебя во един дух, тогда потечет в тебе эта молитва непрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Это-то и значат слова, сказанные пророком Исаиею: «Роса бо, яже о Тебе, исцеление им есть» (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе эту пищу душевную, т. е. беседу с Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказываю тебе, что празднословие есть и празднолюбие. Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и учить других? Молчи, непрестанно молчи, помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но вместе и остерегайся осуждать разговаривающих и смеющихся. Будь в этом случае глух и нем. Чтобы о тебе ни говорили, все пропускай мимо ушей. В пример себе можешь взять Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноческое; послушание его было безропотливое, делание терпеливое, труд усерден. Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ест, но внимай себе, питая душу молитвою». Старец, дав такое наставление новонаначальному иноку, проводящему деятельную жизнь в монастырских трудах, и преподав ему упражнение молитвою,

приличествующе деятельному, воспрещает преждевременное, безрассудное стремление к жительству умозрительному и к соответствующей этому жительству молитве. «Всякому, – говорит он, – желающему проходить жизнь духовную, должно начинать с деятельной жизни, а потом уже переходить к умозрительной, потому что без деятельной жизни в умозрительную прийти невозможно. Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и вводит нас на степень деятельного совершенства и тем самым пролагает нам путь к умозрительной жизни. К сей могут приступать только очистившиеся от страстей и стяжавшие полное обучение в деятельной жизни, как это можно видеть из слов Свящ. Писания: «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8), – и из слов св. Григория Богослова: «К умозрению могут приступать только совершеннейшие по своей опытности (в деятельной жизни)». К умозрительной жизни должно приступать со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и под руководством искусного старца, если такового можно найти, а не с дерзостью и самочинием. «Дерзостный и презорливый, – по словам Григория Синаита, – не по достоинству своему взыскав (высокого духовного состояния), с кичением усиливается достигнуть его преждевременно». И опять: «Если кто мечтает по мнению своему достигнуть высокого состояния и стяжал желание сатанинское, а не истинное, того диавол уловляет своими мрежами, как слугу своего». Предостерегая, таким образом, от гордостного стремления к высоким молитвенным состояниям, старец настаивает, можно сказать, на необходимости для всех вообще иноков, никак не исключая и самых новоначальных послушников, внимательной жизни и непрестанной молитвы. Замечено, что, по большей части, то направление, которое примется при вступлении в монастырь, остается господствующим в иноке на всю его жизнь. «Благодатные дарования, – утверждает Серафим, – получают только те, которые имеют внутреннее делание, и бдят о душах своих. Истинно решившиеся служить Богу, должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Господу Иисусу

Христу, говоря умом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Таковым упражнением, при охранении себя от рассеянности и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. «Иначе, как непрестанною молитвою, – по словам св. Исаака Сирского, – приблизиться к Богу мы не можем». Новоначальный с особенным удобством приучается к молитве Иисусовой на продолжительных монастырских молитвословиях. Присутствуя на них, к чему бесплодно и душевредно скитаться мыслями повсюду? А этого невозможно избежать, если ум не будет привязан к чему-либо. Займись молитвою Иисусовою – она удержит ум от скитания, ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже, гораздо лучше будешь внимать чтению и песнопениям церковным, вместе, неприметным образом и постепенно, обучишься умной молитве. Желающему проводить внимательную жизнь, Серафим завещает не внимать посторонним слухам, от которых голова наполняется праздными и суетными помышлениями, и завещает не обращать внимания на чужие дела, не размышлять, не судить и не говорить о них, завещает избегать собеседований...» (Сочинения. Т. 2. С. 262–269).

«Очевидно, что способы, предложенные священноиноком Дорофеем и старцем Серафимом, тождественны со способом, предложенным св. Иоанном Лествичником. Но св. Иоанн изложил свой способ с особенною ясностью и определенностью. ... Опыт показывает, что при употреблении этого способа, в особенности сначала, должно произносить слова с крайнею неспешностью, чтобы ум успевал вмещаться в слова, как в формы; этого нельзя достигнуть при поспешном чтении. Способ св. Иоанна весьма удобен и при упражнении молитвою Иисусовою, и при келейном чтении молитвословий, даже при чтении Писания и отеческих книг. Приучиться к нему должно как бы читая по складам – с такою неспешностью». (Там же. С 270).

«Молитвы учитель – Бог, истинная молитва – дар Божий (Лествица. сл. 28. Гл. 64). Молящемуся в сокрушении духа, постоянно, со страхом Божиим, со вниманием, Сам Бог дает постепенное преуспеяние в молитве. От внимательной и

смиренной молитвы является духовное действие и духовная теплота, от которых оживает сердце. Ожившее сердце привлекает к себе ум, делается храмом благодатной молитвы и сокровищницею доставляемых ею по ее свойству духовных даров. «Потрудись, – говорят великие подвижники и учителя молитвы, – сердечным болезнованием приобрести теплоту и молитву, И Бог даст тебе иметь всегда. Забвение изгоняет их, само же оно рождается от нерадения» (Свв. Варсонофий и Иоанн. Ответы 264, 274) (Там же. С. 273).

После ознакомления с приведенными выше наставлениями, свт. Игнатий особенно рекомендует сочинения прп. Паисия Величковского и друга его, схимонаха Василия, а также книгу прп. Нила Сорского. Сочинениям старцев Паисия и Василия мы уже посвятили особую беседу, а о книге прп. Нила скажем сейчас. «Мала эта книга, – пишет свт. Игнатий, – но духовный объем ее необыкновенной величины. Трудно найти вопрос о умном делании, который не был бы разрешен в ней. Все изложено с необыкновенною простотою, ясностью и удовлетворительностью. Так изложен и способ упражнения молитвою Иисусовою. Впрочем, как способ, так и вся книга предназначены для иноков, уже способных к безмолвию. Прп. Нил завещавает молчать мыслию, не только не допуская себе помышлять о чем-либо греховном и суетном, но и о полезном по-видимому, и духовном. Вместо всякой мысли он повелевает непрестанно взирать в глубину сердца и говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Молиться можно и стоя, и сидя, и лежа; крепкие по здоровью и силам молятся стоя и сидя, немощные могут молиться и лежа, потому что в этой молитве господствует не подвиг тела, а подвиг духа. Должно давать телу такое положение, которое бы предоставляло духу всю свободу к свойственному ему действию. Помнить надо, что здесь говорится о делании иноков, которые достаточным телесным подвигом привели в должный порядок свои телесные влечения и по причине преуспевания своего перешли от телесного подвига к душевному. Прп. Нил повелевает затворить ум в сердце и приудерживать по возможности дыхание, чтобы не часто дышать. Это значит –



надо дышать очень тихо. Вообще все движения крови должно удерживать и содержать душу и тело в спокойном положении, в положении тишины, благоговения и страха Божия. Без этого духовное действие появиться в нас не может; оно появляется тогда, когда утихнут все кровяные движения и порывы. Опыт скоро научит, что удерживание дыхания, т. е. не частое и не грубое производство дыхания, очень способствует приведению себя в состояние тишины и к собранию ума от скитания. «Много добродетельных деланий, – говорит св. Нил, – но все они частные, сердечная же молитва – источник всех благ, она напояет душу, как сады. Это делание, состоящее в блюдении ума в сердце, вне всяких помыслов, для не обучившихся ему крайне трудно; трудно оно не только для новоначальных, но и для долго трудившихся делателей, которые еще не прияли и не удержали внутри сердца молитвенной сладости от действия благодати. Из опыта известно, что для немощных это делание представляется очень тяжким и неудобным. Когда же кто приобретет благодать, тогда молится без труда и с любовью, будучи утешаем благодатию. Когда придет действие молитвы, тогда оно привлекает ум к себе, веселит и освобождает от парения» (Сл. 2). Чтобы приучиться к способу, предлагаемому прп. Нилом Сорским, очень хорошо присоединить его к способу св. Иоанна Лествичника, молясь очень неспешно. В преподавании своего способа прп. Нил ссылается на многих отцов Восточной и Вселенской Церкви, преимущественно же на прп. Григория Синаита», в учении которого «о молитве замечается та особенность, что он уставляет ум сосредоточивать в сердце. Это и есть то делание, которое отцы называют художественным деланием молитвы, которое они воспрещают новоначальным инокам и мирянам, к которому нужно значительное предуготовительное обучение, к которому и предуготовленные иноки должны приступать с величайшим благоговением, страхом Божиим, осторожностью» (Там же. С. 284).

У свт. Феофана мы находим дополнение к этим словам: «Как возгревали в себе дух молитвенный и утверждались в молитве подвижники, отцы и учителя наши? Главное, чего они

искали, состояло в том, дабы сердце горело к единому Господу беспрестанно. Бог требует сердца, потому что в нем исходище жизни. Где сердце, там сознание, внимание и ум, там вся душа. Когда сердце в Боге, тогда и вся душа в Боге, и предстоит человек в непрестанном поклонении Ему духом и истиною. Это главное иным доставалось скоро и легко. Милость Божия! Как глубоко потрясал их страх Божий, как скоро оживала совесть во всей своей силе, как стремительно возжигалась ревность – держать себя пред Господом чисто и непорочно, как скоро труд богоугождения раздувал этот огонек и превращал его в пламень! Это серафимские души, пламенные, быстродвижные, многодеятельные. Но у других все идет вяло. Строй ли их естественный такой, или другие о них намерения Божии, только сердце их не скоро согревается. Казалось бы, они уж навыкли всем делам благочестия и жизнь у них идет праведно, а нет, на сердце все не то, чему бы следовало быть. Так бывает не только с мирянами, но и с живущими в обителях, и даже с отшельниками. Бог вразумил, и труженики трезвения установили особый способ привития к сердцу неисходной молитвы ко Господу, согревающей сердце. Мы об этом поминали не раз. Опыт оправдал этот прием успехом, и он стал почти повсюден, и все, которые проходят его как следует, успевают». (Умное делание, § 95).

«Из опытов в духовной жизни можно вывести весьма верное заключение, что у кого есть усердие молиться, того нечего учить, как усовершенствоваться в молитве. Самый труд молитвенный, с терпением продолжаемый, доведет его и до высших степеней молитвы. Но что делать немощным, вялым и особенно тем, которые прежде, чем дошли до разумения, какова должна быть молитва, успели затвердеть во внешней формальности и охладели в навывковении порядкам уставного молитвословия? Им остается еще прибежище – художественное делание умной молитвы ко Господу. И не для них ли преимущественно и изобретено это художественное делание, или, иначе, искусственное привитие к сердцу умной молитвы Иисусовой?» (Умное делание, § 96).

«Прохождение молитвы Иисусовой, – по словам свт. Игнатия, не может быть успешно, если оно не сопровождается исполнением евангельских заповедей. «Да отступит от неправды всяк именуя имя Господне», – завещавает апостол. Это завещание, относясь ко всем христианам, в особенности относится к вознамерившимся упражняться непрестанным молением именем Господа Иисуса. Пречистое имя Иисуса не терпит пребывать посреди нечистоты, оно требует, чтобы из сосуда душевного было извергнуто и извергаемо все нечистое, входя в сосуд по степени чистоты его, оно само начинает действовать в нем и совершать дальнейшее очищение, для которого собственные усилия человека недостаточны и которое требуется для того, чтобы сосуд сделался достойнымместилищем духовного сокровища, всесвятой святыни... Необходимое, существенное условие преуспевания в молитве Иисусовой есть пребывание в заповедях Господа Иисуса. «Будете в любви Моей», – сказал Он ученикам Своим (Ин. 15, 9). Что значит пребывать в любви ко Господу? Значит: непрестанно памятовать о Нем, непрестанно пребывать в единении с Ним по духу. Первое без последнего мертво и даже не может осуществиться. «Аще заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей», – если будем постоянно соблюдать заповеди Господа, то духом нашим соединимся с Ним. Если соединимся с Ним духом, то устремимся к Нему всем существом нашим, будем непрестанно памятовать о Нем. Направь поступки твои, все поведение твое по заповедям Господа Иисуса Христа, направь по ним слова твои, направь по ним мысли и чувствования твои и познаешь свойства Иисуса. Ощувив в себе эти свойства действием Божественной благодати и из этого ощущения стяжав опытное познание их, ты усладишься сладостью нетленною, не принадлежащею миру и веку сему, сладостью тихою, но сильною, уничтожающею расположение сердца ко всем земным наслаждениям. Усладившись свойствами Иисуса, возлюбишь Его и возжелаешь, чтобы Он вполне обитал в тебе, – без Него сочтешь себя погибающим и погибшим. Тогда будешь непрестанно вопиять, вопиять из полноты убеждения, от всей

души: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Молитва Иисусова заменит для тебя все прочие молитвословия. И все они какую могут вместить и изложить мысль, более обширную мысли о помиловании грешных Иисусом? Положи себе единственную целью жизни исполнение воли Иисусовой во всяком обстоятельстве, как бы оно по-видимому ни было важно или мелко, старайся делать дела единственно благоугодные Иисусу, и все дела твои будут одинаково достойны неба. Возлюби волю Иисуса паче пожеланий плоти твоей, паче спокойствия и удобств твоих, паче жизни, паче души твоей. Как можно чаще читай Евангелие, изучай в нем волю Господа и Спаса твоего, не оставь без внимания ни малейшей черты из Евангелия, никакой маловажной, по наружности, заповеди. Обуздывай и умерщвляй все движения собственные твои, не только греховные, но по-видимому и добрые, принадлежащие падшему человеческому естеству... Да молчит в тебе все ветхое твое. Да действует в тебе един Иисус святейшими заповедями Своими, помышлениями и ощущениями, истекающими из этих заповедей. Если будешь жить таким образом, то непременно процветет в тебе молитва Иисусова, независимо от того, пребываешь ли ты в глубокой пустыне или посреди молвы общежития, потому что место вселения и покой этой молитвы – ум и сердце, обновленные познанием, вкушением, исполнением воли Божией, угодной и совершенной. Жительство по Евангельским заповедям есть единый и истинный источник духовного преуспевания, доступный для каждого, искренно желающего преуспеть, в какое бы наружное положение он ни был поставлен неведомым промыслом Божиим» (Соч. Т. 2. С. 309).

«Упражнение молитвою Иисусовою по самому свойству этого упражнения требует непрерывного бодрствования над собою. «Благоговейная осторожность, – говорит старец Серафим, – здесь нужна по той причине, что сие море, т. е. сердце со своими помыслами и пожеланиями, которое должно очистить посредством внимания, велико и пространно: тамо гади, их же несть числа (Пс. 103, 25), т. е. многие помыслы

суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов...» Непрестанно должно наблюдать за собою, чтобы ум и сердце пребывали в воле Иисусовой и следовали Его святым велениям... Положить другого основания для моления, кроме положенного, невозможно: оно есть Сам Господь наш, Иисус Христос, Богочеловек, непостижимо прикрывший неограниченное естество Божие ограниченным естеством человека и из ограниченного человеческого естества проявляющий действия неограниченного Бога.

По младенчеству нашему св. отцы преподают некоторые внешние пособия для удобнейшего приобщения себя молитве Иисусовой. Эти пособия не заключают в себе ничего особенного. На них не должно останавливаться с излишним вниманием. Им не должно придавать излишней важности. Вся сила и все действие молитвы Иисусовой истекает из покланяемого и всемогущего имени Иисус, имени, единого под небесем, о нем же подобает спастися нам. Чтобы соделаться способными к открытию этого действия в нас, мы должны быть возделаны Евангельскими заповедями, как и Господь сказал: «Не всяк глаголай Ми Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное», – и в то, которое ожидает нас по блаженной кончине, и в то, которое раскрывается в нас во время земной жизни нашей, – «но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех». Для преуспевших не нужны никакие внешние пособия – среди шумящего многолюдства они пребывают в безмолвии. Все препятствия к преуспеянию духовному – в нас, в одних нас! Если же что извне действует как препятствие, то это только служит обличением нашего немощного произволения, нашего двоедушия, нашего повреждения грехом... Жительство наше расслаблено, произволение шатко, ничтожно, потому мы и нуждаемся во внешних пособиях, как больные ногами в костылях и посохе. Милосердые отцы, видя, что я желаю заняться Иисусовою молитвою, притом видя, что я вполне жив для мира, что он сильно действует на меня через мои чувства, советуют мне для моления войти в уединенную, темную келлию, чтобы таким образом чувства мои пришли в бездействие, прервано было мое сообщение с миром,

облегчено было мое углубление в себя. Они советуют сидеть во время упражнения молитвою Иисусовою на низменном стуле, чтобы я, по телу, имел положение нищего, просящего милостыню, и удобнее ощутил нищету души моей. Когда я присутствую при богослужении и во время его занимаюсь молитвою Иисусовою, отцы советуют мне закрывать глаза для сохранения себя от рассеянности, потому что мое зрение живо для вещества, и, едва открою глаза, как начнут тотчас напечатлеваться на уме моем видимые мною предметы и отвлекут меня от молитвы. Много и других внешних пособий, найденных делателями молитвы для вещественного вспомоществования духовному подвигу, – эти пособия могут быть употреблены с пользою. Но при употреблении их должно соображаться с душевными и телесными свойствами каждого: какой-либо механический способ, весьма хорошо идущий для одного подвижника, для другого может быть бесполезным и даже вредным. Преуспевшие отвергают вещественные пособия, как исцелевший от хромоты кидает костыль, как возросший младенец освобождается от пелен, как от выстроенного дома снимают леса, при помощи которых он строился.

Для всех и каждого, как было уже сказано в начале, существенно полезно начинать обучение молению именем Господа Иисуса с совершения молитвы Иисусовой устно при заключении ума в слова молитвы... Предоставим Самому Господу преобразовать внимательную устную молитву нашу в умную, сердечную и душевную. Он непременно совершит это, когда узрит нас сколько-нибудь очищенными, воспитанными, возвращенными, приуготовленными деланием евангельских заповедей. Благоразумный родитель не дает острого меча младенцу, сыну своему. Младенец не в состоянии употребить меча против врага – он будет играть мечом грозным, скоро и легко пронзит им себя. Младенец по духовному возрасту не способен к дарованиям духовным – он употребит их не во славу Божию, не в пользу свою и ближних, не для поражения невидимых врагов, – употребит их для поражения самого себя, возмечтав о себе, исполнясь пагубного превозношения, пагубного презорства к ближним. И чуждые дарований

духовных, исполненные смрадных страстей, мы гордимся и величаемся, мы не перестаем осуждать и унижать ближних, которые по всем отношениям лучше нас! Что. было бы, если бы нам поверилось какое-либо духовное богатство, какое-либо духовное дарование, отделяющее обладателя своего от братий его, свидетельствующее о нем, что он – избранник Божий?! Не сделалось ли бы оно для нас причиною страшного душевного бедствия? Потщимся усовершиться в смирении, которое состоит в особенном блаженном настроении сердца и является в сердце от исполнения евангельских заповедей. Смирение есть тот единственный жертвенник, на котором дозволяется нам законом духовным приносить жертву молитвы, на котором принесенная жертва молитвы восходит к Богу, является лицу Его. Смирение есть тот единственный сосуд, в который влагаются перстом Божиим благодатные дарования» (Там же. С. 312).

«Жизнь в монастыре, особенно в общежительном, способствует новонаначальному к успешному и прочному обучению молитве через смирение, рождающееся от послушания. «От послушания – смирение», – сказали отцы. Смирение рождается от послушания и поддерживается послушанием, как: поддерживается горение светильника подливаемым маслом. Смирением вводится в душу мир Божий. Мир Божий есть духовное место Божие, духовное небо; вошедшие в это небо человеки соделываются равноангельными и, подобно ангелам, непрестанно поют в сердцах своих духовную песнь Богу, т. е. приносят чистую, святую молитву, которая в преуспевших есть точно песнь и песнь песней. По этой причине послушание, которым доставляется бесценное сокровище смирения, признано единодушно отцами за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву или, что то же, в истинное священное безмолвие... Послушание служит начальною причиною, уничтожающею рассеянность, от которой молитва бывает бесплодною; служа причиною смирения, послушание уничтожает ожесточение, при котором молитва мертва, прогоняет смущение, при котором молитва потребна, помазует сердце умилением, от которого молитва

оживает, окрыляется и взлетает к Богу... Если инок будет вести себя в монастыре подобно страннику, не заводя знакомства вне и внутри монастыря, не ходя по братским келлиям и не принимая братию в свою келлию, не заводя в келлии никаких излишеств, не исполняя своих пожеланий, трудясь в монастырских послушаниях со смирением и добросовестностью, прибегая часто к исповеди согрешений, повинуюсь настоятелю и прочим властям монастырским безропотно, в простоте сердца, то, без сомнения, преуспеет в молитве Иисусовой, т. е. получит дар заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаяния» (Т. 1. С. 273–274).

«Займемся молитвою Иисусовою бескорыстно, с простотою и прямою намерения, с целью покаяния, с верою в Бога, с совершенною преданностью воле Божией, с упованием на премудрость, благодать, всемогущество этой святой воли. При избрании механических способов постараемся поступить со всевозможною осмотрительностью и благоразумием, не увлекаясь пустою пытливостью, безотчетливою ревностью, которая неопытным представляется добродетелью, а св. отцами названа гордостною дерзостью, разгорячением безумным. Будем преимущественно обращаться к способам простейшим и смиреннейшим, как к безопаснейшим. Повторяем: все механические пособия должно считать не иным чем, как только пособиями, соделавшимися для нас полезными по причине немощи нашей. Не возложим упования нашего ни на них, ни на количество делания нашего, чтобы не похищено было у нас татевным образом упование на Господа, чтобы по сущности дела мы не оказались уповающими на себя или на что-либо вещественное и суетное. Не будем искать наслаждения, видений: мы грешники, не достойные духовных наслаждений и видений, не способны к ним по ветхости нашей. Внимательною молитвою взыщем обратить взоры ума на самих себя, чтобы открыть в себе нашу греховность. Когда откроем ее, встанем мысленно пред Господом нашим Иисусом Христом в лице прокаженных, слепых, хромых, глухих, расслабленных, беснующихся; начнем пред Ним из нищеты духа нашего, из



сердца, сокрушенного болезнью о греховности нашей, плачевный молитвенный вопль. Этот вопль да будет неограниченно обилен, да окажется всякое многословие и всякое разнообразие слов не способным к выражению его. По обилию и невыразимости его, да облекается он непрестанно, да облекается он в малословную, но обширного значения молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Аминь» (Т. 2. С. 313).

Такими словами заканчивает свт. Игнатий свои наставления о молитве Иисусовой. Если Вы желаете познакомиться с ними подробнее, Вам нужно обратиться к Собранию его сочинений.

От старцев-епископов обратимся к старцам-иеросхимонахам, подвизавшимся под сенью Оптиной Пустыни. Переходя прежде всего к письмам старца иеросхимонаха Макария, отметим в них характерные черты, присущие этому старцу и обращающие на себя внимание при чтении его писем. Первая черта заключается в том, что старец строго осуждает такое изучение слова Божия и святоотеческих книг, которое имеет целью одно только приобретение теоретических познаний и обогащение памяти. По его словам, такое изучение не приносит истинной пользы и может только питать тщеславие. Настоящее же изучение слова Божия и святоотеческих книг есть то, которое совершается практическим исполнением читаемого, жизненным подвигом, и к этому он призывает своих учеников. Вторая черта старца Макария заключается в том, что он особенно настойчиво требует от своих духовных детей смирения, считая эту добродетель основанием правильной христианской жизни, а отсутствие ее – источником всех неправильностей в духовной жизни христианина. Помня эти две черты старца Макария, можно правильно понимать его духовный облик и характер его писем и наставлений. Перехожу к выдержкам из его писем.

«Получа письмо, желаю ответить на оное, но не надеюсь удовлетворительно написать Вам на Ваше недоумение, сам ничто же сый и ничто же ведый от искуса. Разве нечто скажу в предостережение, как св. отцы велят опасаться принимать за великое какие-либо ощущаемые действия и слезы. Мы еще

далеки от умозрительной молитвы, как же будем думать, что и плоды оной снискали? Нам хотя бы мало знать следы деятельной молитвы, как оною смиренно прогонять восстающие на нас разного рода страстные помыслы, припадая ко Господу со страхом многим. Об оном советую читать книжку прп. Нила Сорского, а ежели и есть там о плодах молитвы или умного делания, то это относится до людей, достигших высокой меры. Прп. Нил пишет в 11-м Слове, чтобы не искать прежде времени того, что подобает времени и проч. Сие умное делание и трезвение требует многого времени, подвига и труда, со многим вниманием и смирением, а кто «бесстыдно и самонадеянно хочет взойти к Богу и в чистоте беседовать с Ним и нудится иметь Его в себе, тот легко умерщвляется от бесов, говоря, если будет это попущено, ибо дерзновенно и опрометчиво, ища горделиво того, что выше нашего достоинства и устройства, добиваться достигнуть его». Прочтите у св. Исаака во 2-м Слове: «Если прежде деятельного подвига перейдем к созерцанию, приходит на нас гнев Божий, Божие же само по себе приходит незаметно для тебя, но если место будет чисто, а не скверно». О слезах читайте у св. Лествичника и увидите, какие из них надежны. Вообще надобно видеть всегда свою худость и смиряться, имея борьбу с сильными и гордыми бесами, без смирения скоро низлагаются дерзающие. Читайте главы св. Григория Синаита о прелести. Поучайтесь в учениях и прочих св. отцов» (Письма к монахам. Т. 1. № 113. С. 167).

«Более старайтесь проходить деятельную добродетель заповедями Божиими, а умозрительной еще не касайтесь, ибо она по очищении страстей деятельною сама покажет путь (к себе)... Какие бы вы ни проходили высокие делания духовные, без болезни сердечной, по слову св. отцов, оные мало нам принесут пользы» (Там же. №115. С. 173).

«Из письма твоего вижу, что ты принялась проходить умную молитву и нудишь себя не иметь никаких помыслов, а не могли их отогнать, смущаешься, и делается помрачение ума. Меня это ужасает, что ты, юная и страстная, дерзнула приступить самочинно к столь великому делу умного делания и блюдения ума, которое прилично находящимся в высоком устройении, а ты

от одного чтения, ни с кем не спросясь, дерзнула идти на такую высоту! За это находит гнев Божий – не только помрачатся, но и совсем сходят с ума и бывают поругаемы бесами. Да они тобою и ругаются, обольщая тебя, что будто бы ты делаешь великое дело; говорят тебе: «Оставь молитву, я не борюсь с тобою». Видишь, какая лесть вражия, чтобы привести тебя в гордость, что ты будто бы молитвеница. Ты взгляни на свою жизнь, как ты жила и живешь: юно и самочинно, вся во страстях, не имеешь послушания и покорности к старшим себе, с матерью N ссоришься и прекословишь, так что доходит и до злобы, и, вместо того, чтобы от послушания рождающимся смирением низлагать страсти, ты, увлекаясь гордостью, еще более углубляешься в страсти и чуть было не впала в глубочайший ров – любострастие... И это показывает твою гордость. Как же тебе посметь восходить на высоту умного делания, когда ты находишься в таком жалком устройении? И те, которые проходят путь истинного послушания, самоотвержения и нудятся к исполнению заповедей Божиих, смиряются, считают себя хуже всех, да еще имеют наставников благодати, и те, проходя умную молитву, в беде находятся, ради многих бывающих прелестей и сетей вражиих, являющихся под видом истинных благодатных действий. А ты и понятия о сем не имеешь и дерзнула приступить к столь высокому деланию выше своего разума и устройства. Итак, предлагаю тебе и строго запрещаю, оставь твое начинание, а проходи путь послушания, в отсечении своей воли и разума, сопротивляйся страстям, при нападении оных открывайся могущим тебя уврачевать. Если бы ты открывалась прежде, то не пострадала бы то, что пострадала... И от всего оного смиришь и считай себя хуже всех, и Господь помилует тебя. Мать N правду тебе говорит, что не может тебя благословить проходить умную молитву, я тебе это подтверждаю. Иди путем смиренным, и получишь спасение. Молись Богу в простоте сердца, находящие помыслы прогоняй смирением и не думай, что можешь сама их отгонять, и молитва твоя не истинная, в смирении отгоняется смущение, и ты можешь успокоиваться, считая себя сквернейшею всех; от усиления противиться помыслам помрачается ум и смущение

увеличивается. Св. Иоанн Лествичник пишет: «Бог не взыскивает от новоначальных послушников молитвы без парения. Поэтому не скорби, будучи мыслями расхищаем, но благодушествуй, возводи ум твой ко вниманию, никогда бо не быть расхищаему мыслями единому ангелу свойственно». Еще: «Загляни в ум неискусных послушников и обрящешь там мысль заблужденную, т. е. искание высоких добродетелей, в том числе искание не развлекаемой от помыслов молитвы. Они безрассудно перескакивают через низшие ступени, будучи обольщаемы врагом, с тем, чтобы, искавши прежде времени сих совершенств, и в свое время их не получили». Итак, советую тебе оставить читать Добротолюбие и Нила Сорского, в коих есть много полезного, но ты полезное оставляешь и прежде времени нудишься на высокое, а оно выше меры твоей, а читай св. Иоанна Лествичника, аввы Дорофея и прочих отцов деятельные словеса и старайся, по силе, побеждать страсти, а за высокое не берись. Св. Исаак Сирийский пишет: «Горе и люто есть предати новонаначальному высокое» (Там же. Т. 2. № 56. С. 140).

«Я тебе напоминал, что нельзя всегда быть на Фаворе, нужна и Голгофа, а то бесполезно иметь одни духовные наслаждения без огорчений – это путь опасный! Упоминаешь о пустоте и бесплодности жизни, – это мысль не пустая, но также от гордости происшедшая. Скажи мне, чего ты хочешь в себе видеть? Каких-нибудь благодатных дарований? Утешений духовных? Слез? Радости? Восхищения ума? Но ты не успела прийти в обитель и лезешь на небо, а таковых повелевают отцы свергнуть долу: Видишь, как мы горды, все хочется видеть, что мы «я», а не ничто... Как мало еще твое понятие, в духовном разуме, ты делай, а не ищи дарований, паче же смотри свои грехи, как песок морской, и болезнуй о них... Наше ли дело искать в себе плодов не вовремя! Это знак гордости, а даже в пустоте и в душевной горести должно нисходить во глубину смирения, а не говорить: «Где же искать спасения?» То-то и горе, что мы все хотим видеть в себе святыню, а не смирение» (Там же. № 106. С. 222).

«Ты, читая старца Паисия о молитве, и мечтаешь о ней, а взгляни на себя – в смущенном духе какая будет молитва? Не молитва, а маска молитвы, по слову св. Макария. А св. Симеон Новый Богослов в 3-м образе молитвы как велит к ней приступать? – «Хранить совесть к Богу, к ближнему, и к вещам». А нам, сколько можно, надобно стараться с чувством мытаря призывать Бога, всякою молитвою, и Иисусовою, но не мечтать о себе, что достигаем каких благодатных дарований, до коих «един от тысячи» достигает исполнением заповедей и смиренною молитвою. Благодать Божия всех достигает, но не равною мерою, и по мере нашего смирения исполняет дарований. Высоких не ищи, а смиренными водись» (Там же. № 174. С. 306).

«Добротолюбие читай и на деятельную часть подвизайся к исполнению заповедей Божиих, высота и чистота коих невольно заставляют нас смирить наше мудрование, а паче видя в себе воюющие страсти, и когда ведет тебя чтение к самоукорению и смирению, то благ плод принесет, а когда только будешь читать, чтобы знать и наострить ум знанием, то вместо пользы вред может быть» (Там же. № 253. С. 432).

«Написал я, что Вам опасно входить в духовность прежде времени, т. е. рассуждать о высоких вещах духовного умозрения и проч., а надобно видеть свои грехи и стараться побеждать и искоренять страсти, в этом состоит и цель нашего намерения, ибо по очищении от страстей само по себе откроется духовное чувство, а любовь Божия выражается в исполнении заповедей Божиих: «Любяй Мя заповеди Мои соблюдает» (Ин. 14, 21)» (Там же. № 253. С. 434).

«О памяти Иисусовой ты пишешь, что не имеешь оную всегда и не имеешь чувств, какие имела прежде, о сем я выше тебе написал, а молитва Иисусова, когда будет со смирением проходима, то водрузится, а чуть увлечется ум во мнение, то или от нее отпадает, или обольщается. При молитве подвизайся на заповеди, а не ищи теплоты: сия возвышает, а заповеди смиряют. «Прежде времени бедственно искать высоких» (Там же. № 258. С. 449).

«О Иисусовой молитве я писал Вам, чтобы смиренно проходить, не увлекаться во мнение и подвизаться на заповеди Божии, да сохранит Вас Господь от прелести вражией и дарует познать истинный путь. Читайте книги, но не для того, чтобы ум напитать знанием, но душу утучнить смиренным мудрованием и дела благими» (Там же. № 260. С. 454).

«Ты не дивись, что во время Иисусовой молитвы находят тебе студные помыслы: явно, что молилась со мнением, а не со смирением... И где уже нам лезть на высоту! Хотя бы мало видеть тропинку сего высокого делания! Ваше же устройство дневное, мятежное, зазираете других, судите и прочее – то уже ум и не может чисто помолиться. По крайней мере, вспомня все свои поползновения, смири свой помысл и молитвою смиренную проси от Господа помилования, а не успеха в духовных дарованиях» (Там же. № 273. С. 483).

«Подумай, сообразна ли наша жизнь с хотящими проходить молитву? Она есть выше всех деланий, «яко любви Божия есть, и кто дерзостно и самочинно дерзает взыти на оную, попускается впасти в руки врагов и от них умерщвляем бывает», – пишет св. Григорий Синаит. И св. Исаак во 2-м Слове: «Гнев Божий приходит на таковых, и, подобно взошедшему в чертог в скверных ризах, будут извержены». Молитва требует более всего смирения, которое при старании исполнения заповедей Божиих, при виде своей немощи приобретается. Бесы сильно вооружаются на проходящих молитву, и только это оружие противодействует им и низлагает. Молись просто и Господь, давая молитву молящемуся (1Цар. 2, 9), даст и умную молитву, по слову св. Петра Дамаскина. Итак, не малодушествуй о сем, а смиренно имей мудрование и обрящешь спасение» (Там же. № 285. С. 511).

«Ты спрашиваешь меня о собеседовании о Боге и о Его вездесущии, судьбах Его и прочем: при оном чувствуешь ты утешение, и позволительно ли оное чувство? Все то, что приводит нас к любви Божией и смирению, позволительно, но надобно знать нам свою меру и не увлекаться в высоту, а паче при страстном нашем устройении. Думаю, помнишь ты, как один брат говорил старцу, что всегда зрит Бога, а старец ему отвечал:

«Блажен, кто зрит грехи свои»; и к Пимену Великому пришедши брат, когда вопрошал его о великих, Божественных вещах и материях, тот молчал и ничего не отвечал, а когда брат, быв вразумлен, стал вопрошать о немощах и страстях, то и он отверз уста свои, и благодать Божия излилась; впрочем, нельзя совершенно отречь сего собеседования, но не увлекаться утешениями. Мы ведь и читаем, и поем, а все поучаемся о Боге, и Его промысле, и о заповедях. Везде потребно смирение!» (Там же. Т. 3. № 40. С. 86).

«Молитву Иисусову, по младенчеству Вашему желая приучить Вас, так написал Вам проходить, дабы приучить, но Вы не смущайтесь за то, что сон восхищает от Вас оную, а паче смиряйтесь, ибо и самая молитва должна быть проникнута крайним смирением, ибо мы просили помилования нас грешных, а в Вас, видно, пробегает тайная мысль высокоумия и мнения, что нечто есмы; не ищите высоких действий в молитве и не отчаивайтесь в милости Божией – Он не оставит вопиющих Ему о помиловании» (Там же. № 54. С. 128).

«Твоя святыня желает достигнуть до высших ступеней. Ты хочешь видеть, что достигаешь, а это-то и есть дело гордыни. Св. отцы, достигши и высших степеней совершенства, считали себя не у что достигших и под всею тварию видели себя» (Там же. Т. 4. № 174. С. 284).

«Ты скоро хочешь достигнуть до возвышенной духовной жизни, подстрекаемая к сему гордостью и тщеславием. Ты полна страстей – гордости и тщеславия – и хочешь взойти в небесный чертог одеянная в скверные страстей ризы, и не боишься, что будешь извергнута вон. Св. отцы достигли высоты духовной жизни смирением, самоукорением, никак не думая, что они достигают высокой жизни, но считая себя хуже всех и под всею тварью. Исполняй заповедь Божию, люби не только ближних, но даже и врагов, и принимай от всех укоризны яко достойная того, а то ты чуть что сделала, уже и мечтаешь о себе» (Там же. № 177. С. 288).

«Я считаю вредоносным для Вас сии действия: испытание разума Писаний, для нас сокровенных и неведомых, ибо прежде времени познать оных вредит нам и прежде делания

первых познать второе бесполезно, а через труды и исполнение заповедей, удобопонимаемых нами, откроет Бог и прочее, нами недоразумеваемое. А ежели прежде времени узнать весь разум Писаний, то, возгордившись, ум пренебрежет о деянии и все потеряет. Что скоро и без труда приобретается, то скоро теряется и пропадает» (Там же. № 1. С. 17).

«Деятельный разум предпочитается простому понятию и разумению Писаний, почему и сказано: «Разум кичит, а любы созидает» (1Кор. 8, 1). Не надобно углубляться далеко в разумение; чего иногда не понимаете, оставьте это так, ум еще не чист, не может всего обнять; будьте довольны тем, что разумеете, и постарайтесь оное исполнить, тогда и то откроется. Св. Исаак пишет: «Горе предати новонаначальному высокая», – и в другом месте: «Не пользует разумение писаний пребывающих в страстях» (Там же. № 3. С. 25).

Я привел ряд наставлений старца Макария об Иисусовой молитве из его писем к монашествующим. Перехожу теперь к письмам его ученика и преемника прп. Амвросия.

«Пишешь, что во время молитвы у тебя бывают плотские движения и скверные хульные помыслы. Должно быть, ты во время молитвы держишь внимание ума внутри очень низко. Сердце человека находится под левым сосцом, и ежели молящийся человек держит внимание ума ниже, тогда и бывает движение плоти. Держи больше устную молитву, тогда и избавишься от подобных движений, от устной молитвы никто не впадал в прелесть, а умную, сердечную молитву без наставления проходить опасно. Такая молитва требует наставления, безгневия, молчания, смиренного самоукорения во всяком неприятном случае. Поэтому безопасней всегда держаться молитвы устной, так как мы скудны в терпении, смирении и безгневии, потому и требуется молиться особенно во время смущения и за себя и за оскорбивших: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных». Держись смирения и самоукорения, и поможет тебе Господь» (В Собрании писем старца Анатолия. С. 74).

«Пишешь, что когда творишь молитву, смотришь в сердце... Отцы святые советуют во время молитвы смотреть внутрь



сердца, а не сверху, и не сбоку, и особенно если внимание ума нисходит ниже сердца, тогда возбуждается плотская страсть... Ни против чего так враг не восстает, как против молитвы Иисусовой. Поэтому как начала ты держаться молитвы Иисусовой, так и не оставляй ее, а продолжай, уповая на помощь и милость Божию» (Там же. С. 76).

«Вопрос: что лучше, совершать обычное правило или проходить Иисусову молитву? Ответ: лучше исполнять и то и другое, потому что под правилом жили и не оставляли одного великие мужи, каков был Антоний Великий и прп. Зосима, видевший Марию Египетскую. Стоя в церкви, должно слушать внимательно пение и чтение церковное, и, кто может, не должен оставлять при этом и молитвы Иисусовой, особенно когда нехорошо и невнятно слышно церковное чтение. Молитва Иисусова, по научению св. отцов, прилична, когда человек идет, или сидит, или лежит, пьет, ест, беседует, или занимается каким рукоделием. Кто может при всем этом произносить молитву Иисусову со смирением, тот не должен оставлять оной, за оставление же укорять себя и каяться со смирением, но не смущаться, потому что смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискусство человека в прохождении своего дела. Когда кто-либо совершает келейное правило и среди одного почувствует особенное настроение духа к молитве Иисусовой или к поучению в каком-либо изречении Писания, тогда может оставить на время келейное правило и заняться тем или другим из сказанного. Так научают нас опытные отцы» (Письма Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Т. 1. С. 83).

«Вчера вечером получил письмо от N, которая по твоему поручению пишет, чтобы разрешить тебе оставить обычное твое правило на всю твою поездку в N. Бог да благословит оставить обычное правило и постоянно держаться молитвы Иисусовой, которая может успокаивать душу более, нежели совершение большого келейного правила. Из прежних опытных старцев, по имени Василий, объяснял это так: держащийся большого келейного правила когда исполняет оное, то подстрекаем бывает тщеславием и возношением, когда же почему-либо не

может исполнить своего правила то смущается, а держащийся постоянно молитвы Иисусовой одинаково пребывает в смиренном расположении духа, как бы ничего не делающий, и возноситься ему нечем. В Добротолубии означен чин премудрых подвижников, которые ежедневно совершали малое обычное келейное правило, а остальное время дня и ночи употребляли на молитву Иисусову. Но ты, по привычке, вдруг перейти к этому не можешь, по крайней мере, не смущайся, когда неудобно бывает тебе совершать все твое правило, и особенно не заставляй перечитывать одно и то же, когда враг наводит забвение» (Там же. Т. 1. С. 177).

«...Прежде сердечной молитвы постарайся иметь молитву умную, держа внимание в персях и заключая ум в самых словах молитвы. Такая молитва проще и удобнее, и если в этой молитве будет успех, то, по свидетельству некоторых, она переходит и в сердечную» (Там же. Т. 2. С. 115).

«При постриге было сказано: вот тебе, сестра, меч духовный, глаголи выну во уме, во устех, в мысли, в сердце: Г. И. Х. С. Б. п. м. г. Держись и ты этого предписания и, како будет тебе возможно, так и произноси молитву, иногда умную, иногда устную, а на свободе и сердечную, если Бог поможет» (Там же. С. 121).

«Пишешь, что ты проходишь молитву Иисусову устную и умную, а о сердечной молитве не имеешь и понятия. Сердечная молитва требует наставника. Впрочем, кто сначала проходит правильно устную молитву, заключая ум в слова молитвы: Г. И. Х. С. Б. п. м. г., а потом будет проходить правильно и умную молитву, со смирением держа внимание ума в персех, то по времени и без наставника у некоторых умная молитва сама переходит в сердечную. Впрочем, у кого не переходит, должны довольствоваться устною и умною... Устную молитву, как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие неправильно нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом умной, со смирением, а затем уже, кому удобно и кому

благоволит Господь, переходит к сердечной, по указанию св. отцов, опытом прошедших все это» (Там же. С. 126).

«Описанное тобою искушение происходит от диавольской зависти. В Добротолубии, в Главах Марка Подвижника о мнящихся от дел оправдаться, в главе 88-й, сказано: «Егда увидит диавол, яко ум от сердца помолися, тогда велия и злохудожныя искушения наносит». Просто сказать – враг за сердечную молитву восстал на тебя и хочет отвратить от оной, но ты не покоряйся ему. Искушение это милостию и помощью Божией пройдет, только ты против вражеских помыслов не представляй доказательств, потому что, по слову Лествичника, враги злохитры и могут со своей стороны представить тебе много возражений, а просто продолжай молиться, стараясь не внимать вражеским помыслам и презирать их, повторяя сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа. Св. Лествичник пишет: «Именем Иисуса бей ратника. Несть бо сильнее оружия ни на земли, ни на небеси...» Не врагам противопоставляй, а сама про себя думай, что святейший Сын Божий во время Своей земной жизни с грешниками ел и пил, и не отрекся вечерять в дому Симона прокаженного, и дозволил заявленной в городе блуднице прикасаться и лобызать пречистые Свои нозе... Кратко сказать, ничего не отвечай врагам, а только молись и молись, призывая на помощь и милость сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего в мир грешных спасти. А бестолковые толки вражеские, делать нечего, потерпи и понеси; через это стяжевается опытность духовная» (Там же. С. 136).

От писем старца Амвросия переходим к письмам старца иеросхимонаха Анатолия, который, по благословению старца Амвросия, был духовником Шамординских сестер... Его письма имеют ту особенность, что он с особенною любовью и настойчивостью привлекает своих духовных детей к деланию Иисусовой молитвы, он убеждает их держаться прежде всего устной Иисусовой молитвы, предоставляя дальнейшее воле Божией и предостерегая их от самочиния.

«Пишешь не без скорби, что сидишь, как заключенная, в келье, тогда как другие идут в церковь. Значит ты, матушка,

забываешь о моем желании и напоминании, чтобы ты как можно больше держала устную молитву Иисусову. И особенно, когда остаешься одна. Это самое дорогое время укоренить ее в памяти. А ты, значит, умом блуждаешь – вот и делается скучно. А молитва Иисусова веселит сердце» (Письма. С. 7).

«Помню, что писала, что молитва Иисусова легче держится. Если так, слава Тебе, Господи! Продолжай и ухищрайся, чтобы держать ее крепче. Лучше этого времени никогда не найдешь. Когда разъедется торг, тогда хоть руками махай, да поздно будет. Только помни давнее слово: будь готова встретить скорби. Ибо всем, кому слюбится молитва Иисусова, враг никогда не оставит без отмщения, но непременно научит или старших или младших, а уж пакостей непременно натворит» (Письма. С. 9).

«Молитву умственно держать можно и по болезни, и по немощам, и по случаю народа, и в службе. Только от этого иногда голова болит, но что же делать? Зато слюбится. Тысячу раз слюбится. Ты старайся держать мысль с Иисусом не в голове собственно, а направляя несколько к персям, тогда, конечно, грудь заболит, но без этого нельзя. «Бог наш огонь поядаяй есть». И где нечисто – там и больно. Такая боль за недостойнство посылается, но со временем пройдет» (Там же. С. 12).

«Если желаешь иметь мир, то имей Иисуса если не в сердце, то хоть в устах, как и заповедовал я тебе лично» (Там же).

«Если хочешь быть благодарною, то воздай пятью словами: 1) Господи, 2) – Иисусе, 3) – Христе, 4) – Сыне, 5) – Божий – и к ним прибавляй: помилуй мя грешную. Так все и тверди. Этим и Богу угодишь, и меня отблагодаришь, и себя спасешь» (Там же. С. 14).

«Преподобная мать Т.! Ты меня истинно утешила, когда написала, что молитва для тебя уж не так трудна, как была прежде. Говорю о молитве Иисусовой. И слава Тебе, Господи, снисходящему немощам нашим! Постоянно творить ее тебе еще нельзя. Ибо, пока не вкусит человек (яко благ Господь), трудно непрестанно иметь в сердце Иисуса. Но и за то, что есть, слава

Богу! Значит, пока держится молитва, не оставляй ее. А главное, во время молитвы окаываяй себя как недостойную произносить имя, непрестанно славословимое на небеси и на земли ангелами и человеками. А скорби собирай как сокровище, ибо это очень способствует молитве Иисусовой. А потому враг и научает и подстрекает всех, кто только может, досадить тебе. Я тебя предупреждал давно, что всякий христианин, чем больше держится за эту молитву, тем больше озлобляет диавола, не терпящего имени Иисусова, и направляющего на такого людей, даже и близких. Я видел девицу, которую отец родной так возненавидел, что хотел убить. Только та проходила умную, чего нельзя тебе еще» (Там же. С. 20).

«Отвечаю тебе на твои недоразумения: молитва Иисусова не только не мешает, но даже способствует слушать чтение и пение, и помогает обыкновенной церковной и келейной молитве, и услаждает, очень услаждает сердце, и дух делает мирным, и мысль дает светлую. А ты думаешь неправильно, ибо ты девочка неопытная, да еще и своенравная. А ты старайся смирять себя, и молитва скоро привыкнется к тебе. Только не спеши, а жди помощи Божией» (Там же. С. 48).

«Твори чаще Иисусову молитву – повеселеет на сердце. Только постарайся выковыривать гниль сердечную, т. е. не увлекайся в нецеломудренные помыслы» (Там же. С. 52).

«Говорил я батюшке (о. Амвросию) о твоей молитве, которая начинается в церкви и переходит в сердце. Он говорит, что молоденьким это нейдет. А надо тотчас творить устами. Спасайся! Смиряться!» (Там же. С. 58).

«Утешение твое молитвенное – не новость; я тебе не раз, а может быть, сто раз твердил: потрудись, потерпи, а там – Сам Бог утешит. Нет,пусти М. домой, да в С., да в Иерусалим. А я говорю: поддержи молитву, не только Рим и Иерусалим, а Сам Распятый за нас придет с Пречистою Материю. Вот тебе объяснение! Господь привлекает к Себе строптивых и малодушных именно таким образом. А то они тотчас возропшут и на Бога, и на отца своего, и на всех ближних, что они погибли. А теперь ты сама видишь, что не все трудились и я тебя не обманывал. Это первая часть. А вторая последует после. Это

утешение уверило тебя, что есть Бог и есть награда, затем оно отойдет от тебя, и Господь будет смотреть на тебя, что ты верная раба Его или лукавая, сластолюбивая, купленная раба, которая любит Господина только тогда, когда Он ее утешает. Вот ты тогда и покажи искреннюю любовь неподкупной невесты Его. Но это опять пройдет. И опять блеснет луч утешения. И так-то обучает Господь возлюбленных Своих. Но горе тебе, если ты вознесешься как богачка, сущи нищая! Дьявол видит, что ты делаешь и откуда получаешь, и вот старается тебя отбить от пастыря, как юную неопытную овцу. Держись! Мир тебе и спасение! А главное, смирайся! Лишь потеряешь смирение и самоукорение – тогда прощай!» (Там же. С. 61).

«Письмо твое я читал, читал и не мог надивиться: как это – девочка мне показалась умная, внимательная, а какие глупости плетет! Она верит помыслам, что творить молитву Иисусову есть нечто важное. Глупенькая ты, преглупенькая! Я ж тебе говорил, что эту молитву, как не требующую ни книг, ни поклонов, ни других тяжелых подвигов, дают старухам, больным и окаменелым сердцем. Конечно, кто ужасно любит ходить в церковь, придет прежде всех, не пропустит ни одного слова в церкви, придет домой – обливается слезами, зря свою нищету и недостойнство, – такому, конечно, Иисусову молитву не стали бы навязывать. А ты глупенькая, во всем повинная, ни молиться, ни смиряться, ни любить оскорбляющих, ни слова Божия слушать, ничего подобного не умеешь – а хочешь спастись! Что же нам оставалось с тобою делать?! Вот мы и дали тебе легонькую прелегонькую молитву – всего пять слов. А ты и тут ухитрилась отыскать что-то особенно великое, отличающее тебя от других, т. е. что собственно тебя должно бы смирать, а ты в безумии думаешь этим еще гордиться. Врагу, разумеется, страшно, что такая девчонка, ни на что не годная, вдруг спасется, и потому всячески тебя уловляет и внушает такие лживые и глупые мысли, что ты будто должна гордиться тем, что именно должно бы смирать тебя. Оставь же глупости, притекай к Иисусу, а не к дьяволу. Иисус умер за тебя – значит, любит тебя. А дьявол не умер, а скорее тебя хочет умертвить. Так и не слушай его. Я и батюшку Амвросия спрашивал о тебе;

он тоже сказал: «Пусть продолжает, а дьявола не слушает. А горло и грудь болят за недостойнство». Ибо и всякая, а особенно эта старушечья молитва, назначаемая только для больных и непотребных, хуже которых всех я, непотребнейший, требует познания своей немощи и смирения. А ты сдуру вздумала еще возноситься! Глупенькая ты, преглупенькая! А что радость разливается в сердце – это, я тебе кажется говорил, бывает. Иногда Господь желает подвижника утешить, видя, что он уже изнемогает, иногда же от усиленного напряжения к этой молитве. Сказано: «Бог, т. е. Иисус, огонь есть (грехи и немощи) попаляяй». И потому часто призываемый сладчайший Иисус не может не веселить сердце. Разве уж окаянейший какой, яко же аз огрубелый, то долго не может чувствовать радости. А настоящие молитвенники через несколько дней чувствуют радость и сладость, которая из сердца разливается – и на всего человека. Но только опасно принимать ее без разбора: ибо и сатана преобразуется в ангела света. А потому, как неопытная в духовной жизни, будь осторожна: и принимать берегись, и отвергать берегись. Прочти у Марка Подвижника Слово 2-е, гл. 28. Прочти еще в том же 2-м Слове гл. 133. А если оставишь молитву, куда тебя тогда девать? Терпи. Это скоро все пройдет и слюбится. Молитва прекращается – это обыкновенно от празднословия, обжорства, осуждения и главное от гордости. А так как ты особенно горда, то особенно и держись за эту молитву. А чтобы она никогда не прекращалась, так для этого ты, молоденькая, посиди у моря, подожди погоды! Помыслов опровергать ты тоже еще не можешь, а будет с тебя, если будешь терпеть и звать Иисуса. А когда грехов за собою не видишь, тогда бываешь в дьявольском устройении. Он тоже своих грехов не видит и, никогда не каясь, не обвиняя себя, думает, что Бог пристрастен к человеку, ибо любит его, а Бог за то и любит человека, что он кается и смиряется. И ты во всем кайся и смирайся, и Бог спасет тебя!» (Там же. С. 70).

«Получил твое письмо и спешу тебя успокоить. Первое – ты не слушала меня. Я тебя не один, а много раз предостерегал: когда будет утверждаться молитва, отнюдь не спускай внимания вниз. Иначе блудная страсть замучит. И это не есть прелесть, а

дело естества, происходящее от неправильного умного делания. Вот если бы эту сладость приняла за благодать, тогда была бы прелесть. А теперь еще можно поправить дело. Тем больше, что ты сама сознаешь путаницу. А исправление начни с того не спускай вниз внимания, а держи ум в середине сердца. А (если не можешь), оставь на время и займись чтением. Хорошо, если бы ты приобрела книгу Паисия Величковского. Тебе надо ее прочесть. Держись этого правила и не погибнешь. Молитвы же не оставляй. Такие уклонения случаются со многими. Мир тебе и спасение!» (Там же. С. 73).

«У меня были опыты, что ученые и даже очень ученые по книгам, на деле ни на волос не понимали духовного делания. Потому что этот путь дается не книгою, а кровью. Дажь кровь и приими духа» (Там же).

«Прочитавши письмо твое, я тогда же пошел к батюшке Амвросию. И вместе разбирали его. Мы не нашли в молитве неправильностей. Только таких вещей, как благоухание, принимать не должно. Об этом пишет св. Симеон Новый Богослов в 1-м образе молитвы. Сердечного места упруго отыскивать не должно: когда возрастет молитва, она сама отыщет оное. Наше старание – заключать ум в слова: Г. И. Х. С. Б. п. м. г. Свт. Димитрий учит: «Где ум, там и сердце». Что молитва прерывается, это иначе и быть не может. А если постоянно стоит, то учат св. отцы: «Убойся – это волчий путь». А как говорить? Что видим в воздухе? То дождь, то солнце, то снег, то ветер, то жар, то холод. Так и в нашем устройении: одно состояние быть не может и не должно. А когда прекращается молитва умная, берись за устную или за чтение. А когда и это нейдет, берись за поделение. А переменять руководителя на полдороге опасно. Бог тебя благословит продолжать начатое дело, никак не устрасаясь, ни усумневаясь. Бог нам помощник. Самочинникам, правда, должно бояться. А кто, сознавая свою немощь, вопрошает других, тот благонадежен. Только всегда укоряй и смиряй себя» (Там же. С. 75).

«Молитва прекратилась – или от самомнения, или от осуждения. А главное – чтобы мы были смиренны» (Там же. С. 77).



«Если устная молитва сама собою переходит в умную, то прекращать не нужно. Только все укоряй себя и не смущайся». «Очень ты меня утешила, что желаешь учиться молитве Иисусовой. Начинай с устной. А прежде всего, вместо фундамента, положи терпеть скорби. Тогда она скоро привьется» (Там же. С. 121).

«Ноздренное дыхание впоследствии объясним. А пока вот немножко: ты дышишь чем? Ухом? Ведь ноздрями? Ну вот тебе и все! Значит, соедини с дыханием молитву, как учит Лествичник, вот и ноздренное дыхание. А что дальше должно быть, дальше тебе покажется, а теперь и сего довольно» (Там же. С. 128).

«Главное – держись Иисусовой молитвы, иногда устами, а иногда умом» (Там же. С. 146).

На этом мы заканчиваем ознакомление с наставлениями Оптинских старцев и переходим к Валааму.

Иерей. Я слышал, батюшка, что между Оптиной пустыней и Валаамом существует духовная связь. Кто-то из Оптинских старцев подвизался сначала на Валааме, а потом перешел в Оптину.

Инок. Да, связь, действительно, существует, и не только между этими двумя обителями, но и между ними и Саровской пустыней. Все они в своем духовном росте тесно переплелись своими корнями. И Оптиная пустынь, и Валаамский монастырь (последний в особенности) ведут свое происхождение с времен глубокой древности, но начало их духовного процветания относится к концу XVIII в. и связано у Валаама с Саровской пустыней, а у Валаама и Оптиной вместе с великим Молдавским старцем, схиархимандритом Нямецкого монастыря Паисием Величковским. И Оптина и Валаам призваны к новой духовной жизни двумя знаменитыми архипастырями, сверстниками и сослуживцами: Оптина – митрополитом Московским Платоном, Валаам – митрополитом Петербургским Гавриилом, которые оба находились в непосредственных письменных сношениях со старцем Паисием. Для возрождения и устройства Оптиной пустыни был прислан инок Авраамий из Пешношского монастыря, где тогда настоятельствовал

архимандрит Макарий, имевший личную переписку со старцем Паисием, а для восстановления и возрождения Валаама почти в те же самые годы был вызван из Сарова старец Назарий. И как Авраамий положил в Оптиной пустыни твердое основание ее дальнейшего преуспеяния, так и Назарий дал Валаамской обители твердое духовное направление. В начале XIX в. на Валааме поселились ученики старца Паисия – Клеопа и Феодор со своим учеником Леонидом. От них пошло на Валааме старчество и духовное делание по заветам старца Паисия через их учеников – Евфимия и других, а Леонид – переселившись в Оптину, положил там начало Оптиному старчеству. Вот как переплелись более ста лет тому назад духовные нити, связывающие три знаменитые обители – Саров, Валаам и Оптину.

Духовное влияние питомца Саровской обители, а также и суровая, северная природа Валаама, островное его положение и отрезанность от остального мира содействовали развитию в нем сурового подвижничества, и его не напрасно называли и называют Русским Афоном. На его островах процвели все виды монашеского жительства и тяжкий подвиг пустынножительства и отшельничества среди лесов и скал отдельных островов, с принятием на себя самых трудных и суровых видов подвижничества, постничества, молчальничества и др., и средний путь скитнического жительства, под сенью небольших деревянных и каменных благолепных храмов, воздвигнутых в разных местах Валаамского архипелага, и, наконец, огромное общежительное братство на главном острове.

Нужно, однако, сказать, что на Валааме, при всей суровости внешнего подвижничества, создавшего его славу в православном мире, не было оставлено без внимания и внутреннее духовное делание, прочное основание которому было положено старцем Назарием. Проживавшие на Валааме, в Большом скиту, ученики старца Паисия, несмотря на кратковременность своего пребывания в обители, также оставили свой след и имели учеников. Делание Иисусовой молитвы, изучение аскетических писаний св. отцов, келейные выписки из их творений никогда не прекращались на Валааме. В

огромной библиотеке Валаамского монастыря имеется большой рукописный отдел, состоящий из дневников и келейных выписок из святоотеческих книг, оставшихся после скончавшихся валаамских иноков. Этот материал еще недостаточно изучен.

Было на Валааме всегда и старчество, хотя и в несколько ином виде, чем в Оптиной пустыне. Из валаамских подвижников, делателей Иисусовой молитвы и старцев я хочу остановить Ваше внимание лишь на старце-слепце схимонахе Агапите потому, что о нем у меня имеется больше письменных сведений, чем о других. Около него группировался кружок делателей Иисусовой молитвы. Между ним, свт. Феофаном Затворником и духовником Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре, а впоследствии игуменом Зосимовой пустыни Германом шла оживленная переписка о делании Иисусовой молитвы. Это дает возможность точно изложить его наставления об Иисусовой молитве и об умном делании. Отличительными чертами его наставлений являются простота и сердечная умиленность. Прежде всего приведу составленную им и его сотрудниками записку: «О молитве Иисусовой, словесно, умно и сердечно совершаемой», просмотренную и исправленную свт. Феофаном, что придает ей особенное значение. Вот эта записка:

«1. Об устной. В сокращенном виде она говорится так: «Господи, помилуй»; «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного», – а в полном – так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». В начале она произносится большею частью принужденно и неохотно, но по мере упражнения и себя к ней принуждения, если только есть решительное намерение посредством молитвы, с помощью Божией благодати, умалить всесторонние страсти, она от частого в ней упражнения, по мере умаления страстей, время от времени будет делаться легче, приятнее и желательнее. При устной молитве всевозможно должно стараться держать разум в словах молитвы, говорить неспешно, все внимание сосредоточивать в мыслях, выражаемых словами, а когда ум будет увлекаться в посторонние помыслы, без смущения опять вводить его в слова молитвы (Лествичник. Сл. 28. Гл. 17).

Нерассеянность уму дается не скоро и не тогда, как захотим, а когда смиримся и когда Бог благоволит. Сей Божий дар временем не определяется, ниже количеством молитв, а сердечным смирением и Христовою благодатию и всегдашним себя к ней принуждением. Из устной внимательной молитвы бывает переход к молитве умной, которая называется так тогда, когда одним умом к Богу устремляемся или зрим Бога.

2. Об умной молитве. При умной молитве необходимо должно держать внимание в сердце пред Господом. По мере нашего усердия и смиренного тщания в молитве дарует Бог первое дарование уму нашему – собранность и сосредоточенность в молитве. Когда внимание ко Господу делается неотходным, оно есть внимание благодатное, а наше собственное внимание всегда бывает принужденное. От такой умной молитвы бывает переход к сердечной внутренней молитве, если только есть опытный учитель, очень удобный и свободный. Когда чувствами сердца с Богом бываем, а любовь к Богу сердце исполняет, тогда такая молитва носит название сердечной.

3. О молитве внутренней сердечной. В Евангелии изречено: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой». Если применить эти слова к делу молитвы, то они будут означать следующее: кто хочет законно подвизаться в молитвенном подвиге, пусть прежде отвергнется своей воли и собственных разумений, а потом понесет крест, т. е. труд тот душевный и телесный, который неизбежен при этом подвиге. Предав себя всецело неусыпному попечению Божию, надо смиренно и благодушно переносить этот труд ради истинного блага, которое даруется усердному молитвеннику от Бога в свое ему время, когда Бог своею благодатию положит пределы нашему уму и устави́т его неподвижно с памятию Божией в сердце. Когда подобное стояние ума сделается как нечто естественное и постоянное, оно носит у отцов название соединения ума с сердцем; при таком устроении уму уже не бывает желания быть вне сердца, напротив того, если по каким-либо обстоятельствам или многою беседою удержан будет он вне сердечного внимания, то у него бывает неудержимое

желание опять возвратиться внутрь себя с какою-то духовною жаждою и с новым усердием опять заняться созиданием своего внутреннего дома. При таком сердечном устройении у человека из головы переходит все внутрь сердца, и тогда как бы некий умный свет озаряет всю его внутренность, и, что он ни делает, ни говорит, ни помышляет, все делается с полным сознанием и вниманием. Он может ясно видеть тогда, какие приходят к нему помыслы, намерения и желания, и охотно понуждает ум, сердце и волю на послушание Христово, на исполнение всякой Божией и отеческой заповеди, всякое же уклонение от них заглаживается чувством сердечного покаяния и сокрушения с непритворным жалением и с приболезненным смиренным припаданием к Богу, прося и ожидая свыше помощи к своей немощи. И Бог, смотря на такое его смирение, не лишает его своей благодати...».

Привожу выдержки из писем о. Агапита к о. иеромонаху Герману о молитвенном делании, написанных с чрезвычайною простотою и сердечною теплотою.

«Милость Божия буди с Вами, Боголюбивейший наш Батюшка, отец Герман! Мы все, Ваши духовные друзья, усердно, умносердечно издалека Вам кланяемся, и смиренно просим земным поклонением Вашего отеческого благословения и св. молитв, и при помощи Божией за предстательство Богородицы желаем Вам от Господа Бога временного и вечного блага, яже к животу и благочестию и к преуспеянию христианского совершенства... Об рукописи Вашего старца особенного Вам сообщить нечего... в ней вредного и опасного нет, а все изложено от опыта и простоты. Только насчет келейного правила он пишет несогласно с разумом св. отцов, и говорит: «Для чего давать правило? ...Писано бо есть: бдите и молитесь, и еще: молитесь непрестанно». А св. отцы наши говорят так: только совершенные в духовной жизни не требуют правила, а прочим всем необходимо нужно иметь правило, только чтобы оно было сообразно с душевными и телесными силами, по умной способности каждого, какою кого Бог наградил, как Он и Сам в св. Своем Евангелии объяснил: овому дан один талант, овому же два, овому же пять, каждому по его силе, а зарывать талант в землю нерадением и нечувствием

никому не заповедал и даже за сие строго наказывает. Мы Вам, батюшка, правила не определяем, а Вы сами с благоразумием себе уставьте. Дело не в количестве правила, а в качестве одного, а иных приводит и количество к качеству, а у преуспевших бывает больше уже от качества количество. Мы Вашего устройства хорошо не знаем; Вы для себя можете лучше сие устроить, только все делайте по разуму Божию, и по воле Божией, и в славу Божию, а не в свою, и всевозможно избегайте праздности, многословия и многоспания – это самые злые враги молитвенного преуспевания. Когда Господь даст Вам тихую и внимательную молитву, больше всего ей прилежите. Молитва не в словах заключается и не в числе слов, а во внимании, и сердечном смирении, и чувстве покаяния, веры, страха Божия, любви к Богу и ближнему. На духовной Божией любви, как к Богу, так и к ближнему, все наше спасение основано. Все законы и пророки на сих двух заповедях содержатся. Иоанн Златоуст так пишет: что мы делаем без любви к Богу и ближнему, там Христос уже не имеет, где главы подклонить, а любовь познается в исполнении Господних заповедей. Тот, – говорит, – любит Меня, кто слово Мое соблюдет, а кто Меня не любит, тот и слов Моих не соблюдет... Вы пишете насчет грудной тесноты и боли. Вы на сие обратите внимание всестороннее, нет ли у Вас неумеренной ревности и разгорячения – поскорее развить умносердечную молитву? Это, батюшка, очень вредно, а должно во время молитвы в первоначальных ее степенях соединять ум с сердцем посредством внимания и молитвы без собственного разгорячения, с тихостию и спокойствием духа, без особенного плотского и кровяного напряжения. Насильственным душевным и телесным чувством истинно духовной молитвы приобрести невозможно. Она даруется Богом в свое время не за нашу плотскую ревность, а за духовное чувство смирения и всегдашнее покаяние, и посильное усердное упражнение, а от неумеренности и кровяного разгорячения многие повредились и вредятся...»

«Милость Божия буди с Вами, Боголюбивейший наш батюшка, о. Герман! Вседушно желаем Вам всякой Божией милости и во всем духовного преуспевания, и издалеча с

сердечную любовь Вам кланяемся, и умно припадаем к Вашим стопам, и с живою верою просим Вашего отеческого благословения и св. молитв. Письмо мы от Вас получили, за что Вас попремному благодарим; не знаем, по какой причине мы, в чем Вас просили, Вы нам ничего не ответили, а именно, мы просили объяснить для нашей духовной пользы об умном внимании и о предметах духовной памяти во время молитвы, но мы с терпением подождем, а все-таки просим объяснения, и сотвори любовь – насчет этого предмета нам что-нибудь опиши: у нас и в начале было такое намерение, чтобы друг друга духовно назидать, а от вредного предотвращать. И мы не стыдимся о своем скудоумии: оно для нас очень прилично по воспитанию и по нашей нравственной жизни, и мы, батюшка о. Герман, душевно расположены больше назидаться, нежели назидать, а истинная любовь, присвоенная Божию благодатию, не ищет своего, а стремится к общей пользе. Мы Вам желаем несколько объяснить о памяти и предметах для Вашей духовной поверки, и мы не столько Вам пишем от собственного опыта, сколько от слуха истинных и нелживых уст. Во время умной чистой молитвы, а особенно, когда сподобится ум непарительности и вниманием прилепится в молитве к сердцу неисходным пребыванием, тогда в очищенной памяти, чуждой всякого мечтания и разнообразных вещественных предметов, вот чем бывает память занята: 1) своим пред Богом ничтожеством и зрением непрестанной своей греховности, в чувстве непрестанного покаяния и во всегдашнем ожидании смерти, по смерти строгого испытания от лукавых бесов и неизвестного определения в вечности, второго Христова и страшного пришествия и окончательного, неумытного и вечного от Бога определения всякому разумному существу; 2) памятью о пречистых Христовых страданиях и всей Его земной жизни и о Его Божественном изречении, в Ветхом и Новом Завете написанном, св. апостолами и св. отцами изъясненном, что к нашему спасению относительно и о Его Божественном о нас домостроительстве; 3) о Божественных свойствах: первое – о Божиим всеведении, о Его всемогуществе и премудрости, о Его вседержительстве, благодати и человеколюбии, правосудии и

долготерпении. Вот, батюшка о. Герман, все сии Божественные и духовные предметы так тесно срастаются с нашею памятью в чистом, умно-сердечном молитвенном делании, и они в чистой беседе с Богом не препятствуют, а больше нас возбуждают к духовной ревности, яже по Богу.

Чистая молитва и называется беседою с Богом, а память и размышление о духовных и Божественных предметах, сами собою в чистом уме и сердце непрестанно возникающих, называются богомыслием, их ясно понимать можно только собственным опытом, а прежде опыта надо пользоваться духовною и живою верою, от постоянного умного делания и исполнения Господних заповедей проистекающею. Только, батюшка, еще прибавляем Вам: вышеозначенные духовные предметы действуют на душу, и тело, и на наш дух по мере умного, сердечного и истинного, делания и непрестанного в нем упражнения и действуют на сердце и на нашу память не все вдруг, а попеременно, однако непрестанно: иногда действует сильно память смертная; иногда больше действует Суд Божий и вечное неизвестное определение; иногда память о Царствии Небесном, а иногда об адском вечном мучении; иногда сильно действует страдание Господне и земная жизнь нашего Спасителя, Его распятие и смерть ради нашего спасения, воскресение, и на небеса вознесение, и Его второе страшное пришествие; иногда сильно действует на нас память истинных Христовых подвижников, ради любви Христовой до кончины вся претерпевших; иногда действует неизъяснимо словом на все наше грешное существо страх Божий от живой веры в Его при нас присутствие, если мы только углубим в наш ум и сердце, что мы стоим, ходим, делаем, сидим, едим, пьем, говорим, глядим, слышим все как бы пред очами Божиими, при Его всеведении, всемогуществе и вседержительстве, премудрости и благодати. Вот о сих последних непрестанно водруженная в уме и сердце память всего больше может привести нас к истинному умносердечному чистой молитвы деланию и к духовному совершенному преуспеянию, а не одни только наши слова молитвенные могут нам доставлять истинную и непрестанную молитву. И это Вам буди известно, батюшка о. Герман: во время



умной молитвы, собранной и непарительной, вышеозначенные духовные предметы бывают в памяти без воображения, безвидно, неколичественны, а только в одной чистой памяти без всяких образов в нашей памяти действующих вместе с памятию Бога. Помимо же умной молитвы можно упражняться богомыслием и размышлением тонкочастным о всех Божественных судьбах и о Его Божественных свойствах, насколько Божия благодать будет просвещать наш ум и сердце о Божественных истинах. Вот, батюшка о. Герман, по мере нашего скудоумия и по душевному о духовной любви расположению мы Вам отчасти объяснили о памяти и духовных предметах, которые рождаются от непрестанной умной молитвы и Божией памяти, а е(сли мы что не так написали, Бога ради просим исправления: мы веруем, что Вы можете поправить, а нас в ошибках Бога ради простите...

Еще прибавляем от приизбытка духовной любви нашей к Вам и к Вашему и нашему преуспеянию, что вышеписанное о духовных предметах и Божественных свойствах не на всех действует одинаковым чувством: на иного действует больше память смертная, на иного суд Божий и неизвестное вечное определение, на иного Царствие Небесное, на иного адское вечное мучение, на иного спасительные Христовы страдания, на иного страх Божий и непрестанная память о Божием присутствии, всезрительстве, всемогуществе и вседержительстве, на иного сильно действует Божие благодеяние и долготерпение. И вот что тут надо заметить нашим умным вниманием и душевным чувством: который предмет из обозначенных нами на кого чаще и сильнее действует к горению нашего духа и к ревности о благочестии, тот и надо себе сильнее присваивать и тверже его укреплять во все наши душевные чувства. Одно духовное чувство, тяготеющее в нашем уме и сердце и в незабвенной памяти, довольно способно нас подвигнуть к духовной ревности, и пробудить наши духовные чувства от душевной дремоты и нашего нерадения, и привести нас на память и прочие духовные предметы. Только для сего требуется, батюшка, самоотвержение своего разума и своего хотения, и взять крест

– сиречь умерщвление от всего страстного и любосластного, и идти путем Господних заповедей и живою верою без всякого сомнения и самонадеянности, при содействии в нас Божией благодати, до последнего издыхания нашей жизни. Претерпевый до конца той спасется. Благослови нас, отче святой, и помолись за нас, и прости нас...»

В жизнеописании старца Агапита (Изд. Валаамского монастыря. СПб, 1910) имеются некоторые его наставления о молитве Иисусовой.

«Сердечное внутреннее делание есть наука из наук и художество из художеств и опытные в сем делании всегда пребывают в страхе и трепете, по причине тесного и весьма темного пути, который обретается лишь с помощью опытных наставников» (С. 39).

«Уму надо давать крайнее внимание, сердцу трезвение, воле бодрствование, чтобы она помимо молитвы ни во что не увлекалась, а если по немощи увлечется, то надо опять, ободрившись, внимать молитве. Без трех сих: внимания, трезвения и бодрствования – истинная и чистая молитва произноситься не может; сие делание молитвы надо хранить неопустительно до последней минуты жизни, при всяком молитвенном даровании, по заповеди Господней: бдите и молитесь, да не внидете в напасть» (С. 40).

«Проходить делание молитвы Иисусовой нужно под руководством опытных людей. Ибо от духовного бессоветия и от доверия своему мнению, рассуждению, душевным и телесным чувствам происходит в неопытных молитвенниках ложное душевное радование или, наоборот, малодушная скука и сердечное ожесточение» (С. 41).

О. Агапит очень советовал делание молитвы Иисусовой вести в тайне:

«Постарайтесь со смиренным тщанием укрыть от всех свое смиренное делание. Когда дорогие вещи кладутся неосторожно при пути, они удобно похищаются ворами, а хранимые в крепких кладовых, под хорошими замками, сохраняются от всех безопасно» (С. 42).

«Кто истинно упражняется Иисусовой молитвой, тому бывает всегдашняя жажда, со всяким отсечением своего разумения и воли, если только найдет опытного человека, с простосердечием и любовью пользоваться духовным советом и во всем стяжать правое истинное рассуждение» (Там же).

На вопрос некоторых лиц о том, как может держаться молитва Иисусова в сердце, о. Агапит отвечал: «Это вещь очень секретная. Мы сами по себе хотя бы очень тщательно старались ум держать неисходно в сердце, без дарования Св. Духа это невозможно и не бывает, но пусть это вас не смущает, что не можете ум держать в сердце постоянно, трудитесь с усердием и просите милость Божию, чтобы Он дал вам сие дарование, как Ему угодно, а преждевременно сего желать запрещаю. А во время немощи, лености и умного изнеможения имейте всегда в сердце благоразумное и благодарное терпение, с благоговением предавайте себя воле Божией в смиренном чувстве покаяния и со зрением своей греховности, с вопитием к Богу: «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь». Смущаться и унынию себя предавать в это время не должно, а благодушно и пождательно ожидать доброго изменения» (С. 42).

Своих учеников о. Агапит понуждал, «чтобы они любили не одно голое слово, но проводили бы его до чувства сердца и, с помощью Божией благодати, принуждали бы себя к точному исполнению всякого доброго дела, памятуя, что только нуждницы восхищают Царствие Божие, а для нерадивых и лукавых оно недоступно, и что наше падшее естество требует всегдашнего к добру принуждения, а особенно к такому добру, которое делается с истинным смирением» (С. 35).

О молодых и новоначальных о. Агапит имел особую заботливость, «чтобы враг нашего спасения под видом добра не обольстил их к вечной гибели» «Молодость, – говорил он, – по своей природе и худым привычкам, очень непостоянна, а потому наставнику надо с мужеством охранять новоначальных и молодых иноков, внушая слова Свящ. Писания: в терпении вашем стяжите души ваши, – т. е. что те только приобретают спасение, которые претерпят до конца жизни в борьбе со страстями и сохраняют непорочность совести».

Внутренний молитвенный труд о. Агапита хорошо уясняется из писем к нему свт. Феофана Затворника, к которому о. Агапит обращался за советами. Таких писем имеется в печати девять. Приведу несколько выдержек из них, свт. Феофан пишет о. Агапиту.

«Кроме того, что Вы видите в помянутой Вами книжке о молитве Иисусовой, я ничего Вам прибавить не умею. Если для Вас мало того, то потрудитесь сами просмотреть об этом в той книжке, на которую та книжка указывает. А что покажется и после недостаточным, спрашивайте у своих, Богом Вам данных руководителей: настоятеля обители, духовного Вашего отца, отца восприемного и единомысленных братьев».

«Положите себе жить в памяти Божией и ходить в присутствии Божиим – и это одно приведет Вас к доброму концу. Все же от благодати Божией. Без благодати Божией никаким другим способом ничего духовного приобрести нельзя. Как уканет благодать в сердце, тогда все пойдет как следует быть».

«Тому состоянию, в котором Вы себя чувствовали во время св. поста, нельзя не порадоваться. Благослови Вас Господи и всегда так пребывать! Восприимите смиренное ничего себе неприписывание, видение одних своих недостатков, погрешностей и опущений и болезненное из сердца взывание: «Боже, милостив буди мне грешному!» И благодать Божия никогда не отдалит от Вас своего осенения и покрова. Аминь.»

«Послушание, на Вас наложенное, надо нести. Это враг Вас мутит. И все Ваши изветы – его суть изделия. Без послушания быть в обители стыдно. И Вам дано послушание для избежания сего стыда, и притом такое, которое Вам подручнее всякого. Вы исполняете его сидя, одним словом. Что легче слова? А добра от него сколько! – Вы говорите: «Не способен».— Об этом не Вам судить, а о. игумену... Приказано делать, и делайте, не рассуждая. «Ни ума, ни жизни нет у меня подходящей к такому послушанию», – говорите Вы... Если бы этого не было в Вас в какой-либо мере, о. игумен, конечно, не тронул бы Вас. Разве он враг братьев, которых отряжает на Вашу долю?.. «Ученики – помеха в молитве». Никакое доброе дело не может быть помехой в молитве: добрые дела и молитва – родные сестры и

одна другой руку подают... «Старчество затруднительно ныне». А когда оно было свободно от затруднительности? По самому свойству своему оно затруднительно. Но ему всегда присуща помощь свыше... «Старчество малоплодно». Это несправедливо. Никакое слово не останется бесплодно. Только плод не тотчас появляется. Да и как Вы судите о плодах?! Если бы Вам поведено было всех сделать святыми, другое дело. А Вам сказано только: «Придут братия, сказывай им, что Бог пошлет». – «Отвечай за них». Если не будете говорить что нужно, будете отвечать, а коль скоро Вы с любовью говорите все должное, Вы свое дело сделали... и отвечать не за что. «Поступают в монастырь не ради спасения». Коль скоро кто пришел в монастырь, значит у него есть духовная зазноба. Но в начале она слаба. Вам предстоит развить ее и усилить. И трудитесь. Труд с Божией помощью все преодолееет... Молитесь о всех, Вам врученных, со слезами, каждому испрашивая благопотребного... и себе просите вразумления. И потом не беспокойтесь, ни что сказали, ни что еще сказать, ни что из того вышло».

«Мне не неприятно вести с Вами беседу, – пишет свт. Феофан, – в чаянии научиться от Вас духовному деланию. Вы нашли драгоценную бисеринку. Слава Богу! Теперь держите ее – и по какой-либо ошибке не продайте или не променяйте ее на глиняные тетерки. Пребывайте в том, что есть, болезненно припадая к Господу, да соблюдет Он в Вас великий дар сей неутраченным. Я не имею, что сказать Вам, и пишу, чтоб приложить прошение: помолитесь, чтобы и мне многомилостивый Господь даровал сию бисеринку. А прежде того, чтоб даровал мне дух покаяния и утвердил в нем, ибо без этого никакой дар не дается и плодов не приносит. Вы что-то упоминали о порядках в монастыре. Какое нам с Вами дело до тех порядков? Они не на нашей шее лежат. Тот и пусть кряхтит о них, кому они поручены».

«Вы все спрашиваете и желаете слышать о духовном, а я по этой части недоучен... Память Божия, память смертная, дух сокрушен... и болезненное к Богу припадание: «О Господи, спаси же! О Господи, благопоспеси же!» Се – прямая дорога!

Не мое это слово, а всех старцев, прямо на дело смотрящих. Кто попадет на это, тому нечего охаты! Посылаю Вам книжки: «Невидимая брань»... Желаю, чтобы Вы в этой книжке нашли все Вам нужное».

«Очень рад начать опять с Вами беседу. Очень утешительно видеть, что Ваша ревность о делании внутреннем пребывает в Вас в силе и занимает внимание Ваше.

Ваши недоумения и вопросы: «Можно ли при молитве Божией Матери и святым стоять вниманием в сердце?» – Можно... Молитва всякая должна из сердца идти. Следовательно, там и внимание должно быть».

«Есть ли какая разница молиться со вниманием внутри сердца или при устех внимая словам молитвы, со смиренным и покаянным чувством, при неотходном памятовании Бога вездесущего и всезрящего со страхом и благоговением?» – Последние слова, что я подчеркнул, составляют дух молитвы. И у кого это есть, тот стоит в сердце: ни о словах, ни об устах помышлять ему некогда, и на ум не приходит. Эти слова: «при устех внимая» – новая выдумка, нигде у св. отцов не встречаемая... Ваши слова подчеркнутые составляют существо молитвы. Все прочее: наклонение головы, стеснение дыхания, сидение на стульце, введение слов молитвы через ноздренное дыхание и эти конец языка и губы – будь не будь, это простая обстановка, ничего существенного не имеющая... Обстановка молитвенного труда – несущественное дело. И при сей обстановке некая теплота приходит в сердце, но это наша трудовая, а не благодатная. Считать и эту благодатною есть прелесть...»

«Можно ли говорить: «Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй нас?» – Можно. Но откуда родился вопрос? не взываем ли в церкви: «Свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!»

«Можно ли вместо слова мя говорить нас?» – Можно. Когда молитва о себе – мя, когда о всех – нас.

Мысль о молчании и уединении – добрая мысль. Но ведь Вы и так сидите одни... Иногда же поговорить с братом единомысленным куда как хорошо... Так, я думаю, Вам вот как

можно: церковь да келлия – закон неотложный, без крайней нужды никуда не выходить... Самому на беседу не навязываться, а когда кто в нужде духовной заведет речь, надо поговорить с ним добре... Когда при умилении слезы приходят сами собою, пусть идут, а когда не приходят, и одного умиления сердечного достаточно. Можно себя раздражить на слезы и поплакать, но не следует этого считать чем-нибудь, хотя слезы всегда умягчают сердце».

«Вот и добре! Благослови Вас Господь быть так, как написали... И совсем забудьте и кончик носа и губки свои святые. А будьте исполнителями правила, Филофеем Синайским изреченного: «С утра стань у сердца и именем Иисуса бей ратников». В молитве что много заботиться о словах и произношении их? Все должно быть поглощено чувством к Богу: или сокрушением, или благодарением, или прошением чего потребного для души и тела и для внешнего положения с верою и упованием. Такие чувства и подобные им да порождают вопль к Богу, и сей вопль будет настоящею молитвою, – и, скажу, единою, истинною. Прежде начала молитвословия надо оживлять сии чувства размышлением, напряжением внутренним на них и молитвою о них, а потом и весь день пребывать с ними. И будет сие непрестанная молитва... Не сласти ищите духовной, а того, чтобы со страхом и трепетом стоять пред Господом, Божеское Ему воздавая поклонение».

«Говоря о состоянии Вашей молитвы, на третьем месте полагаете недоброе состояние, которое изображаете так: «бывает так стеснительно, что ни ум, ни сердце не могут произносить молитвенных слов, а как бы умученные и убитые, в неподвижном стоянии внутри, в чувстве своего ничтожества и покаяния». Не умею понять, почему Вы такое состояние называете недобрым?

«Стоять внутри неподвижно, и, конечно, пред Господом есть хорошее состояние. Если при этом имеется еще чувство своего ничтожества и покаяния, то лучше и желать ничего нельзя. И стойте так, не отходя от Господа, хоть целый день».

«Прилагаю ответы на Ваши вопросы:

1. На литургии побыть в церкви довольно на одной, и ее, как и вечернее правило, келейною молитвою заменить можно. О последнем, кажется, надо испросить разрешение у настоятеля. Да и о первом, если у Вас положено, чтоб лица, Вам подобные, бывали на всяком собрании церковном.

2. «Скоро ли лучше или не скоро молитвословить?» – Вопрос этот у Вас самих решен. Вы говорите: «Стараюсь всякое молитвенное слово доводить до чувства и чувствую от сего большую пользу». – Старайтесь и всегда так делать, и вопрос – скоро или медленно – совсем не родится.

3. «Люблю читать, но и молитву ради чтения оставлять сомневаюсь». – Молитва выше чтения, потому оставлять молитву ради чтения незаконно. Чтоб сии духовные делания одно другому не мешали, надо точно определить молитвенное келейное правило мерою и числом и всегда исполнять его в настоящем молитвенном духе, не оставляя, не умаляя и не ускоряя исполнением его ни ради чего... Еще: за чтением ли или за другим каким делом найдет молитвенный дух – оставлять надо всякое дело и молиться. Можно это и сидя или ходя, но лучше стать на обычное место и класть поклоны, пока душа насытится. Главное наше дело – к Богу приближение, которое бывает преимущественно в молитве. Молитве потому все должно уступить».

4. «Что такое молитва без слов?» – Есть неподвижное пребывание в молитвенных чувствах к Богу, не произнося ни в уме, ни устами никаких слов. Это высшая степень молитвы. Непрестанною молитвою может быть только такая молитва. То, что Вы назвали недобрым состоянием молитвы, близко подходит к этому».

«Спрашиваете, как отнестись к болезням? – Относитесь так же, как и к слепоте, т. е. как о слепоте радуетесь, так радуйтесь и о других болезнях и благодарите Бога искренно, ибо все от Бога и все ко благу нам».

«Лечиться ли? – Отчего не лечиться? И лекаря, и лекарство Бог сотворил. Разве излишне Он их сотворил? Нет, а затем, чтоб они болезни врачевали. Отвращение от лекаря и лекарства – Богу укор».



«Не лечиться можно, определяя себя на терпение, но надо бояться, как бы не прокралась самонадеянность: «Пусть лечатся слабые, а мы сильны». За такое о себе думание находит ропотливость. Лучше так: пришла болезнь – полечиться, пройдет боль от лекарства – слава Богу, не пройдет – терпеть и Бога благодарить».

«Не могу, – говорите, – трезвиться и бодрствовать».— Если это, как пишете, находит и отходит, то это ничего... А если тянется долго, надо подбодрить себя богомыслием, или созерцанием таинства веры нашей, особенно: смерти, суда, ада и рая. Страх Божий надо разогревать, в нем великая возбуждательная сила. От ослабления его находит лень, нерадение и сонливость... Сами говорите, что молитва внутренняя помогает, на нее и налегайте.— А это что, невоздержание в пище и лакомство?! Полагаю, что Вы на себя клевете: какое у Вас там лакомство? Щи да каша или хлеб да вода. А как Вы управляетесь с душевными немощами и помыслами, лучше этого ничего придумать нельзя. Благослови Вас Господи так Вам настроенными быть всегда».

«Как в церкви быть, внутренне ли молиться своею молитвою, или слушать, что читается и поется? – Разогревайте свою внутреннюю молитву и при ней слушайте... Молитва внутри – печка, а слушание – дров в печку подбрасывание... Но если слушание разбивает внутреннюю молитву, то лучше оставаться со своею молитвою, но на литургии надо и мыслями и чувствами идти вслед за службою. Вот еще что надо помнить: в церковь собираемся на общую молитву, чтоб и мысль, и чувства, и слово было у всех одно, иначе не получим, что обещал Господь, когда два или три молятся».

«Все немощи, какие Вы написали, и у меня есть... Я вижу и стараюсь преодолеть их и уврачевать. Иногда успех бывает, а потом опять старое. Скажу, однако ж, как я поступаю. Главная и у меня с Вами забота о трезвении и умной молитве, они вместе идут, и одно без другой не бывает. Умная молитва по форме очень проста и, кажется, очень доступна. Вот: низойдя умом в сердце и уставясь там пред лицом Господа, взывай о том, чего ищешь, взывай: «Господи, даруй мне молитву». Трезвения ли

ищешь, – взывай: «Господи, даруй мне трезвение!» Терпения ли ищешь, взывай: «Господи, даруй мне терпение!» и прочее, и все так.

«Лучше всех взываний есть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Творите так и будете иметь умную молитву. Но беда наша в том, что мысли разбегаются, за ними уходит и внимание, и ум начинает блуждать вне и не знать куда уходит. Молитва и пресекается, хоть и стоим на молитве. Как же быть? Не вижу нигде указаний, одно все говорят: когда опомнишься, воротись опять в сердце и начинай опять взывать из сердца, взывай о том, чтобы ум не убежал вовне. Опять убежит ум – опять вороти его и опять берись взывать и все так... Что же выйдет? Будет ли конец сему убеганию? Надо бы ему быть, но у нас с Вами все не клеится. Мне думается, что если приложить к сему борению самоукорение на себя и прошение у Господа трезвения, то Господь, увидев наше терпеливое искание и искреннее желание трезвения, подаст нам по милости Своей. Трезвение есть дар благодати, и самому его достигнуть невозможно, а надо только трудиться над исканием его и молить Господа о нем в чаянии Божия посещения. Как искать? Замечаете ли, что, когда есть в сердце чувство, тогда внимание не отходит от сердца, потому заключаю, что, если делать так, чтобы приступить к умной молитве не иначе, как наперед возбудив в сердце какое-либо святое чувство, то внимание не отойдет от сердца, с вниманием будет там ум и умная молитва. Попробуйте так, может быть дело пойдет на лад. Какое чувство? Всякое святое: славословие, благодарение, сокрушение, страх Божий, самоуничижение и прочее... Помолившись так, сядьте и почитайте что духовное, лучше всего о трезвении и молитве. Потом походите и подумайте, а то поговорите с кем все о том же».

«А блуждание мыслей как? Когда будет чувство в сердце, они не будут блуждать. Когда кран в самоваре отвернут, вода течет неудержимо, а как завернешь, вода останавливается; так и с мыслями: все текут и текут, завернешь кран – и перестанут. Это завернутие крана есть возбуждение святого чувства в сердце и держание его».

«Еще жалуетесь на недостаток терпения, – терпение никак не водворится в Вас, если не будете держать глубокое чувство, что все, встречающееся с Вами, встречается по воле Божией... Тут же придет и смирение и нищета духовная... и все тревоги Ваши прекратятся».

«Скорое чтение заученных молитв, конечно, нехорошо, а ведь это в Вашей же власти. Как заметите это, прекращайте и начинайте читать неспешно. Мера для питания молитв по молитвеннику или на память – имейте понимание и сознание читаемого: так читайте, чтобы все читаемое сознаваемо было. Этим и скорость определяйте. Помните Вы 24 молитовки св. Златоуста? Прочитывайте их почаще, прибавьте к ним другие из псалмов или церковных песнопений и тоже затвердите, – и читайте с соответственными мыслями и чувствами. Можно ими и все молитвенное правило заменить, но для Вас в этом нужды нет».

«Беретесь прочесть мои книжки... Дивиться буду, если Вы найдете у меня что-либо пригожее для Вас. Вы уже зрелая ягода, а мои писания новонаачальнические все...»

«Большая Вам милость, что молитва Ваша бывает нерасхищенная... Но говорите, что случается страдать от охлаждения. – Откуда у Вас быть охлаждению? Оно приходит, когда лишнее съешь, лишний час соснешь, чувства распустишь и многого насмотришься, наслушаешься и особенно, когда много наговоришь... Всего этого, я думаю, у Вас нет. Откуда же охлаждение Ваше? От чего-нибудь внутри недоброго. Бывает оно от самодовольства... Душа самодовольная, и ничего ей больше не нужно, оттого и молится холодно. Сознание своих нужд духовных рождает чувство скудости духовной, и тогда душа невольно вопит ко Господу: «Господи, помоги! Господи, вразуми! Господи, утеши!» Я думаю, что и это у Вас есть, т. е. нищета духовная.

Так должно быть у Вас охлаждение оттого, что душа, день, другой, третий, пятый, десятый потрудившаяся добре в молитве, чтении и богомыслии, все со вниманием и чувством, требует, наконец, отдыха, перерыва напряженной деятельности. В таком случае с душою ничего не поделаешь... а остается

только терпеть ее... все обычно по уставу заведенное исполнять... а охлаждение терпеть, моля Господа смириваться и воротить подобающее чувство. И пройдет. Ибо это состояние проходчиво.

Ведь Вы ходите в церкви!? Бывание в церкви с терпением и вниманием тоже расшевеливает душу.

Постоянное охлаждение бывает только при постоянном грехолюбии и греходелании... а без этого оно всегда переходчиво. У всех отцов поминается об охлаждении... и все дают уроки, как быть в сем случае. Учитесь у них».

Опубликовавший вышеозначенные письма свт. Феофана к схимонаху Агапиту протоиерей Иустин Ольшевский, впоследствии Сильвестр, архиепископ Омский и Семипалатинский, пишет в своем заключительном слове:

«В письмах одинаково поражают смирение и глубина разумения сокровеннейших высоких движений духа в одном, высота духа вместе с детскою простотою – в другом».

Эта справедливая характеристика дает правильную оценку духовного молитвенного устройства и свт. Феофана и старца схимонаха Агапита.

Еще я хочу остановить Ваше внимание на книге, о которой уже упоминал: на книге игумена Тихона, духовника свт. Феофана, носящей заглавие «Искатель непрестанной молитвы или Сборник изречений и примеров о непрестанной молитве». Для полноты нашего изложения я хочу и из этой книги привести некоторые наставления о молитве Иисусовой.

Схимонах Марк Саровский, современник прп. Серафима, учил об Иисусовой молитве: «Умную молитву Иисусову твори на всяком месте навсегда» (С. 19).

У подвижника Феодора Санаксарского, того же XVIII в., в его обители было правило: «В вечеру, по отпуске церковного правила, в келлии творить: триста молитв Иисусовых и при них полтора ста поклонов т. е. десять молитв Иисусовых просто и десять с поклонами» (Там же).

Старец игумен Валаамский Назарий учил: «Помолимся духом, помолимся и умом». Взойдите в слова апостола Павла: «Хощу рещи пять слов умом, нежели тысячу языком».

Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» Что за радость!»

Он же учил: «В келлии не упускай из мысли твоей Иисусову молитву и старайся стяжать душевное умиление сердца в тишине и глубоком молчании ума твоего. Собери разум и вся помышления твоя, стань на молитву, впери к Богу ум твой и сердце и молись... Старайся, дабы отнюдь твои мысли не могли парить по сторонам и ничем из мира сего не занимались; в такой тишине и глубоком молчании ума твоего стани, потупи главу, руце приложи к персям, ноги соедини вместе, очи смежи и, собрав ум и сердце воедино, молися Иисусовою молитвою».

Он же: «Если, в церкви стоя, не можешь понимать, слушая пение и чтение церковное, то с благоговением тайно твори молитву имени Иисусову, следующим образом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Старайся углубить сию молитву в душу и сердце твое. Твори оную умом и мыслию, не попускай оной на малое время удалиться из уст твоих, соединяй оную, как можно, с дыханием твоим и, сколько сил твоих есть, старайся при сем нудить себя к сокрушению сердечному, да не без слез каешься о гресех твоих. Если же нет слез, то должны быть, по крайней мере, сокрушение и стенания сердечные».

Строитель Саровский, старец Пахомий, современник свт. Тихона Задонского и прп. Серафима Саровского, учил: «Да будет прилежен безмолвствующий в испытании совести своей, в самоукорении, смирении, в непрестанной молитве ко Христу Богу и во внимательном богомыслии, вседневно воспоминаая смерть свою, суд Христов, Царство Небесное и вечные муки» (Искатель... С. 21).

Старец иеросхимонах Парфений Киевский говорил: «Всякому, хотящему спастися, надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он вразумит, наставит и от греха сохранит тебя, а сам по себе ничего не сделаешь: без Бога, ни до порога» (Там же. С. 24).

Приобретение истинного молитвенного духа составляло главнейший подвиг блаженного отца Парфения, и он стяжал сей благодатный дух в высшей степени. Молитва, по словам его, обратилась для него в такую потребность, как пища или питье, или же сделалась у него, по его выражению, как бы болячкою, вросшею в сердце. Она сама собою при внешних даже развращениях и даже во сне в нем действовала. Он сам видел однажды, в полусонном видении, свое сердце, объятые пламенем. Это символ непрестанной молитвы, в которой сердце его непрестанно возносилось горе – к Богу (Там же).

Он же говорит: «Истинную молитву стяжать неизреченно трудно, не раз душа за подвиг сей приблизится ко вратам смертным. Но кто уже сподобился стяжать ее, у него она, как болячка, вращается в сердце и ничто не измет ее» (Там же. С. 27).

Он же: «Молитва истинная есть та, которая вросла в душу и совершается духом. Для стяжания ее великий потребен подвиг умственный и телесный» (Там же).

Иларион, духовник Московского Симонова монастыря, говорил: «Я неискусен и малоопытен во внутренней молитве. Но если усердно желаешь научиться, то св. отцы учат сему следующим образом: старайся как можно более или даже непрестанно при всех занятиях творить Иисусову молитву, произнося тихо: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Когда утомятся уста, произноси ее умом и старайся отгонять помыслы и внимать тому, что ты произносишь. По времени Бог поможет тебе достигнуть и того, что само сердце твое будет творить молитву самодейственно, по Писанию: «Сердце мое бдит» (Там же. С. 28).

В Симоновом монастыре жил старец Павел, ученик прп. Паисия Величковского. По болезни ног он более семи лет лежал на одре и с благодарением нес крест свой. Когда у него просили наставления, он говорил: «Сколько возможно, возбуждай в себе любовь к ближним и имей простое око. К сему руководствует уединение и себе внимание, соединенное с Иисусовою молитвою, которая всему глава» (Там же. С. 30).

Иеросхимонах Симоновский Иона рассказывал о своем старце Адриане, с которым он пустынножительствовал в

Брянских лесах, что «внутренняя сладость сердечной молитвы не допускала ему чувствовать наружную боль».

Тот же иеросхимонах Иона, живя в Симоновом монастыре, все свое келейное правило выполнял, занимаясь внутреннею молитвою, держа в руках шерстяные четки и непрерывно повторяя Иисусову молитву сердцем и устами. Когда же его спрашивали: «Что ты, отче, делаешь?» – он отвечал: «Узлы на четках считаю» (Там же).

Ученик прп. Серафима Саровского, арзамасский протоиерей Авраамий Некрасов, учил об Иисусовой молитве: «Спаситель говорит: «Без Мене не можете творить ниче́го». Поэтому, по слову апостола: «Непрестанно молитесь», – должно и нужно тебе упражняться в умной сердечной молитве, при самых даже обыкновенных занятиях в глубине души твоей произнося со страхом и верою: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»

«Хочется тебе спастись? – Непрестанно молись и все терпи, и терпи до конца, ибо точию претерпевый до конца спасен будет».

«Бесов бей нещадно именем Иисусовым, вот и будешь добрый воин Христов».

«Навыкни непрестанно молиться и истинно смиряться, т. к. без молитвы никакой дар не стяжается, а без смирения хоть беги из монастыря».

«О мире не грусти, о мире же сердечном непрестанно трости».

«Не будь без молитвы Иисусовой ни на одну минуту. И вставая, и сидя, и ходя, и при трапезе, и при всяком занятии твоём, даже во многолюдстве, отнюдь не оставляй в уме твоём сей краткой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»

«Частое и усердное, с верою и любовью, произношение сей молитвы сохранит ум твой от рассеяния и помышлений злых и сердце от похотей лукавых».

«Дабы стяжать сокровище непрестанной молитвы, нужен подвиг: Царствие Небесное нудится и нудящие себя восхищают

его, а подвизаться за тебя, кроме тебя же самого, никто не может».

«Подвизаюсь да не успеваю! Значит, еще слабо внимаешь, мало подвизаешься. Усугуби твоё внимание, умножь подвиг твой, и ты, с помощью Божиею, успеешь в твоём подвиге столько, что молитва Иисусова так же сделается для тебя естественною, как и самое дыхание твоё, без которого существовать не можешь».

«Если душа твоя всегда уязвлена жалом сокрушения и страхом Суда будущего, то старайся чрез тщательное упражнение в слове Божиим и через умную молитву этот дар Божий ещё более приумножить в себе».

«Против скуки и уныния есть средство: чрез умную сердечную Иисусову молитву старайся всегда быть в Боге, Который есть источник радости и утешения».

«Не выроняй ни на одно мгновение ока из сердца твоего пресладкого и всещедрого Иисуса. Без Него горько жить».

«Ума и сердца и очей умных не спускай с Того, с Кем преискренне удостоился соединяться (в таинстве причащения). Бди и молись».

«Кроме трезвения и молитвы не можешь устоять в чистоте и правде. При самом трезвении и молитве берегись, чтобы не впасть тебе в самомнение и самообольщение. Возлюби смирение и самоукорение. Одно, одно нам грешным нужно – смирение. Без сего небесного дара ни истинного покаяния нельзя принести, ни добродетели какой стяжать невозможно».

«Внемли себе опасно! Мысли злые, как семя диавольское, именем Иисусовым исторгай в самом начале».

«Замечаешь в себе леность к молитве? Нудь себя, грози себе, устрашай себя, обнадеживай себя наградой за труды, чаще рассуждай, что есть молитва. И понемногу станешь услаждаться молитвою. Не хотеть молиться – значит не хотеть быть с Богом».

«Молиться обучай себя столь же часто, как часто и дышишь. Я разумею внутреннюю молитву, которая всегда и везде может быть совершаема с такою же удобностью, с какою совершается в нас биение сердца».



«Продолжай делание свое внутреннее неослабно, призывай непрестанно с верою и любовью достопокланяемое имя Господа Иисуса».

«Иисусова молитва пусть будет дыханием души твоей! Сладчайший Иисус да не выходит из ума и сердца твоего... Со сладким Иисусом все для тебя будет сладко: самые скорби покажутся тебе манною небесною... Держись умом твоим и сердцем сладчайшего Иисуса: Он все совершит в тебе, во внутреннем твоём человеке. Обучай себя смирению и терпению. В терпении вашем стяжите души ваши. Претерпевши до конца той спасен будет».

«Молись умом своим непрестанно и смирайся сердцем, и Господь действуя в нас, и еже хотети, и еже деяти, сотворит с тобою благодатный плод свой во время свое».

«Уединяйся почаще в себя, в клети твоего сердца, и там беседуй с Богом через умную молитву, которая такую радостию и сладостию наполнит душу твою, что ты не захочешь искать ни в чем земном себе утешения».

«Во внутреннем святилище души совершай выну словесное служение посредством умной и сердечной молитвы Иисусовой, которую никто и ничто не может препятствовать произносить тебе (если, конечно, сам поревнуешь об этом)».

«Держись паче всего молитвы Иисусовой и при ней строгого внимания самому себе, в страхе Божиим».

«К добродетелям чистоте и смирению потребна молитва и молитва непрестанная. Кто из св. отцов стяжал себе Христа без молитвы? Никто! Молитва есть семя, порождающее в нас Христа; молитва есть сила, оплодотворяющая в душах наших жизнь Христову...»

«Старайся всегда быть с Господом! А быть с Господом – это рай земной и Царствие Божие... Глазам, языку, ушам воли не давай: глаза закрой, уста затвори, уши заткни... Более всего при умной непрестанной Иисусовой молитве держись смиренномудрия, которое есть верное и твердое ограждение души».

«Не можешь много поститься и предстоять на молитве (телесно), так упражняйся более в умной и сердечной молитве.

Паче же всего храни уста свои от празднословия и осуждения, ибо ничто так не препятствует вниманию умному и теплоте сердечной, как празднословие».

Все вышеприведенные наставления об Иисусовой молитве о. Авраамия Некрасова заимствованы из его книги: «Письма к духовным детям».

«Один старец, преуспевший в умной молитве, спросил другого инок, также занимавшегося ею: «Кто обучил тебя молитве?» Инок ответил: «Демоны». Старец улыбнулся и сказал: «Какой соблазн произнес ты для не знающих дела! Однако скажи: каким образом демоны выучили тебя молитве?» Инок отвечал: «Меня одолевала тяжкая и продолжительная брань от лютых помыслов, мечтаний и ощущений, не дававших мне покоя ни днем, ни ночью... Угнетенный натиском духов, я стал читать молитву Иисусову и, таким образом, выучился ей» (Искатель... С. 49).

Известный затворник Задонский Георгий Алексеевич говорил об Иисусовой молитве: «Одно призывание сладчайшего Иисуса может усладить огорченное сердце и привести душу в восторг небесной радости. Мирное спокойствие снискивается в самом сердце именем Христовым» (Письма. Т. 1. С. 128).

Свт. Тихон Задонский в глубоком чувстве сокрушения и умиления иногда вопиял: «Господи, пощади! Кормилец, помилуй! Потерпи, Благодать наша, грехам нашим! Услыши, Господи, и не погуби нас со беззаконными нашими!» И бился головою о пол. Он же учил о молитве Иисусовой: «От искушений никуда не уйдешь, когда враг, чего сам не может, то через злых людей наносит оскорбления... Повсюду надобно терпеть и быть великодушну; не смотреть на то, что делают, а внимать тому, чему слово Божие учит; знать келлию да церковь и всегда быть заняту: то читать, то молиться, то делать что пристойное, и так попеременно продолжать; мало есть, мало пить и непрестанно Иисусову молитву иметь в сердце своем: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» (Искатель... С. 55).

В заключение этой беседы приведу еще некоторые места о молитве из дневника нашего великого пастыря-молитвенника

св. Иоанна Кронштадтского.

«Две силы, совершенно противоположные между собою, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитве моей, всегда прогоняет злую силу, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрерывных стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Против невидимого (диавола) – Невидимый Бог, против крепкого – Крепчайший» (Моя жизнь во Христе. Ч. 1. С. 79).

«Имея Христа в сердце, бойся, как бы не потерять Его, а с Ним и покоя сердечного: горько начинать снова, усилия прилепиться к Нему снова по отпадении будут тяжки и многим будут стоять горьких слез. Держись всеми силами за Христа, приобретай Его и не теряй святого дерзновения пред Ним» (Там же. С. 13).

«Христос, введенный в сердце верою, восседает в нем миром и радостью. Недаром говорится о Боге: «Свят еси и во святых почиваеши (Прем. 1, 7)» (Там же. С. 19).

«Все мои беды происходят в невидимой моей мысли и в невидимом сердце моем, потому невидимый же нужен мне и Спаситель, ведущий сердца наша. О крепость моя, Иисусе, Сыне Божий! О свете ума моего! Мире, радости, широта сердца моего – слава Тебе! Слава Тебе, Избавителю от невидимых врагов моих, ратующих ум и сердце мое и убивающих меня в самом источнике моей жизни, в самом чувствительном моем месте» (Там же. С. 25).

«Мысленными очами сердца вижу я, как мысленно вдыхаю в сердце свое Христа, как Он входит в него и вдруг упокоевает и услаждает его. О, да не пребуду я один, без Тебя Жизнодавца, дыхания моего, радования моего! Худо мне без Тебя» (Там же. С. 27).

«При молитве держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком. Когда замечаешь, что сердце твоё холодно и молится неохотно, остановись, согрей своё сердце каким-нибудь живым

представлением, например, своего окаянства, своей духовной бедности, нищеты и слепоты или представлением великих ежеминутных благодеяний Божиих к тебе и к роду человеческому, особенно же к христианам, и потом молись не торопясь, с теплым чувством; если и не успеешь прочитать всех молитв ко времени, беды нет, а пользы от теплой и неспешной молитвы получишь несравненно больше, чем если бы ты прочитал все молитвы, но спешно, без сочувствия. «Хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком» (1Кор. 14, 19). Но очень хорошо, разумеется, было бы, если бы мы могли с должным сочувствием сказать на молитве и тмы словес. Господь не оставляет трудящихся для Него и долго предстоящих Ему; в ню же меру они меряют, возмеривает и Он и, соответственно обилию истинных слов их молитвы, посылает в душу их обилие света, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, но не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть: могий вместити, да вместит (Мф. 19, 11–12). Не могущим вмещать продолжительной молитвы лучше творить молитвы краткие, но с горячею душою» (Там же. С. 167).

«И святыми Божиими овладевало диавольское отчаяние и уныние. Что же с нами грешными? О, нас враг уязвляет часто сердечным озлоблением, унижением и лютым унынием! Нужно постоянно обращаться ко Господу и быть с Ним каждую минуту, чтобы не овладело нами вражие озлобление и уныние. Есть и еще средство избавиться от вражия уныния – пространный путь мира: только предайся удовольствиям света, и оставит тебя уныние... но сохрани Бог всякого христианина от того, чтобы таким средством избавиться от диавольского уныния. Лучше идти тесным путем, терпеть уныние и искать частой помощи и избавления у Господа Иисуса Христа, веселящего трудящихся Его ради над спасением своим, нежели сойти на пространный и гладкий путь мира и там удовольствиями плоти купить свободу от духа уныния. Враг духом уныния многих согнал с тесного и спасительного пути на широкий и гладкий, но гибельный путь» (Там же. С. 169).

«Когда молишься, внимай себе, чтобы внутренний твой человек молился, а не внешний только. Хотя без меры грешен, а все молись. На диавольское разжение, лукавство и отчаяние не смотри, а преодолевай и побеждай его козни. Помни пучину человеколюбия и милосердия Спасова. Дьявол будет представлять тебе лице Господа грозным и немилостивым, отвергающим твою молитву и твое покаяние, а ты вспомни слова Спасителя, исполненные для нас всякого упования и дерзновения: «Грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6, 37), и: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии грехами и беззакониями и диавольскими кознями и наветами, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28) » (Там же. С. 218).

«Человеколюбче Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Благодарю от всего сердца моего, яко молитву мою о люблении ближнего и презрении земного услышал еси и мирную, разумную и сладостную любовь в сердце мое изливал еси. Утверди, Боже, сие во мне молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и да буду я чадо Твое, Господи, и чадо Ее истиннейшее» (Там же. С. 373).

«На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского совсем откажись и не внимай ему, ибо плотский разум кичит (1Кор. 8, 1), сомневается, мечтает, хулит. Если во время или вне молитвы враг займет душу твою какими-либо хулами и мерзостями, не унывай от них, но скажи с твердостью в сердце своем: для очищения от этих-то и подобных им грехов и пришел на землю Господь наш Иисус Христос, в этих-то и подобных им немощах духа и пришел Многомилостивый помочь нам, и, когда скажешь эти слова с верою, сердце твое тотчас успокоится, ибо Господь сердце твое очистит. Вообще ни от какого греха, как от мечты, не надо унывать, а уповать на Спасителя. О безмерное благоутробие Божие! О величайшее служение Богочеловека нам грешным! И доныне Он служит нам человеколюбно, очищая и спасая нас. И так да посрамится держава вражия!» (Там же. С. 376–377).

«Диавол обыкновенно вселяется в нас через один лживый помысл или мысль ложную и вожделение греховное и потом действует в нас и беспокоит нас – так он прост. Не паче ли Господь Бог духов вселяется в нас через единую мысль и любовь истинную и святую, и с нами бывает, и в нас действует, и бывает для нас веет? Итак, молись без сомнения, просто, т. е. в простоте сердца, без сомнения: как мыслить легко, так и молиться должно быть легко» (Там же. С. 399).

«Ты не можешь без благодатной помощи победить ни одной страсти, ни одного греха – проси же всегда помощи у Христа Спасителя своего. Он для того и пришел в мир, для того пострадал, умер и воскрес, чтобы во всем помогать нам, чтобы спасать нас от греха и от насилия страстей, чтобы очищать грехи наши, чтобы подавать нам в Духе Святом силу к деланию добрых дел, чтобы просвещать нас, укреплять нас, умиротворять нас. Говоришь: как спастись, когда на каждом шагу грех стоит и на всякую минуту грешишь? На это ответ простой: на всяком шагу, на всякую минуту призывай Спасителя, помни о Спасителе – и спасешься и других спасешь» (Там же. Ч. 2. С. 49).

«Светло, и тепло, и покойно мне, когда я всецело обращаюсь душою моею к мысленному Солнцу, Солнцу Правды, Христу Богу моему. И растаивает лед сердца моего, отъемлется нечистота и тля его, исчезает мрак, отбегает смерть духовная, воцаряется жизнь небесная, ничто земное не занимает меня» (Там же. С. 99).

«Во время молитвы, при сильных искушениях от диавола, всю печаль свою возверзи на Господа, яко Той печется о тебе (Пс. 39, 18). На молитве только веруй в Господа, яко одесную тебе есть, и все возможно тебе будет» (Там же. С. 136).

«Когда ты молишься Богу, то ты не иначе представляй себе близость Его, как так, что ты ежеминутно дышишь Им, двигаешься, просвещаешься, упокоиваешься, утешаешься и укрепляешься – словом, живешь Им по Писанию: «О Нем бо живем, и движемся, и есмы (Деян. 17, 28). Даяй всем живот, и дыхание, и вся. Близ ти есть Бог (Глагол), во устех твоих, и в

сердце твоём... Яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса и веруеши в Него в сердце твоём, спасешися» (Там же. С. 171).

«Молитва есть дыхание души, как воздух – дыхание естественное тела. Дышим Духом Святым. Ни одного слова молитвы не можешь сказать от всего сердца без Духа Святого. Молясь, усты ко устам с Господом беседуешь и, если имеешь открытые верою и любовью сердечные уста, в то же время как бы вдыхаешь из Него просимые духовные блага Духом Святым» (Там же. С. 196).

«Спаситель благоволил воплотиться не для того только, чтобы спасти нас тогда, как грехи, страсти одолели нас, когда мы уже опутаны ими, но и для того, чтобы спасти нас, по молитве нашей, тогда, когда еще только усиливаются ворваться в нас грех и страсть, когда борются нас. Не надо спать и опускать малодушно руки, когда борются нас страсти, но в это-то самое время и быть настороже, бодрствовать и молиться Христу, чтобы Он не допустил нас до греха. Не тогда спасать должно дом от пожара, когда огонь всюду уже распространился в нем, а лучше всего тогда, когда пламя только что начинается. Так и с душою. Душа – дом, страсти – огонь. Не дадите места диаволу (Еф. 4, 27)» (Там же. С. 202).

«Когда бываешь очень молод или живешь жизнью мира грешного, тогда знаешь и Христа Спасителя, и врага Божьего и человеческого, сатану всезлобного, только по одному имени, и думаешь, что Христос от тебя далеко – на небе, а диавол где-нибудь есть, только никак не близко и не около тебя, и, хотя слышишь, что он зол, но думаешь, что злость его до тебя не касается, но когда будешь в летах зрелых и вступишь в жизнь подвижническую, когда будешь служить Богу чистою совестью, тогда испытаешь на сердце и благое иго Спасителя, и тяжелое несносное иго сатаны, который нещадно оскорбляет нас» (Там же. С. 300).

«Старайся дойти до младенческой простоты в обращении с людьми и в молитве к Богу. Простота – величайшее благо и достоинство человека. Бог совершенно прост, потому что совершенно духовен, совершенно благ. И твоя душа пусть не двоятся на добро и зло» (Там же. С. 301).

«Учитесь молиться, принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет, но сначала всегда нужно принуждать себя» (Там же. С. 348).

«Когда молишься, тогда представляй, что как бы один только и был пред тобою Бог, Троичный в Лицах, и кроме его ничего не было. Представь, что Бог в мире, как душа в теле, хотя и бесконечно выше его и не ограничивается им, твое тело мало, и все его проникает малая душа твоя. Но мир велик. Бог бесконечно велик, и по всему творению Бог все наполняет – везде сый и вся исполняй» (Там же. С. 362).

«Когда молишься Господу, взирай сердечными очами внутрь себя, на душу свою: Господь там, в мыслях твоих и в движениях сердца твоего правых, как и вне тебя и на всяком месте. Близ тебя Он, во устех твоих и в сердце твоём (Рим. 10,8), а не на небесех только или в бездне» (Там же. С. 394).

«Сердце наше ежедневно умирает духовною смертию. Теплая слезная молитва есть оживление его, начинающееся дыхание его. Если не молиться ежедневно с теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно» (Там же. С. 419).

«Нечувствие сердцем истины слов на молитве происходит от сердечного неверия и нечувствия своей греховности, а это в свою очередь проистекает от тайного чувства гордости. По мере чувств своих на молитве, человек узнает, горд он или смирен: чем чувствительнее, пламеннее молитва, тем он смиреннее, чем бесчувственнее, тем гордее» (Там же. С. 419).

«Будь умерен во всех религиозных делах, ибо и добродетель в меру, соответственно своим силам, обстоятельствам, времени, места, трудам предшествовавшим, есть благоразумие. Хорошо, например, молиться от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с силами (энергиею), различными обстоятельствами, местом и временем, с предшествовавшим трудом, то она уже будет не добродетель. Потому ап. Петр говорит: «Покажите в добродетели разум (т. е. не увлекайтесь одним сердцем), в разуме же воздержание, в воздержании же терпение» (2Пет. 1,5)» (Там же. С. 421).



«Кто не собирает со мною, – говорит Господь, – тот расточает» (Мф. 12, 30). Надо подвигаться вперед в духовной жизни, восходить все выше и выше, увеличивать более и более запас добрых дел; если же мы стоим на одной точке нравственного совершенства, на одной ступени лестницы христианского восхождения, то все равно, что идем назад, если не собираем, то все равно, что расточаем» (Там же. С. 421).

«Когда покроет тебя тьма окаянного: сомнение, уныние, отчаяние, смущение, – тогда призови только всем сердцем сладчайшее имя Иисуса Христа, в Нем ты все найдешь: и свет, и утверждение, и упование, и утешение, и покой, – найдешь в Нем самую благодать, милость, щедроты, все это найдешь в одном имени заключенным, как бы в какой богатой сокровищнице» (Там же. С. 424).

«Мысли человека имеют крайне сильное влияние на состояние и расположение его сердца и действий, потому, чтобы сердце было чисто, добро, покойно, а расположение воли доброе и благочестивое, надо очищать свои мысли молитвою, чтением Свящ. Писания и творений св. отцов, размышлением о тленности и скоропреходности и исчезновении земных удовольствий» (Там же. С. 203).

«Как близка к тебе твоя мысль, как близка вера к твоему сердцу, так близок к тебе Бог, и, чем живее и тверже мысль о Боге, чем живее вера и познание своей немощи и ничтожества и чувство нужды в Боге, тем Он ближе. Или, как близок воздух к телу, так близок Бог к душе. Ибо Бог, так сказать, мысленный воздух, которым дышат все ангелы, души святых и души людей живущих, особенно благочестивых. Ты не можешь жить без Бога ни минуты и, действительно, каждую минуту живешь Им: о Нем бо и живем, и движемся, и существуем (Деян. 17, 28)».

Здесь же кстати мы можем привести подобные же мысли Иннокентия, архиепископа Херсонского: «Человек ни с одною вещью так тесно не соединен, как с Богом: он живет и движется Его силою. Но это соединение остается для нас (страстных) темным, потому что мы не можем его постигать. Между тем оно для нас весьма близко и верно: оно составляет основание всех тайных понятий или идей ума. «...» Эти темные ощущения

Божества можно ясно приметить в сердце, как основной силе нашего духа, у которой чувство и ум есть не что иное, как двустороннее развитие ее. Бытие Божие чувствуется сердцем: оно наполняется иногда такими чувствованиями, которые не имеют никакого отношения ни к какому предмету внешнему, – которые могут быть произведены только от сообщения с душою какого-то таинственного существа...»

Заканчивая наставлениями о. Иоанна Кронштадтского нашу сегодняшнюю беседу, прошу Вас твердо запомнить, что подвиг прохождения Иисусовой молитвы и вообще внутреннего духовного делания, как это ясно видно из предыдущих бесед, всегда существовал и всегда был почитаем в Православной Церкви, и в частности в Русской Церкви, как важнейшее и действительнейшее средство к внутреннему сердечному единению с Господом Иисусом Христом, составляющему необходимое и главное условие подлинной и успешной христианской жизни в каждом человеке. Мы привели многочисленные свидетельства из писаний древних и новых подвижников, подтверждающие сказанное. Если бы нужно было, мы могли бы привести этих свидетельств еще больше. Но и сказанного достаточно для нашей цели – показать важность и необходимость делания Иисусовой молитвы для нашей духовной жизни, для нашего спасения.

Если у Вас имеются какие-нибудь вопросы или недоумения, выскажите их, прежде чем мы закончим эту нашу беседу.

Иерей. У меня лично нет. Но я думаю, что мои миряне могут сказать мне: из всего сказанного в этих беседах видно, что делание Иисусовой молитвы включает в себе целый ряд ступеней, постепенно возводящих делателя молитвы от земли к небу, причем высшие ступени этого делания совершенно недоступны огромному большинству делателей молитвы, так что едва находится один из тысячи, достигающий чистоты молитвы, а той молитвы, которая находится еще выше, за пределами чистой молитвы, достигает разве только один в целом поколении. Огромное же большинство делателей молитвы не поднимается выше первой – делательной, или трудовой, ступени Иисусовой молитвы, и лишь немногие

удостаиваются достигнуть второй ступени – молитвы самодвижной, благодатной. Принимая все это во внимание, а также считаясь с трудностью самого делания, с недостатком наставников, с возможностью ошибок и даже с опасностью впадения в прелесть, думаю, не может ли у многих ослабевать усердие к этой молитве? Больших успехов от занятий ею ожидать нельзя, трудностей много, много опасностей... Не лучше ли, скажет кто-нибудь, совсем не браться за такое непосильное дело и скромно ограничиться благоговейным, по мере сил, выполнением обычных христианских обязанностей: посещением церковного богослужения, выполнением домашнего молитвенного правила и деланием, насколько возможно, добрых дел?

Что ответить на такой вопрос, если мне его зададут?

Инок. Отвечайте так. Вы совершенно правильно указываете на трудности и опасности молитвенного подвига. Но разве все это присуще только внутреннему деланию и молитве Иисусовой, а не всей вообще христианской жизни, о которой сказано у ап. Павла: «Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), а Господь Иисус Христос сказал ученикам Своим: «В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир» (Ин. 16, 33)?

Много и других слов о трудностях и опасностях христианской жизни можно найти и в Евангелиях и в Посланиях апостольских... И не ко всем ли христианам относятся слова Спасителя: «Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). А ведь эти слова ставят перед христианином не менее великую, и ответственную, и страшную задачу, нежели делание Иисусовой молитвы! Так возможно ли, оставаясь христианином, уклониться тем или иным способом от трудностей и опасностей христианской жизни, которая всегда есть и будет, по слову Господа, крестным путем (Мф. 16, 24)? И не ко всем ли христианам относятся слова великого апостола языков: «Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал. 5, 24)?

Если же христианская жизнь вообще есть крестный путь и подвиг и невозможна без трудностей и опасностей, то не

правильнее ли смотреть на умное делание, и на Иисусову молитву в частности, как на спасительное благодатное средство, облегчающее этот крестный путь христианской жизни вообще? Ибо, в самом деле, что приобретается Иисусовою молитвою даже на первой, трудовой ее ступени? Приобретается сосредоточение внимания на словах молитвы, собранность мысли, преодоление блуждания мыслей и засоренности ума навязчивыми помыслами, а сердца нечистыми движениями; приобретается постоянная живая память о Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе и внутреннее с Ним сопребывание в сердце, чем создается и воспитывается чувство страха Божия и бдительность над своим внутренним состоянием, а следовательно, и над своими словами и поступками. Одним словом, человек духовно воспитывается и возрастает в молитвенном внимательном предстоянии пред Господом. Неужели же все это, мною сейчас перечисленное, не есть великое достижение для каждого христианина и великий успех в его христианской жизни? Да ведь если всего этого нет, то и самого начала, самого первого шага христианской жизни мы еще не сделали, ибо корень и начало христианской жизни возникают прежде всего в сердце человека... Из сердца начинается христианская жизнь. Если мы в сердце не зложим основания христианской жизни, то и внешней христианской жизни у нас не будет, по слову прп. Исихия. И проповедь Спасителя о покаянии, и слова о нищете духовной, и о плаче, и о кротости, и прочие – все это обращено именно к сердцу, где должны возгореться страх Божий, и вера, и любовь, и прочие чувства, необходимые для искреннего и свободного следования Христу и исполнения Его заповедей. Совершенно справедливо, что очень немногие делатели Иисусовой молитвы идут далее первой деятельной ступени. Но почему? Потому что в этом делании, как и вообще в христианской жизни, нельзя взойти на вторую ступень, не пройдя первой. Кто прошел первую ступень, тот естественно, сам собою, переходит на вторую ступень. Запрета или препятствия для перехода никакого не существует. Если кто не переходит на вторую ступень, это значит, что ему еще необходимо оставаться на первой, что он еще не созрел

для второй. То же самое мы видим и в телесном возрастании: не пройдя младенчества, нельзя достигнуть отрочества, не пройдя отрочества, нельзя достигнуть юношества и т. д.

Следует ли из этого, что вообще не стоит возрастать? Всякому возрасту есть свое время и свое место, как в жизни телесной, так и в жизни духовной, да и вообще во всяком деле человеческом и во всяком искусстве. Самый правильный путь, а вместе с тем и самый верный способ быстрее возрастания в духовной жизни вообще, и в Иисусовой молитве в частности, состоит в том, чтобы терпеливо оставаться на своем месте, тщательно исполняя то, что требуется этим местом. В этом и заключается духовный рост человека, который обычно он сам не замечает, но который, несомненно, существует и в свое время обнаруживается в благодатном переходе на следующую ступень. А если этого перехода не происходит, это показывает, что делатель молитвы еще не прошел всего необходимого пути предыдущей ступени, почему и остается на ней. И каждому следует пребывать на своей ступени духовного возраста со смирением и благодарением, не порываясь самовольно и прежде времени на высшие достижения и терпеливо ожидая, когда Сам Господь придет и, взяв его за руку, возведет на высшую ступень.

Да и справедливо ли оценивать первую трудовую ступень Иисусовой молитвы как нечто, якобы, недостаточное? Не связан ли с нею почти весь доступный человеку на земле опыт христианского делания? не она ли является незаменимой спутницей и сотрудницей христианина и в том самом деятельном христианстве, о котором Вы упомянули и которое заключается в посещении храма, в выполнении келейного молитвенного правила, в делании добрых дел? не она ли дает внутреннюю силу, и чистоту, и ревность этому самому внешнему деланию? Поэтому в высшей степени неправильно и несправедливо утверждать, что если человек в течение всей своей жизни остается на делательной ступени умного делания, то этим он будто бы ничего не приобретает для своей вечной жизни. Он приобретает все, что было ему доступно и возможно в течение его земного странствования. Конечно, умное делание

нельзя отрывать от внешних дел христианской жизни: посещения храма, выполнения молитвенного правила и добрых дел, – но и то и другое в своей совокупности должны составлять единый неделимый подвиг земной жизни христианина.

Что же касается восхождения на высшие ступени созерцания, то пути Божии неисповедимы: оно не невозможно и в будущей жизни, как на это указывает и старец схимонах Василий.

Итак, если трудности и опасности существуют при всяком христианском делании, а не при одной только Иисусовой молитве, и если достигнуть полного совершенства не может в этой жизни не только делатель Иисусовой молитвы, но и какой бы то ни было христианин, то нет никакой достаточной причины страшиться и избегать внутреннего молитвенного делания, великое спасительное значение которого для нашей жизни во Христе столь очевидно. Сомнениям и опасениям тем более не должно быть места, что в делании Иисусовой молитвы, как и вообще в христианской жизни, успех зависит не от нашего искусства и не от наших усилий, а от помощи Божией. Наш труд и наше усердие хотя и являются необходимым условием успеха, но сами по себе, без воли Божией, они успеха не обеспечивают.

Успех обуславливается с нашей стороны смирением, сокрушением духа, всецелым преданием себя в руки Божии, готовностью добросовестно выполнять все, что от нас зависит, а подается успех Господом тогда, когда это нам нужно. Если мы это помним, то нам не трудно, при всех опасностях духовного делания, с полным спокойствием, предаваясь в руки Божии, исполнять то, что зависит от нас, и с детскою доверчивостью ожидать того, что может нам даровать один только Господь!

Значение Иисусовой молитвы для духовной жизни православного христианина становится еще понятнее, когда мы глубоко задумаемся в сущность христианской жизни и постараемся постигнуть ее внутреннюю тайну, которая нередко закрывается для нас или отвлеченными рассудочно-богословскими построениями, или внешне-формальным отношением к религиозным обязанностям. Эта «тайна

христианской жизни» с большой ясностью раскрыта в статье иеромонаха Гурия, которую в виду ее близкого отношения к содержанию наших бесед привожу полностью:

«Как усилились в наш век стремления навязывать различные понимания христианству. Кто ни берется писать программы жизни, стремится навязать свои идеалы Христу и выдать личные выдумки за великое благовестие Сына Божия.

В наш век особенно чувствуется нужда в критерии для определения истинности суждений о вере, в обращении к полноте церковного вселенского сознания, которое живо отпечатлелось в святоотеческих писаниях, преданиях, соборных постановлениях. Личный разум широко заявил свои права на постижение истины в делах веры. Свобода рвется из оков церковного сознания, требующего от нее разумного послушания еще более разумной, строго направленной к определенной цели, норме жизни. Разум, гордый своим положением, талантами и превосходством, кичит, а норма жизни, как норма внутренней борьбы со всеми видами страстности плоти и гордости духа, слишком противна свободолюбивой душе. Душа знает только то, что ее окружает, и знать другого не хочет. Ей дорог страстный порыв, удобство, комфорт, бурная радость грешной земли. Какая-то пленка с самых детских лет заволакивает душу и не дает к ней пробиться родникам иной жизни. А когда душа станет созревать, она, загордившись, верит только в себя и рвет всякую связь с церковным сознанием.

Все больше и больше забываются вселенские церковные идеалы, хотя о них часто говорят и пишут. Ум чувствует принципиальную ложь обычной жизни, хочет родства с Богом, близости к Нему, чтобы каждый шаг жизни совершался как бы в сознании Бога, в ощущении Его, в чувстве к Нему и пред Ним, но, как ограниченный, непостоянный и часто ложный, он берет святую идею только в части и не может обнять ее во всей полноте. Он не может дать ей надлежащего освещения и тем более не может указать действительных средств провести ее в жизнь. К святой идее прикоснулись люди, живущие так или иначе вне полноты церковного сознания, люди личного разума и авторитета, люди, не знающие тайны вселенской церковной

жизни и не изучавшие этой жизни в Свящ. Писании и тех преданиях, где она отразилась во всей своей чистоте.

Они много знают и толкуют о древне-христианской жизни, как о жизни братской любви, как о жизни свободы и равенства, как о лучшем социальном строе, но совсем не знают о ней, как о жизни Духа Святого в сердцах христиан, как о жизни действенного богообщения.

И это вполне понятно! Ибо Дух Святой обитает в Церкви Христовой, открывается тому, кто за послушание вере жаждет жить всей полнотой церковного сознания, поселяется в сердце человека за труды и поты благочестивой жизни, после долгого испытания спасающегося, после закаления свободы его в святом охранении вверенного таланта благодати. Христианство глубоко теистично. Его Бог – живой и любящий, личный, близкий людям Творец-Промыслитель. Под Его личным руководством и беседой воспитывался первый человек. По падении человека и лишении его жизни богообщения любвеобильный Бог приходит к падшему человечеству в смиренном образе Человека. Он живет с людьми и снова возводит человека в возможность прежнего богообщения и богоуподобления. Через Спасителя люди привились к Божеству. Через Духа Святого жизнь богообщения стала созидаться и утверждаться на земле в Церкви Божией.

Тайна жизни христианской есть тайна живого общения Бога и человека, начинающегося на земле и продолжающегося в вечность.

Жизнь Церкви Христовой, земной и небесной, есть прежде всего жизнь действенного богообщения, жизнь Духа Святого в сердцах верующих. «Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (1Кор. 3, 16). «Я Лоза, а вы ветви; пребудьте во Мне и Я в вас», говорит Христос (Ин. 15, 5). «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино», – молился Спаситель. И христиане, прививаясь к Божественной Лозе, Духом Святым, живущим в них, соединялись в один дух, в одного человека, в одно настроение. «Они, – говорит Григорий Богослов, – чтители Единого, стали едино, чтители Троицы, так сказать, срослись между собой, стали единомысленны и равночестны» (Т. 1. С. 179).



В день Пятидесятницы Дух Святой сошел на апостолов и на глазах у всех произвел в них удивительную перемену. Апостолы получили особые, доселе не имевшиеся у них, силы и свойства, что-то Божественное стало обитать в их существе, жить с ними и руководить их. Для верующих это было исполнением Спасителя обещания о ниспослании Духа Святого и свидетельством того, что внутренняя действенная жизнь богообщения началась на земле.

С тех пор Дух Святой, как Личное Божественное Начало, исходящее от Отца, неизменно пребывает в Церкви Христовой и сообщается верующим христианам. Ап. Петр после своей проповеди о Христе в день сошествия Св. Духа на вопрос окружавших его людей: «Что нам делать, мужи братия?» – ответил: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа». Исповеданием веры Христовой, покаянием в соделанных прежде согрешениях и крещением каждый вступает в число верующих, становится членом Церкви Христовой и получает дар Св. Духа. Так христианин приобщается к жизни благодатной, в его сердце начинает бить Божественный источник, он даже ощутимо переживает обновление своего существа, обитание в нем зиждительной Божеской силы.

Многие верующие во времена апостолов, присоединясь к Церкви Христовой, подобно апостолам, видимо для всех получали жизнь Божественную в свои сердца, исполняясь благодатных даров Духа Святого, ощутимо переживали высокое состояние богообщения. И с тех пор все подвижники веры и благочестия, становясь сосудом благодати, являли миру дары живущего в них Св. Духа на всем протяжении жизни Церкви Христовой и до сего дня.

Духом Святым освящается вся жизнь истинного христианина. Весь процесс его спасения совершается при свете богообщения, то скрытого, то явного. С малых ступеней оно ведет человека все к большему и большему постижению Божественной жизни и заканчивается совершенным боговселением. Сила Божия, сочетаясь со свободой человека, очищает христианина от всякой скверны плоти и духа и

приготавливает в его душе обиталище бесстрастное, святое для полного и блаженного боговселения, по слову Спасителя: «Приидем и обитель сотворим» (в сердце человека). Мы употребили два термина для обозначения различных периодов жизни духовно-благодатной: богообщение и боговселение. Образно выражаясь, под первым термином понимается как бы внешнее, не полное единение Духа Божия с духом человека. Человек чувствует Божественную силу, помогающую ему, чувствует, что он и поддерживается-то только этой Божеской силой, но, с другой стороны, также чувствует, что в его душе еще остается страстность, препятствующая ему совершенно упокоиться в Боге, что полноты Божественной силы в нем нет, что сердце неполно, неудовлетворено, ищет, жаждет иметь Бога в себе, любить Его всей полнотой своего существа, а этого между тем еще нет, ибо сердце отчасти любит и страстность.

Боговселение же есть совершенный вид богообщения, когда Дух Святой совершенно вверяется человеку и поселяется в нем.

Перед нами письмо покойного иеросхимонаха О-ой пустыни. Старец, незадолго до смерти, так писал одному ученику о своих исканиях и мольбах получить благодать Духа Святого.

М. С. О. Н. Г. И. Х. С. Б. п. н.

Господи благослови и спаси нас!

Боголюбивейший Батюшка N!

Начну с боголюбия. Быть может, по науке, по способности ума Вашего Вы знаете о боголюбии несравненно более, нежели я убогий. Слава Богу! Но если бы Вы были уязвлены сердцем этим боголюбием, и оно совне и внутрь освящало, сожигало и переплавляло Вас, то, конечно, ни напоминаний сладострастных, ни других каких-либо теней не было бы в Вашем сердце и ничем оно не могло бы усладиться, кроме боголюбия. Прости, мой любимче, и не подумай, что я хочу упрекнуть тебя в чем-либо. Нет, совсем нет! Мне желалось бы выяснить тебе, как ближайшему другу и брату о Христе, чувство боголюбия, – то чувство, которое я сам так долго и так сильно желал получить и не получал. Эти желания были муками моего

духовного рождения, и эти муки были весьма длинны, около тридцати лет с небольшим. Думаю, что борьба с грехом за радость единения с Господом и Творцом была во мне двух родов. Одна – моя природная, другая – Божия, но все это было так таинственно и сокрыто по высшему усмотрению, что я мог кое-что уразуметь уже впоследствии. Я изнемогал в борьбе с собою, с порывами страстей моей плоти, но при этом во мне пребывало желание высшее и лучшее, нежели все греховные порывы. Оно окрыляло мой дух, я чувствовал, что только оно меня удовлетворит и более ничто на свете – эта вечная творческая сила, сила не умирающая, дарованная Творцом – любовь к Богу.

Я жаждал любить Бога всем сердцем. Но как любить? Если любить Бога, нужно быть достойным Бога, а я видел себя не только грешником, но и коснеющим во грехах своих.

Желание любить Бога крепло, возрастало до горения, а как любить, чтобы сердце удовлетворилось в своем желании, я не знал. И что делать для этого, я не мог придумать. Все способы испытал, на которые указывают, т. е. делать все доброе, быть милосердным к ближним. Я эту добродетель исчерпал до дна. Не раз оставался чуть прикрытым, раздавая все нуждающимся, терпел голод и холод, скрывая это от других, обиды терпел, не мстил за обиды, старался любить врагов и любил их, как то повелено Господом. Но самой любви-то к Богу я в себе не ощущал, да и страсти мои ясно говорили, что я чужд этой Божественной любви. А мысль не оставляла меня, и сердце горело еще большим желанием любить Бога, но на деле я этого не достигал. Я чувствовал, что сила жизни – в любви к Богу, сила творческая, благодатная; я думал, что если буду иметь в себе эту любовь, то оковы моих страстей спадут сами собой, следы их растают и перегорят от огня Божественной любви. Я был убежден в этом тогда и теперь удостоверяю, что иначе и быть не может. Это та самая истина, о которой сказано Самим Спасителем нашим Богом: «Истина свободит вы, и вы поистине свободни будете». И вот не стало терпения долго ждать. Я взывал ежеминутно, да когда же Господь удостоит меня этой любви к Нему. Ведь Он сказал: «Без Меня не можете творити

ничесоже». Господи! Прииди и вселися в ны, научи мя творити волю Твою, научи и любить Тебя, как подобает любить. Ведь Тебе, Всесильному, не трудно это сотворить со мною. Господи, хотя так удостой меня: ненадолго всели эту любовь в меня и поживи во мне, я пойму, узнаю Тебя, тогда удались от меня, я буду уже по ведению стремиться к Тебе, буду страдать сознательно, зная, за что страдаю, для чего живу.

И вот Господу моему было угодно, чтобы я заболел, и я заболел, а любви этой еще не испытал в себе; заболел и сильно плакал во время болезни о том, что остался побежденным во грехах моих – грехом, а любви-то еще не имею. Спешу каяться не раз и не два, очень много каюсь и получаю радость, ибо вижу, что грех начинает терять надо мною свою силу, так как греховного услаждения не стало в душе, помысл греховный не возникал в сердце, а покаяние соединилось с благодарностью к Богу.

Чем более я страдал, тем легче я себя чувствовал. Я ощущал сильную потребность причащаться, и меня причащали. По причащении Св. Тайн мой дух окрылялся неизреченной надеждой на Бога, а сердце переполнялось благодарностью ко Господу Иисусу Христу. Здесь-то мне убогому и открылась в необъятной полноте любовь Божия к миру в искуплении человеческого рода. Эта любовь заговорила как бы во мне, внутри всего моего существа, с такой силой ко Господу, что я не чувствовал и своих страданий. Я не мог оторваться ни мыслями, ни чувствами сердца от любви ко Господу. Воспоминания о всей Его земной жизни, о всех явлениях и действиях на земле производили во мне радостный трепет, обновляли внутреннее моей души и сердца. Сердце было полно надеждой спасения. Ничто не могло дать повода к отчаянию в милосердии Божиим. Господь был близ, душа жила Им и чувствовала только Его безграничную любовь.

Каждый шаг земной жизни Спасителя ясно отпечатлевался в сознании, как совершенный для спасения, для освящения человека. Им было освящено для меня все: и окружающий воздух, которым я дышал, и вода, которую пил, и самый одр, на коем лежал, и гроб, в который готовился сойти. Все это было

залогом моего спасения, воскресения из омертвления плоти и прославления с Господом. И я чувствовал, что это творится не по моей заслуге, а единственно по бесконечному милосердию Божию.

Я сознавал себя глубоко грешным, но в то же время горячая надежда на спасающую любовь и милость Господню неизменно окрылила мой дух. Слезы умиления лились из очей, а что переживало при этом сердце, я не могу и описать. Я не чувствовал потребности к пище, тяготился, когда меня посещали другие. Я блаженствовал, уязвленный любовью ко Господу, желал остаться хотя бы навечно один и страдать, но только с Господом и в любви к Нему. Вот что такое боголюбие, и вот что оно делает с душой человека.

Ради этого я и назвал Вас боголюбивейшим, ибо боголюбие необходимо для всех и каждого в отдельности. Оно есть богатство неокрадомое и есть всемогущая сила, как сила творческая, сила вечного живота.

Если кто водрузил эту силу в сердце, тот и душу свою оживит ею. Боголюбивый не пожелает любления мира сего, ибо любить мир будет уже разрывом любви Божией и вражда Богу. Это слово многим не кажется справедливым, но оно правда Божия и истина.

Разве тот, кто имеет благодатную любовь в себе, будет убивать других? Кто любит Бога, разве пожелает чужой собственности? Кто любит Бога, разве чего другого желает и ищет или будет отнимать и красть чужое? Он и свое-то имеет, как Божие, со страхом Божиим тратит то, что ему дал Бог.

Боголюбие есть жизненная сила души и сердца человека, созданного по образу Божию. Через него человек вновь водворяется в рай и к нему приходит Царствие Божие в силе. Нужно любить Бога и жить Им, вдыхать и выдыхать духом любви Божией. «Аще не Господь бы был в нас, никтоже от нас противу возмогл бы вражиим бранем одолети. Побеждающие бо от зде возносятся».

Почувствовали ли вы в этом письме, достоуважаемый читатель, биение какой-то неведомой, чужой нам жизни, жизни полной духовной красоты и, благодатной таинственной, мощи? –

То голос души, жившей дивной жизнью таинственного, неизреченного богообщения. Сколько усилий, сколько молений, какая твердость духа и целостность натуры, в течение тридцати слишком лет неуклонно стремившейся к одной определенной цели, к восприятию в себя любви Божественной – Святого Духа Божия.

И вот на склоне лет, почти на одре смерти, Дух Святой входит в убранную храмину подвижнического сердца и поселяется в ней. Здесь уже больше, чем обычная помощь человеку в деле спасения. Здесь Господь приходит в сердце человека, Дух Святой оживотворяет его и теснейшим образом соединяется с душой человека.

Такова тайна жизни христианской! Но она забыта нами, и большинство из нас совсем не знает Духа.

Прими мы эту тайну, и сейчас же наша жизнь пойдет в согласии с полнотой церковного сознания, в подражании жизни всех прославленных Богом лиц. Все споры о личном и общественном служении, о молчании и затворе или широкой общественной деятельности отойдут прочь, ибо они осветятся высшей точкой зрения.

Цель жизни – стяжание Духа Святого, стяжание Его вселения, проникновения Им всего человеческого существа. Если нет стремления к этому, жизнь с христианской точки зрения бесцельна, бессмысленна и пуста.

Это – жизнь без Бога, без души. Но, чтобы стяжать Духа Святого, чтобы стяжать сего огненного Духа, надо принести труды и поты сердечные, надо убрать для Него храмину сердца. Вот эта-то уборка собственной храмины сердца и есть самое первое, самое нужное и необходимое дело в христианстве. Поэтому христианство, насколько строго теистично, настолько же строго индивидуалистично. Спасается индивидуум, его душа. Каждый христианин, жаждущий Духа Святого и готовящий в своем сердце храмину для обитания Царственной Троицы, силой того же Духа Божия восходит от силы в силу и достигает мужа совершенна в полноту меры возраста Христова. Но спасается он не один, а в Церкви, во всей полноте церковной –

земной и небесной. Он – звено церковного тела, служит ему, а оно питает его, оказывая разнообразную поддержку и помощь.

Уготавливая храмину сердца своего для Духа Божия, христианин изменяет эгоистическое греховное содержание своей личности на любовное, святое; он через изменение собственного внутреннего существа становится любвеобильным служителем и помощником ближних, а озаренный светом живущего в нем Духа Божия, является мощным носителем все созидательной, все устрояющей силы Божией, могучий верою, переставляющей горы, полный любви и молитвы о всем живущем.

Здесь разрубается узел пререканий. Индивидуализм сочетается в идеальной форме с широтой всеобъемлющей любви и полнотой общественного служения для немощного, лишенного духоносной силы жизни, падшего человечества.

Изменение эгоистического содержания жизни в любовное и святое не может даваться без свободного подвига духа. Это не обычная гуманность или кричащая в глаза филантропия. Нет, здесь идеал более высокий и единственно ценный!

Сердце создается для Духа Божия, изменяется самая природа его существа. Видна каждая греховная соринка, и она, однажды замеченная, требует немедленного удаления. Недопустима малейшая тень красования своим «я», самый тонкий вид самолюбия является преградой для вселения Духа Божия в сердце человека, малейшее поправление чужой личности рассматривается как грех против любви, против образа Божия в человеке, противен Духу и отгоняет Его. Отсюда совершенная чистота и полнота любви, как идеал христианина, и неизбежная строгая аскеза жизни, как необходимое и единственное средство в руках человеческой свободы для достижения этого идеала. Аскеза жизни может проявляться в различных видах и формах: от затвора и юродства до широчайшего служения любви, это зависит от индивидуальных качеств спасающегося христианина, но она должна быть целесообразна, способствовать переработке человеческого существа до идеала совершенной чистоты, возбуждать соответствующие мысли и

чувства в отношении к Богу. Христианство строго аскетично, т. е. оно требует постоянной, мучительно-страдальческой борьбы с живущим в самом человеке и окружающим его сном грехом, постоянного ограничения себя во имя обуздания греха и стяжания добра.

Таково участие христианской свободы в деле спасения. Самый высший ее подвиг – принести себя в жертву Христу и отречься от своего хотения во имя хотения и воли Христа. Предание себя во всецелую волю и помощь Божию, совершенное ненадеяние на личные силы, ожидание исцеления, обновления и просвещения от Духа Божия, несмолкаемый вопль о сем к Богу – вот тот конечный пункт, где свобода, принесенная в жертву, украшается победным венцом и ей вверяется полный талант благодати. Дух Святой соединяется с ней и вселяется в сердце человека. Такова, нам думается, тайна жизни христианской!

Это – прежде всего жизнь действенного богообщения, венчающаяся таинственным боговселением. Это жизнь строго индивидуальная и в своей индивидуальности широко любовная, идейно-церковная. Это жизнь строго аскетичная, неизменно целостная, постоянно направленная к одной определенной цели и на своем пути уничтожающая все то, что препятствует достижению ее вечного идеала...

Искать ли нам подтверждения высказанных мыслей в слове Божию и писаниях св. отцов? Кто хоть немного интересовался внутренней жизнью христианской, читал творения людей, живших этой благодатной жизнью и оставивших нам указания на то, как создавали они в себе духовную жизнь, тот знает отлично общую схему христианского спасения. Это – очищение сердца, труды и поты за радость богообщения, за жизнь в Боге. Это – борьба с грехом, трудничество в первой половине пути спасения и упоение в Боге, блаженное боговселение во второй и последней.

Христианство – единственная религия в мире, допускающая возможность жизненной проверки и осуществляющая то, что она обещает человеку. Она обещает Царство Божие внутрь, Духа Святого в сердца верующих – и Царство Божие воистину



приходит в сердце нудящего его, и Дух Святой вселяется в душу, уготованной для Него и обитает в ней.

Эта истина веры Христовой доступна самой строгой проверке, и она подтверждается опытом бесчисленного сонма людей, посвятивших Богу свою жизнь, она ярко запечатлена в устном и письменном церковном предании, ею живет вселенское церковное сознание.

«Кто старается уверовать и прийти ко Господу, – говорит Макарий Великий, – тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять ему Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь – Духа Святого. Ибо сказано: «Дондеже свет имате, веруйте во свет» (Ин. 12, 36), «Приидет ночь, егда не может делати» (Ин. 9, 4). Посему, если кто здесь не искал и не приял жизни душе, т. е. Божественного Света Духа, то он во время исшествия из тела отлучается уже на шую страну тьмы, не входя в Небесное Царство и в геенне имея конец с диаволом и ангелами его.

Как железо или свинец, золото или серебро, вложенные в огонь, теряют свойство жесткости, переменяясь в вещества мягкие и, пока бывают в огне, по силе огненной теплоты, расплавляются и изменяют естественную жесткость, таким же образом и душа, отрехшись от мира и возлюбив Единого Господа, с великим сердечным исканием, в труде, в подвиге, непрестанно ожидая Его с упованием и верою и прияв в себя оный небесный огонь Божества и любви Духа, действительно уже отрешается тогда от всякой мирской любви, освобождается от всякого вреда страсти, все отметае от себя, переменяет естественное свое качество и греховную свою жесткость, все почитает излишним, в едином Небесном Женихе, Которого приняла к себе, упокоивается горячей и несказанной любовью к Нему.

Ум и разумение христиан по общению и причастию Св. Духа достигают постоянства, твердости, безмятежия и покоя, не рассеиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами, но пребывают в мире Христовом и в любви Духа,

как и Господь, рассуждая о таковых, сказал, что прешли они от смерти в живот (Ин. 5, 24).

Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесной приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь – христианин. Для того было и пришествие Господне, чтобы истинно уверовавшие в Господа сподобились сих духовных благ.

Господь призывает человека к покою, говоря: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28). И те души, которые покоряются и приходят, Он упокоивает от тяжких, обременительных, нечистых помыслов и дел. Делаются они праздными от всякого беззакония, субботствуют субботу истинную, приятную и святую, празднуют духовный праздник неизглаголанной радости и веселия, совершают от чистого сердца служение чистое и благоугодное Богу.

И это есть истинная и светлая суббота!

Посему будем и мы умолять Бога, чтобы нам войти в покой сей, упраздниться от срамных, лукавых и суетных помышлений, прийти в возможность служить Богу от чистого сердца и праздновать праздник Духа Святого.

«И блажен, кто войдет в сей покой (Добротолулие. Т. 1)» (И. Гурий. Тайна христианской жизни. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1908).

Приведенные мною слова иеромонаха Гурия говорят о той именно «тайне христианской жизни», заключающейся в живой любви к Богу, в живом богообщении и боговселении, осуществляемых в недрах Святой Церкви благодатным действием Св. Духа, впечатлению и раскрытию которой в сердце верующего христианина посвящено и делание умной Иисусовой молитвы. Вот почему я и счел уместным заключить наши беседы этою именно статьею.

Иерей. Ваши слова совершенно меня успокаивают. Уезжая из Вашей обители, я уношу полное и ясное понятие об Иисусовой молитве, о ее значении и о ее необходимости в духовной жизни христианина, а также и о том, как нужно проходить эту молитву по учению и преданию св. отцов и

подвижников Православной Церкви, за что и приношу Вам мою искреннюю и глубокую благодарность не только от себя, но и от имени моих духовных детей!

## Заключительная беседа

Иерей. Я уже совсем собрался в дорогу, но почувствовал сильное желание еще раз зайти к Вам, поблагодарить Вас за Ваши назидательные беседы, открывшие мне сущность внутренней духовной жизни, и попросить Ваших святых молитв и напутственного благословения и, может быть, услышать Ваше последнее наставление, совет и указание, как мне, слабому и неопытному, сохранить в своей памяти, в сердце и в жизни полученные от Вас уроки. Я боюсь, что в сложной, суетной, мирской жизни я легко и скоро растеряю все то, что успел приобрести здесь, в Вашей святой обители.

Инок. Очень рад видеть Вас еще раз. Не смущайтесь и не падайте духом. Надейтесь на Господа. Он не оставит Вас и поможет Вам не только сохранить, но и возрастить, и умножить то доброе, что дала Вам наша обитель.

Со своей стороны позаботьтесь сохранить тот дух ревности по Богу, то горение сердца, которое Вы сейчас чувствуете в себе.

Иерей. Я был бы очень счастлив сохранить в себе горение духа по Богу, но боюсь, что это мне не удастся. Что я должен делать, чтобы не потерять его?

Инок. «Ревность по Богу рождается у нас в чувстве покаяния, возжигаемом в духе нашем благодатию Божиею ради духа сокрушенного и обета творить волю Божию: она-то и есть сила на творение заповедей Божиих, и только она одна и способна поднять на себя все это бремя... Дух ревности есть единственная для нас спасительная сила. Где он – там тщание, заботы, усердие, готовность, живость на дела, угодные Богу. Где нет его – там все прекращается и падает, нет жизни духа – он холодеет, замирает. Там пусть будет и творение дел добрых – они добры будут только по форме, а не по силе и духу. Это – тот огонь, который пришел возжечь на землю Господь наш Иисус Христос (Лк. 12, 49). Апостол заповедует духа не угашать (1Сол. 5, 19). У св. отцов это именуется разно: исканием,

предложением, усердием, тщанием, теплотою духа и горением, и просто ревностью» (Еп. Феофан. Путь ко спасению. С. 204).

Чтобы сохранить в себе дух ревности по Богу, необходимо от внешней жизни обратиться к внутренней, войти в себя, перевести свое сознание из области рассудка в область духа, из головы в сердце и там прочно утвердиться. Это есть исходная, начальная точка перехода к правильной духовной жизни. Раскрытию этого закона духовной жизни и всестороннему его освещению и были, в сущности, посвящены все наши предыдущие беседы. Только при этом постоянном внутри-пребывании и возможно сохранить в себе непрерывное горение духа и ревность по Богу. «Ревность, – пишет свт. Феофан, – должна сохраняться таким же путем, каким она родилась, а родилась она внутренним изменением сердца, под невидимым действием благодати Божией» (Там же. С. 205).

Учение о перемещении сознания из области ума в область духа и из головы в сердце совершенно чуждо современному научному сознанию. «Умовые люди (научники), – пишет свт. Феофан в одном из своих писем, – все в голове живут. Живут в голове и страдают непрестанным бурлением мыслей. Это бурление не дает вниманию стоять на едином. Не может ум стоять и на едином помышлении о Боге, пока он в голове. Все отбегает и отбегает. На этом основании желающим установиться в едином помышлении о Боге заповедуется оставить голову и низойти умом своим в сердце и там стоять вниманием неисходно. Только тогда, как ум сочетается с сердцем, можно ожидать успеха в памяти Божией. Извольте поставить себе целью достижение сего и начинайте движение к сей цели. Не думайте, что это труд непосильный, но и того не думайте, что это так легко, что стоит только захотеть, как и дело тут».

«Ум, как только получит свободу, тотчас начнет блуждать и шататься по миру. Надобно приучить его сидеть дома, – и не только дома сидеть, но и стоять неотходно пред Богом. Вот ежели и в этом успеете, то память Божия явится у Вас водруженною в уме и сердце, – Вы начнете ходить неотступно в присутствии Божию, с достодолжным благоговейством, вступите в атмосферу духовную, где легко будет Вам и дышать

и летать. ...Прежде чем блюсти стояние в сердце, надобно стать там. Вы большею частью живете в голове, а в сердце сходите лишь тогда, когда головная работа возбудит какое-либо чувство. А надо, наоборот, в сердце быть неотходно, а голову совсем бросить, если встретится нужда, по потребности жизни духовной, поработать умом, то пусть он тогда работает, сидя в сердце».

Так пишет свт. Феофан о необходимости для правильной духовной жизни перемещения сознания и внимания из головы в сердце, как в центр духовной, а не одной только рассудочной, жизни. То же самое пишет и свт. Игнатий Брянчанинов, как это видно из наших предыдущих бесед. То же самое говорит и древний отец Церкви, свт. Григорий Палама, архиепископ Солунский. Вот его собственные слова о внутри-пребывании и об отношении ума к сердцу:

«Умом называется и деятельность ума, состоящая в мыслях и разумениях, ум есть и производящая сие сила, называемая в Писании еще и сердцем. По сей силе ума, главнейшей между нашими силами, сущая в нас душа есть мысляща» (О молитве и чистоте сердца. Добротолюбие. Т. 5. С. 301).

«Некоторые говорят, что мы худо делаем, стараясь ум свой заключать внутрь тела, ибо, говорят, гораздо нужнее и полезнее всячески простирать его во вне тела... Брате! Не слышишь, как говорит апостол, что телеса наши храм живущаго в нас Святаго Духа суть (1Кор. 6, 19), – и опять, что мы храм Божий есмы (1Кор. 3, 16), как и Бог говорит: «Вселюся в них и похожду, и буду им Бог» (2Кор. 6, 16)? Что же сподобилось быть жилищем Бога, в то вселить ум свой кто из имеющих ум сочтет чем-либо неподобным? Как и Бог в начале вселил ум в тело? Ужели и Он худо сделал? Такие слова, брате, прилично обратить к еретикам, кои говорят, что тело зло и есть творение злого начала. Мы же быть уму в телесных мудрованиях почитаем злом, а в теле ему быть не почитаем злом, так как тело не зло... Если апостол и называет тело смертию, когда говорит: «Кто мя избавит от тела смерти сея» (Рим. 7, 24), – то разумеет при сем чувственное и плотское мудрование. Применяя сие последнее к

духовному, он справедливо назвал его телом, и не просто телом, но смертью тела... Итак, зло то, что не ум, а этот закон, сущий во удех наших и противувоюющий закону ума, живет в теле (Рим. 7, 23). Почему мы, противувоюя сему закону греха, изгоняем, его из тела и поселяем там ум, как епископа (над всем надзирающего и всем заправляющего), и через него полагаем законы каждой силе души и каждому из членов тела подобающее ему. Чувствам предписываем, что и в какой мере должно им воспринимать, – каковое дело закона именуется воздержанием; желательную часть души настраиваем наилучшим расположением, коему имя любовь; мысленную часть улучшаем, отгоняя все, что препятствует уму возноситься к Богу, – и сию частичку закона духовного называем трезвением...

Итак, если и мы будем держать ум свой внутри тела, ужели будем делать нечто недостойное величия ума? И кто скажет это, кроме разве того, кто совсем не духовен и ум имеет обнаженный от Божественной благодати?..

Душа наша одарена многими силами и пользуется, как орудием, телом, ею оживляемым. Каким же органом, как орудием, пользуется в своей деятельности та сила ее, которую мы называем умом? Никто никогда не думал, чтобы ум обитал в ногтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но все согласны, что он внутри нас есть. Расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо одни водворяют его в мозгу, как в некоем акрополе, другие дают ему седалище в сердцевине сердца. С последними и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как нетелесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от человеков сему научены быв, но от Самого Создателя человека, Который говорит в Евангелии: «Не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека. От сердца бо исходят помышления...» (Мф. 15, 11, 19). То же говорит и Макарий Великий: «Сердце правит всем органом, и, когда благодать займет все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там

ум и все помыслы душевные». Итак, сердце есть сокровенная хранилища ума и первый плотской орган мыслительной силы. Почему, стараясь в тщательном трезвении надзирать над нашею мыслительною силою, ею право править и ее исправлять, каким другим способом можем мы успеть в сем, как не собрав от вне рассеянный чувствами ум и введши его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов? Чего ради и блж. Макарий, немного ниже после приведенных выше слов, говорит: «Там убо должно смотреть, написала ли благодать законы духа». Где там? – В главном органе, где престол благодати, и где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце. Видишь, как необходимо для тех, кои положили внимать себе в безмолвии, возвращать и заключать ум в теле, наипаче же в том, которое есть внутреннейшее в теле тело, которое мы называем сердцем. Ибо если, по псалмопевцу, вся слава дочери царицы внутрь (Пс. 44, 14), то зачем нам искать ее где-либо вне? Если, по апостолу, посла Бог Духа Своего в сердца наша, вопиющая: Авва Отче (Гал. 4, 6), то как нам не в сердцах молиться с Духом сим? Если, по слову Господа, пророков и апостолов, Царствие Божие внутрь нас есть (Лк. 17, 21), то не будет ли вне Царствия Небесного тот, кто так усердно старается изгнать ум из внутрь себя во вне?» Таково свидетельство свт. Григория Паламы.

Обратимся снова к свт. Феофану. Он пишет: «Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда, в одну точку, все силы души и тела. Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением. Сие ощущение и есть начало будущей теплоты. Ощущение сие, сначала легкое, все усиливается, крепнет, углубляется и из холодного, каково оно в начале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание, порождает теплоту в сердце. Теплота же сия затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно, ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание».

Более подробно говорит о внутри-пребывании свт. Феофан в своей книге «Путь ко спасению».



«Когда Божественная благодать воздействует на человека в сердце его, тогда дух его проникает туда своим сознанием, а за ним и все силы души и тела. Отсюда – закон для внутри-пребывания: держи сознание свое в сердце и собирай туда напряжением все силы души и тела. Внутри-пребывание собственно есть заключение сознания в сердце, напряженное же собрание туда сил души и тела есть существенное средство, или делание, подвиг. Впрочем, они взаимно друг друга рождают и предполагают, так что одно без другого не бывает. Кто заключен в сердце, тот собран, а кто собран, тот в сердце. Около сознания в сердце должно собираться всеми силами: и умом, и волею, и чувством. Собрание ума в сердце есть внимание, собрание воли – бодренность, собрание чувства – трезвение. Внимание, бодренность, трезвение – три внутренних делания, коими совершается самособрание и действует внутри-пребывание. У кого есть они, и притом все, тот – внутри, у кого нет, и притом хоть одного, тот – вне. Вслед за такими деланиями душевными, туда же должны направляться и телесные, им соответствующие, органы: так, за вниманием – обращение внутрь очей, за бодренностью – напряжение мускулов во всем теле, в направлениях к персям, за трезвенностью – оттеснение мокротных, как выражается Никифор, каких-то расслабляющих движений, подходящих к сердцу из нижних частей тела, подавление услаждения и покоя плоти. Такие телесные делания, действуя неразлучно с душевными, суть самые сильные, помогающие тем душевным средствам, без коих им и быть нельзя. Итак, все делание внутри-пребывания чрез самособрание состоит в следующем. В первую минуту по пробуждении от сна, как только сознаешь себя, низойди внутрь к сердцу, в эти перси телесные, вслед за тем созывай, привлекай, напрягай туда и все душевные и телесные силы, вниманием ума, с обращением туда очей, бодренностью воли, с напряжением мускулов и трезвением чувства, с подавлением услаждения и покоя плоти, и делай это до тех пор, пока сознание не установится там, как на своем месте-седалище, не прилепится, не привяжется, как липкое что-либо к крепкой стене, и потом пребывай там неисходно, пока

пользуешься сознанием, часто повторяя то же делание самособрания и для возобновления его, и для укрепления, потому что оно поминутно то расслабляется, то нарушается.

Надобно знать, что это внутрь-пребывание и собрание не то же, что углубление при размышлении, или дума (от слова – задумываться), хотя много походит на него. Последнее стоит только в исходище ума, оставляя другие силы незанятыми, и держится в голове, а то стоит в сердце, в исходище всех движений, ниже и глубже всего, что в нас есть и бывает или происходит, так, что все это бывает уже поверх его, пред его глазами, и то позволяется, то запрещается.

Отсюда само собою очевидно, что внутрь-пребывание есть, в истинном своем виде, условие истинного господства человека над собою, следовательно, истинной свободы и разумности, а потому и истинно-духовной жизни. Это подобно тому, как во внешнем мире владетелем города считается тот, кто занимает крепость. Потому всякое духовное делание и всякий вообще подвиг должен быть совершаем отсюда, иначе он – не духовен, ниже подвижничества и должен быть отменяем. «Царствие Божие внутрь вас есть», – говорит Господь и потом для одного духовного делания заповедал: «Вниди в клеть твою и затвори двери...» Это – клеть сердца по разумению всех св. отцов. По сей-то причине человек духовный, спасающийся, подвизающийся и называется внутренним.

Что собрание внутрь есть приспособленнейшее средство к хранению ревности, это сейчас видно: 1) собранный должен гореть, ибо собирает все силы воедино, подобно, как лучи рассеянные, будучи собраны в одну точку, обнаруживают сильный жар и зажигают. И действительно, с собранием всегда соединена теплота: дух здесь видится сам с собою, как говорит Никифор, и играет от радости. 2) Собранный силен, подобно войску устроенному, или пуку слабых тростей связанных. Оно, подобно препоясанию чресл, означает готовность и силу действовать. Несобранный всегда слаб и или падает, или не делает. 3) Собранный зрит все в себе. Кто в центре, зрит по всем радиусам, все видит в круге ровно и как бы в один раз, а выступивший из центра видит по направлению одного только

радиуса, точно так и тот, кто собран внутрь, видит все движения своих сил, – видит и управлять может. Горение же духа – сила и зрячесть и составляют истинный дух ревности, который из них складывается. Потому следует сказать: только будь внутрь и не перестанешь ревновать.

Так-то значительно внутрь-пребывание! Значит, должно потрудиться, чтобы стяжать его, ибо и оно не вдруг оказывается, а по времени и многом искании. На первом месте оно поставляется потому, что есть условие духовной жизни. Его совершенствование зависит от совершенства трех производящих его душевных и трех телесных деланий, именно: внимания ума с обращением внутрь очей, бодренности воли с напряжением тела и трезвения сердца с отбиванием услаждения и покоя плоти. В полном же свете явится тогда, когда будет стяжена чистота ума от помыслов, чистота воли от пожеланий, чистота сердца от пристрастий и страстей. Но и до того времени оно все же есть внутрь-пребывание, хотя несовершенное, незрелое, не непрерывное» (Путь ко спасению. С. 205–209).

«...Вот почему в наставлениях св. отцов внутренняя жизнь всегда поставляется в неразрывной связи с подвижнической бранию. Однако же собрание не то же, что брань. Это особое делание духовное, начальнейшее. Оно есть место, где все духовное делается: и брань, и чтение, и богомыслие, и молитва. Что ни делал бы подвижающийся, прежде всего войди внутрь и оттуда действуй» (Там же. С. 209).

Для низведения ума в сердце и для соединения ума с сердцем древние отцы рекомендовали и некоторые физические методы, например, сведение ума в сердце путем дыхания, или сидение на маленьком стульце, прижав голову к груди, пригнувшись к коленам и сдерживая дыхание. Об этих приемах свт. Феофан пишет так: «Сведением ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием или где сердце, а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай как знаешь, только установись в сердце».

И еще: «Другие делали так: сядет на маленькое стульце, что под ноги подставляют, прижмет голову к груди, пригнет к коленам и дышит: одну половину молитвы (Иисусовой) говорит вдыхая воздух, а другую – выдыхая... Трудясь так, навикают молитве, а потом и другим советуют то же... И пусть! Только бы не думали, что в этом все дело и есть... Но это все и подобное сему – не дело, а приделки. Дело: стать умом в сердце пред лицом Господа и говорить Ему молитву».

«Художественный образ молитвенного делания имеет не существенное, но вспомогательное значение. У отцов Церкви он изображается как внешнее пособие и подчиняется внутреннему деланию. Неопытные подвижники усвоят только внешнюю сторону, не радя о внутренней. Чуть-чуть появится какое теплое движение в сердце, они решают: вот дал Бог... и предаются мечтаниям о себе... От сего преуспевания внутренней молитвы прекращается, и они остаются с одним внешним деланием. И духовная жизнь перестает».

Заблуждение происходит прежде всего от неяснения сущности делания и от ложной мысли, служащей основанием всех заблуждений. Например, иные ревнители внутреннего делания по своей неопытности, а иногда и по невежеству, не понимая того, что ум есть духовная сила и пользуется сердцем как своим органом, рассматривают ум как некоторый материальный предмет, который путем дыхания надо перенести в сердце, причем и самое сердце они представляют себе, как некоторый сосуд или пузырь, в который можно посадить ум.

Одного этого неправильного мнения достаточно, чтобы сделать бесплодным весь их молитвенный труд. Многие трудились многие годы, и все было напрасно. Мало того – ум нисходил ниже сердца и вызывал там известные нежелательные ощущения или же у иных нисходил в чресла, и они, воображая, что их ум находится как бы в содержащем его сосуде или пузыре, полагали, что это и есть то, чего они искали, т. е. благодатная молитва, при которой бесы уже не смеют приблизиться, ибо их опаляет Иисусова молитва, а между тем в таком их состоянии только повторялись слова молитвы, без мысли и чувства и даже без памяти Божией. Бог же мнился где-

то далеко на небе. У других вместо соединения ума с сердцем происходило извержение из себя, исход в чувства. И все это зависело от основной неправильной мысли, что ум можно усадить в сердце, как в некотором сосуде, вопреки вышеприведенному разъяснению св. Григория Паламы об истинном взаимоотношении ума и сердца.

Правильная установка ума в сердце, сопровождаемая горением духа и ревностью по Богу, является и возможностью, и основанием, и условием правильного и успешного подвижничества, т. е. борьбы и победы над страстями и их источниками, и на это должен обратить внимание каждый делатель умной молитвы. Я хочу сказать Вам и об этом несколько слов в этой нашей последней, напутственной беседе. Первая наша победа над собою заключается в переломе воли, в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Наше внутреннейшее является исходною точкою как нашей положительной деятельности, так и нашей брани со страстями. Сознание и произволение, переходя на сторону добра, с возлюблением его, поражает ненавистию всякое зло и всю страстность, и притом именно свою. В этом собственно и состоит переход, перелом. Этим, однако же, не утверждается, будто вся сила победы от нас, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть наш восстановленный дух, сила же победительная и разрушительная для страстей есть благодать... Борющийся с воплем повергает себя Богу, жалуясь на врагов и ненавидя их, и Бог в нем и через него прогоняет их и поражает. «Дерзайте, – говорит Господь, – яко Аз победих мир» (Ин. 16, 33). «Вся могу о укрепляющем мя Христе», – исповедует апостол (Флп. 4, 13).

Человек весь страстен до обращения. По обращении дух, исполнясь ревности, является чистым. Душа же и тело остаются страстными. Когда начнется их очищение и врачевание, они упорствуют и восстают за свою жизнь на гонящий их дух. Эти восстания совершаются более через телесные и душевные силы и поражают дух, поколику им усвоятся эти силы. Но бывают движения, прямо устремленные на дух.

Свт. Феофан следующим образом перечисляет страсти, восстающие на подвижника: 1) в теле источник их начало – плотоугодие, или упокоение плоти, где это есть, там есть похоть блудная, чревоугодие, сластолюбие, леность, изнеженность, блуждание чувств, говорливость, рассеянность, непоседность, вольность во всем, смехотворство, празднословие, сонливость, жажда приятного и всякого рода творения угодия плоти в похоти; 2) в душе: а) в умственной части – своеумие, вера в свой только ум, прекословие, восстание на ум Божий, сомнение, надмение и кичение, пытливость, расхищение ума, блуждание помыслов, б) в части желательной – своеволие, непокорливость, властолюбие, жестокость, самонадеянность, себеприсвоение, неблагодарность, любообладание, лихоимание, в) в части чувствующей – потрясающие покой и мир сердца страсти: гнев, зависть, ненависть, злоба, месть, осуждение, презорство, славолубие, тщеславие, гордость, тоска, печаль, скорби, уныние, страхи, надежды, ожидания» (Путь ко спасению. С. 269).

«Все это – в душе и теле. Но и дух оживший или, лучше, оживающий, не свободен от приражений, которые тем опаснее, что касаются исходища жизни и нередко бывают не замечаемы, по своей тонкости и глубине. И здесь, так же, как в душе и теле, против всего состава духовной жизни внутренней есть противный ряд движений и состояний, отгоняющий и заслоняющий его. Так, часто бывает, вместо внутри-пребывания и собранности – извержение из себя, исход в чувства; вместо трех актов внутри-пребывания: внимания, бодренности и трезвения – расхищение ума, внутреннее смятение, суета, ослаба, льгота, опущение себя, вольность, дерзость, плен, пристрастие, уязвление сердца, вместо познания духовного мира – забвение Бога, смерти, суда, всего духовного.

Как главное в духе – сознание, зиждимое внутри пребыванием, то когда оно падает, падает и жизнедеятельность. От этого восстает вместо страха Божия и чувства зависимости от Него, бесстрашие, вместо избрания и дорожения духовным – равнодушие к нему, вместо отрешения от всего – себя упокоение (что себя нудить!), вместо познания греховности –

стояние в прелести и мнении, вместо покаянных чувств – нечувствие, окаменение сердца, вместо веры в Господа – самооправдание, вместо ревности – охлаждение, вялость, невозбуждение и вместо преданности Богу – самоделание...» (Там же. С. 270–271).

Вот полчища каждоминутно готовых погасить нашу новую жизнь восстаний греха. Человек ходит по земле существа своего, как по трясине, готовый в каждое мгновение провалиться.

Все сии неправые движения (внутри человека) не так были бы свирепы, если бы не вспомоществуемы были соседствующими им родителями их – миром и бесами.

Мир есть осуществленный мир страстей, или ходячие страсти в лицах, обычаях, делах. Прикасаясь к нему какою-нибудь частию, нельзя не растревожить и соответственной в себе раны, или страсти, по сходству их и подобонастроению. И бесы, как источники всякого зла, своими полчищами всюду окружая людей, научают их на самый грех, действуя через плоть, особенно чувства и ту стихию, в коей душа и самые бесы. Потому-то всякую страсть и, всякое восстание греховное можно относить к ним, как к причине. Но есть нечто в греховном круге, что бесы только одни и могут навеять, к чему, при всей порче, естество представляется не способным: так, помыслы хульные – сомнения, неверия, необыкновенного отвращения, омрачение, разного рода прелести и, вообще, искушения страстные, дмящиеся – неукротимая блудная страсть, досмертная и упорная ненависть и проч. Кроме сих невидимых борений от бесов, есть нападения от них видимые, осязаемые: разного рода привидения, простирающиеся даже до власти их над телом.

Вот все, восстающее на нового человека внутрь и вне» (Там же. С. 272).

Я перечислил Вам многообразные виды брани от страстей и бесов, постигающие человека. Сейчас не время указывать Вам правила брани. Вы их найдете в книгах свт. Феофана: «Путь ко спасению», «Невидимая брань» и др. Но главное условие успешности брани Вам известно. Это – внутрь-пребывание с

молитвою ко Христу в сердце, от чего рождается горение духа и ревность по Богу. Раскрытию этой истины были посвящены все наши беседы. Сказанное ранее я кратко повторил в последней нашей беседе. Еще же короче главную мысль наших бесед можно выразить словами блж. Филофея, игумена Синайского: «С утра мужественно и неотступно стань у дверей сердца, с крепкою памятью о Боге и непрестанною в душе Иисус-Христовою молитвою, и сею мысленною стражею посекай главы сильных и брань воздвигающих помыслов». Вот Вам и все мое напутственное наставление. Держитесь его крепко, и Господь Вас не оставит! Грядите с миром!

Да хвалится со мною славою Бог, всех Создатель!

---



## Примечания

<sup>1</sup> - \* Прп. Нил Сорский, русский подвижник XV в. несколько лет странствовавший по Востоку, по афонским и константинопольским монастырям, возвратившись в Россию, явился здесь насадителем умного делания и скитского монашеского жительства в духе строгого нестяжательства. Он написал книгу об умном делании «Предание учеником своим о жительстве скитском», которая рекомендуется наставниками умной молитвы как необходимое пособие для новоначальных. Написана она по-церковнославянски, но имеется подробное ее изложение на русском языке: Еп. Иустин. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни. М., 1902.

<sup>2</sup> - \*\* Во времена старца Паисия особенным хулителем умной молитвы явился некоторый суетный философ-монах, пребывавший в Мошенских горах в Молдавии. Против него в особенности и написан этот «Свиток», как назвал старец Паисий свою статью.